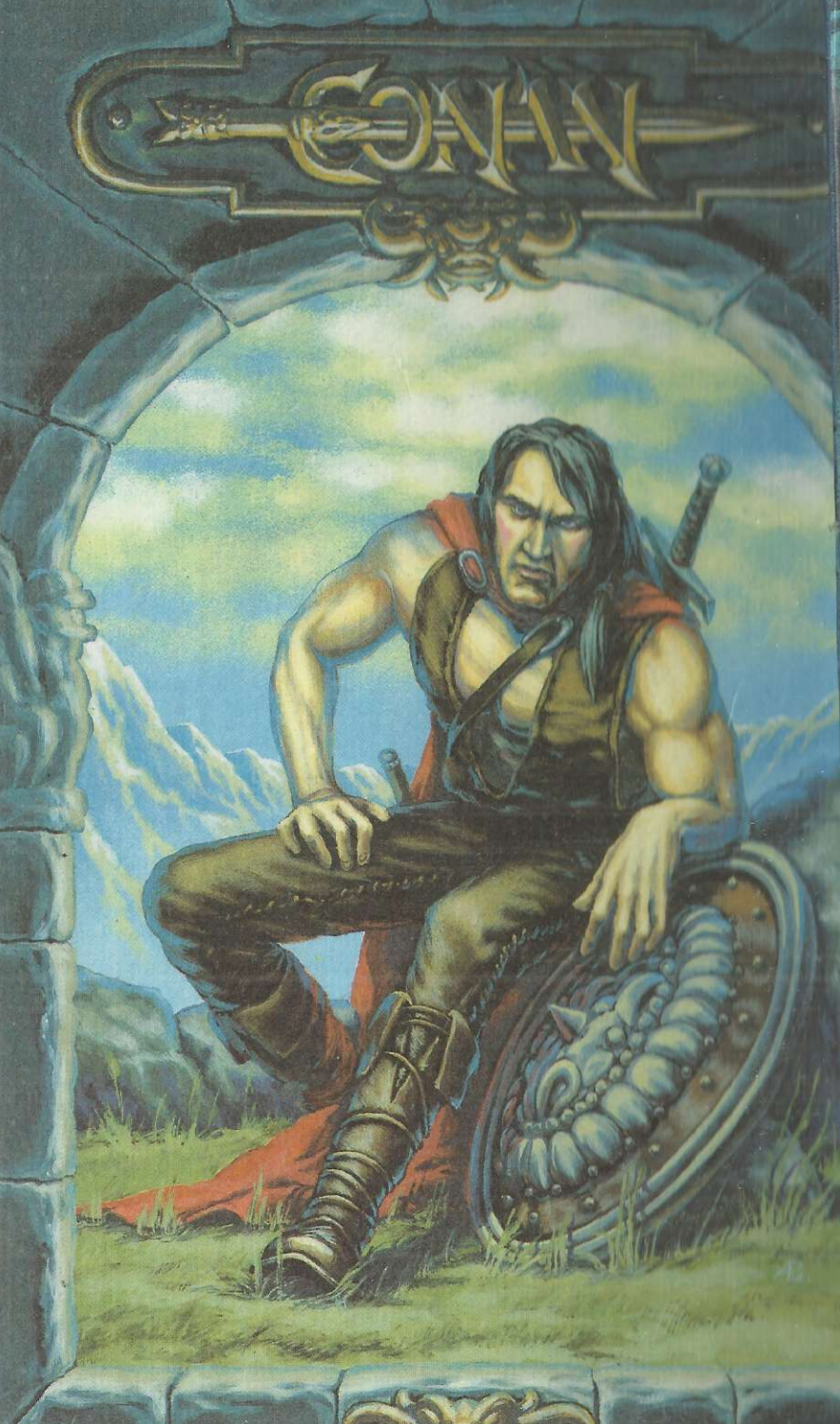
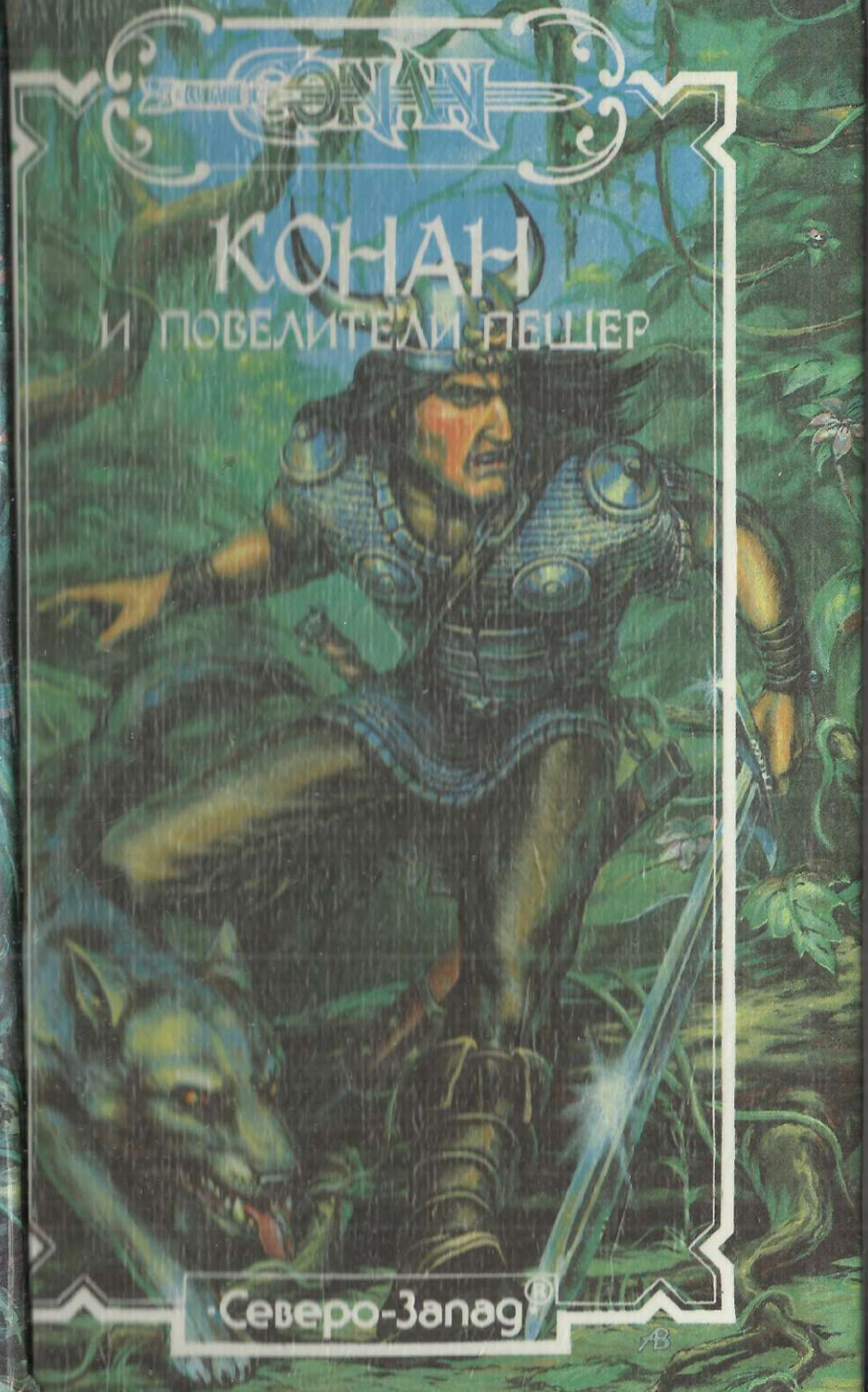

fantasy

5

КОНАН

КОНАН

И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР

Северо-Запад®

К64 **Конан и Повелители пещер:** Романы, новеллы/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 479 с. ISBN 5-8352-0129-X

«Конан и Повелители пещер» — пятая книга из саги о Конане-варваре. Это продолжение романа «Конан бросает вызов». Читатель вновь встретится со знаменитыми героями — Конаном-киммерийцем, его подругой Элаши, монахами Суддах-Облата и другими.

Конан, волею судьбы, попадает в подземный мир, где становится участником грандиозного сражения подземных жителей — циклопов, гигантских червей, летучих мышей — против власти злого колдуна и бесноватой ведьмы...

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

- © Чех А., Кравцова Е., Циммерман А., перевод, 1993
- © Издательство «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993
- ® ~~Северо-Запад~~. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0129-X

Глава первая

Н а открытой всем ветрам вершине темнела груда камней. Некогда здесь был поставлен межевой столб, извещавший спутников о том, что в этом месте сходятся земли Бритунии, Коринфии и Заморы, но за несколько веков ветер и солнце обратили столб в ничто. Впрочем, путники сюда забредали достаточно редко, а одинокая вершина и без того была заметным ориентиром.

По узкой припорошенной снегом тропке, проходившей по самому гребню, шли двое — мужчина и женщина. Они о чем-то спорили.

— Разве мы не видели коней? — спрашивала женщина. — Или об этом я должна заботиться?

Эта полногрудая женщина, предки которой жили в Хауранских пустынях, была молода и красива. Элаши — так звали ее — было не привыкать к походной жизни — в силе и выносливости она ничуть не уступала мужчинам. На плечи ее был наброшен тяжелый плащ, из-под которого виднелись толстая шерстяная рубаша и длинная юбка; обута же она была в высокие сапоги из мягкой кожи. На левом боку покачивалась короткая кривая сабля.

— Коня! Да эти кони давно бы уже издохли! — усмехнулся ее путник. — Пешком-то оно вернее будет.

Мужчина тоже был молод. Он был высок и на удивление широк в плечах. Подбородок его был гладко выбрит, черные как смоль волосы коротко острижены. Голубые глаза его будто бы горели ярким пламенем. Звали этого человека Конан. Он происходил из сурового племени горных киммерийцев, чьи студеные земли лежали далеко на севере. Он тоже был одет по-зимнему — тяжелые сапоги, теплый плащ, шерстяные рубаха и штаны. Висевшие на его поясе ножны скрывали огромный, острый как бритва меч из вороненой стали.

— Скажешь тоже! — не унималась Элаши. — Никак не могу взять в толк — и на что ты только годен, чурбан неотесанный!

Конан покачал головой. С тех пор, как он встретил Элаши в храме Послушников Суддаха, скучать ему не приходилось. Сначала им довелось встретиться с красавицей зомби, затем пришлось сражаться со слепыми слугами колдуна и его неуязвимыми созданиями. Смерть поджидала на каждом шагу.

Вот уже не одну ночь спутники делили ложе, однако на отношении Элаши к киммерийцу это никак не сказалось — то и дело она начинала корить Конана, обвиняя его во всех мыслимых и немыслимых грехах.

Конан кашлянул и, ухмыльнувшись, заметил:

— По ночам ты что-то на меня не жалуешься.

Элаши на миг застыла, но тут же ответила Конану деланой улыбкой.

— Спорить не стану, — с трудом выдавила она. — Но если бы мы ехали верхом, сил у нас было бы побольше.

— Не знаю. Чем-чем, а бессилием я пока не страдаю, — ответил киммериец. — И вообще, зачем ты говоришь о том, чего нет, — с тем же успехом ты могла бы желать царства или дворец из золота...

— Ты, ты — ты чурбан грязный!

Конан ухмыльнулся. После того, как он убил чародея Нега Злокозненного, он и Элаши решили странст-

вовать вместе, пока их пути не разойдутся. Конан держал путь в известный своими роскошью и беспутством заморский город Шадизар, намереваясь заняться там воровским промыслом; Элаши, в свою очередь, направлялась еще дальше на юг — в свой родной Хауран. Прямого пути туда не было — вначале путники должны были идти по дорогам Коринфии, и только через несколько дней они могли повернуть на юг и вновь вступить на заморанскую землю. Тропа, по которой они сейчас шли, вела на запад.

По дороге они могли встретить какую-нибудь деревушку или городок, где киммериец смог бы поупражняться в воровстве. Разживись Конан серебром, и он купил бы пару жеребцов — для себя и для Элаши. Ее постоянное ворчание уже начинало действовать ему на нервы.

Земля была укрыта толстым слоем снега, тропинка, однако, была хорошо утоптана. Погода стояла морозная и ясная, на голубом небе — ни облачка. Конану нравились такие места. Город городом, а такой чистоты, как в горах, не сыщешь нигде. Если бы можно было как-то совместить одно и другое... Но увы, на горных тропах не встретишь ни жаркого, ни вина, ни женщин. Бог киммерийцев Кром жил в чреве горы, но он не требовал от людей того же — и слава богу...

Вдруг Конан услышал какие-то звуки.

Они были еле слышны, любой сколь угодно многоопытный путник принял бы их за шелест листвы на ветру или за звук осыпающихся под ногами невидимого зверька камешков. Любой, но только не Конан. Огромный киммериец замер и стал напряженно вслушиваться.

— Что это ты?

Конан жестом призвал Элаши к молчанию. Через мгновение он еле слышно прошептал:

— Кто-то поджидает нас за тем валуном.

Элаши посмотрела на камень размером с дом, на который указывал Конан.

— Я ничего там не вижу, — прошептала Элаши.

— Я слышал какие-то звуки, — стоял на своем Конан.

— А я ничего не слышала. Не забывай, что я выросла в пустыне, — это кое-что да значит.

Забуть об этом было невозможно. Не было ни дня, чтобы Элаши хотя бы раз не напомнила ему об этом.

— Значит, ты давно не чистила уши. Я слышал чей-то кашель.

Элаши смерила киммерийца таким взглядом, что обладай этот взгляд плотностью, от Конана осталась бы разве что лужа крови.

— Слушай, ты...

— Хватит болтать, — оборвал ее киммериец, вынимая меч из ножен, — я чувствую, что мы в опасности.

Элаши молча кивнула. Она знала киммерийца не один день, и за это время уже не раз убеждалась в том, что этот варвар действительно много чувствительней обычных людей. Взявшись рукой за эфес сабли, она тихо спросила:

— Что же мы будем делать?

— Ты пойдешь вокруг камня, а я — прямо по тропе. Я отвлеку от тебя внимание, и ты сможешь зайти с тыла.

— Ни за что! — зашипела Элаши. — Ты хочешь отвести от меня опасность только потому, что я женщина! Не забывай, какой я крови!

Конан усталился на нее так, словно у Элаши вдруг выросли крылья. Он был достаточно молод и все же считал, что жизнь кое-чему его уже научила. Единственное, чего он действительно не понимал, так это женщин и всего, что с ними связано. «Впрочем, — подумал киммериец, — говорят, их не способен понять никто».

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я пойду кругом, а ты направишься напрямиком к тем, кто затаился за камнем.

— На том и порешим, — ответила Элаши, лучезарно улыбаясь.

Но уже в следующий миг улыбка ее померкла, и женщина посмотрела на Конана с подозрением.

— Ты что — хочешь, чтобы меня не стало? — Ее голос задрожал от негодования. Она вела себя так, словно киммериец только что нанес ей смертельное оскорбление.

Конан пожал плечами и принялся разглядывать горы. Как знать, быть может, где-то там притаился коварный демон, пытающийся околдовать его... Но чего же в конце концов хочет от него Элаши? Что ты ей возразишь, что ты с ней согласишься, все одно — она будет с тобой спорить. Кром! Конан почувствовал, как в нем начинает закипать кровь.

Пытаясь говорить спокойно, он обратился к своей спутнице:

— Хорошо. Тогда скажи — как мы должны поступить?

— Прошу не говорить со мной таким тоном, — холодно ответила Элаши.

Конан почувствовал собственную беспомощность. Она, конечно, красавица — ничего не скажешь, да вот только во всем остальном...

— Ты пойдешь по тропе и отвлечешь на себя внимание тех, кто прячется за камнем, — зашептала Элаши. — Я же пойду вокруг и зайду к ним с тыла. Так я смогу застать их врасплох, ты понимаешь?

Конан смотрел на нее едва ли не испуганно. Он совершенно лишился дара речи.

— По-моему, мой план лучше, ты не находишь? — спросила Элаши ангельским голоском.

«Нет, нет, тут сомнений быть не может, — подумал Конан, — видно, я чем-то прогневал богов, иначе откуда бы взялся такой напасти?» Постояв мгновение, он без лишних слов стал спускаться по тропе.

Что бы или кто бы ни скрывался за валуном, Конан им теперь не завидовал.

Обогнув камень, Конан оказался лицом к лицу с неприятелем. Прямо перед ним стояло пятеро низкорослых коренастых воинов, одетых в кожаные поскри-

пывающие на морозе доспехи. В руках воины сжимали остроконечные пики. За их спинами на вороном жеребце восседало нечто весьма странное. На плечи диковинного всадника была наброшена тяжелая накидка, он был одет в шерстяную рубаху и кожаные штаны. Его рука, одетая в перчатку, сжимала эфес тонкого длинного меча, лежавшего поперек седла.

Вид всадника потряс Конана.

Судя по платью и осанке, перед ним был мужчина, однако лицом всадник скорее походил на женщину, об этом говорили не только нежные черты — на веки его были положены голубоватые тени, брови были аккуратно выщипаны и подведены углем, губы же — ярко накрашены. Рыжеватые волосы всадника были коротко подрезаны и завиты. Из-под накидки ясно вырисовывалась грудь, которая могла принадлежать только женщине, хотя во всем прочем тело выглядело явно мужским.

Размышления киммерийца были прерваны самим всадником.

— Отдай мне свое сокровище! — прорычал всадник басом. Странно было слышать этот голос, слетавший с нежных уст.

— Что я должен отдать? — спросил Конан. — Ты что — ослеп? Разве я похож на купца? У меня нет ничего, кроме того, что ты видишь.

— Я хочу, чтобы ты отдал мне свой меч, — ответил всадник.

В этот миг за спинами недругов появилась фигурка Элаши — она стояла на камне у них над головами.

Взмахнув пару раз мечом, чтобы хоть немного размять плечо, Конан взял рукоять в обе руки и нацелился острием клинка в глотку ближайшему воину — этому приему он научился у учителя фехтования в храме Послушников Суддаха.

— Вряд ли я тебе его отдам, — сказал киммериец, растягивая слова.

Воин, стоявший против него, нервно сглотнул.

— Не валяй дурака, — сказал всадник. — Нас шестеро, а ты один. Давай сюда меч и иди куда глаза глядят. Иначе мои люди убьют тебя.

— Странное дело — тебе так понравился мой меч, что тебе не жалко заплатить за него жизнью своих людей. То ли ты своих воинов и в грош не ставишь, то ли на уме у тебя что-то иное.

Женоподобный всадник захохотал.

— А ты, дикарь, совсем не глуп!

Элаши, так и стоявшая на валуне, положила саблю у ног и подняла большой, размером с человеческую голову, камень.

Предводитель разбойников слегка наклонился в седле. Скрип кожи казался неестественно громким.

— Хорошо. Тогда придется прибегнуть к силе. Взять его!

В тот же миг Элаши бросила камень вниз. Фехтовала эта жительница пустынь неважно, да и говорила она много лишнего, но камни бросать она умела — бульжник угодил в голову одному из воинов, и тот рухнул наземь как подкошенный.

Воины разом обернулись, пытаясь найти взглядом нового противника. Вороной жеребец храпя попятился назад, к валуну. Не успел его седок поднять глаза, как Элаши с криком бросилась ему на спину.

Воспользовавшись минутным замешательством, Конан с неожиданным для его большого тела проворством метнулся вперед и взмахнул мечом. Второй воин отправился вслед за первым в скорбные Серые Земли или даже в саму Геенну.

Элаши и всадник свалились с коня. Конан успел заметить, как таинственный злодей вскочил на ноги и страхнул с себя Элаши так, как терьер сбрасывает с себя вцепившуюся в его шкуру крысу. Элаши откатилась в сторону, не выпуская из рук клинка.

Пока все шло как нельзя лучше. Элаши отвлекла на себя внимание противника. Растерявшиеся воины не могли оказать Конану настоящего сопротивления; помимо прочего, киммериец стоял слишком близко к

ним для того, чтобы они могли использовать против него свое оружие. Киммериец вихрем метался меж ними, круша своим страшным мечом и древка пик и тела воинов. Враги так и не успели прийти в себя — теперь в живых оставались только всадник и один из его воинов.

Воин считал за лучшее ретироваться — отбросив пику в сторону, он стремглав понесся прочь. Конан хотел было использовать пику как копье, но тут же решил, что ему скорее следует заняться предводителем разбойников. Однако, обернувшись, он увидел, что тот вновь оседлал своего коня. Приподнявшись в седле, злодей вонзил каблуки в бока своего скакуна, направив его прямо на Конана.

Киммериец отскочил в сторону и взмахнул мечом. Однако неприятель оказался куда проворнее, чем Конан ожидал, — меч со свистом рассек воздух, даже не оцарапав врага. Замах был так силен, что Конан, не удержавшись на ногах, свалился наземь. Когда же он вновь поднялся на ноги, конь уже унес своего седока так далеко, что о погоне не могло быть и речи.

Конан угрюмо смотрел на удалявшиеся фигурки воина и всадника. Последний на миг остановился и прокричал:

— Погоди, варвар, этот меч все равно будет моим!

Конан покачал головой. Этот странный тип минуту назад едва не погиб, но все равно продолжает твердить о мече. Клинок у Конана и в самом деле был знатный, да вот только сокровищем его назвать было трудно — это был незатейливый клинок с бронзовой рукоятью, обмотанной кожей. Похоже, разбойник ко всему прочему был еще и сумасшедшим.

Подошла Элаши, отряхивая от грязи свой плащ.

— Ты не ранена? — спросил Конан.

— Нет. — Элаши, перестав чистить плащ, посмотрела на киммерийца с презрением. — Ты упустил двоих.

Конан застонал.

— Не знал, что жители пустынь так кровожадны.

— Если уж что-то делаешь, то делай до конца, — фыркнула Элаши. — Впрочем, что теперь говорить. Давай обйдем трупы.

— Это еще зачем?

— Все-то тебе объяснять надо, — вздохнула Элаши — По-моему, ты собирался стать вором, или я ошибаюсь? Разве у врагов не может быть денег?

Конан покорно кивнул. В конце концов, в ее словах есть смысл. Он стал обыскивать убитых, думая о том, почему же они решили напасть на него. Неужели меч всему причиной?

Он решил не думать себе голову зря. Как бы то ни было, с врагами покончено, и говорить пока больше не о чем. Что же до этого странного типа, то вряд ли судьба вновь сведет его с ним.

Глава вторая

Несмотря на то, что кошельки убитых были почти пусты, Конан без тени сомнения опорожнил их и, разделив деньги на две равные части, отдал половину Элаши. В конце концов, бандитам деньги были уже не нужны.

Они спустились в долину, и вскоре вдалеке уже показалась крохотная деревушка. Деньги пришлось как нельзя кстати — теперь путники могли снять на ночь комнату и купить себе еду. Пару дней назад у Конана было две серебряных монеты, вырученных за шкуру убитого им огромного волка. Однако, к несчастью, Конан потерял их, пока он и Элаши бродили по замку колдуна, пытаясь отыскать выход. Так что в каком-то смысле бандиты появились как раз вовремя.

Солнце стало клониться к закату. У горизонта появились пепельно-серые облака, становившиеся с каждой минутой все плотнее и плотнее. Небо на западе заалело. Внезапно поднялся сильный, прони-

зывающий до костей ветер. Все говорило о том, что приближается буря. Конан поежился, на минуту представив, что непогода может застать их в дороге. До деревни нужно было идти не меньше часа.

Деревня походила на все прочие деревни, виденные Конаном в этих землях. Десятка два маленьких каменных домишек, крытых дерном, плотно обступали дорогу, которая в этом месте становилась пошире. Самым большим строением в деревне была гостиница. Над входом в нее висела резная вывеска, изображавшая овечку; очевидно, вывеска эта указывала и на основное занятие местных жителей. Гостиничное здание тоже было сложено из камня. Судя по его виду, можно было с уверенностью сказать, что за всю свою историю оно ни разу не ремонтировалось. Окна были затянуты промасленной кожей, сквозь многочисленные прорехи в которой лился желтоватый свет.

Едва Конан и Элаши подошли к гостинице, пошел сильный снег. Не прошло и минуты, как вся округа оказалась затянутой белесой вьюжной мглой.

— Не очень-то привлекательное место, — заметила Элаши.

— Выбирать не приходится, — ответил ей Конан.

— Что верно, то верно.

Он толкнул дверь, и они оказались в гостинице. Потолки здесь были такими низкими, что Конан легко достал бы до них рукой. В гостиной было на удивлениелюдно — здесь было десятка два человек, в основном мужчины. Они сидели за грубо сколоченными столами или стояли у огромного камина, в котором ярко пылало толстое полено. Сводчатый проход, открывавшийся в дальней стене, судя по всему, вел к кладовым и к комнатам постояльцев.

Конан прикрыл за Элаши дверь, ни на минуту не сводя глаз с посетителей. Очевидно, почти все они были местными жителями — лица их были смуглы, а одеты они были в пастушеские одеяния. Женщины,

сидевшие здесь, были под стать своим мужьям — такие же дородные и так же просто одетые.

В дальнем конце залы у стола сидел человек, одетый явно не по сезону, — на нем были короткие, по колено, штаны и по-летнему легкая рубаша. Он был светловолос; с лица же его ни на минуту не сходила дурацкая ухмылка. То ли пьяница, то ли идиот, подумал Конан и перевел взгляд на парочку, сидевшую рядом с этим странным человеком.

Люди эти чрезвычайно походили на тех вооруженных пиками воинов, с которыми ему довелось сегодня сражаться. Пик у них, конечно, не было, зато на поясах висели мечи и длинные кинжалы. В свете факелов, развешанных по стенам, лица их казались особенно мрачными и зловещими.

Едва Конан успел рассмотреть присутствующих, как перед ним вырос долговязый человек с пышной седой бородой. Вне всякого сомнения, это был хозяин гостиницы.

— Добро пожаловать! Не угодно ли будет отужинать?

Конан кивнул.

— Угодно. И еще — мы хотели бы здесь переночевать.

Бородач энергично закивал головой.

— Как вы того пожелаете! Вы успели вовремя — сейчас там такое начнется!

И тут же, словно в подтверждение его слов, за дверью завыл ветер, а через одну из щелей в комнату влетел снежный вихрь.

— Лало! А ну-ка прикрой эту дыру! — распорядился бородач.

Худой, по-летнему одетый блондин тут же вскочил со своего места и, извлеки из кармана рубахи иголку и нитки, принялся накладывать на прореху заплату. Он что-то мурлыкал себе под нос, дурацкая усмешка так и не сходила с его лица.

Конан и Элаши сели за свободный столик, стоявший напротив камина. Бородач направился в кладовую за вином и снедью.

Еда оказалась вполне сносной. Баранина была излишне жирной, но не настолько, чтобы ее невозможно было есть. К жаркому были поданы черствый ржаной хлеб и терпкое красное вино, какое в гостиницах бывает нечасто. Элаши вынула из ножен небольшой нож и нарезала мясо ломтиками. После кореньев и грызунов, которыми путники питались последние дни, еда эта казалась на удивление вкусной.

За ужин бородач взял с них шесть медяков, еще четыре он запросил за комнату. Конан хотел было поторговаться, но потом решил, что делать этого не стоит, к тому же его уже стала одолевать накопившаяся за день усталость. Деньгами этими он владел всего пару часов, и потому расстаться с ними ему ничего не стоило. Он молча заплатил за ужин и за комнату, своей покорностью вызвав у бородача улыбку.

После третьей чаши вина киммериец позволил себе расслабиться. Путешествие это было небогато событиями, даже сегодняшняя стычка теперь казалась пустяком, не стоящим внимания. За окном ярилась непогода, а он сидел в тепле — сытый и пьяный...

И все же насладиться покоем ему так и не пришлось. Странное дело — стоило ему хоть немного расслабиться, как тут же начинало происходить что-то неладное.

— Разуй глаза, идиот!

Конан поднял глаза и увидел, как Лало пятится от стола, за которым сидели воины. Судя по всему, Лало вызвал гнев тем, что задел их стол. У одного из воинов было отрублено ухо, у другого же в нескольких местах был сломан нос. «Хороша парочка, ничего не скажешь», — подумал Конан.

— Простите меня, мой господин, — извиняющимся тоном пробормотал Лало.

Кривоносый привстал.

— Ты что — издеваешься надо мной, парень? Это я, что ли, господин?

— О сэр... понимаете... Подумайте сами — кто вы против меня!

— Вот так-то оно будет лучше.

Лало продолжал улыбаться как ни в чем ни бывало.

— Я понимаю — кто я, а кто вы, — козьявка — ни дать ни взять.

Кривоносый ухмыльнулся, явно не понимая смысла сказанного.

Теперь уже заулыбался и Конан.

К несчастью для Лало, Одноухий был слегка поумнее своего напарника.

— Слушай, да он же издевается над тобой! — взревел он.

Кривоносый замер.

— И что же ты хочешь этим сказать? Что-то я никак не пойму — куда ты клонишь?

— О, — ответил Лало. — Давненько не встречал я таких сметливых людей! — Он на мгновение замолк, но тут же прибавил: — Вы меня не слушайте — я еще и не такое могу сказать!

Конан фыркнул.

— Над чем ты смеешься? — спросила у него Элаши. — Они же этого бедолагу сейчас на куски порубят!

Конан пожал плечами.

— Это уже его проблемы. Сколь бы ни был остер язык, меч все-таки острее.

Одноухий рывкнул:

— Идиот! Он же тебя за дурака считает!

На сей раз терпению Кривоногого пришел конец. Достав меч из ножен, он медленно пошел на Лало.

— Я из твоей поганой башки суп сварю!

И тут Элаши схватилась за эфес своей сабли.

— Что это ты надумала? — удивленно спросил Конан.

— Здесь нет ни одного мужчины, который смог бы защитить безобидного человечка от этих скотов! Придется это делать женщине!

Конан вздохнул. Нет, видно, не придется ему отдыхать. Он поднялся из-за стола.

— Успокойся. Я с ними сам разберусь.

— Но ты ведь так устал.

Конан поморщился. «Кром, за что ты покарал меня? Нет, наверное, мне следовало остаться в монастыре вместе с покойным Сингхом и дать обет воздержания. Женщины не стоят тех бед, которые они приносят своим явлением».

Кривоносый уставился на Конана, на миг забыв о Лало.

— Чужеземец, я бы на твоём месте в чужие дела не лез.

Конан решил воззвать к разуму мрачного воина.

— У меня сегодня был тяжелый день. И мне не хотелось бы, чтобы он закончился кровью. Оставь Лало в покое.

Кривоносый обратил свой меч к Конану.

— Мне наплевать, какой у тебя был день. Этот выродок оскорбил меня, и сейчас он за это поплатится!

Конан, не спешивший вынимать свой меч из ножен, глянул на Элаши и перевел взгляд на Лало.

— Послушай, может быть, ты извинишься перед Кривоносым, и вы разойдетесь с миром?

— Кривоносым?! Это кого ты величаешь Кривоносым?

— Ты что — никогда не смотрелся в зеркало? — удивился Конан.

— Боюсь, такую гнусную образину ни одно зеркало не сможет отразить, — вмешался в разговор Лало.

— Ох, помолчал бы ты лучше, парень, — угрюмо заметил Конан.

Заорав что было сил, Кривоносый взмахнул мечом, мечтая только об одном — отрубить голову дерзкому обидчику.

Конан выхватил меч из ножен, и в тот же миг Одноухий метнул ему в голову бутылку с вином.

Сколь ни совершенна была реакция киммерийца, но отбить мечом бутылку и одновременно подставить

свой меч под удар Кривоносого не мог даже он. Бутылка разлетелась вдребезги, клинок же Кривоносого опустился на голову несчастного Лало...

Но нет! Удар не достиг цели! Чудесным образом Лало ушел из-под него, и меч вонзился в стол, да так, что Кривоносый, как он ни старался, не мог выдернуть его оттуда.

Дальнейшее выглядело не менее странно. Лало схватил Кривоносого за запястье и резко присел, одновременно повернувшись вокруг собственной оси. Кривоносый завопил и, перелетев через своего тщедушного соперника, ударился головой о стену.

Конан изумлялся бы еще долго, но тут Одноухий, по-волчьи завыв, занес меч над головой и бросился на него. Он сделал это зря и тут же поплатился за свою ошибку. Конан резко выставил вперед руку с мечом, метая противнику в грудь, и тот, налетев на клинок, тут же осел. Острый как бритва меч Конана пронзил врага насквозь. Киммериец выдернул из бездыханного тела клинок и, вытерев его о неприятельский плащ, вернул в ножны. В том, что Одноухий мертв, он нисколько не сомневался.

«Вот тебе и мирный вечер», — с тоской подумал киммериец.

Лало и Элаши разглядывали Кривоносого. Видно было, что шея того сломана, скорее всего, у него был проломлен и череп. Кривоносый лежал совершенно недвижно.

— Он мертв, — прервала молчание Элаши.

Конан подошел к ним. Все прочие посетители сидели совершенно недвижно, боясь даже пошевелиться.

— Что-то не доводилось мне видеть такой борьбы, — заметил Конан. — Чудеса да и только.

Улыбка Лало стала еще шире.

— Меня научили этому в Кхитае. Я прожил там несколько лет. Сами кхитайцы называют эту борьбу джит-джит. Если ты овладел ею, тебе не страшен никто. При этом ты можешь и не обладать особенной силой.

— Любопытно, — задумчиво произнес Конан. — Но, думаю, ты сам повинен в том, что тебе пришлось продемонстрировать перед нами свое искусство.

— Все правильно, — согласился Лало. — Видишь ли, на мне лежит проклятье... — Он посмотрел на лежавшие перед ним трупы. — Я справился бы с ними и сам, и все же я вам благодарен за поддержку. Может быть, вы позволите присесть за ваш столик?

Конан посмотрел на Элаши. Недолго думая, та кивнула. Ну конечно же... Придется согласиться и ему. Впрочем, Конан был заинтригован Лало не меньше, чем Элаши.

— Я рос в горах на востоке Заморы, — начал свой рассказ Лало. — Я был совсем еще ребенком, когда местный колдун ополчился на моего отца. Он был чрезвычайно искусен, этот маг. Ему ничего не стоило иссушить посевы или наслать порчу на наш скот или на нас самих. Но он решил поступить иначе. Он наложил проклятье на меня и моих братьев.

Лало на минуту замолчал и приложился к кружке с вином. Улыбка не сходила с его лица.

— Мои братья, — а их у меня было трое — умерли в течение двух лет, не выдержав тяжести проклятия. Я же покинул отчий дом и через Восточную Пустыню перебрался в Кхитай. Однако и это не помогло мне — чары от этого ничуть не ослабли.

Элаши ловила каждое слово Лало. Конан же почувствовал себя не в своей тарелке. Магия и все связанное с нею пугали его. Впрочем, он продолжал слушать рассказ Лало с интересом.

— Именно там, в Кхитае, — продолжал Лало, — я и изучил джит-джит. Кхитайцы — большие мастера по этой части. Проклятье, однако, заставило меня покинуть и их гостеприимные земли. Я не могу долго находиться в одном месте — больше пары недель меня никто не выдерживает.

— Что же это за проклятье? — спросил Конан.

— Я всегда улыбаюсь, — ответил Лало. — И я не могу не подшучивать над другими. Ну это так — к слову; тебе, Конан, этого не понять.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Конан.

Элаши легко тронула его за руку.

— Проклятье, Конан.

Конан взял себя в руки.

— Куда уж мне с моими цыплячьими мозгами.

Улыбающийся человек вздохнул.

— Что верно, то верно. Лишить меня колкостей все равно, что заставить женщину замолчать. Ты можешь себе это представить?

— Как это ужасно! — пробормотала Элаши.

— Вы вступились за меня, не испугавшись и головорезов Харскила, а я, признаться, могу и вам наговорить такого, от чего у вас голова кругом пойдет.

— Кто такой этот самый Харскил? — спросил Конан.

— Он скорее не «кто», а «что», — ответил Лало. — Харскил Лоплейнский — гермафродит: он и не женщина, и не мужчина.

Элаши вздрогнула.

— Вы что, встречались с ним? — удивленно спросил Лало.

— Да, — кивнул Конан. — Он и его люди устроили на тропе засаду. Послушай, Лало, а он случаем не сумасшедший?

— Сумасшедший? Да ты, я смотрю, и впрямь идиот!

Конан вспыхнул, но тут же совладал с собой, вспомнив о проклятье, наложенном на этого бедолагу.

— Этот самый Харскил решил во что бы то ни стало завладеть моим мечом. Из-за этого он лишился всех своих людей.

— Вот оно в чем дело! Нет, к сожалению, это не так — его рассудительности и расчетливости позавидовали бы и кхитайцы! Харскил тоже проклят, но повинен в этом он сам. Некогда он был парой

любовников — мужчиной и женщиной. Изведав все мыслимые утехи, они решили прибегнуть к магии, чтобы испытать то, что обычно неизвестно людям. Они выкрали у колдуньи книгу, но, творя заклинания, в чем-то ошиблись. Вряд ли они хотели сблизиться настолько.

— Понятно, — кивнула Элаши. — Но только при чем здесь меч Конана?

— Все очень просто. Существует особое колдовство, которое может позволить Харскилу вновь стать мужчиной и женщиной. Одна из неизменных его принадлежностей — меч смельчака, обгаренный его кровью. Как, наверное, вы понимаете, смельчаки в наших краях давно перевелись, теперь он охотится за чужеземцами.

— У меня было такое чувство, что ему нужен не только меч, — пробормотал Конан.

— Только не подумай, что он решил мозгов у тебя признать, — усмехнулся Лало. И тут же добавил: — Ты только на меня не обижайся.

Конан покорно кивнул. В конце концов, от Элаши ему доводилось слышать и не такое.

Лало сообщил им о том, что ему пришло время уходить отсюда. Конан и Элаши тоже не собирались задерживаться в этой деревушке. Лало посоветовал Конану быть настороже. Харскил имел возможность убедиться в отваге киммерийца и потому мог избрать его очередной своей жертвой.

Конан и Элаши направились в отведенную для них комнату.

— И как это ты стерпел все эти оскорбления? — подивилась Элаши.

— Я все время думал о том, почему это он тебя решил не трогать, — невозмутимо ответил Конан.

— У него была мишень покрупнее, — фыркнула Элаши.

— Поразительно — до чего же вы друг на друга похожи! Вот уж с кем бы ты ладила, так это с ним.

Элаши вдруг разобиделась. Конан же даже бровью не повел — он уже начинал привыкать. Однако, стоило ему лечь на кровать, как она легла рядом, тут же забыв обо всех своих обидах. Конан покачал головой и довольно хмыкнул.

Глава третья

Глубоко во чреве Гроттериума Негротуса Катамаи Рей положил перед собой волшебную кварцевую пластинку. Уставившись в магический кристалл недвижным взглядом, он сосредоточил все свои мысли на будущем.

Кристалл побелел, словно наполнившись туманом, и неожиданно у самого его края появилось мужское лицо. Голубоглазый, черноволосый мужчина смотрел прямо в глаза Рею, и не подозревая о том, что за ним кто-то наблюдает.

Рей сделал над кристаллом несколько пассов, но тот продолжал оставаться молочно-белым. Он повторил пассы несколько раз, но это ничуть не прояснило картину — как и прежде, видна была только голова мужчины.

— Чтоб ты треснул, камень проклятый!

В ответ на проклятье кристалл померк так, что разглядеть на нем что-либо было уже решительно невозможно.

Извергая проклятья, Рей отвернулся от упрямого камня. На сей раз ему удалось увидеть хотя бы это, обычно камень и вовсе отказывался повиноваться. Теперь он знал, что угроза его владычеству исходит от этого молодого человека. Ну что ж, он знал, как подготовиться к встрече с ним.

— Виккель!

Тут же послышалась тяжелая поступь. В пространстве, залитом призрачным зеленоватым светом, появилась странная фигура в полтора человеческих роста высотой. У твари был всего один глаз, отсвечивающий

алым и расположенный в середине крутого лба. Горб на спине походил на горбы верблюдов, живущих в Южных Степях на границе Стигии и Пунта. Вискель был лыс, но борода, единственным его одеянием была набедренная повязка. Могучие руки горбуна свешивались едва ли не до самой земли.

— Слушаюсь, Хозяин, — сказал горбатый циклоп. Голос его походил на треск, с которым рвется парусина.

— Отправляйся в Северные Палаты, — приказал Рей, — и приготовься к приему гостей. Любой, дерзнувший ступить на заповедные тропы, должен предстать передо мной.

— Слушаюсь, Хозяин! — ответил циклоп, поклонившись своему господину так, что его руки коснулись пола. Он развернулся и поспешил выполнять приказ.

— Путники нужны мне живыми, — прокричал Рей ему вдогонку. — Ты слышишь, Вискель, — живыми!

Чунта сняла со стены свой магический жезл и подошла к столу. Перед ней лежал Червь Гигантус, походивший на тысячекратно увеличенного земляного червя, покрашенного фосфоресцирующей белой краской. Понять, где у него морда, было непросто, — колдунья привыкла считать головой тот его конец, на котором виднелось несколько серых пятнышек. Червь длиною в три человеческих роста и толщиной в винную бочку слегка подрагивал, подобострастно внимая своей госпоже.

— Дик, — сказала она, — отправляйся в Северные Пещеры. В недалеком будущем там должен появиться тот, кто представляет для нас немалую опасность. Мы должны пленить этого человека, и для этого нам придется потрудиться. Ты должен привлечь на нашу сторону как можно больше союзников — это и Вампиры, и Белые Слепыши, и Прядильщицы. Ты можешь обещать им все что угодно. И еще — мы

должны опередить этого проклятого колдуна, ты понял?

Говорить червь не умел, однако он заизвивался так, что снизу послышалось ясное «Ес-с-сть!», произведенное трением кольчатого тела о каменный пол.

Стоило червю уползти, как Чунта, опершись на свой волшебный посох, задумалась. Картины, рисовавшиеся ей, были донельзя странными. Опасность, судя по всему, исходила от обычного человека. Она могла понять только это, лица же Врага Чунта, как ни силилась, увидеть не могла. Ну что ж, ей придется прибегнуть к помощи магического кристалла. Процедуры с кристаллом сопряжены с известным риском, но в такой ситуации можно было и рискнуть. Знамения говорили о том, что надвигается нечто грозное и по-настоящему страшное, и потому ей следовало прибегнуть к решительным действиям. Да, она не станет мешкать и прямо сейчас обратится к кристаллу.

Замок Харскила стоял на самой вершине отвесной скалы, куда не забрался бы и горный козел. Хозяин замка стоял перед огромным зеркалом и изучал свое отражение. Впервые за многие годы он почувствовал нечто, отдаленно напоминавшее надежду. Неужели этот варвар, которого они встретили на тропе, станет тем, кому суждено снять проклятье? В том, что он по-настоящему отважен, сомнений быть не могло — не колеблясь, варвар выступил против шестерых. Теперь еще и эта история в гостинице, где, вступившись за незнакомого ему человека, он расправился с одним из лучших его, Харскила, воинов.

Отражение в зеркале согласно кивнуло. Именно этого меча, обагренного кровью своего владельца, он ждал вот уже пятнадцать лет. Если этот варвар, которого, говорят, зовут Конан, окажется в его руках, они вновь станут такими, какими были прежде.

Да. Думать об этом было приятно.

«Скоро он окажется у меня, — сказал себе Харскил. — Два десятка наших людей уже готовы к выступлению. Пусть даже большая часть из них погибнет, но я все же завладею этим мечом и пущу кровь этому варвару!»

Харскил едва заметно улыбнулся.

Деревня утопала в снегу. На небе вновь не было ни облачка, и снег сверкал так, что резало в глазах.

Конан и Элаши покинули гостиницу ближе к полудню. Накормив их сытным завтраком, хозяин принес теплую высокую обувь, в которой можно было уверенно идти по сколь угодно глубокому снегу.

— Я думаю, нам следует идти коротким путем, о котором говорил хозяин, — сказал Конан.

Элаши покачала головой.

— Разве ты не слышал о том, что там то и дело появляется какое-то чудище?

— О чем ты говоришь? Чтобы я, Конан Киммерийский, сделал крюк из-за какой-то там собаки, охраняющей тропу? — Он похлопал рукой по ножнам. — Этим самым клинком я уложил пещерного волка, так что с псом этим я справлюсь и подавно.

— С чего ты взял, что это пес?

— Ну а кто же еще? Может быть, гусь? Представляешь, как бы мы тогда отобедали? — Конан рассмеялся.

Элаши промолчала. Конан мысленно поблагодарил Крома за его великодушие.

Путники шли по тропе, увязая в снегу по колено. День выдался морозным, и снег громко скрипел под ногами. Конан чувствовал себя прекрасно — он хорошо отдохнул за ночь и наелся до отвала за завтраком. Еще пара дней, и они покинут Карпашские горы Коринфии и окажутся на бескрайнем плато Заморы. Оттуда до Шадизара рукой подать — всего пара недель ходу. Если посчастливится, он выкрадет у местных пастухов пару жеребцов и тогда отправит Элаши на юг, сам же займется серьезным промыслом. Мысль об этом придавала Конану сил.

Двадцать всадников ждали команды ступить. Кони переминались с ноги на ногу, храпя и прядая ушами. Над их головами клубились облачка пара.

Во двор на своем вороном жеребце выехал сам Харскил. Он остановил коня и обратился к воинам:

— Мне нужен и этот человек, и его меч. Я обещаю мешок золотых тому, кто приведет его ко мне. Если же ему удастся бежать — ни одному из вас не сносить головы. Все понятно?

Воины согласно закивали.

— Вот и прекрасно. Мы едем в деревню прямо сейчас!

Харскил и его отряд выехали из ворот замка и поскакали по тропе, заметенной снегом.

Через три часа после выхода из деревни Конан и Элаши решили подкрепиться. Вяленая баранина, прихваченная ими в гостинице, была излишне солоня, но с вином, налитым хозяином во флягу, можно было съесть и не такое. Отдых был недолгим — Конан рассчитывал оказаться к вечеру по ту сторону перевала, дорога же им предстояла неблизкая.

Горбун Вискель брел по узким коридорам, шлепая прямо по лужам, в которых то и дело что-то побулькивало. В Северные Палаты вел добрый десяток путей. Путь, выбранный им, самым коротким не был, однако он был самым удобным — все прочие туннели были куда уже этого. Там чего доброго и застрянешь. Хозяин же ох как не любит, когда слуги его подводят. Вискель был первым помощником Катамаи Рея. Его предшественник чем-то разгневал хозяина, и тот без лишних слов превратил его в зловонную лужицу. Первым заданием, данным Вискелю, как новому первому помощнику, было — вытереть лужицу, оставшуюся от его предшественника. Тем самым ему был дан и первый урок — с хозяином шутки плохи. Владения же Катамаи Рея

были весьма обширны — он властвовал над доброй половиной пещеры.

Вспомнив эту историю, Вискель решил прибавить шагу. Если он подведет хозяина, лучше ему не возвращаться сюда вовсе. Мысль об этом приходила ему уже не впервые.

Дик старался ползти как можно быстрее. Он полз по-змеиному, слегка приподняв над землей свою маловыразительную голову.

На ходу он раздумывал о том, что же он может предложить прочим разумным обитателям Гроттериума Негротуса. Крылатые Вампиры озабочены только пропитанием и продолжением рода. Но с ними можно договориться — им всегда места не хватает. Он может предложить им одну из гигантских пещер на западе — пусть себе плодятся. Чунта придерживала эту пещеру пустой для каких-то своих целей, Вампиры давненько зарились на нее.

Прядилицы — те привыкли сидеть на одном месте. Оттого они всегда такие худые. Если Чунта поставит их на паек, они для нее что угодно сделают.

А что же предложить Белым Слепышам? С ними сложнее всего. Эти грязнули только с циклопами и водятся. Этим от Чунты ничего не надо. А сколько уже червей погибло от их каменных ножей — подумать страшно! Лучше к этим подонкам и не приближаться.

Дик видел Чунту такой возбужденной только однажды — в тот день, когда он и другие черви доставили к ней путника, невесту как попавшего в пещеру. Ликования ее не было предела, да вот только хлопоты ее вышли несчастному путнику боком — он и недели не протянул и в итоге достался червям. Быть может, она и нового путника им отдаст? Впрочем, об этом думать пока рано — его еще надо поймать...

Дик пополз быстрее. Ни в коем случае нельзя упустить этого человека. Ни в коем случае. Если он сде-

лает что-нибудь не так, Чунта его самого другим червям скормит.

Солнце стало опускаться за горную цепь, лежавшую на западе. Все это время путь был однообразен и скучен. Единственным встреченным ими живым существом был горный козел, изумленно взиравший на них со скал. Через час должно было уже стемнеть.

Неожиданно из-за огромного камня, лежавшего у самой тропы, вышло чудище.

Конан и Элаши застыли. Размером чудище было с лошадь, но на лошадь оно походило разве что количеством ног. Такого нельзя было увидеть во сне — тварь эта была похожа одновременно на собаку, на кошку и на крысу. Голова у чудища была скорее собачья, чем кошачья, тело — тоже, хотя покрывавшая его полосатая шелковистая шкура скорее была кошачьей. Длинный розовый хвост не вызывал никаких сомнений — он мог принадлежать только огромной крысе. Крысиными были и лапы чудища, заканчивавшиеся четырьмя пальцами с черными когтями. Чудище засопело и отрывисто по-медвежьи рывкнуло.

Не отводя глаз от этого несуразного создания, Элаши зло забормотала:

— Пожалуйста — вот тебе и собака! Или это больше похоже на гуся — жирного такого гуся, — а? Ну, Конан, не думала я, что ты настолько легкомысленен и туп!

— Ты бы лучше клинок свой достала, — процедил сквозь зубы Конан, взявшись за рукоять своего меча.

Чудище вновь рывкнуло по-медвежьи и принялось принюхиваться. Конан решил не спешить. Ветер дул в спину зверю, ибо запах его бил в ноздри. Судя по всему, зверь плохо видел и полагался в основном на нюх.

— Похоже, он нас не видит, — шепнул Конан на ухо Элаши. — Если мы будем стоять неподвижно, он потеряет к нам всякий интерес и уйдет.

— Я полагаю, нам придется стоять здесь до самой смерти.

— Хорошо, что предлагаешь ты?

— Почему ты в подобных ситуациях всегда обращаешься ко мне за советом? — прошипела Элаши.

— Ты говори погромче — он на ухо туюват.

Элаши вспыхнула, но тут же замолчала. Они вновь обратили взоры на диковинное чудище.

Оно было явно растеряно. Чудище вертело своей огромной головой из стороны в сторону, то и дело принохиваясь. Оно явно не видело их, хотя находилось на расстоянии тридцати шагов.

Конан было вновь потянулся за мечом, но тут же заставил себя замереть. Лучше немного подождать, сразиться с ним он всегда успеет.

Всадник спешил и склонился над следом.

— След совсем свежий, мой господин. С тех пор, как они здесь прошли, прошло минут десять, не больше.

Харскил довольно улыбнулся.

— Ну что ж, вперед!

— Ты не можешь призвать на помощь каких-нибудь богов? — шепотом спросила Элаши.

— Только Крома, — ответил Конан. — Да вот только вряд ли он нам поможет. Он помогает человеку при рождении, потом же предоставляет его собственной судьбе.

— Ну и выбрал же ты себе бога! — фыркнула Элаши.

— Во-первых, я его не выбирал. А во-вторых, он другим и не может быть — он так же суров, как суров наш край.

— Мои боги помогают отыскать воду или наводят на след дичи, — прошептала сокрушенно Элаши. — О подобных тварях они и не слышали.

Зверь тем временем сел на задние лапы, продолжая смотреть в сторону затаившейся парочки.

— Отчего бы ему не подойти к нам поближе! Тогда он и рассмотрел бы нас получше.

— Ты ему об этом скажи.

— Не можем же мы торчать здесь вечно, — зашептал Конан, слегка оживившись. — Давай попробуем сделать то же, что и вчера. Я пойду прямо на него, а ты зайдешь к нему с тыла, а?

— Идея что надо, — ответила Элаши.

Конан не смог сдержать смешок. «На сей раз она со мной не спорит», — подумал он.

— Кое-что меня в этом плане смущает, — продолжил киммериец. — Если я двинусь, он может заметить нас обоих. И еще не известно, кого он изберет себе в жертву.

Подумав пару секунд, Элаши ответила:

— Сказать честно, мне твой план и вовсе не нравится. Уж лучше, взяв в руки оружие, напасть на него.

— Все правильно, иначе мы просто превратимся в ледяные статуи. Ты готова?

— Нашел о чем спрашивать!

— Ну что ж. Тогда вынимай свою саблю.

Стоило Конану и Элаши выхватить клинки из ножен, как зверь поднялся на ноги. Пару раз рывкнув, он оцетинился и утробно зарычал. И тут люди услышали совсем иные звуки.

— Вот где они!

Обернувшись, Конан увидел всадников, несущихся прямо на них.

— Кром! Это еще кто?

Элаши решила не ломать себе голову зря и нырнула в кусты, росшие у самой тропы. Конан последовал ее примеру. В тот же миг чудище ринулось вперед и бросилось на всадников.

Горы огласились воплями людей, медвежьим ревом и храпом коней.

Чудище ударом лапы выбило из седел сразу трех седоков и тут же растерзало их в ключья. Прочие стали метать в него пики, но от этого монстр пришел в еще большее бешенство.

Поодаль стоял вороной жеребец, на котором сидел не кто иной, как Харскил. Размахивая руками, он что-то кричал своим людям.

— Как хорошо, что мы оттуда ушли, — шепнул Конан.

— Еще бы! — согласно кивнула Элаши.

Они поспешили прочь, подальше от тропы.

Минут через десять они остановились, чтобы перевести дух.

— Ох и достанется же Харскилу! — сказал Конан. — Мало того, что он половину своих людей потеряет, он теперь и нас не сможет найти! Уже совсем темно.

Элаши кивнула.

— Лало был прав — Харскил действительно стал охотиться за тобой.

— Кто его знает? У тебя, в конце концов, тоже есть клинок.

Элаши хотела было что-то сказать, но передумала, неожиданно о чем-то задумавшись.

— Я думаю, нам следует идти и ночью, — предложил Конан. — К утру мы спустимся на плато, где нас уже никто не отыщет, — вот только следы нам придется замечать.

— Ты думаешь, опасность уже позади?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — улыбнувшись, ответил Конан.

И в тот же миг земля под ними разверзлась, и они рухнули в бездонный провал.

Глава четвертая

К счастью, они свалились в подземное озеро. Конан с головой погрузился в ледяную воду, но тут же коснулся ногами дна. Вода доходила ему до груди. Вода забурила, и над ее поверхностью на миг появилась головка Элаши. Чему Элаши не могла научиться в родных пустынях, так это пла-

ванью. Конан схватил свою спутницу за руку, и женщина тут же вскарабкалась на него, обвив ноги вокруг его талии и сцепив руки на его могучей шее.

Киммериец стал осматриваться. Озеро было совсем крошечным, он стоял на дне затопленного подземного туннеля. О том, чтобы забраться наверх, не могло идти и речи — отвесные стены были выглажены дождем и ветром до блеска. Летать же не мог и Конан.

С каждой минутой становилось все темнее. Им нужно было найти выход прежде, чем провал погрузится во тьму. Конан направился к ближнему берегу.

— Кром!

Элаши вздрогнула и посмотрела ему в глаза.

— Что такое?

Кивком головы Конан указал в глубь пещеры. Элаши обернулась и стала всматриваться во тьму.

В дальнем конце туннеля появилось десятка два странных существ. Белые приземистые твари больше всего походили на обезьян с огромными ослиными ушами. Глаз у них не было.

— Митра! — изумилась Элаши.

Становилось все мельче. Конан ускорил шаг, надеясь добраться до берега прежде, чем их заметят эти диковинные создания. Элаши выпустила его шею из рук и теперь шла рядом. В руке она сжимала саблю. Озеро осталось позади, теперь они шли по затянутому сырým илом дну туннеля.

— Может быть, они и добрые, — неуверенно предположила Элаши.

— Может и добрые, — согласился Конан, — а может и нет. В любом случае мы должны быть настороже. С этим Элаши спорить не стала.

Белые безглазые создания подходили все ближе.

Харскил был вне себя от ярости, еще бы — шестеро его людей погибли, двое были при смерти, трое — тяжело ранены. В его распоряжении оставалось всего девять воинов, сумевших-таки добить эту мерзкую

тварь. Варвар и его спутница куда-то провалились. Оставалось ждать утра и надеяться на то, что беглецы не ушли слишком далеко. Черт бы побрал этого зверя! Ведь они уже настигли их! О Вездесущий и Всемогуций, помоги же мне!

Виккель подтачивал своды туннеля, готовя людям еще одну ловушку, когда в узкую подземную залу вбежал Белый Слепыш. Наткнувшись на тяжелую лестницу, на которой стоял циклоп, Слепыш замер.

— Идиот! — заорал Виккель, едва не шлепнувшись вниз.

Белый Слепыш что-то затараторил. Он говорил на своем языке, которого Виккель так толком и не выучил.

— Что ты болтаешь? Говори помедленнее!

Слепыш повторил сказанное еще раз, и теперь Виккель кое-что понял. Тот человек, который им был нужен, попал в ловушку!

Виккель сбежал по лесенке вниз. Он и не думал, что им так повезет! То-то волшебник будет доволен.

— Ну и где же он?

Белый Слепыш уверил циклопа, что человек находится у них в руках. Десятеро его братьев окружили пленника, и сейчас, наверное, он уже находится в одном из главных их залов.

— Как ты меня обрадовал! — воскликнул Виккель и поспешил за Слепышом.

Дик узнал о происшедшем от огромной Летучей Мыши, которая покачивалась на соседнем сталагмите. Дик не очень-то верил мышам, зная, что те могут продаться кому угодно, но в данном случае служили они Чунте, и потому в правдивости их можно было не сомневаться.

Дик потерялся брюхом о скалу:

— Ты в-в-в эт-том ув-верен?

Летучая мышь утвердительно кивнула. Пара людшек попала в ловушку Одноглазого: рослый самец и молодая самочка.

Дик возбужденно задвигался:

— Чт-то с-с-с ними б-было да-дальше?

Этого мышь точно не знала. Разведчик доложил о том, что создания эти окружены Белыми Слепышами, которые, судя по всему, хотят пленить их.

— Ч-ч-черт!

Жирное тело Дика стало подергиваться. Если люди попадут к Одноглазому, госпожа церемониться не станет. Скорее всего, она зашвырнет бедного червя в какую-нибудь штормовую. От этой мысли Дик стало не по себе. Необходимы решительные действия! В этой части пещеры полно Прядильщиц, к ним-то ему и следует обратиться. Иначе песенка его будет спета. Жизнь Дика стоила теперь не больше, чем помет этой самой летучей мыши!

Одна из белых тварей неуклюже метнулась к стоящим в полутьме людям. Намерения ее явно не были дружественными. Конан отступил на шаг назад и взмахнул мечом. Клинок угодил безглазой твари в бок и рассек ее надвое. Слепыш рухнул в лужу у самых ног Конана. Свет быстро мерк, но алое пятно на камнях было пока вполне различимым.

Собратья поверженной твари вели себя осторожнее. Они взяли Конана и Элаши в кольцо и застыли.

И тут киммериец заметил странную вещь. Чем темнее становилось небо у них над головами, тем ярче разгорались стены и своды туннеля, погружавшие подземелье в призрачный зеленоватый свет.

Безглазые твари нападать пока не спешили, и Конан решил, что ему и Элаши лучше отступить. Он сказал ей об этом.

— И как же ты это сделаешь? Перелетишь через чудовищ?

— Ну зачем же, — ответил Конан, крепко сжав в руке рукоять меча. — Мы попробуем прорваться

сквозь их ряды. Вход в туннель охраняют всего трое. Ты возьмешь на себя правого, я же займусь двумя другими.

Элаши облизнула губы, вздохнула и согласно кивнула головой.

— Вперед!

Они бросились на стоявших перед ними тварей. Противник Элаши тут же бежал, прочие же двое стали драться, пытаясь отскочить к стене и тем самым уйти с пути Конана. Ударившись головами, они повалились наземь, и Конан, легко перепрыгнув через них, побежал вслед за Элаши.

— Ну и воины! — фыркнула Элаши.

Конан что-то хмыкнул в ответ, понимая, что теперь бежать им придется долго.

За спиной раздавался топот ног нескольких десятков белых тварей.

Виккель стоял над поверженным телом Белого Слепыша. Скорбно кивнув, он перевел взгляд своего единственного алого глаза на двух Слепышей, сидевших на земле и потиравших головы.

— Что с людьми? — наконец спросил Виккель.

Слепыши забормотали что-то невнятное. Эти двое, мол, оказались страшными чудищами. Они убили одного из их братьев, растерзав его своими гигантскими когтями, и пытались сделать то же самое с другими.

— Мы оказались на их пути, — говорили Слепыши, — и они отбросили нас в сторону с такой легкостью, словно мы какие-нибудь паучки. Мы пытались хоть как-то противостоять им, но против них...

— Достаточно, — сухо сказал Виккель. — Иными словами, вы их упустили.

— Наши братья отправились в погоню за ними, — в один голос сказали Слепыши.

— Молитесь, чтобы они их поймали! — мрачно сказал Виккель. — Если людям удастся бежать, это

будет стоять мне жизни. Но в царство теней я отойду не один — вас я прихвачу с собой!

Разрази гром этих бестолковых слуг! Виккель направился в том же направлении, в котором скрылись беглецы. Он уже знал о том, что колдунья направила на поимку беглецов одного из своих жирных червей. Если люди попадут к ней, господин, не раздумывая ни минуты, обратит его в грязную лужицу. Ну что ж, ему не оставалось ничего иного, как только опередить слуг колдуньи и доставить этого человека к Рею. Вот только как это сделаешь...

Дик добрался до того места, где стены туннеля расходились, и устался на лежавший в луже труп Белого Слепыша.

Летучая мышь, с которой он недавно беседовал, слетела вниз и присела на камень, хищно глядя на бездыханное тело.

— Зря б-бес-спокойсья, — прошуршал Дик. — Из н-него п-п-почти вся кровь в-вытекла.

— Лучше что-то, чем ничего, — сказала мышь ему в ответ.

Если могучий Дик поможет ей перенести тело на берег, она расскажет ему кое-что интересное.

Дик побагровел от гнева и едва удержался от того, чтобы не швырнуть в летучую мышь камнем. И тут ему в голову пришла неплохая идея. Он приподнял свой хвост и резко опустил его в лужу. Снопы брызг окатили стены пещеры, волны же вынесли тело Слепыша на берег. В то же мгновение мышь слетела с камня на труп и приступила к трапезе.

— Т-ты ч-чт-что-т-то х-хотела с-сказать, — закрутившись на месте, проскрипел Дик.

Вампир извлек из бездыханного тела перепачканный кровью хоботок и согласно кивнул. Дик нужен эти двое, что свалились в пещеру час назад? Они смогли бежать от Белых Слепышей и Одноглазого. Они побежали в ту сторону.

Дик не мог поверить в неожиданно привалившее ему счастье. Неужели людям действительно удалось бежать? Если это правда, то он, Дик, теперь сможет поймать их! Дик поспешил вслед за беглецами. Недавние страхи совершенно оставили его.

Катамаи Рей сидел в своей палате, ожидая вестей от слуг, посланных на поимку человека. Вначале он поручил Виккелю тут же отправить непрошеного гостя на тот свет, но затем передумал и решил прежде допросить его. Вряд ли человек мог стать причиной всех тех бед, которые, если верить магическому кристаллу, угрожали владениям Рея. Скорее всего, этот человек был послан сюда другим волшебником или полководцем великой армии; разумеется, его надлежало убить, но лишь после того, как он расскажет всю правду. Колдун знал немало заклинаний, определенным образом воздействующих на человеческие органы и кровь, и потому несколько не сомневался в успехе. Чародей самодовольно улыбнулся. Скоро этот инцидент будет исчерпан, и тогда он сможет вновь заняться одной мерзкой ведьмой.

Чунта прикладывала горящий алым светом магический рубин к разным частям своего тела, постанывая от наслаждения. Камень ничего не говорил ей о том, когда же Дик приведет пленников. Однако теперь она знала, что людей в пещере трое или даже четверо. Ничего хорошего это не предвещало. И одного было более чем достаточно. Теперь она должна позаботиться о том, чтобы об этом не узнал колдун.

Она улыбнулась, глядя на залитые призрачным светом стены залы. Кристалл поведал о том, что грядущие события так или иначе связаны с мужчиной, отличающимся необыкновенной силой. О, как давно у нее не было мужчины! А этот силач так молод, так горяч... Если ей удастся заманить его в постель, она станет сильной как никогда. Сенша заключит их в свои объятия, и мужское существо

сольется с нею и физически и духовно. От нетерпения Чунта не находила себе места.

Конан и Элаши, пытаясь уйти от преследователей, бежали по каменным коридорам, скалившим острые каменные зубья сталактитов и сталагмитов. Все глубже спускались они, все холоднее становился воздух.

Где-то вверху ночь раскинула свое эбеновое покрывало над миром, здесь же, в чреве горы, все было залито ровным призрачным светом.

Глава пятая

Утреннее солнце озарило своими лучами гребень горы, тут же вспыхнувший слепящим белым пламенем. Сидя в седле, Харскил наблюдал за одним из своих слуг, склонившимся над зияющим среди снегов черным провалом. Два других воина, крепко схватив первого за ноги, на миг опустили его вниз и тут же извлекли наружу. Воин поднялся на ноги и подошел к Харскилу.

— Там пещера. Тропа идет через это самое место, так что они, скорее всего, туда и свалились. Глубина там приличная, но внизу, если я не ошибся, вода.

Харскил заерзал в седле, отозвавшемся пронзительным скрипом.

— Ну а следов их ты не заметил?

— Никак нет, мой господин.

— А могли они остаться в живых после такого падения? Может быть, там слишком мелко?

Человек пожал плечами:

— Не могу знать, мой господин.

Легким кивком головы Харскил указал воинам, стоявшим за спиной его собеседника, на черный провал. Те поняли его без слов. Не успел воин, беседовавший с Харскилом, опомниться, как его схватили за руки и силой потащили к яме. Завопив, воин полетел вниз;

раздался плеск воды, и через миг слышалась отборная ругань.

— Нда, — задумчиво протянул Харскил. — Похоже, ничего страшного не случилось и с ними. Ну что ж. Тогда нам следует подумать о лестнице и факелах. Мы отправимся вслед за ними.

Воины заметно нервничали, но Харскил не обращал на них ни малейшего внимания. Он знал, что делает. Без Конана ему было не обойтись — ему нужны были его меч и его кровь. И тогда он вновь станет самим собой, их вновь станет двое!

— Вы что — не поняли меня? — прикрикнул он на воинов.

Уже через час вниз было опущено некое подобие лестницы. Оставив одного из своих людей наверху, дабы тот охранял коней, Харскил и его воины стали спускаться в пещеру.

Безглазые преследователи не отставали от беглецов ни на шаг, хотя явно уступали в скорости. Они прекрасно ориентировались в подземном лабиринте и выигрывали время, спрямляя путь там, где Конан и Элаши петляли. Людям пока везло — туннель шел все дальше и дальше, причем бежать по нему пока было не сложно.

И тут удача, похоже, изменила им. Сделав очередной поворот, они оказались у развилки. Путь, шедший направо, тут же становился таким узким, что по нему можно было разве что ползти. Левый туннель был куда шире, но одна из стен его была совершенно скрыта низвергающимися откуда-то сверху потоками воды. Дно туннеля было затоплено водой, о глубине же этого подземного озера можно было только гадать, ясно было лишь то, что глубина была явно немалой. Элаши совершенно не умела плавать, и потому путь этот тоже казался сомнительным.

— Надо вернуться немного назад и пойти по другому туннелю, — словно разгадав мысли Конана, сказала Элаши.

— Слишком поздно, — отозвался киммериец. — Они уже совсем рядом. — Он вынул из ножен свой меч. — Похоже, здесь нам придется держать оборону.

Элаши кивнула и тоже взяла в руки клинок. Она и Конан стояли бок о бок, готовясь к встрече с белыми тварями.

— Идите сюда! — невесть откуда раздался вдруг человеческий голос.

Конан обернулся, но так никого и не увидел.

— Сюда! — вновь слышался тот же голос.

Посмотрев налево, Конан к собственному удивлению увидел человеческую руку, возникшую из-за водной завесы. Рука поманила его к себе.

— Скорее! — сказал тот же голос.

Конан и Элаши переглянулись. Особого выбора у них не было. Конан осторожно ступил в воду и тут же обнаружил, что в центральной части коридора вода не доходит ему и до колена. Держа свой меч наготове, он прошел по мелководью несколько шагов и, собравшись с духом, прыгнул сквозь ревушую водную стену туда, откуда только что возникла рука.

За водопадом, который был куда менее грозен, чем ему показалось вначале, стоял невысокий кряжистый человек. Из-под выдавшей виды шляпы выбивались длинные пряди седых волос; седею была и борода незнакомца. На вид ему было лет пятьдесят. В руках человек держал длинный кинжал, за спиною же его открывался коридор, уходивший куда-то вниз.

Через миг рядом с Конаном стояла и Элаши. Старик жестом пригласил их следовать за ним. Уговаривать их ему не пришлось — возвращаться назад или поднимать шум сейчас было бы безумием.

Вскоре шум водопада был уже еле слышен. Остановившись, старик обратился к Конану и Элаши:

— Теперь Слепыши ничего не услышат. Вода и запах ваш давно смыла. Сюда они идти и не подумают.

— Спасибо тебе за помощь, — ответил Конан, немало изумленный всем происшедшим.

— Меня зовут Тулл, — вставил старик.

— Вовремя ты, Тулл, появился. Я — Конан из Киммерии, а это — Элаши из Хаурана.

Киммериец на миг задумался, но тут же обратился к старику с вопросом:

— Скажи-ка, дружище, — куда это мы попали?

— О, об этом надо говорить особо! В двух словах этого не объяснишь.

— Мне кажется, что для разговоров времени у нас теперь предостаточно.

— Но лучше мы сделаем это в другом месте. Неподалеку отсюда есть одно укромное местечко, — сказал Тулл, — там-то я вам все и расскажу.

Конан и Элаши не стали спорить со стариком.

Виккель поднырнул под грозного вида сталактит, свисавший с низкого свода туннеля. Его провожатый остановился, склонил голову набок и повернулся к нему лицом. Его собратья, похоже, возвращаются. Они идут снизу и через минуту-другую уже будут здесь.

Виккель улыбнулся, обнажив свои мощные клыки. Он никак не ожидал, что все произойдет так быстро. Сейчас он увидит Белых Слепышей, а вместе с ними...

О ужас! Где же люди?!

Предводитель Слепышей, понурился головой, подошел к нему.

— Людей было двое, — сказал он угрюмо. — Судя по запаху, это были мужчина и женщина. Им удалось бежать.

— Бежать?! — взревел Виккель.

— Да, да, именно бежать. Они словно под землю провалились.

— Люди на это не способны! — ответил циклоп Слепышу.

— Значит, они умеют ходить по воде, — ничуть не смутившись, сказал ему Слепыш. — И вообще, кто знает — люди это или волшебники.

— Отведите меня на это место, — приказал Виккель. — В отличие от вас я способен видеть!

— Вы только зря потеряете время, — ответил ему Слепыш.

— Своим временем распоряжаюсь я сам! — зло бросил ему Виккель.

«Ох, не сносить мне теперь головы», — думал он, следуя за бестолковыми Слепышами.

Летучая мышь тяжело плюхнулась на камень, лежавший прямо перед Диком, и принялась вылавливать блох.

— Ч-что н-новенького?

— Ой, плохие новости, — ответила мышь. — Людям удалось бежать — по крайней мере, так говорят сами Слепыши. Людей было двое — мужчина и женщина. И вот теперь они исчезли, испарились, растаяли.

Дик задумался. Плохо, что люди не попали к нему, но, с другой стороны, хорошо, что они сумели сбежать от Одноглазого. Кто знает, может быть, еще не все потеряно.

— А т-ты знаешь, к-как п-попас-сть т-туда, к-куда они с-скрылись? — Дик не любил длинных фраз, от них у него начинало ныть в животе, но сейчас парой слов было не обойтись.

Летучая мышь кивнула утвердительно.

— От-твед-ди м-меня т-туда!

Нетерпение Катамаи Рея росло с каждой минутой. Он принялся рыться в своих магических кристаллах, пытаясь отыскать маленький голубой камешек, с помощью которого он связывался со своими слугами. Он созовет к себе всех циклопов и накажет парочку особо нерадивых, чтобы другие были порасторопнее.

И куда же задевался этот проклятый камень?

Чунта расхаживала из угла в угол, ожидая вестей от своего слуги Дика. И куда этот проклятый червь запропастился? Она подождет еще час, если вестей не

будет и тогда, она свяжется с гигантским белым червем. Чего она терпеть не могла, так это ждать.

Укромное местечко, о котором говорил Тулл, оказалось небольшим гротом, стены которого были сплошь покрыты плесенью. Для того чтобы попасть туда, людям пришлось вскарабкаться на самый верх стены огромной пещерной залы. Вход был завешен ветхой тряпкой серого цвета, заметить которую снизу было почти невозможно.

Свет, излучаемый стенами, был здесь едва ли не яркое. Посреди грота стоял маленький столик из костей и кожи. На нем стояла чаша, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении черепом какого-то животного. В углу лежала целая кipa белых шкур, очевидно, служившая Туллу ложем. Похоже, это были шкуры Белых Слепышей. Впрочем, здесь же лежали и шкурки поменьше серого мышиного цвета.

— Это место носит имя Гроттериум Негротус, — сказал Тулл, — Черная Пещера. Если мои расчеты верны, я провел здесь уже пять лет.

— Как же ты сюда попал? — спросила Элаши.

— Провалился под землю.

— О, это нам знакомо! — грустно прошептала она.

— А что за твари нас преследовали? — вступил в разговор Конан.

— Это Белые Слепыши. Почти все они поддерживают Рея.

— Рея?

— Да, именно так — Рея. Этими пещерами правят двое. Половина Гроттериума принадлежит волшебнику Катамаи Рею, главное орудие которого — магические кристаллы. Второй половиной правит ведьма Чунта. Ее магические способности связаны, — как бы это сказать поточнее, — да, связаны с ее природой.

— С ее природой? — изумилась Элаши.

Тулл ответил ей на языке жестов, но значение их было настолько прозрачно, что Конан не смог сдержать смешка, Элаши же густо покраснела.

— Все эти пять лет я был свидетелем их борьбы. Говорят, что они воюют друг с другом вот уже несколько столетий. Причины же этой вражды, я думаю, вам понятны — и он, и она пытаются завладеть всей пещерой. Все обитатели пещеры так или иначе служат либо Рею, либо Чунте. Это и Белые Слепыши, которых вы уже видели, и диковинные растения, называемые Прядильщицами, и Летучие Вампиры, и Черви-Гиганты, и горбатые циклопы. Порою существа эти изменяют своим господам и начинают служить той стороне, с которой только что боролись.

— Веселенькое место — ничего не скажешь, — заметила Элаши с иронией в голосе. — Но почему же ты отсюда не уходишь?

— Не могу, — спокойно ответил Тулл. — Черви и циклопы то и дело латают своды. Я несколько не сомневаюсь в том, что теперь заделан и тот провал, в который попали вы. Все эти пять лет я бродил по пещере в поисках выхода, но, как видите, так и не нашел его.

— Значит, кроме тебя, людей здесь нет?

Тулл отрицательно помотал головой.

— Кроме вас, никого. Порою сюда кто-нибудь да проваливается. Но Рей убивает их на месте. Чунта поступает иначе, но после ее ласк никому человеку не выжить. Так что лучше не попадаться ни Рею, ни Чунте.

Конан поежился.

— Честно говоря, мне эта чертова дыра совсем не нравится. Чем раньше мы отсюда выберемся, тем лучше.

— Я пытаюсь это сделать уже пять лет.

— Это ничего не значит. Наверняка отсюда есть выход.

— Не буду спорить, — спокойно продолжил Тулл. — Но не забывай о том, что Белые Слепыши служат Рею. Если он еще и не знает о вашем появлении, они в ближайшее время известят его об этом. Чунта, шпионами которой наводнена вся пещера, рано

или поздно тоже услышит о вас. Так что искать будешь не только ты — искать будут и тебя.

Конан сжал рукоять меча.

— Если это действительно так, то мне жаль их.

Тули посмотрел на огромный меч киммерийца и оценивающе обвел взглядом его мускулистое тело.

— Наверное, ты прав. Но мне тебя жаль еще больше. Один циклоп может справиться с двумя такими богатырями, как ты. Здесь же их сотни. Черви тоже ребята не промах — они бьются с циклопами на равных.

Конан и Элаши переглянулись.

— Лучше тихонько найти выход и покинуть это мрачное место, — пробормотала Элаши.

Конан промолчал, но в душе согласился со своей спутницей. Ведьмы, колдуны и странные подземные обитатели могли вызвать у него разве что отвращение. Чем скорее они отсюда уйдут, тем лучше.

Глава шестая

Размеры пещеры поразили Харскила и устроили его людей. Стены излучали зеленоватое сияние, заливавшее мертвенным светом бесконечные подземные коридоры, однако факелы решено было не тушить, ибо в их ярком свете легче было напасть на след беглецов. Перед Харскилом стояла куда более сложная задача, чем он предполагал вначале, но это ничуть не влияло на его решимость настигнуть Конана. Если в его руках окажется меч киммерийца, он сможет снять с себя проклятье и стать тем, кем был прежде — мужчиной и женщиной. Слова заклинания Харскил помнил на память, денно и ночью повторял он их в ожидании заветного часа.

Воин, шедший впереди, чертыхнулся.

— В чем дело? — спросил Харскил.

— Опять со следа сбился, мой господин. Такое ощущение, что после них здесь прошла целая толпа. Вы видите?

Воин приблизил факел к земле. Взгляду Харскила открылся странный, ни на что не похожий след, который мог оставить после себя лишь гигантский змей.

— Чей это след? — спросил Харскил.

Воин пожал плечами.

— В первый раз я такое вижу. Если это на что-то и похоже, то только на след змеи, но таких змей не бывает.

«Как знать, — подумал Харскил, — быть может, придется извлекать и меч, и киммерийца из брюха сказочного чудовища».

— Вперед! — приказал он воинам.

Виккель едва поспевал за перепуганными Слепышами. И тут он услышал голос своего господина. Справа от него возник багровый шар, и тут же послышалось странное стрекотание, которое с каждым мгновением становилось все громче и громче. Виккель застыл, пронзенный ужасом.

Из багрового шара раздался голос Рея:
ТЫ ПОЙМАЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА?

Виккель нервно сглотнул и, стараясь не сболтнуть лишнего, стал держать ответ перед своим господином.

— Я как раз направляюсь к нему, мой повелитель. Белые Слепыши загнали его в угол.

КОГДА ТЫ ПРИВЕДЕШЬ ЕГО КО МНЕ?

— Честно говоря, я не могу дать вам точного ответа. Место, о котором я говорил, находится достаточно далеко отсюда. До вас же оттуда и того дальше.

ТОРОПИСЬ, ВИККЕЛЬ. Я НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА МЕНЯ ЗАСТАВЛЯЮТ ЖДАТЬ.

— Можете не сомневаться, мой повелитель, — задерживаться зря я не стану.

Багровый шар завертелся на месте и с легким шипением исчез. Только теперь циклоп заметил, что у него дрожат руки. «Хозяина провести трудно, — с тос-

кой подумал он. — Если он узнает, что человек исчез...» Виккель ускорил шаг.

Дика неожиданно посетило странное видение. Он лежит у ног Чунты, которая вдруг стала раз в десять больше, чем на деле.

«Где же люди?» — говорит она, строго глядя ему в лицо.

Дик чувствует, как его заливают пот.

«Я к-как р-раз-з к ним н-направляюс-сь, гос-спожа! Д-до них еще полз-зти и полз-зти!»

Чунта стоит над Диком — огромная, словно гора. Наклонившись, она берет его в руку, и он, словно маленький червячок, целиком умещается в ее ладони. Если сейчас она сожмет руку, от него останется мокрое место.

«Поспеши, Дик. Моему терпению скоро придет конец. Ты ведь этого не хочешь, правда?»

У Дика под брюхом нет камня, и потому он не может сказать ни слова. Ему становится по-настоящему страшно.

Дик затряс головой и очнулся. Как и прежде, он полз за летучей мышью, снующей из стороны в сторону. Вдыхать Дик не умел, да и времени на это у него уже не было.

Конан с интересом выслушал рассказ Тулла, но с последним его выводом не согласился. Следовало искать выход, несмотря ни на что. Он высказал эту мысль вслух.

К его удивлению, Элаши не стала с ним спорить.

— Да, чем скорее мы покинем это место, тем лучше, — согласилась она.

Тулл с сомнением покачал головой.

— Я думаю, ты поступаешь легкомысленно, Конан, — сказал он. — И все же я помогу тебе. Без моей помощи вы далеко не уйдете. Кто знает — может быть вам повезет больше, чем мне.

Конан заулыбался. Уж лучше что-то делать, чем ждать, когда же Судьба смилостивится над тобой.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — На том и по-
решим.

Они направились к выходу из грота.

Виккель стоял, созерцая ревущую стену воды.

— Вы уверены в том, что они направились именно сюда?

Белые Слепыши закивали.

Циклоп призадумался. Если уж людям удалось здесь пройти, то почему бы и ему, подземному жителю, не последовать за ними? Он вошел в воду. С каждым шагом становилось все глубже. Вскоре вода уже доходила ему до шеи. «Нет, люди сюда не пойдут, — подумал Викаль. — Может быть, подальше от края попробовать?»

Он сделал шаг в сторону и тут же почувствовал под ногою камень. Через минуту он уже стоял на отмели. «Судя по всему, беглецы смогли пройти мимо водопада именно по этому камню», — подумал циклоп. В то же мгновение скользкий камень ушел из-под его ног и он, отчаянно замахав руками, повалился вперед.

От страха Викаль зажмурил глаза. Когда же он открыл их, он увидел перед собой длинный туннель, за спиною же его шумела и ярилась вода. Вот те на! Оказывается, за водопадом скрывается неведомый ему ход! Уже несколько не боясь воды, он высунул голову наружу и закричал:

— Эй вы, идиоты! Идите за мной!

Дик наблюдал за происходящим сквозь узкую щель в стене. Одноглазый плюхнулся прямо в водопад, но уже через минуту он выставил оттуда свою голову и приказал Слепышам следовать за ним.

Стоило Слепышам исчезнуть за водопадом, как к трещине слетела летучая мышь.

— Т-ты з-знала об этом? — спросил Дик.

Мышь ответила утвердительно и сообщила ему, что туннель, вход в который находится прямо за водопадом, ведет в одну из мышиных пещер.

— А м-мож-жно п-попас-сть т-туда к-как-то иначе?
— Разумеется, — ответила мышь. — Неужели ты думаешь, что мы, мыши, станем нырять в этот водопад?

— От-тведи меня т-туда-да.

— Пожалуйста, — ответила мышь, которую роль проводника стала уже утомлять.

Дик пополз за надменной мышью, чувствуя себя едва ли не самым счастливым червем на свете. Назад беглецы возвращаться не станут — они тут же обнаружат, что их преследует Одноглазый вместе со своей шайкой. Если он, Дик, поспеет вовремя, люди выбегут прямо на него. С помощью летучих мышей он легко справится с ними.

— Куда ведет этот туннель? — спросил Конан.

— С одной стороны — водопад, с другой — пещера, кишущая летучими мышами. В ней они выводят свое потомство, — ответил Тулл.

— А сможем ли мы проскочить мимо мышей? — поинтересовалась Элаши.

— Для этого нам нужно вести себя тихо. Когда они не совокупляются, они спят.

— Ну что ж, тогда нам следует идти именно туда, — сказал Конан голосом, не знающим сомнений. Пока он и Элаши болтались по горным тропам, он мог вести с нею бесконечные словесные перепалки, из которых, как правило, победителем выходила она. Теперь же, когда им стала угрожать реальная опасность, ему было уже не до игр.

Конан пошел впереди, Элаши и Тулл следовали за ним.

Не прошло и часа, как они уже стояли перед пещерой, о которой говорил Тулл. Тулл жестом подозвал спутников к себе и тихо зашептал:

— Летучие мыши плохо видят, но они легко замечают любое движение. Если двигаться медленно, то они тебя не видят. Если вам покажется, что вас замечали, замрите на пару минут, и мыши вновь заснут.

Конан и Элаши закивали.

— И еще — они очень чувствительны к запаху крови. Если на вас будет хоть одна царапина, они слетятся как мухи на дерьмо, — прошу прощения у дамы. Справиться с ними нелегко. За несколько минут пара таких тварей способна высосать из Слепыша всю кровь. В этой же пещере мышей штук сто — не меньше. Так что смотрите — не осадите руки о камни.

Конан извлек из ножен свой меч.

— Эта штука здесь тебе вряд ли поможет, — сказал ему Тулл. — Повторяю — здесь их не меньше сотни.

— Ну и что? — пожал плечами Конан. — За кровь им придется платить кровью.

Тулл решил не спорить с киммерийцем, и они направились к пещере. Конан шел впереди.

— Кто скажет — куда ведет этот туннель? — спросил Виккель у Слепышей, но тут же понял, что его вопрос лишен какого бы то ни было смысла. Разумеется, Слепыши не смогут на него ответить, ведь до недавнего времени о существовании этого туннеля они и не подозревали. С другой стороны, куда бы ни вел туннель, им оставалось только одно — идти вперед.

— Д-дол-лго ещ-ще?

— Скоро придем, — ответила мышь. — Разве ты не слышишь этого чудесного запаха?

Вонь стояла такая, что Дика едва не тошнило, но он понимал, что ощущениями своими с мышью делиться не стоит.

— Этот след ведет направо, мой господин!

Харскил кивнул. Он чувствовал, что идти следует именно туда.

— Сворачиваем направо! — приказал он.

Мыши поражали своими огромными размерами. Несколько пар было занято любовными играми, прочие же мирно дремали. Своды пещеры были буквально усеяны ими.

Осторожно, стараясь не совершать резких движений, люди стали пересекать огромную каменную залу. Вся земля была усыпана щебнем, из-под которого то тут, то там торчали игольчатые кристаллы. От пещеры отходило не меньше дюжины туннелей, одни были расположены на уровне земли, другие много выше, — для того чтобы попасть в них, пришлось бы карабкаться по стенам.

Конан, Тулл и Элаши направлялись к туннелю, который, по словам старика, был самым длинным и самым просторным; у пути этого было и еще одно преимущество — стены туннеля были изрыты множеством гротов, в которых можно было укрыться от возможных преследователей.

Люди были уже в центре пещеры, когда вдруг стало происходить неладное. Беда же, как водится, не приходит одна.

— Взять их! — раздалось у них за спиной.

Конан резко развернулся и увидел, как из туннеля, по которому они шли, выбежало с десятков Белых Слепышей. За их спинами стояло странное горбатое существо, у которого был всего один глаз. Огромное, это чудище было раза в полтора выше Конана. Горбатое чудище зарычало, развело в стороны свои могучие руки и пошло на людей.

В тот же миг Слепыш, бежавший первым, споткнулся и напоролся на одну из каменных игл, пронзившую его насквозь. Мыши, мирно спавшие до этого, почуяли запах крови и разом проснулись.

Но и это не все. Конан вдруг услышал, что Тулл чертыхается. Он повернулся к нему и увидел, что из другого туннеля вылетела летучая мышь, за которой — о Кром! — полз белый червь совершенно немыслимых размеров — толщиной он был с бочонок! Эта омерзительная тварь ползла прямо на них.

Дружно запищав, мыши стали носиться по пещере, норовя вцепиться своими острыми как иглы зубами кому-нибудь в глотку. Слепыши, ничуть не растерявшись, принялись осыпать их градом камней. Судя по

тому, как метко они метали камни, слух у них был отменный.

— Людей ловите, олухи, людей! — взревел циклоп. Однако Слепышам сейчас было явно не до него.

Одна из мышей спикировала на голову Конану, но киммериец резко отскочил в сторону и точным ударом меча отсек ей крыло. И тут раздался еще один голос: «Вот он!» Это был голос Харскила! В зале появилось семь или восемь вооруженных пиками воинов с горящими факелами в руках.

Мыши тут же заметили новых гостей и решили устроить им подобающий прием. Добрая дюжина крылатых Вампиров бросилась на головы растерявшихся от неожиданности воинов.

Мыши пищали, Слепыши без умолку трещали, люди орали, циклоп ревел, огромный червь странно поскрипывал. От всего этого у Конана и Элаши голова пошла кругом.

— Пора делать ноги! — услышал Конан голос Тулла.

Разрубив надвое еще одну мышь, киммериец побежал за умудренным жизнью старцем.

Глава седьмая

Пробиться к туннелю было непросто. Конан, размахивая над головой мечом, пытался защитить спутников и себя самого от крылатых тварей, и тут что-то прыгнуло ему на спину. Он резко дернулся, и Белый Слепыш свалился наземь. Элаши вонзила клинок в грудь безглазой твари и поспешила за киммерийцем.

— Сюда! — услышал Конан крик Тулла, и тут прямо перед киммерийцем вырос воин, сжимавший в руках пик.

— Стой! — закричал воин, но тут же ему на голову спланировала летучая мышь, а на спину бросился Слепыш.

Циклоп взревел и, размахивая своими огромными кулачищами, понесся вслед за беглецами, сметая со своего пути мышей, Слепышей и людей.

Слева от Конана неистово размахивал хвостом огромный белый червь, осаждаемый Слепышами, при этом он нисколько не замедлял своего движения. В том, что червь охотится именно за Конаном, сомнений быть уже не могло.

Конан зарубил еще одну мышь. Горячие зловонные брызги полетели в лицо Элаши.

— Идиот! — завопила она. — Неужели нельзя поосторожнее!

— Сюда! Сюда! Скорее! — Тулп стоял у входа в туннель.

Еще мгновение, и они уже бежали по узкому каменному коридору.

— Куда мы бежим? — поинтересовался Конан.

— Не все ли тебе равно! — бросила на бегу Элаши. — Ты лучше вспомни — откуда мы бежим!

— У этого туннеля масса ответвлений, — тяжело дыша, ответил Конану старик. — Мы сможем легко уйти от преследователей.

— Если только кто-нибудь станет нас преследовать.

— О, в этом-то, парень, ты можешь не сомневаться. Подумать только — все они только за тобой и охотятся! Значит, ты им зачем-то нужен, верно?

В интересах дела Харскил мог пожертвовать всеми своими людьми, но сейчас, когда киммерийцу вновь удалось улизнуть, жизнь каждого воина становилась ценной вдвойне. Конан, девица и этот неизвестно откуда взявшийся старик скрылись в туннеле, к которому его воины вряд ли смогли бы пробиться. Самым разумным в этой ситуации было отступить и собраться с силами. В противном случае идея преследования станет попросту абсурдной.

— Ко мне! — закричал он воинам.

На его зов явилось только четыре воина. Сжимая в руках окровавленный клинок, Харскил повел своих лю-

дей к ближайшему туннелю. С собою они прихватили и раненого Слепыша.

Виккель стоял, тупо уставившись своим единственным глазом на огромного червя.

— А ну-ка убери своих мышей! — приказал он Дик, свернувшемуся в спираль.

Дик слегка развернул свое тело и проскрипел:

— А т-ты уб-бери с-своих С-слепышей!

Циклоп и червь с ненавистью глядели друг на друга.

— Из-за тебя им удалось бежать!

— Из-з-за меня? — изумился Дик. — Эт-то т-ты во всем в-виноват!

За спиной Виккеля раздался вопль Слепыша, к которому приложились своими хоботками сразу три мыши.

— Пока мы с тобой будем спорить, они уйдут так далеко, что и за неделю их не сыщешь! Может быть, нам лучше объединиться, а? Неужели мы не сможем найти общего языка? Их в конце концов только трое, так что вдвоем мы с ними должны управиться. Ну а дальше — посмотрим... Что ты на это скажешь?

Дик на миг задумался. В каком-то смысле сотрудничество с Одноглазым оправдано, по крайней мере, этот горбатый циклоп все время будет на виду. Если же им действительно удастся поймать людей, от циклопа можно будет и избавиться.

— С-с-соглас-сен! — громко проскрипел Дик.

Виккель довольно ухмыльнулся. Как только они изловят людей, он скинет на этого поганого червя такой камушек, что от того и мокрого места не останется. Пока же лучше держать этого ведьминоного прихвостня где-то рядом: черви — они такие, за ними глаз да глаз нужен!

— Ну что ж, тогда — в путь!

— А к-как же С-слепыши?

— Пусть достанутся мышам. Пока от них толку не было никакого — один вред.

— С-с мыш-шами тоже кашу не с-сваришь...

Дик старался не отставать от Виккеля, хотя и держался от него на известном расстоянии. Доверять Одноглазому нельзя — это он знал точно.

Терпению Рея пришел конец. Внутри у него уже все хлопотало. Ну, циклоп, ну, мерзавец, — ты у меня дождешься!

Чунта металась по своему широкому ложу, чувствуя, как сладкая истома сменяется едкой горечью.

— Куда теперь? — спросил Конан. Они стояли у развилки, от которой отходило сразу три туннеля.

— Честно говоря, не знаю, — почесав голову, ответил Тулл. — Я в этих местах еще не бывал.

— Тогда все пути для нас годятся, — сказала Элаши. — Лично я пошла бы по центральному.

Не дожидаясь ответа, гордая жительница пустынь поспешила по избранному ею маршруту. Тулл вопросительно посмотрел на Конана.

Тот пожал плечами и тихо сказал:

— Такой уж у нее характер. Спорить же с ней — только зря время терять.

Мужчинам не оставалось ничего другого, как только последовать за Элаши. Она опережала их шагов на десять, но сбавлять шага явно не собиралась.

— Может быть, ты все-таки нас подождешь? — обратился к ней Конан.

— Ты что — и догнать меня уже не можешь? — не оборачиваясь, воскликнула Элаши.

— О чем ты говоришь? Дело в том...

Договорить он не успел. Раздался пронзительный визг, и Элаши внезапно исчезла из виду. Через миг они услышали громкий плеск воды. Конан поспешил вперед и замер в шаге от того места, где только что стояла Элаши.

Таких больших пещер он еще не видел. Он стоял на краю скалы, у подножья которой плескались волны. Подземное озеро казалось бескрайним — своды пеще-

ры уходили куда-то вверх, и потому зеленоватый свет, излучаемый покрывавшей их плесенью, не мог рассеять тьму, стоявшую над озером.

Прямо под ним из воды появилась Элаши. Вода не доходила ей и до пояса. Конан усмехнулся.

— Догнать тебя — дело нехитрое. Я хотел сказать тебе, что спешить в этих местах не стоит, — того и гляди, появится что-нибудь неожиданное. Ведь здесь даже и Тулл не бывал.

— Как я тебя ненавижу! — прошипела Элаши.

Тулл остановился рядом с Конаном, но тут же оступился и едва не полетел в воду вслед за Элаши. Киммериец помог ему устоять на ногах.

— Поосторожнее, приятель, — сказал он.

Тулл благодарно кивнул и, окинув взглядом подземное озеро, прошептал:

— Это — Море Мрака.

— Выходит, ты здесь все-таки бывал?

— Здесь я впервые. Море же это я видел уже не раз — видишь, какое оно большое? Здесь куда ни пойдешь — все одно в него упираешься.

Тулл посмотрел вниз и обратился к Элаши:

— А тебе, девонька, лучше там не стоять. В этом озере живности столько...

Снизу донесся плеск воды, и в следующее мгновение Элаши уже стояла на узкой каменной полочке, шедшей вдоль берега. Конан и Тулл спустились вниз и остановились рядом с нею.

Элаши разделась и принялась выжимать свои одежды.

— Дай мне свою накидку, — обратилась она к Конану, с трудом удержавшемуся от того, чтобы не рассмеяться.

«Это падение пойдет ей на пользу, — подумал киммериец, — но лучше ей об этом не говорить, иначе всем нам худо будет».

Накидка его была такой же сырой, как и платье Элаши, но, закутавшись в нее, она неожиданно успокоилась.

— И что же это за море? — спросил Конан, повернувшись к старику.

— Я о нем почти ничего не знаю, — ответил Тулл. — Местами оно широкое, местами — узкое. Морем его только называют. А вообще это озеро, огромное подводное озеро. И вода здесь не соленая, а пресная.

— Это все?

— Не совсем. Никто не знает того, где оно начинается и где кончается. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что где-то оно должно выходить на поверхность.

Конан задумчиво посмотрел на темные воды. Стало быть, выход следует искать именно здесь.

— Ну да, — вмешалась в разговор Элаши, к которой уже вернулся прежний сарказм. — Дело за малым — осталось найти лодку.

— Это-то как раз не проблема, — вздохнул Тулл.

— Что-то я тебя не понимаю, — удивился Конан.

— Все очень просто. Как я уже сказал, в этом озере полно живности. Водятся здесь и усатые рыбины размером с дом. Сам-то я их не видел, но Слепыш уверял меня, что это так.

— Ну и что?

— Выслушай меня до конца. Если тебе доводилось ловить рыбу, ты знаешь о том, что, издохнув, рыба всплывает на поверхность, — верно? У любой рыбы внутри есть пузырь, он-то и тянет ее наверх. Если, положим, издохнет по-настоящему крупная рыба, она может стать чем-то вроде плота. Весла же можно сделать из ее плавников.

— Хороша лодка — ничего не скажешь! — фыркнула Элаши. — А с чего ты взял, что рыба эта издохнет?

— Мы можем умертвить ее сами, — ответил Тулл. — Один точный удар мечом, и дело сделано!

— Но ведь прежде всего рыбину эту как-то приманить надо! — не сдавалась Элаши. — У тебя что — и приманка есть?

Конан и Тулл переглянулись и вновь посмотрели на Элаши. Они улыбались.

Элаши тут же сообразила, куда клонит Тулл.

— Да вы с ума посходили!

— В противном случае нам придется провести здесь остаток жизни, — спокойно заметил Конан. — Друзей у нас здесь хоть отбавляй — черви, мыши, Слепыши, циклопы. О колдуне и ведьме я уже и не говорю.

— А почему бы приманкой не стать кому-то из вас?

— Я — рыболов, — ответил Тулл. — И я знаю рыбьи повадки. Без меня у вас ничего не выйдет.

— Ну, а я — воин, и сил у меня поболее, чем у тебя, — тут же заговорил Конан. — Да и клинок мощнее.

— Замолчите! — побледнев, пробормотала Элаши. — Сейчас же замолчите!

Тулл начертал на влажном песке нечто, отдаленно напоминающее рыбу.

— Бить надо сюда, — сказал он, указав пальцем на заднюю часть рыбьей головы. — Если удар будет точен, ты перережешь ей главный нерв.

Конан кивнул.

— Плоть у рыб мягкая. Постарайся вонзить в нее меч по самую рукоять.

Конан вновь кивнул.

Тулл поднялся на ноги и отряхнул песок с ладоней.

— Видишь ту скалу над водой? Это как раз то, что нам нужно.

— Теперь скажи, что мы должны делать.

— Девица будет плескаться под скалой, ты же будешь ждать рыбу наверху. Как только она появится, ты прыгнешь вниз, ясно?

Элаши хмыкнула.

— Мне очень жаль, но, боюсь, планам вашим сбыться не суждено. Я не умею плавать. Конан это знает.

— Тебе не придется плавать, — тут же нашелся Тулл. — Ты будешь болтаться на веревке. Веревку же я сделаю из плаща.

- Но как же...
— Хватит болтать, — отрезал Конан.

Приготовления не заняли и часа. Верхний конец веревки был привязан к вершине скалы, на нижнем же ее конце висела Элаши. Воды касались только ноги женщины. Время от времени Тулл дергал за веревку, от чего по поверхности озера начинала бегать рябь. Конан стоял рядом со стариком, взяв меч наизготовку.

— Если эта проклятая рыба меня съест, в этом будешь виноват только ты, Конан. Я отыщу тебя и на том свете, и тогда тебе несдобровать — ты ведь меня знаешь.

Конан нахмурился. Неужели эта девица никогда от него не отстанет, неужели он встретится с ней и в царстве теней? Он потряс головой и вновь уставился в воду.

— Смотри, — услышал он вдруг голос Тулла. Старик указывал рукою куда-то вдаль.

Конан прищурился. По воде шла какая-то рябь.

— Это плывет наша рыба, — зашептал Тулл. — Сейчас она выйдет на поверхность.

И действительно — по поверхности теперь скользило что-то длинное и узкое.

— Это ее спинной плавник! — воскликнул старик. — Готовься, приятель!

Он посмотрел под скалу и прокричал Элаши:

— А ты, девонька, зря не переживай, — как только она подплывет поближе, я вытяну тебя наверх!

— Надеюсь, так оно и будет, — послышалось снизу.

— Клянусь Митрой, я таких рыб еще не видел! — забормотал Тулл. Ей одной можно всю нашу страну досыта накормить!

— Не пора ли меня вытаскивать? — вновь раздался голос Элаши.

— Придется потерпеть еще минуточку. Конан, ты готов?

Конан утвердительно кивнул головой и приготовился к прыжку. Рыбина подплывала все ближе и ближе, становилась все больше и больше...

— Поехали, дочка! — крикнул старик и стал выбирать сдвоенную ленту.

Но тут же раздался громкий треск и визг Элаши. Одна из лент оборвалась...

— Ох ты, черт! — пробормотал Тулл, понимая, что жизнь девицы теперь буквально висит на волоске. — Еще мгновение, и рыба заглотит бедняжку...

Элаши решила не искушать судьбу и с обезьяньим проворством полезла вверх.

В тот же миг Конан бросился вниз, оседлав рыбу и что было сил ударил ее мечом в то самое место, о котором говорил Тулл. Клинок вошел в ее тело по самую рукоять. Обезумевшая от боли рыба забилась так, что по озеру пошла гулять высокие волны. Конан отлетел далеко в сторону и тут же поплыл к берегу, стараясь держаться подальше от бьющегося в агонии чудища. Через минуту он уже стоял на вершине скалы рядом со своими друзьями.

Удар киммерийца был точен. Через несколько минут рыба уже плавала на поверхности брюхом вверх. Каждая из чешуек ее была размером с блюдце.

Конан посмотрел на Элаши и улыбнулся.

— Ну, чем тебе не лодка?

Элаши поморщилась.

— Ты что — не слышишь, какая вонь от нее идет? Мы же пропахнем ею насквозь!

Конан и Тулл переглянулись. Вот те раз. И как это они ее терпят?

Глава восьмая

— **С**читай, м-мы их п-поймали! — проскрипел Дик, остановившись. Разговаривать на ходу черви не умеют.

— С чего ты это взял? Кроме нас с тобой, здесь никого нет.

— Эт-тот т-тун-нель в-ведет к Морю Мр-рака.

— Вот оно в чем дело. — Эту часть пещеры Виккель толком не знал, хотя об огромном подземном озере

ему доводилось слышать не раз. — Стало быть, они попали в ловушку.

— П-похоже н-на т-то.

— Тогда нам стоит пойти побыстрее. Вдвоем мы с ними живо справимся.

— К-конечно с-справимс-ся.

Рей никак не мог установить связь с Виккелем. Циклоп либо ушел слишком далеко, либо погиб. Первый вариант был куда более вероятным, и в рассуждениях своих волшебник исходил именно из него. Если Виккель его уже не слышит, значит, он, — а вместе с ним и его жертва — находится за пределами сферы его, Рея, влияния. Если Виккель его слышит, но не может ответить, значит, с ним, Виккелем, что-то не так. И в том и в другом случае Рей никак не мог повлиять на исход операции, что сильно осложняло и без того непростую ситуацию. Мысль о том, что циклоп может просто-напросто игнорировать его зов, в голову волшебнику не приходила.

Катамаи Рей, кряхтя, распахнул сундук, в котором хранилась его колдовская параферналия. «Ничего не поделаешь, — думал он, роясь в своих сокровищах, — придется все делать самому».

Черт бы побрал этих бестолковых слуг — от усердия лбы себе порасшибают, а дела все равно не делают, что ты им ни поручи.

Терпению Чунты пришел конец. Этот мерзкий червь уполз настолько далеко, что она, великая Чунта, перестала видеть его своим внутренним оком! Куда это Дик мог запропасться? Не мог же он, в конце концов, погибнуть? И тут она вновь живо представила лицо того мужчины. О, как оно красиво, как оно мужественно! Чунта застонала. Нет, нет, так дело не пойдет. Она тяжело вздохнула. Лучше бы она все делала сама. А ведь дело-то это и выведенного яйца не стоило: подумаешь — человека нужно было поймать... Может быть, этот проклятый колдун ей помешал? Может быть, он уже там?

Она вскочила с кровати и принялась метаться по зале, срывая со стен амулеты.

— Ничего, мы еще посмотрим! Я сама его поймаю. Дика же, если он жив, я истолку в порошок — ведь это он, червяк ленивый, заставил меня так волноваться.

Белый Слепыш покорно отвечал на вопросы Харскила. К счастью, один из воинов был знаком с языком горцев и потому без особого труда понимал родственный ему язык подземных жителей, казавшийся всем остальным бессмысленной тарабарщиной.

— Скажи ему, — обратился к своему слуге Харскил, — что меня интересует человек по имени Конан.

Воин послушно выполнил просьбу своего господина.

Безглазая тварь что-то пискнула в ответ и вновь замолчала.

— Мой господин, он говорит, что ему и его братьям было поручено разыскать и пленить какого-то человека.

— Кто же мог дать им такое поручение?

— Наш пленник служит одноглазому чудовищу, которое, в свою очередь, является рабом волшебника, правящего подземным миром.

Харскил задумался. Новость эта была не из приятных. Впрочем, для него это мало что меняло.

Решив, что спрашивать безглазую тварь больше не о чем, Харскил извлек из ножен меч и резким коротким ударом обезглавил несчастного Слепыша, не успевшего даже пискнуть.

Жестом он пригласил своих людей следовать за ним.

Конан вырубил в брюхе рыбыны три углубления и смастерил из костей и плавников некое подобие весел. Плот был готов. С едой у людей особых проблем теперь тоже не было — она выглядела крайне неаппетитно, но зато ее было по-настоящему много.

— Одну минуточку!

Тулл неожиданно прыгнул в воду и, выбравшись на берег, принялся что-то искать. Через несколько минут

он вновь стоял на рыбьем брюхе; в руке он держал гриб. Взяв в другую руку кусок рыбьего мяса, старик принялся мять гриб, поливая мясо сочившейся из гриба жидкостью. В воздухе вдруг запахло укусом.

— Сок этой поганки безвреден для людей, — пояснил Тулл, — польза же от него — немалая. Не пройдет и минуты, как мясо это станет вполне съедобным.

Конан с сомнением посмотрел на старика, но, испробовав предложенный ему кусочек, пришел в восторг. Мясо теперь было не просто съедобным — оно было вкусным!

— Слушай, старик, может, ты нам и вина предложишь? — обратился к Туллу заметно повеселевший Конан.

— Рад бы, да не могу. Есть здесь, правда, странные грибки, от которых на душе легко становится, да вот только вкус у них премерзкий, да и в кишках от них бродить начинает.

— Да я же шучу! — засмеялся Конан.

Плотно отобедав, они спустились к воде и стали отмывать руки от едкого грибного сока. Элаши смотрела на воду с опаской: слова Тулла о том, что озеро кишит живностью, испугали ее не на шутку.

— Теперь самое время отправляться, — сказала она, вернувшись в вырубленное Конаном углубление, на дне которого отдыхали ее спутники. — Слышите вы, лежебоки!

Конан поднялся на ноги и потянулся.

— Отправляться, так отправляться...

Взяв по веслу, киммериец и Тулл заняли места в ямах, вырубленных по разные стороны от центрального углубления. Конан кивнул, и они разом опустили свои весла в воду.

Огромная туша пришла в движение.

Поначалу гребцам казалось, что их затея обречена на провал, — уж слишком тяжела была туша; однако уже через четверть часа их диковинное судно набрало скорость и грести стало значительно легче. Подводных

течений в озере не было, и потому гребцы могли особенно не напрягаться.

Берег исчез во тьме. Светящийся каменный свод то взмывал высоко вверх, то нависал прямо над головами людей. Разумеется, Конан предпочел бы оказаться в каком-то ином месте, но он понимал и то, что судьба обошлась с ними милостиво. Он был сыт и здоров, мало того — ему было на кого опереться. Преследователей пока можно было не опасаться, если бы они и отважились войти в темные воды подземного озера, их тут же проглотила бы какая-нибудь тварь наподобие той, что была у него под ногами. Конан заулыбался: да, судьба явно благоволила к ним.

О том, что может ожидать их в будущем, он не думал. Киммериец привык жить настоящим. Думы о завтрашнем дне лишают человека дня сегодняшнего. С него достаточно и того, что он пока жив.

— Приготовься! — тихо проскрипел Дик. — Сейчас мы выйдем на берег!

Виккель кивнул и принялся разминать пальцы.

— Ос-сторожно! — предупредил Дик. — Там обрыв!

Предупреждение Дика было запоздалым, однако Виккелю каким-то чудом удалось удержаться на вершине утеса.

— Здесь никого нет.

— Н-не может быть! Дай-ка я посмотрю!

Дик выполз из туннеля и, тихонько поскрипывая, стал водить головой.

— Н-да. Может быть, они лодку где-то раздобыли?

— В-вряд ли.

— Тогда куда же они могли деться? Назад они пойти не могли, здесь их тоже нет, верно? Остается только одно — они поплыли на другой берег.

— Т-ты, п-похож-же, п-прав! С-смотри!

Виккель внимательно посмотрел на червя, пытаясь понять, на что же тот указывает. Он перевел взгляд на

берег и увидел там рыбы кости и обрывки материи. Они спустились вниз и призадумались.

— В том, что у них была лодка, я теперь нисколько не сомневаюсь. Одного не могу понять — где это они ее раздобыли?

Дик переполз с песка на камень и задумчиво заелозил по нему брюхом:

— Н-нам т-тоже п-понад-добитс-ся ч-что-н-нибудь плав-вучее.

— Это и дураку понятно, — хмыкнул Виккель. — Вот только где ты это самое плавучее. возьмешь?

— Н-над-до п-полз-эти п-по п-правому т-туннелю.

— Только не говори мне, что там ты спрятал корабль, Дик.

— К-корабля т-там нет. Т-там ж-живут П-прядильщицы.

— Ну и что? — раздраженно рявкнул циклоп. — На кой черт они нам сдались?!

— П-прядильщицы м-могут с-сплес-сти что угод-дно. Виккель остоленел. Ай да червь, ай да умница!

— Дик, ты — гений! При всем желании я не нашел бы лучшего спутника, чем ты!

Будь у Дика рот, он бы улыбнулся. «А этот циклоп вроде ничего, — подумал червь, — он и не глуп, и не заносчив. Одно плохо — не того хозяина себе выбрал». Дик вспомнил о своей собственной госпоже и тут же погрузился.

— Так ты предлагаешь отправиться к Прядильщицам, Дик?

— Н-ну раз-зумеетс-ся!

Китамаи Рей решил не обременять себя излишней тяжестью. Он взял с собой только самое необходимое: одежду, запас провианта, достаточный для того, чтобы поддерживать силы дюжины путешественников в течение шести недель, и пару сундуков с колдовским инструментарием — магическими кристаллами, разнообразными зельями и предметами, необходимыми для реализации тех или иных магических приемов. Поми-

мо прочего, в сундуках лежало с десятков объемистых томов, посвященных проблемам черной магии и вопросам ее практического применения. Рей распределил груз между носильщиками-циклопами и отдал приказ к выступлению. Слугами своими он был крайне недоволен — они были тупы настолько, что считать их разумными существами было решительно невозможно. Если в их головы и приходила какая-нибудь дельная мысль, то приходила она извне, исходить же она могла только от самого Рея. До недавнего времени он возлагал определенные надежды на Виккеля, но, увы, в ожиданиях своих он обманулся. Что до этого мерзавца, то он еще пожалеет, что появился на свет.

Циклопы поднесли к нему паланкин. Жестом руки Рей отослал их прочь. Он пойдет пешком, в его возрасте это полезно.

Чунта пристегнула седло к спине апатичного крупного червя по имени Сориёси. Две дюжины огромных червей ждали приказа к выступлению. В подсумки, сшитые из шкур Белых Слепышей, ведьма уложила притирания, любовные зелья, магические кристаллы и волшебные палочки. Мешочек с сушеными грибами она привязала к верхнему краю седла. Теперь можно было и отправляться.

— Поехали! — скомандовала Чунта.

Она была возбуждена настолько, что по нагому телу ее то и дело пробегали зеленые искры. Ведьма довольно улыбнулась, предвкушая то, что ожидало ее в конце путешествия. Сумеречный туннель озарился ярким зеленым пламенем.

Глава девятая

С той поры, как Конан, Элаши и Тулл отчалили от берега, прошло уже несколько часов. Пока все шло на удивление гладко. Время от времени на поверхности озера появлялась какая-то рябь, слышался плеск, однако тут же все успокаивалось. Часа

через три после отплытия лодка вдруг содрогнулась так, словно что-то тяжелое ударило ее в днище; гребцы напряглись, но новых ударов так и не последовало. Судя по всему, кто-то полакомился частью их судна.

По расчетам Конана день близился к концу. Лодка vyplыла в тихую заводь и уткнулась носом в скалу. Здесь было куда темнее, чем по ту сторону озера. Фосфоресцирующей плесени на стенах почти не было, и оттого место это казалось особенно мрачным.

Путешественников уже начинало воротить от запаха рыбы. Стоило их необычному судну причалить к берегу, как они тут же сбежали с него и принялись карабкаться вверх по скалам. Вскоре они оказались на широкой каменной полке, как нельзя лучше подходившей для ночлега. Тулл нашел на скале съедобный лишайник. Вкусным назвать его было нельзя, но рыба к тому времени приелась им настолько, что к ней никто не притронулся.

— Как здесь сыро, — посетовала Элаши. — Сейчас бы костер развести...

Конан выразительно посмотрел на свою спутницу.

— Знаю, знаю, — засмеялась она. — Сейчас ты скажешь, что с тем же успехом я могла бы пожелать царства.

— Как ты думаешь, далеко ли мы ушли? — спросил Тулл.

Конан пожал плечами.

— Кто его знает. Миль пять-шесть — не меньше.

— Похоже, что так. Я думаю, теперь они так быстро нас не найдут, — поди-ка сыщи наш след!

В обычных обстоятельствах Тулл был бы прав, но он забывал о том, что пещерою этой правят колдун и ведьма, — от них же можно было ожидать чего угодно. Конан побаивался всего, связанного с магией. Магия — вещь грязная и опасная. Обычного врага, как бы ни был он страшен, можно победить в честном бою, с волшебником же так просто не совладаешь.

— Первая стража за мной, — сказал старик.

Конан согласно кивнул и повернулся к Элаши:

— Мне кажется, мы сможем согреться и без костра.

— Ты так считаешь? — улыбнувшись, ответила ему Элаши.

Они скрылись в маленьком гроте, Тулл же продолжал сидеть на самом краю каменной полки, созерцая безмятежную гладь Моря Мрака.

Прядильщицы не способны перемещаться с места на место, но от этого они не становятся менее опасными. Эти чудовищные, высотой в два циклопых роста, растения представляют собой огромную утробу, окруженную колючими ветвями. Прядильщицами они названы не случайно — растения эти ткут паутину, отдаленно напоминающую паучью, выбраться из которой почти невозможно. В отличие от пауков, расставляющих свою паутину, Прядильщицы молниеносно выбрасывают клейкие нити, стоит их жертве подойти достаточно близко. Нити эти приклеиваются ко всему, кроме их собственной паутины. Поймав жертву, Прядильщица начинает подтягивать ее к себе, пока та не оказывается нанизанной на длинные шипы ветвей. Со временем жертва теряет сознание, после чего она поглощается хищной утробой. Прядильщица окружает себя шелковистым ковром, сотканным из паутины, что препятствует прилипанию выбрасываемых нитей к камням. Обитатели подземного мира стараются не появляться в тех пещерах, где живут Прядильщицы, и никогда не заходят на их шелковые ковры. Растения эти были бы обречены на вымирание, если бы не одно замечательное их свойство — они зачаровывают своих жертв голосами.

Виккель и Дик стояли у огромного шелковистого круга, принадлежавшего королеве колонии. Они уже изложили ей свою просьбу и теперь ждали ответа. Зазвучал нежный хриплый голос, который мог принадлежать лишь самке циклопа, — она звала Виккеля к себе, она изнывала от одиночества... Дик же услышал призывный скрип прекрасной розовой особы, кокетливо помахивавшей хвостом...

И червь и циклоп были готовы к этому, они знали, что здесь самкам слышатся голоса самцов, самцам — голоса самок; и Дик и Виккель были достаточно разумны для того, чтобы не кидаться в этот омут страстей, — они понимали, чем это для них закончится.

— Посмеялись и хватит, — зазвучал нежнейший голосок королевы. — Теперь вы можете подойти поближе — я не привыкла кричать.

Виккель вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Нет, сестра. Мы пришли сюда не для того, чтобы накормить тебя обедом. Мы хотим, чтобы наши отношения строились на иной основе.

— На иной основе? — королева сказала это так, что Дика бросило в жар.

— Да, — спокойно ответил Виккель. — Мы предлагаем тебе следующее — ты выполняешь нашу просьбу, мы же, со своей стороны, обязуемся через какое-то время накормить тебя.

— Чем вы собираетесь меня кормить и о каком времени идет речь? — голос королевы мгновенно стал другим — в нем зазвучали жесткие нотки.

Виккель довольно усмехнулся и прошептал:

— Как я ее, а?

— Здор-рово! — еле слышно проскрипел Дик.

Виккель откашлялся и продолжил:

— Скажи, ты смогла бы соткать лодку, которая выдержала бы нас обоих — меня и Дика?

— Конечно, — последовал ответ. — Из нашей Чудесной Нити можно соткать и не такое.

— Если ты это сделаешь, мы отдадим тебе на съедение полдюжины Белых Слепышей и полдюжины Вампиров. Идет?

— Двадцать Слепышей и двадцать Вампиров, — ответила королева. — И прекраснее вашей лодки не будет ничего на свете.

Виккель вновь ухмыльнулся.

— Я думаю, мы сойдемся на десяти, — шепнул он Дику.

— К-какая р-разница? Н-не т-тяни з-зря время!

Виккель вновь обратился к королеве:

— Мы не собираемся посылать ее на конкурс красоты. Нам нужна самая обычная лодка. Восемь и восемь.

— Делай свою лодку сам! Шестнадцать и шестнадцать!

В конце концов они сошлись на дюжине Вампиров и десяти Слепышах, которых Виккель и Дик должны были предоставить в распоряжение королевы по завершении своей миссии. Разумеется, королева предпочла бы отобедать сразу же, но, коль скоро это было невозможно, она согласилась немного подождать. Пара недель не срок, если приходится голодать годами.

— Если я правильно понимаю, вы хотите настигнуть тех существ, которые поплыли на другой берег? — спросила вдруг королева.

Виккель изумленно уставился на нее своим огромным глазом.

— Откуда ты это знаешь?

— Мои сестры живут в разных концах пещеры, но все мы связаны корнями. Эти трое направились к Пограничной Пещере.

— Это точно?

— Еще бы не точно! Как ты смеешь не верить мне, королеве? Но, впрочем, я не обижаюсь. Лучше поговорим о другом. Если мы поможем вам поймать их, то как вы будете расплачиваться?

Виккель и Дик переглянулись. И тому и другому было дозволено действовать по собственному усмотрению. И для того и для другого провал миссии был равнозначен смерти.

— Скупиться мы всяко не станем, Ваше Величество! — ответил находчивый Виккель.

— Каждых по две дюжины, — назвала свою цену королева.

Виккель заулыбался. Торговаться он любил, хотя делать это ему приходилось нечасто.

— Две дюжины? Это за трех двуногих существ? Ты, наверное, от голода рехнулась! Пять и пять!

Не успели закончиться торги, как сестры королевы уже приступили к работе над лодкой.

Ночь прошла на удивление спокойно. Стоило Туллу проснуться, как они тут же спустились вниз, к лодке, и заняли свои, ставшие уже привычными места.

Часа через два озеро стало узким настолько, что они едва не касались веслами его берегов. Затем каменные стены вновь расступились, и они оказались в небольшом зале, заканчивавшемся двумя залитыми водой туннелями.

— Куда поплывем? — спросил Тулл.

— Да все равно. Можно и по правому, — ответил Конан.

Элаши промолчала, но судя по тому, как она посмотрела на киммерийца, можно было понять, что с его выбором она не согласна.

— Тебе что-то не нравится? — обратился к ней Конан.

— Разве я что-нибудь сказала?

— Ну что ж, тогда плывем направо.

— Правый туннель темнее.

— Хорошо, поплывем налево.

— Левый туннель уже.

Конан усмехнулся. Кажется, он начинал понимать, как же следует разговаривать с Элаши. Сама она ничего не предлагала, но если это делал он, она тут же вступала в спор. Для того чтобы поплыть налево, он должен настаивать на том, что плыть следует направо.

— Да, все же я был прав — мы поплывем направо, — сказал киммериец. Элаши не обманула его ожидания.

— По-моему, ты ошибаешься! — тут же заявила она.

Теперь ему оставалось согласиться с нею так, чтобы согласие его казалось вынужденным.

Он пожал плечами и раздраженно бросил:

— Хорошо, будем считать, что ты права.

— Неужели ты сам этого не понимаешь?

Конан отвернулся в сторону и только теперь позволил себе улыбнуться. Начало положено. Скоро он научится с ней разговаривать. Они направили лодку в левую протоку.

Харскил то и дело чертыхался. То, что совсем недавно казалось ему пустяком, неожиданно обратилось в задачу, которую вряд ли возможно было разрешить. И повинны в этом были эти омерзительные подземные твари. Почему боги отвернулись от него? Ведь он хотел совсем немного — стать тем, кем был прежде. Для этого ему нужна была кровь героя, но разве он, Харскил, не стоил того?

Он нисколько не сомневался в том, что Конан так или иначе попадет ему в руки. Теперь он думал только о том, как же он отомстит этому варвару, что он сделает с ним после того, как чары распадутся. Достаточно того, чтобы на клинке киммерийца появилась хотя бы капелька его поганой крови. Разить Конана мечом он не станет, варвар умрет куда более страшной смертью. Подумать только — из-за этого мерзавца ему, Харскилу, пришлось уподобиться червю!

К нему подошел воин.

— Мой господин, если мы пойдем по этому туннелю, мы окажемся по ту сторону этой чертовой пещеры.

— Прекрасно. На всякий случай держите пики наготове.

Последней команды можно было и не давать — четверка уцелевших воинов ни на минуту не выпускала пики из рук.

Паланкин мерно покачивался. Рей с интересом поглядывал по сторонам, пытаясь вспомнить, как выглядели эти места прежде. То ли волшебника стала подводить память, то ли в пещере действительно произошли серьезные изменения, но многое пред-

ставлялось ему чем-то новым, доселе не известным. «Нет, надо выходить из своей пещеры почаще, — подумал Рей, — иначе позабудешь и о том, чем владеешь. Кстати говоря, и с ведьмой этой пора разобраться».

Волшебник задремал, откинувшись на мягкую спинку паланкина.

Саньёси выводил своим брюхом тихую, не лишенную приятности песнь: «Скрип-скри-ип, скрип-скри-ип...» Чунта, мурлыкая от удовольствия, думала о том светлом времени, когда она наконец сможет стать полновластной хозяйкой пещеры. О, тогда она присоединит к своим владениям и все окрестные земли, по которым бродят мужчины... Если она справится с этим гнусным колдуном, жизнь ее станет иной, исполнит нового, неведомого ей прежде смысла...

Чунте грезились будущие победы.

Глава десятая

Сотканная Прядильщицами лодка являла собой нечто замечательное. Она была легка настолько, что Виккель преспокойно нес ее в руке. Выдержать же она могла и полдюжины таких тяжелых сидков, как червь и циклоп. Прядильщицы сделали ее достаточно комфортной и удобной, соткав дополнительный полук, на котором можно было сидеть или лежать, не боясь простуды.

Виккель опустил это замечательное судно на воду, подождал, пока туда вползет Дик, и, пристегнув кормовое весло, запрыгнул в лодку и сам. Ход у лодки оказался поразительно легким — стоило Виккелю сделать несколько гребков, как она быстро заскользила по спокойной глади озера. Через пару минут Дик решил пособить своему товарищу — опустив в воду свой тяжелый хвост, он завращал им с такой бешеной скоростью, что лодка буквально полетела.

— Ты смотри, — поразился Виккель. — От скорости даже дух захватывает!

Дик хотел было поделиться с Виккелем своими ощущениями, но тут же сообразил, что сделать этого он не сможет, — шелковистый пол к разговорам не располагал.

— Наверняка люди плывут куда медленнее, — вновь заговорил Виккель, — час-другой, и мы их нагоним.

«Если только мы плывем в том же направлении», — подумал Дик.

— Важно, чтобы мы плыли в том же направлении, — продолжил циклоп. — Хотя ничего страшного не произойдет в том случае, если мы промахнем мимо, — с помощью Прядильщиц мы их все равно отыщем.

В знак согласия Дик закивал головой. Виккель улыбнулся, глядя на своего компаньона, и заметил:

— А ты знаешь, братишка, у меня такое чувство, что нам повезет. И вообще, должна же хоть когда-то восторжествовать справедливость!

Дик энергично закивал — он тоже чувствовал нечто подобное. Ему было несколько стыдно за себя — ведь совсем недавно он думал о том, как же ему избавиться от циклопа. Он хотел убить этого славного парня... Дик надолго задумался.

Мышь-разведчик заметила сидящего на берегу воина. Упускать такую добычу было глупо, и она тут же спикировала ему на голову. К несчастью для мыши, человек этот был здесь не один — рядом с ним тайлось трое его собратьев. В последний момент мышь заметила их, но было уже слишком поздно — она попала в лапы людей. О каком-то сопротивлении не могло идти и речи — к горлу ее был приставлен холодный стальной клинок.

— Я хочу поговорить с тобой! — обратился к мыши стоявший поодаль Харскил.

Разведчик не издал ни звука.

— Как — ты меня не понимаешь? А я-то считал мышей образованными существами! Ну что ж — убей-те эту мерзость, — обратился Харскил к воинам.

— Стойте! — изо всех сил завопила мышь.

— Подождите! — распорядился Харскил, улыбнувшись. Воины послушно опустили свои пики.

— Итак, — обратился Харскил к пленнику. — Как же тебя звать-величать?

Мышь приосанилась и гордо ответила:

— Я — Алый Силач, Летатель Над Всеми и Жизни Губитель!

— А почему же вдруг — «Алый»? — поинтересовался Харскил.

— По цвету пятна на спине.

— Понятно. Для простоты я буду называть тебя Рыжим. Итак, Рыжий, согласен ли ты выслушать мое предложение?

— Предложение?! Неужели ты думаешь, что после всего происшедшего я стану говорить с тобой?

— Отпустите его, — приказал Харскил.

Мышь почувствовала, что крылья ее свободны вновь. Она тут же развернула их с явным намерением бежать.

— Не спеши, Рыжий, умереть ты всегда успеешь. Как только ты взмахнешь крыльями, Зейт насадит тебя на свою пику.

Рыжий обернулся и увидел за своей спиной угрюмого воина, целившего в него огромной пикой.

— Я просто расправил крылья, — пролепетала мышь. — Теперь же я весь внимание.

— Вы, мыши, питаетесь кровью, не так ли?

— Совершенно верно.

— Я почти ничего не смыслю в магии и все же кое-что умею. Смотри!

Один из воинов Харскила вдруг захихикал, он смеялся так, будто кто-то незримый щекотал его. Так продолжалось с полминуты, после чего смех разом стих, воин же обратился в холодную каменную статую.

Харскил как ни в чем не бывало продолжил:

— Это пустяк. Заклинание, о котором я хотел поговорить с тобой, куда серьезнее. С его помощью можно получить большое количество свежей крови.

— Ты, наверное, шутишь? — изумилась мышь. — Разве подобное возможно?

— Я могу это доказать.

С этими словами Харскил извлек из дорожной сумки небольшую бронзовую чашку и подал ее пленнику. Рыжий заглянул внутрь, зачем-то постучал коготком по бронзе и наконец изрек:

— Что-то я не вижу крови.

Харскил взял чашку в свои руки.

— Ее там и не должно быть.

Он закатал рукава и, вытянув руки перед собой, что-то зашептал.

Чашка тут же стала наполняться густой жидкостью красного цвета. Харскил передал ее Рыжему.

— Удивительно, — пробормотала мышь. — Эта жидкость действительно пахнет...

— Кровью, — закончил за Рыжего Харскил. — Теперь ты можешь попробовать ее на вкус.

Рыжий было опустил в чашку свой хоботок, но неожиданно замер.

— Почему я знаю — может быть, ты меня отравить хочешь.

Харскил улынулся.

— Если бы я хотел твоей смерти, тебя уже не было бы на этом свете.

Рыжий на миг задумался и согласно кивнул головой:

— Что верно, то верно.

После этого он погрузил свой хоботок в чашку и надолго замолчал.

— Вот это да! Ничего более вкусного я в жизни не пробовал! — наконец воскликнул он.

— Я рад это слышать.

— Скажи-ка мне, сколько же вмещает твоя чашка?

— Не так уж и много — шесть или семь бочек...

— Семь бочек?! Вот это да! Ну и пир бы мы закатали, будь эта чашка у нас!

— Я забыл сказать о том, что по прошествии недели чудесные свойства чашки восстанавливаются. Для этого достаточно произнести заклинание.

— Послушай, человек! Дай эту чашку мне! Ты можешь просить за нее все что угодно!

Харскил усмехнулся. Похоже, мысли ничего не смыслили в коммерции. Кстати говоря, чаша могла наполниться кровью лишь единожды, но это ничуть не смущало Харскила, — в любом случае он не собирался торчать здесь целую неделю.

— Мне нужно переправиться на тот берег. Лодка и буксир — большего мне не надо.

— И это все? — поразились мышь.

— Я уже сказал — большего мне не надо.

Рыжий посмотрел на чашку.

— Если не ошибаюсь, лодки строятся из дерева. А вот с деревом у нас как раз туговато...

— Меня не волнует, из чего будет сделана лодка, — можете слепить ее и из дерьма.

— Это меняет дело. Я несколько не сомневаюсь в том, что наши умельцы с этим справятся. Сию же минуту я отправлюсь к своим братьям, и мы сообщаем что-нибудь придумаем. Где мы встретимся?

— Мы будем ждать тебя здесь.

Рыжий расправил крылья и с опаской посмотрел назад.

— Ты не мог бы попросить Зейга, чтобы он убрал свою страшную пику?

Харскил захохотал.

— Не бойся, дружище! Он тебя не тронет!

Мышь стремительно взмыла вверх и исчезла.

Харскил был доволен собой. Еще бы! Одного простого заклинания оказалось достаточно для того, чтобы сделать мышей его, Харскила, союзниками. С их помощью он изловит этого варвара в два счета.

— Эта проклятая река, похоже, никогда не кончится! — проворчала Элаши.

— Меня смущает другое, — тут же отозвался Конан. — Она все больше и больше забирает направо.

— Будем надеяться, что это когда-нибудь кончится, — вступил в разговор Тулл и тут же воскликнул: — Смотрите!

Конан и Элаши посмотрели в направлении, указанном стариком. Конан тут же все понял, Элаши же пробормотала:

— Ничего не понимаю... Здесь ничего нет!

— Посмотри, повнимательнее, — сказал Конан. — Вода уже вон где.

Их лодка постепенно уходила все глубже и глубже под воду.

— Что это? — ахнула Элаши.

Конан пожал плечами. В подобных материях он не разбирался.

— Скорее всего, наша лодка пришлась кому-то по вкусу, — спокойно произнес Тулл.

— Что же с нами будет?

— Придется идти пешком — только и всего, — ответил старик. — Об этом говорить пока рановато — день-другой лодка будет на плаву.

Конан недовольно покачал головой.

— Ох и не нравится мне это.

— Ты о чем? — встрепелась Элаши.

— Мне кажется, что мы плывем к морю.

— С чего ты это взял?

Конан пожал плечами. Он не мог объяснить этого даже самому себе: чувства — вещь тонкая, так просто в них не разберешься, да и смысла в этом нет никакого. Он знал одно — предчувствия его еще никогда не обманывали, и этого ему было достаточно.

— Какая разница, куда мы плывем? — быстро заговорила Элаши. — Если кто-то плывет за нами, этот крюк придется делать и ему — верно? И потом, разве мы плывем куда-то? Нет, мы просто плывем.

Конан промолчал. Возможно, Элаши права. Тревожиться пока действительно не о чем.

Рей изумленно разглядывал пещеру, пытаясь понять, куда же могли подеваться мыши. В огромном зале никого не было. Тела же, лежавшие на камнях, были уже не кем-то, но чем-то. Трупы невесты откуда взявшихся людей, изрубленные в клочья тела Слепышей, мертвые мыши... Н-да... Судя по всему, здесь побывал тот, за кем он охотится. Но... но куда же подевались мыши? Неужели они испугались вида своих изуродованных собратьев? Ну нет, это чушь. Чего-чего, а крови мыши не боятся.

Рей ухмыльнулся, по достоинству оценив собственную шутку. Надо сказать это вслух — пусть и другие посмеются. Рей обвел взглядом своих спутников и грустно покачал головой. Где им понять меня...

Но — к делу. Если мыши покинули свое жилище, значит, на то у них была причина. Скорее всего, они решились на какое-то предприятие, требующее участия всех членов колонии. Придет время, мы разберемся и с ними, пока же следует подумать о другом... Откуда здесь эти люди? Кто их сюда привел? Вне всяких сомнений их появление как-то связано с приходом в пещеру Врага.

Рей не верил в совпадения и всегда исходил из того, что в мире нет ничего случайного. Возможно, именно поэтому век его и был так долог. Он подал знак носильщикам, и те послушно подняли с земли его паланкин.

Червь, посланный Чунтой на разведку, вернулся достаточно скоро. Пока он говорил своей госпоже о трупах людей, Слепышей и мышей, та слушала его вполуха, когда же он поведал ей о том, что совсем недавно через эту усеянную телами погибших пещеру прошел отряд циклопов, которым командовал колдун Катамаи Рей, она нахмурилась. Эта новость чрезвычайно встревожила ее. Если с места снялся даже этот старый слизняк

Рей, значит, в пещере действительно творится что-то неладное. Эта гнусная образина тоже охотится за красавчиком, который по праву должен принадлежать ей. Ну да ладно. Рано или поздно ей все равно пришлось бы сойтись с колдуном лицом к лицу.

Чунта ударила пятками в мягкие бока своего скакуна или, точнее, ползуна, и тот, недовольно поскрипывая, устремился вперед.

Взору Харскила предстала странная картина — над ним кружило полсотни мышей, сжимающих в лапах длинные нити, на которых покачивалось несколько предметов, походивших на огромные двери.

Рыжий слетел вниз и, усевшись на камень, торжественно пропищал:

— Лодка ждет вас!

Харскил с сомнением посмотрел наверх.

— Ты говоришь об этих штуковинах?

Мышь недоуменно развела крыльями.

— Разве не ты говорил мне о том, что она может быть какой угодно?

— Этого мало. Помимо прочего, она должна выдерживать мой вес и вес моих воинов.

— Ты забываешь о том, что мы будем поддерживать ее сверху.

Харскил задумался. В этой ситуации риск был оправдан, ибо отказ означал бы крушение всех его надежд.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я готов отправиться в путь прямо сейчас.

Рыжий заулыбался, обнажив острые как иглы зубы.

— Если бы мои братья не были так голодны, они были бы вдвое сильнее.

Харскил усмехнулся. Мыши оказались куда хитрее, чем он думал. Впрочем, делу это пока не мешало.

— Но ведь кровь надо куда-то налить, не так ли?

— Это не так сложно. Видишь ту ямку? Она, конечно, мелковата, но, я думаю, бочонок крови она вместить сможет.

— Будь по-твоему, — не стал спорить Харскил. — Можешь приглашать своих братьев к столу.

Через минуту мыши уже сидели по краям ямки, до краев наполненной кровью. Обед был недолгим, но он потряс Вампиров до глубины души. Никогда еще им не доводилось есть ничего подобного. Да, теперь у них появился настоящий друг, перед дарами которого блекло все то, что сулили им ведьма и колдун.

— Может быть, вы расскажете мне об этой ведьме и этом колдуне? — обратился Харскил к своим новым друзьям.

— Конечно, Харскил! Конечно расскажем! Ради друга чего не сделаешь!

Глава одиннадцатая

Протока, по которой беглецы плыли, с каждой минутой становилась все уже; распухшая рыба то и дело касалась боками отвесных скал. Внезапно стены раздались, и люди оказались в широкой лагуне. Место это казалось Конану странно знакомым. Он оглянулся и увидел рядом с туннелем, только что покинутым ими, другой — как две капли воды похожий на первый. Киммериец вынул весло из воды.

— В чем дело? — спросил Тулл.

— Посмотри-ка туда, — ответил Конан, указав веслом на темнеющие в стене провалы.

Тулл и Элаши разом обернулись.

— Вот те раз! — изумленно пробормотал старик.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Элаши. — Кроме этих двух дыр я ничего не вижу!

— Неужели ты не узнаешь этого места? — спросил Конан. — Помнишь наш спор о том, куда нам следует плыть — налево или направо?

Элаши пожала плечами:

— При чем здесь наш спор?

— Да при том! Он происходил в этом самом месте! Просто мы сделали круг — вошли в левую протоку, а

вышли из правой, понимаешь? Теперь в любую минуту мы можем столкнуться с нашими преследователями нос к носу!

— Какой ужас! — пробормотала Элаши.

И действительно, положение у них было незавидное.

— Что же нам теперь делать? — испуганно спросила она Конана.

— Я полагаю, что нам следует сойти на берег, — ответил киммериец. — Если память мне не изменяет, в часе пути отсюда есть какие-то пещеры.

— Ты прав, приятель, — тут же согласился Тулл. — Надеюсь, за это время наша лодка не потонет.

— Придется поработать веслами! — отозвался Конан.

Виккель и Дик решили немного передохнуть и заодно перекусить. Они причалили к берегу и отправились на поиски грибов. Вкусы у них были разные, и потому каждый собирал свои грибы сам.

— И не упомню, когда мне было так же хорошо, — набив рот зловонными желтыми поганками, изрек Виккель.

Дик, к которому на берегу вернулся дар речи, задумчиво проскрипел:

— И н-не г-говори. П-путеш-шествия — ш-штука х-хорош-шая.

Виккель кивнул.

— Я еще вот о чем подумал. Прядильщицы могли бы не одни только лодки делать. Они могли бы наладить производство одежды, мебели и всего такого прочего.

— Уд-дивит-тельное дело! Я т-только чт-то об этом подумал! — отозвался Дик, поглощая гриб за грибом. В отличие от Виккеля, он мог есть и говорить одновременно.

— Запас мышей и Слепышей в конце концов был исчерпан — нам пришлось бы отвести к Прядильщицам всех. Но ты знаешь, если бы их в пещере не стало, я бы несколько не расстроился.

— Я т-тоже!

— Ты только представь, как бы тогда выглядела наша пещера! — с жаром произнес Виккель, но тут же осекся. — Охо-хо, — добавил он грустно. — Про волшебника-то я и забыл...

Дик грустно скрипнул:

— Д-да, о т-гос-сподах наш-ших мы как-то и не п-под-думали...

Аппетит у Виккеля мгновенно пропал. Циклоп смахнул с губ грибные крошки и, немного помолчав, сказал:

— Сам-то я этого, конечно, не помню, но старики наши говорят, что до прихода в пещеру колдуна и ведьмы она была лучшей пещерой на всем белом свете.

— Я т-тоже об эт-том с-слышал. Гр-руст-тно эт-то...

Виккель принялся тереть ладони друг о друга, словно пытаясь отогреть их.

— И с этим, к сожалению, ничего не поделаешь. Рей, он такой: чуть что не так — вмиг тебя с грязью смешает!

— А Ч-чунт-та в из-вестковые к-колодцы п-провинившихся с-сбрасывает.

Установилось долгое молчание. Первым его нарушил Виккель:

— Пора нам, старина, в дорогу. Чем быстрее мы с этим делом справимся, тем лучше.

— К с-сожалению, эт-то т-так, дружище.

— Идем вниз. Я помогу тебе забраться в лодку.

— С-спасибо т-тебе, В-виккель. Т-ты такой д-добрый.

Погрузив Дика на борт лодки, Виккель занял место на корме и опустил весло в воду. Быть может, ему и Дику все же удастся выпутаться из этой передрыги. С людьми-то они как-нибудь справятся, но что же им делать потом? Куда им вести пленников?

Из поколения в поколение передавались изустные сказания, повествовавшие о той далекой эпохе, когда черви и циклопы жили в мире и согласии. Прядильщицы в ту пору питались лишь мышами и Слепыша-

ми, туннели блистали чистотой, повсюду росли несметные количества грибов. Даже слой плесени, покрывавшей собой стены и своды пещер, в те времена был куда толще... И тут в пещере появились колдун и ведьма.

До недавнего времени Виккель считал эти предания красивой сказкой, теперь же, когда он познакомился с Диком, он понимал, что все в них сущая правда. Дик был куда ближе и понятней ему, чем все эти Вампиры и Слепыни, мало того, он был куда умнее и порядочнее нынешнего его хозяина, считавшего себя чуть ли не венцом творения и не умевшего сделать без книг ни шагу. Его врагом Дик стал лишь волею судеб. Мысль о том, что этого славного червя рано или поздно придется убрать, теперь казалась Виккелю постыдной. Но разве был у него выбор?

Виккель вздохнул и налег на весло.

Более необычное средство передвижения трудно было себе представить. Харскил и его люди расселись на досках, веревки натянулись, и «лодка» пришла в движение.

«Интересно, как это выглядит со стороны», — подумал вдруг Харскил.

Теперь сама переправа его не волновала, он думал о другом — о том, что у него появилось два всесильных соперника. Харскил уважительно относился к магам и магии, понимая, что против них он бессилён. Единственное, на что он мог надеяться, так это на скорость мышей. Если он опередит своих могучих соперников, он оставит их с носом. Мыши поведали ему не только о колдуне и ведьме, но и об их верных слугах — циклопах и огромных червях. Слуг он особенно не боялся, но помешать ему могли и они.

Определенные надежды Харскил возлагал и на собственные оккультные силы. Разумеется, с колдунами состязаться он не мог, но у него было одно серьезное преимущество — своим колдовством он мог заставить их врасплох, важно было только не ошибиться временем.

Внезапная вспышка или густой туман могли бы повлиять на исход дела. С помощью заклинания, тайну которого он обещал раскрыть Вампирам, можно было произвести еще пять бочонков крови. Теперь ему следовало распорядиться ею позкономнее.

Доски буквально парили над водой. Харскил довольнo улыбнулся. Вряд ли волшебники смогут обогнать его...

Рей был вне себя от ярости. Прогулка, конечно, дело полезное, но сколько же можно ходить. Он уже стоял на берегу Моря Мрака, однако ни человека, ни своего верного циклопа он так и не увидел. Нет, скорее всего, Виккеля уже нет в живых, иначе понять происходящее просто невозможно. Придется заменить его — одним из этих болванов.

Впрочем, не стоит отвлекаться. Если человека здесь нет, значит, он находится в другом месте. Этот мерзавец где-то раздобыл лодку, что само по себе удивительно. Да, он где-то раздобыл лодку и переправился на ней на другой берег.

Рей потребовал сундук с книгами. Дородные циклопы кряхтя поднесли сундук к нему и тяжело опустили его наземь.

— Осторожнее, идиоты! — закричал Рей. — Если сломается хоть одна вещица, эта пещера провалится в преисподнюю!

Рей конечно же соврал, но ему нравилось пугать слуг — помимо прочего, это приучало их к порядку.

Волшебник долго рылся в сундуке и наконец достал из него огромный фолиант, на обложке которого было начертано «Основы строительной теургии». На большом пальце его правой руки заплесал огонек, в свете которого возможно было читать книгу, не напрягая глаз. Так, так, «Дворцы», «Замки», «Крепости» — нет, это все не то. Куда же подевались «Мосты»?

Клянусь Сетом! Здесь про мосты не сказано ни слова! Но ведь я уже как-то строил мост — он

растет по мере того, как ты его проходишь, и тут же исчезает...

Черт! Ну конечно же — его надо искать в разделе «Инженерные сооружения»!

Так. Вон он, родимый.

Рей что-то прошептал, описал рукой кривую, указанную на схеме, и стал ждать. Через пару секунд перед ним во всей своей красе уже стоял первый пролет моста. Он услышал полные изумления крики носильщиков. «Вот так-то, болваны! — подумал Рей. — Можете гордиться своим хозяином!»

— Вперед! — приказал он носильщикам.

Едва отряд миновал середину первого пролета, как впереди уже вырос второй. Так они и шли, переходя с пролета на пролет, за спиною же их моста уже и в помине не было. Разумеется, при необходимости волшебник мог сохранить и эту часть сооружения, но в данном случае это было лишено смысла, тратить же понапрасну свою мистическую энергию он не хотел.

Циклопы шли неспешным шагом, но Рей решил не понукать их. Рано или поздно они должны были оказаться на том берегу. Спешить же им было незачем.

Отряд Чунты шел к берегу другой дорогой. Это входило в намерения ведьмы, которая решила следовать за волшебником по пятам, но так, чтобы до последнего момента тот не догадывался о ее присутствии. На берегу Чунту уже ждал разведчик, сообщивший ей о том, что волшебник вместе со своим отрядом в данный момент переправляется через озеро по волшебному мосту.

Преодолеть Море Мрака предстояло и ей. Чунта на мгновение задумалась и тут же отдала команду:

— Всем собраться здесь и лечь бок о бок, да так, чтобы между вами не было ни единой щелки.

Подобным образом было уложено восемь червей, троим же пришлось играть роль поперечин.

Чунта стала рыться в сумках и вскоре извлекла оттуда длинный тонкий пруттик. Взяв его в обе руки, она принялась тереть им свое тело, одновременно произнося заклинание.

Процедура эта продолжалась недолго. Чунта раскрыла рот, и оттуда забила тонкая струя клейкой жидкости, которой она стала поливать тела лежащих перед нею червей. Когда это странное действие закончилось, Чунта обратилась к своим слугам с такими словами:

— Теперь вы будете двигаться по моей команде. Исполнять команды должны все, кроме переключин. Поднимите свою центральную часть так, чтобы головы оставались на месте, а хвосты перемещались вперед! Так, а теперь, сохраняя хвосты неподвижными, распрямляйтесь!

К удивлению червей, передвигаться иначе они теперь не могли, — у них было одиннадцать сознаний, но всего одно общее тело, походившее на широкую доску.

Живой плот сполз в воду. Чунта свалила в его середину весь свой скарб и достала из сумки кривую, похожую на винт палочку. Она положила ее на обращенный к берегу край плота и что-то пробормотала. Палочка тут же обратилась в огромный винт и бешено завращалась. Плот понесся вперед.

Чунта стояла у его переднего края. Ноги ее были широко расставлены, пышные волосы развевались на ветру. Волшебница улыбалась. «Ай, да Чунта, — думала она, — ай, да умница!»

Глава двенадцатая

Надеждам Конана не суждено было сбыться. Тухлая рыбина уходила все глубже и глубже под воду — гребцы уже стояли по щиколотки в воде.

— Да... Похоже, наша лодка свое уже отплавала, — задумчиво произнес Конан. — Ну ничего, я думаю, мы до этих пещер и по берегу доберемся.

— Хорошая мысль, — отозвался Тулл.

Мужчины подвели лодку поближе к берегу, и Элаши прыгнула на камни. Гребцы последовали ее примеру. Рыбина немного всплыла, но большая часть ее брюха так и оставалась под водой. Она немного подергивалась — похоже, кто-то объедал ее снизу.

— За мной, — скомандовал Конан.

Он повел их по узкой тропке, терявшейся где-то вверх. Плесени на камнях почти не было, и потому каждый шаг был сопряжен с опасностью. Конан, отличавшийся на редкость острым зрением, шел впереди, выбирая сравнительно простой путь.

Не прошло и пяти минут с той поры, как они покинули лодку, как вдруг Конан замер и жестом приказал сделать это другим. Он что-то услышал. Понять природу этого звука пока было невозможно, но в том, что он шел откуда-то снизу, можно было не сомневаться.

— Спрячьтесь, — прошептал киммериец. — Кто-то плывет в нашу сторону.

Тулл и Элаши спрятались за валунами, сам же Конан залег в тени рядом с обломками гигантского сталактита.

Звуки явно приближались. Не прошло и минуты, как Конан увидел прямо под собой лодку, на корме которой стояло странное горбатое существо, работавшее огромным кормовым веслом. Этот одноглазый горбун был лыс и бородат. В руках его угадывалась чудовищная сила.

Еще больше поразила Конана лодка. Она была сделана из непонятного серебристого материала и имела совершенную форму. На дне лодки лежало нечто, показавшееся ему вначале гигантской личинкой. Конан присмотрелся получше и понял, что видит огромного червя. Неужели это те самые твари, которых они видели в пещере, населенной крылатыми Вампирами?

Лодка скрылась за поворотом. Конан покачал головой — не хотел бы он встретиться с этой парочкой вновь. Неслышными шагами он приблизился к тому месту, где укрылись Тулл и Элаши.

— Вы что-нибудь видели?

— Конечно, — прошептал Тулл, — циклоп и большой червь. Одного понять не могу: как это они оказались в одной лодке? Ведь черви и циклопы — давние враги.

— Они решили объединиться с тем, чтобы побыстрее нас изловить, — фыркнула Элаши. — С чем я тебя и поздравляю, Конан.

— Идем, — властно сказал киммериец. — Пока они сообразят, что мы проскочили мимо них, мы будем уже далеко.

Дик приподнял голову и возбужденно заерзал. Виккель понял его без слов — в воздухе запахло тухлой рыбой.

— Я уже и рыбину эту вижу, дружище, — обратился он к Дику. — Знал бы, что здесь такие водятся, — ни за что бы не поплыл!

Проплывая мимо зловонной туши, он вновь окинул ее взглядом. «Ну и чудище», — подумал циклоп, внутренне содрогнувшись.

Дик поднял голову и тоже стал разглядывать рыбу. «Похоже, над ней уже начали трудиться его подводные собратья», — подумал червь, заметив на теле рыбины пару ран странного вида.

Рыба его больше не интересовала, опустив в воду хвост, он стал помогать своему приятелю.

Ко входам в пещеры они добрались без особого труда. На всякий случай Тулл прихватил с собой скаланный им из светящейся плесени шар. Решено было идти по самому широкому туннелю. Едва они вошли в него, как Конан успокоился. Теперь преследователей можно было не бояться — пещер здесь было множество, и недругам их пришлось бы долго гадать, в какой из них они скрылись.

Предусмотрительность Тулла оказалась не лишней — не будь у них светящегося шара, они оказались бы в темноте. Стены туннеля были сложены из глад-

кого темного камня, на котором не было ни пятнышка плесени. Тулл поднял шар над головой, и друзья поспешили вперед.

Не прошло и минуты, как Конан вдруг замер.

— Что случилось? — дрожащим шепотом спросила Элаши.

Конан прислушался, но звук, мгновение назад привлечший его внимание, уже стих. Он замотал головой.

— Ничего. Наверное, показалось.

«Вовремя же я его послал», — думал Харскил, слушая рассказ крылатого разведчика.

Это был Рыжий. Мышь сообщила ему о том, что люди, которых он ищет, только что вошли в одну из пещер неподалеку от места, в котором они сейчас находятся. Нет, нет, его они не заметили — в этом Рыжий был уверен.

Харскил улыбнулся. Ну наконец-то!

Дик внезапно заволновался. Виккель посмотрел по сторонам, но так и не смог понять, что же так встревожило его друга.

— Что с тобой? — спросил циклоп. — Ты хочешь что-то сказать?

Червь изобразил нечто, похожее на кивок.

— Все понятно. Сейчас мы причалим к берегу, и ты мне все расскажешь.

Виккель тут же подвел лодку к большому плоскому камню, торчавшему из воды.

Червь выполз из лодки и, сбиваясь от волнения, проскрипел:

— Р-ры-ба!!!

— Что «рыба»? Что ты хотел мне сказать?

Дик ужасно не любил длинных речей. Как же ему сказать о том, что у беглецов не было и не могло быть лодки, что раны на теле этой рыбы выглядят очень уж странно? Он подумал и решил сразу сказать о главном:

— Их л-лод-дка!

Чего-чего, а сообразительности Виккелю было не занимать. Пусть Катамаи Рей и считал его идиотом, но Дика циклоп понял с полуслова.

— Ты так считаешь?

Дик уже не сомневался в своей правоте.

— Д-да! — уверенно проскрипел он.

Виккель на миг задумался и тут же согласно кивнул головой.

— Твои слова не лишены смысла. Полагаю, теперь нам следует осмотреть рыбу повнимательнее.

— С-совершенно в-вер-рно.

Они сели в лодку, и Виккель, развернув ее носом к морю, стал грести изо всех сил. То, что люди использовали дохлую рыбу как лодку, казалось ему чудом. Если они настолько умны, то легко представить, насколько они опасны. Нет, с ними надо держать ухо востро. До этой самой минуты он боялся лишь гнева Рея, теперь же в сердце его поселились и новые страхи.

Процессия циклопов, возглавляемая самим Катамаи Реем, шагала по странному бесконечному мосту, который исчезал, едва возникнув. Они шли по нему так уверенно, словно под ногами их была земная твердь.

Живой плот Чунты, приводимый в движение чудесным винтом, неотступно следовал за отрядом волшебника, не приближаясь к мосту слишком близко, но и не отставая настолько, чтобы в случае необходимости не оставить его позади.

— Вот здесь. — Рыжий указал крылом на пещеры, видневшиеся наверху. — Они вошли в центральный туннель.

— Ты в этом уверен? — переспросил Харскил.

— Можешь не сомневаться.

— Ну что ж. Тогда мы отправимся вслед за ними.

— Мне кажется, что мы со своей работой уже справились, — пропищал Рыжий. — Через море мы вас перевезли, верно? Пришло время расплачиваться.

— Но ведь мы их еще не поймали!

— Это уже твои проблемы.

Харскил задумался. Понадобится ли ему помощь мышей и впредь? Однозначного ответа на этот вопрос не было, и потому лишаться ее сейчас не стоило.

— Ты, наверное, знаешь о том, что правильная концентрация является непременным условием любого заклинания. Мои же мысли заняты сейчас совершенно иным. Ты понимаешь меня?

Мышь с сомнением посмотрела на него (вообще говоря, мыши смотреть не могут, но внешне это выглядело именно так).

— Ты не можешь не думать об этих людях?

— Я отдаю должное твоей проницательности.

Рыжий кивнул.

— Все понятно.

— Ты только подумай: если заклинание будет произнесено неправильно, волшебная чапа может утратить свои замечательные свойства.

Помолчав с минуту, мышь кивнула головой и важно пропищала:

— Ну да ладно, будем считать, что так оно и есть. Мы отправимся вместе с тобой.

— Ты тронула меня до глубины души.

— Неплохая идея.

— Что?

— Ничего. Хватит болтать. Пришло время ловить двуногих тварей.

— Что это? — поразилась Элаши.

Они стояли у входа в пещеру. В центре этой подземной залы, своды которой были покрыты толстым слоем светящейся плесени, виднелось несколько растений крайне странного вида. Земля вокруг них была затянута мягким шелковистым ковриком, вид которого заставил Конана вспомнить о недавно виденной лодке.

— Охо-хо... — печально вздохнул Тулл.

— Что-то ты не весел, — сказал киммериец. — Что случилось?

— Это — Прядильщицы, — пробормотал старик.
— Ну и что из этого? — поинтересовалась Элаши.
— Я знаю о них только одно — лучше держаться от них подальше.

И тут кто-то позвал Конана.

КОНАН.

Киммериец вздрогнул и обвел взглядом пещеру. Никого.

КОНАН-КИММЕРИЕЦ. МОГУЧИЙ И ОТВАЖНЫЙ ВОИН.

Нежный девичий голосок был исполнен сладости и неги. Но где же сама дева? Конан многое отдал бы за то, чтобы увидеть ее.

Я ЗДЕСЬ, КОНАН. ЗДЕСЬ, ЗА ЭТИМИ ПРЕКРАСНЫМИ РАСТЕНИЯМИ. ИДИ ЖЕ КО МНЕ! НУ, ИДИ ЖЕ, ИДИ!

Конан часто заморгал. Еще ни одна женщина не предлагала себя ему столь явно.

Киммериец взглянул на Элаши. Интересно, что она ему сейчас скажет? Элаши была настолько поглощена собственными мыслями, что даже не смотрела в его сторону. «Странно», — подумал Конан. И тут Элаши сделала шаг вперед.

В следующее мгновение вперед двинулся и Тулл.

С ними происходило что-то неладное.

НЕ БОЙСЯ, ВОИТЕЛЬ. ТВОИ ДРУЗЬЯ НАМ НЕ ПОМЕШАЮТ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ КО МНЕ ПРИШЕЛ ТЫ — ТЫ, КОНАН!

Элаши и Тулл шли к центру зала, не замечая друг друга.

— Стойте! — окликнул друзей киммериец.

Те даже не обернулись. Они слышали лишь голоса, что звучали не в ушах, но в голове, — голоса чарующие и нежные.

Выхватив меч из ножен, Конан бросился вперед.

— Тулл! Элаши! Остановитесь!

Воины Харскила и мыши двигались по тесному каменному коридору, растянувшись длинной цепочкой.

Если Рыжий не ошибся, они должны были настигнуть беглецов с минуты на минуту.

Харскил ликовал. Его час настал.

— Вот она, — сказал Виккель, указывая рукой по направлению к берегу.

Дохлая рыбина слегка покачивалась на волнах, поднятых лодкой. Раны на ее боку действительно выглядели странно.

Циклоп подвел лодку к берегу и помог Дику выбраться на камни.

— Течений здесь нет, — сказал он. — Скорее всего, они где-то рядом.

— Т-ты считаешь, что они пош-шли к морю?

— Больше им идти некуда. Я предлагаю вернуться в лодку и поплыть в том направлении.

— С-согласен.

Конан поступил достаточно опрометчиво — только теперь он подумал о том, что же он станет делать, если его друзья послушаются приказа. Не рубить же их в самом деле...

К счастью, и Элаши и Тулл тут же замерли. Они стояли возле самого края серебристого мягкого ковра. Киммериец словно пробудил их от сна — они озирались по сторонам так, будто видели эту пещеру впервые.

КОНАН! НЕ ОБРАЩАЙ НА НИХ ВНИМАНИЯ! ИДИ КО МНЕ...

Конану показалось, что в этом сладком голоске звучали нотки раздражения и недовольства.

— Отступите назад! — приказал киммериец своим спутникам. Теперь он уже стоял на этом странном серебристом ковре.

— Конан! Сзади! — закричала вдруг Элаши.

Киммериец резко развернулся и увидел летящую к нему тонкую нить. Он взмахнул клинком и перерубил ее в тот момент, когда она коснулась его плеча. Сколь-

знув по кисти, нить отдернулась назад и стала невидимой. Рука его заныла — с нее была содрана кожа.

Взяв оружие наизготовку, друзья стали отступать. Из отверстия в стволе росшего с края растения одна за другой стали вылетать стремительные как молнии снаряды-нити.

Тулл, оступившись на камне, повалился наземь, и тут же к нему приклеилась паутинка. Старик попытался перерубить ее, но сил его для этого было явно недостаточно. Паутинка потащила его к растению.

Конан бросился вперед и с одного удара рассек эту прочную как сталь нить. Мимо него пролетели еще две паутинки.

СЕСТРЫ, — услышал он вдруг. — СЕСТРЫ! ПОМОГИТЕ МНЕ — ЕСЛИ МЫ ЕГО ПОЙМАЕМ, НАМ ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ О ЕДЕ НЕ ПРИДЕТСЯ ДУМАТЬ!

Сладким этот голосок ему уже не казался.

Тулл и киммериец поспешно ретировались, вдогонку же им летели все новые и новые нити. Теперь Конану была понятна природа этого странного коврика — он слагался из тысяч и тысяч паутинок, выбрасываемых охотящимися Прядильщицами.

— Слава богам! — тяжело дыша, пробормотала Элаши, когда они вновь оказались у стены.

КУДА ЖЕ ТЫ? — услышал Конан сладкозвучный голос. — Я ЖДУ ТЕБЯ. ТЫ ПОЗНАЕШЬ НАСЛАЖДЕНИЕ, РАВНОГО КОТОРОМУ В ЭТОМ МИРЕ НЕТ!

Конан взглянул на Элаши.

— Ты слышала, что она говорит?

— Разве это «она»? — изумилась Элаши. — Это голос царя пустынь. Он хочет, чтобы я стала его женой.

Киммериец посмотрел на Тулла.

— А ты, старик, что слышал?

— Эта особа обещала мне море ласки.

Конан кивнул. Все встало на свои места. Прядильщицы подманивают к себе жертвы, используя оккультные силы. Жертва, обманутая сладким гласом, приближается к растению, и оно начинает пожирать ее.

НЕТ, — запел голосок. — НИКТО НИКОГО НЕ ПОЖИРАЕТ. ПОВЕРЬ НАМ.

Конан презрительно хмыкнул и повернулся к друзьям.

— Я думаю, нам следует вернуться назад и пойти другой дорогой.

Путники не успели сделать и шага, как вдруг в пещеру влетела огромная летучая мышь. Из туннеля доносился мышинный писк и крики людей.

Конан тяжело вздохнул: неужели никогда не будет конца этому безумию?

Глава тринадцатая

Дик закрутился на месте, всем своим видом показывая Виккелю, что им следует причалить к берегу. Через минуту друзья уже покинули лодку.

— Ну что еще?

— Они п-пошли т-туда!

— С чего ты взял?

— П-посмотр-три с-сам!

Виккель нахмурился и принялся разглядывать скалы. Неподалеку от того места, где они стояли, берег резко обрывался, переходя в отвесную стену, на которой смогли бы удержаться разве что мухи. Прямо же перед ним темнели входы в три пещеры.

— Да, похоже, ты прав... Но вот только в какую из пещер они пошли?

— Н-надо идти н-наудачу.

Виккель кивнул.

— Может, пойдем направо?

— П-почему бы и н-нет?

Виккель легко забрался наверх, Дику же для этого пришлось немало потрудиться. Заглянув в пещеру, циклоп обнаружил, что там царит крошечная тьма.

— Слушай, Дик, пойду-ка я наскребу плесени.

— Н-не ст-тоит. Для меня света т-там д-дос-статочно.

— Ну что ж, тогда ползи первым.

Циклоп и червь скрылись во мраке.

Четверке мышей, напавшей на Конана, явно не повезло — первую киммериец разрубил надвое, две другие, стараясь избежать той же участи, угодили в тенета Прядильщиц, последняя же, пытавшаяся уйти от двух бед разом, в итоге лишилась головы.

Элаши и Тулл тоже не стояли без дела — старик распорол одному из крылатых демонов брюхо, Элаши лишила своего противника крыла и лапы.

В пещере стоял такой шум, что в пору было оглохнуть: мыши пронзительно пищали, люди ревели, нити Прядильщиц со свистом рассекали воздух. Конан заулыбался. Скитания по подземному лабиринту утомили его донельзя, он истосковался по настоящему делу, и вот наконец дошел черед и до него.

Отведя меч за спину, Конан застыл в ожидании новой атаки.

Один из воинов с пикой наперевес бросился на Тулла и Элаши. Конан с улыбкой наблюдал за своими друзьями — те отпрянули в разные стороны, старик же при этом умудрился подставить ножку воину. Неудачливый вояка катился кубарем до самого серебристого коврика, сойти с которого ему уже было не суждено.

Харскил был вне себя от ярости — за одну минуту он потерял двух своих воинов, парочка же, оставшаяся в живых, жалась у стенки, боясь даже приближаться к противнику. Для Вампиров люди явно были слишком крепким орешком — те косили их, словно солому. «Ну что ж, — подумал Харскил, — пришло время и для магии».

В сумке, висевшей у него на поясе, лежало два пузырька; один из них был наполнен туманной закваской, другой — солнечной пылью. Первый состав мог погрузить пещеру в крошечный мрак, второй напол-

нил бы ее ослепительным светом. Имело смысл воспользоваться именно солнечной пылью — люди на какое-то время ослепли бы от вспышки, и он, Харскил, смог бы без труда пленить их.

Харскил достал пузырек из сумки и приготовился к броску. Следовало как-то привлечь внимание людей, чтобы они посмотрели в его сторону.

— Конан! — изо всех сил закричал Харскил.

Варвар тут же уставился на него. Спутники киммерийца тоже смотрели в его сторону. «Прекрасно!» — подумал Харскил и метнул пузырек под ноги своей жертве.

Катамаи Рей почувствовал, что в пещере происходит что-то неладное. Это что-то каким-то образом было связано с целью его похода.

— Прибавить шагу! — взревел волшебник. — Шевелитесь, болваны!

Циклопы грустно посмотрели на своего господина и тут же перешли на бег.

Чунта подвела свой живой плот к излучине, за которой протока уходила в сторону. Сойдя на берег, она спряталась за огромным валуном, наполовину сточенным капающей сверху водой, и стала искать взглядом своего соперника. Отряд Рея ушел далеко вперед, теперь он двигался куда быстрее прежнего. «Разрази его Сенша! — подумала Чунта. — И что это он так заспешил?»

Ведьма тут же вернулась на плот, и тот полетел вперед с удвоенной скоростью.

— Ч-черт в-возьми! — проскрежетал Дик.

— В чем дело?

Огромный червь унял дрожь и сокрушенно проскрипел:

— Т-там т-тупик...

— Ты не ошибся?

— К с-сожалению, н-нет...

- Н-да... Придется возвращаться назад.
- И чем с-скорее, т-тем л-лучше!

Бросок Харскила был точен — пузырек должен был разбиться у самых ног Конана. Волшебник зажмурился, досчитал до трех и только затем открыл глаза.

В пещере стояла крошечная тьма.

О, как безжалостны были боги! Он бросил не тот пузырек!

Пещера внезапно погрузилась во тьму. За миг до этого Харскил что-то бросил наземь... Конан поежился. Он и не предполагал, что Харскил может обладать оккультными способностями. Подумать только — он был властен даже над тьмой...

Киммериец решил не думать об этом и шепотом позвал к себе друзей:

— Элаши! Тулл! Скорее ко мне! Я попробую вывести вас отсюда.

В пещере царил переполох. Было темно даже для Вампиров — испуганно попискивая, они носились по залу, то и дело врезались в стены или друг в друга.

— Конан?

— Я здесь, Элаши.

Конан вытянул руку перед собой и коснулся груди своей спутницы.

— Но-но! Поосторожнее! — зашипела Элаши.

— Я смотрю, ты пришла в себя! — усмехнулся киммериец.

В тот же миг Тулл налетел на Элаши, едва не свалив ее с ног.

— Вы что — сговорились? — вновь зашипела харуанская красавица.

— Прости меня, деточка, — смущенно пробормотал старик.

— Возьмитесь за руки, — приказал Конан и, держа Элаши за руку, направился к выходу из пещеры. Чувство направления, уже не раз выручавшее киммерийца,

не подвело его и на этот раз — не прошло и минуты, как друзья уже бежали по туннелю.

Дик и Виккель находились уже возле самого выхода из туннеля. Циклоп внезапно застыл и схватил червя за хвост.

— Стой, — прошептал он. — Я слышу какие-то звуки.

Друзья осторожно двинулись к выходу. Хотя природа этих звуков была неведома им, они прекрасно понимали, что ничего хорошего звуки эти не предвещают. Увиденное потрясло обоих.

На огромном мосту, возникшем неведомо откуда, стоял не кто иной, как сам Катамаи Рей, окруженный собратьями Виккеля.

Циклоп тут же отплатился назад и тихо выбранился, уподобив своего господина экскрементам. Дик последовал примеру друга, мысленно согласившись со словами циклопа.

— Наша песенка слета, — прошептал Виккель.

Дик тихонько проскрипел в ответ:

— Н-не с-спеши. Он-ни ч-чем-то д-другим заняты.

Циклоп задумался. Да, Дик был прав: в их сторону Рей и не смотрел — судя по всему, его занимала только центральная пещера. Скорее всего, волшебник и не догадывался, что он и Дик находятся совсем рядом. Впрочем, не найди Рей людей в соседних пещерах, он начнет обыскивать и эту. Если же волшебнику удастся захватить беглецов без его, Виккеля, помощи — не сносить ему головы. Дику Чунта и подавно не простит этого. Как ни крути — все плохо.

От этих мрачных мыслей Виккеля отвлекли доносившиеся снаружи голоса циклопов. Понять, чем вызвано их возбуждение, было нетрудно — судя по всему, Рею удалось-таки настичь беглецов. Виккель печально вздохнул и прошептал:

— Все, Дик, приехали...

— И н-не г-говори, б-брат...

Катамаи Рей с улыбкой наблюдал за появившимися из пещеры людьми. Подобной встречи эта троица явно не ожидала. Однако уже в следующее мгновение все трое — включая женщину — извлекли клинки из ножен и приготовились к встрече с противником. В бою могли пострадать не только слуги Рея, но и сами люди, с которыми волшебник хотел разобраться самостоятельно, и подобное развитие событий его совершенно не устраивало.

Черноволосый гигант ринулся к одному из циклопов.

Катамаи Рей взмахнул руками и произнес несколько слов на языке, давно забытом людьми. Тут же над головами беглецов возникла грубо сработанная сеть, нити которой были прочнее каленой стали. Сеть камнем рухнула вниз, накрыв собою всю троицу.

Это волшебство, как и многое в его магии, связывало определенные сверхъестественные элементы в сложные сочетания, что приводило к известному их перераспределению в атмосфере. Едва заклинание было произнесено, волшебный мост вздрогнул, но, к счастью для Рея, этим все и обошлось. Слишком высокая концентрация волшебства приводит к исчерпанию эфирных энергий, восстанавливающих нормальный уровень лишь по прошествии определенного времени. Любой мало-мальски образованный волшебник, зная об этом, постоянно следит за уровнем названных энергий. Рей, однако, забыл и думать об этом: еще бы — противник, вынудивший его отправиться в столь долгое странствие, был теперь у него в руках...

— Приведите-ка их сюда, — приказал маг своим слугам. Полдюжины циклопов тут же ринулись выполнять команду хозяина.

Катамаи Рей улыбнулся. Теперь его царствию ничто не угрожало.

Чунта наблюдала за происходящим из-за камня.

— Разрази его Сенша! Он все же отбил мою добычу! — пропищала она.

Ведьма села наземь и задумалась. Рей лишь опередил ее, говорить же о его победе пока было рано, — пока колдун не вернулся в свое логово, она может одолеть его, ведь Рей и не догадывается о том, что она следит за ним.

Главное теперь — не ошибиться, ведь на карту поставлено все. Она знает, как можно расправиться с этим мерзавцем, и теперь уж этой возможности она не упустит — Рей отправится напрямик в Геенну. Что до людей, то уж с ними-то она как-нибудь разберется.

Глава четырнадцатая

Бессильная злоба снедала Харскила. Он потерял всех своих воинов — первого зарубил варвар, второго затянули в свои тенета Прядильщицы, третьего прикончили мыши, четвертого растоптали чьи-то тяжелые ноги.

Мышь, с которой Харскил вел переговоры, села у его ног.

— Плохо дело, — пропищал Рыжий.

Харскил счел за лучшее промолчать.

— Тебе не кажется, что пора рассчитываться? — вновь запищала мышь. — Надеюсь, ты не забыл заклинание?

Харскил было вспыхнул, но тут же взял себя в руки и холодно процедил:

— Мне ведомо и другое заклинание. Совсем другое, Рыжий. С его помощью можно превращать летучих мышей в насекомых.

— Ты, наверное, шутишь...

— Ты хочешь, чтобы я его продемонстрировал? Давай испытаем его на тебе!

Мышь на мгновение задумалась.

— Что ты, Харскил! Я тебе и на слово верю!

— Вот и прекрасно. Ты и твои собраты будете со мной до той поры, пока я не изловлю этого варвара. В противном случае я понаделаю из вас бабочек.

Виккель и Дик, затаив дыхание, следили за происходящим. Циклопы обезоружили пленников и завели их на мост. Сеть теперь только мешала — волшебник легким движением руки заставил ее исчезнуть. Бежать пленники не могли, даже самому крупному из них это было не под силу.

Не успел отряд Рея достигнуть конца первого пролета, как уже вырос следующий; отряд перешел на него, и первый пролет тут же растворился в воздухе. Вскоре процессия окончательно скрылась из виду.

— Ч-что б-будем д-делать?

Виккель вздохнул.

— Кто ж его знает, Дик? Надеяться нам теперь особенно не на что. Ты представляешь, как расстроится твоя госпожа, когда ты поведаешь ей о случившемся?

— Н-ну уж н-нет. К н-ней я т-теперь не пойду.

— Мне к своему тоже нельзя возвращаться. Он неудачников не любит...

— Ч-что же н-нам д-делать? Ж-жить в из-згнании?

— Лучше уж жить в изгнании, чем не жить вовсе. Вот только жить на подаяние я как-то не привык.

— Я т-тоже.

Виккель рассеянно кивнул и надолго замолчал. И тут вдруг его словно осенило.

— Слушай, Дик, ты когда-нибудь думал о том, сколь славным местом стала бы наша пещера, не будь в ней ведьмы и колдуна?

— Я в-все в-время об эт-том д-думаю...

— Ты можешь представить, что их здесь нет?

— О, к-как бы м-мы тогда з-зажили!

— Теперь слушай меня внимательно. Пока они все-таки здесь, и жизнь наша — и твоя и моя — гроша ломаного не стоит, верно? Так почему бы нам не пожертвовать ею ради этой великой цели?

— Т-ты хочешь с-стать бунтарем?

— Почему бы и нет? Терять-то мне все равно нечего.

Дик задумался. Вне всяких сомнений в идее Виккеля, несмотря на кажущуюся ее абсурдность, было что-

то привлекательное. Что лучше — до окончания лет таиться в далеких гротах, уповая единственно на милость судьбы, или же, поборов страх, сразиться с титанами и, быть может, почить героической смертью?

— Жизнь — штука суровая, Дик! Выбора у нас нет — либо мы их, либо — они нас! Я предпочел бы первое.

— Я с-согласен, — проскрипел Дик в ответ.

Выбора у них действительно не было.

Время от времени Конан начинал артачиться, пытаясь вырваться из железных объятий двух здоровенных одноглазых молодцов; попытки эти ни к чему не вели — с тем же успехом он мог бы пытаться взлететь, размахивая для этого руками.

Будущее не сулило ему ничего хорошего, но киммериец давно приучил себя жить настоящим и не тревожиться о будущем. Эти пустые тревоги могут привести разве что к бессмысленной трате сил, силы же нужны всегда — кто знает, что произойдет завтра? Положение, в котором оказались Конан и его друзья, было весьма непростым, но отчаиваться пока было рано.

Чунта смотрела на марширующих по мосту циклопов. Ее час еще не настал, но в том, что он придет, ведьма нисколько не сомневалась.

Когда Харскил и его крылатая свита покинули туннель, отряд Катамаи Рея был уже еле виден. Обладавший чрезвычайно острым зрением Рыжий тут же узнал волшебника и предостерег Харскила от встреч с ним. Харскил застонал. Почему боги так немилосердны к нему? Почему мир так жесток? Быть может, все происходящее ныне вызвано все тем же страшным проклятьем?

— Мы отправимся вслед за ними, — сказал он Рыжему, — и будем ждать своего часа.

— Какого-такого часа? — изумилась мышь.

— Не твое дело. Прикажи своим братьям спустить лодку на воду.

Дик и Виккель изумленно разглядывали необычный экипаж, возникший невесть откуда.

— Интересно, откуда здесь взялся этот тип? — прошептал Виккель, указывая на Харскила. — Эту тварь мы уже встречали в пещере, помнишь?

— К-конечно, п-помню. Одного н-не м-могу п-понять — чего же он хоч-чет?

Катамаи Рей был крайне доволен собой. Этот идиот Виккель не смог сделать того, на что у него, Рея, не ушло и минуты. Теперь он отведет пленников в свою палату и станет допрашивать их — допрашивать основательно, неспешно... Волшебник довольно улыбнулся. С этим великаном ему придется попотеть, но ничего — он и не таких раскалывал.

И тут вдруг сверху посыпались камни; волшебник поднял глаза и увидел летящего прямо на него демона!

Изумление Рея было столь велико, что он не мог вспомнить и самого простого защитного заклинания. Единственное, что он смог сделать, так это всплеснуть руками. Визжащий демон слегка изменил свою траекторию и рухнул в воду, едва не задев за мост. Рей облегченно вздохнул и перевел взгляд на пленников.

Тех на мосту уже не было.

Стоило стражам задрать головы вверх, как Конан тут же высвободил правую руку, оттолкнув от себя одного из циклопов. Второго же он ударил своим тяжелым сапогом в то место, которое у всех прямоходящих является самой уязвимой частью тела. Циклоп тут же выпустил киммерийца и, застонав, осел наземь.

Киммериец бросился к циклопу, державшему за руку Элаши, намереваясь повторить удар ногой. Одноглазый страж оттолкнул от себя пленницу и попытался защитить себя руками. Удара, однако, не последовало — Конан заметил, что циклоп стоит у самого края

моста, и решил ограничиться толчком. Циклоп полетел вниз.

Элаши не теряла времени зря — когда Конан повернулся к ней, она уже держала в руках три клинка. Киммериец, схватив свой огромный меч, двинулся на стражей Тулла. Те решили не испытывать судьбу и тут же отпустили старика.

— Прыгаем в воду! — закричал Конан.

В следующее мгновение все трое были уже в воде, однако положение их от этого не стало менее скверным — волшебник вот-вот должен был прийти в себя, до берега было недалеко, Конану же приходилось грести одной рукой — второй он придерживал Элаши.

Чунта внимательно следила за происходящим. После того, как сверху рухнуло что-то неведомое, отряд Рея пришел в смятение, чем не замедлили воспользоваться пленники, тут же попрыгавшие в воду. Отлично! Теперь ей нужно отвлечь Рея, иначе этот мерзавец испепелит беглецов. Когда люди выберутся на берег, она позаботится о том, чтобы далеко они не ушли.

Ведьма прибавила скорости и остановила свой плот лишь тогда, когда не заметить ее было уже невозможно. Улыбаясь, она достала из сумки запечатанную сургучом бутылку с туманом и презрительно посмотрела на волшебника.

— Опять эта проклятая баба! — взревел Катамаи Рей. — Я сразу понял, что это ее рук дело!

Воздев руки к светящимся сводам, волшебник стал произносить заклинание. В тот же миг Чунта вынула пробку из бутылки и тотчас же исчезла в густом сером тумане, проглотившем собой и мост.

— Разрази тебя Сег, мерзавка!

— Заткнись, придурок!

Рей попытался развеять серую мглу молниями, но Чунта тут же ответила на это новой порцией тумана. Концентрация чудес достигла такого предела, что теперь любое магическое действие становилось небезопасным.

«Пора плыть», — подумала Чунта и, сладострастно застонав, направила плот к берегу.

Харскил увидел вдали облачко тумана. «Что бы это могло значить? — подумал он. — Неужели эти проклятые мыши не могут лететь быстрее?»

Конан и Элаши направились к берегу, окутанному туманом. Через минуту к отмели подплыл и Тулл.

— Что будем делать? — спросил старик, выбравшись на камни.

— По-моему это и так ясно — чем быстрее мы уйдем отсюда, тем лучше.

— Конан прав, — согласилась Элаши.

— И как это такая идея могла прийти ему в голову? У него же вместо мозгов мускулы, — раздалось вдруг из тумана.

Конан резко развернулся и приготовился к бою. Где же он мог слышать этот голос?

Первой голос вспомнила Элаши.

— Лало! — изумленно воскликнула она.

Да, это действительно был Лало. Он вышел из воды и направился к людям. Именно его они встретили в горной деревушке пару дней назад. Неужели с той поры прошло всего несколько дней? Конан покачал головой — ему казалось, что едва ли не вся его жизнь прошла здесь, в подземелье.

— Что ты здесь делаешь, Лало? — спросила Элаши.

— Вас пугаю, — засмеялся тщедушный заморанец. — Вы мне лучше объясните, что здесь происходит. — Улыбка не сходила с лица Лало ни на минуту.

— Мы сделаем это немного позже, — ответил Конан заморанцу. — Мы должны уйти отсюда прежде, чем туман рассеется.

— Да? А ты и в тумане можешь видеть?

Элаши рассмеялась, немало удивив тем Конана. «Ну и парочка», — подумал киммериец и сокрушенно покачал головой.

Дик и Виккель вновь плыли по темным водам подземного озера на своей замечательной лодочке. К тому времени, когда они достигли того места, где мерялись силами их бывшие господа, туман уже рассеялся. Самих же господ они успели увидеть — Чунта, стоявшая на плоту, собранном из собратьев Дика, была уже возле самого берега, Рей наводил свой удивительный мост туда же.

— Хотелось бы знать, что здесь произошло, — задумчиво произнес Виккель.

Дику хотелось того же, но сказать об этом вслух он не мог.

— Я думаю, спать нам не следует. Будем держаться в сторонке. Главное сейчас — добраться до берега, ну а дальше — посмотрим.

Циклоп оглянулся назад и неожиданно охнул.

— Слушай, Дик, а люди-то эти скорее всего сбежали! Ведь с хозяевами нашими их не было, верно? Вдруг нам удастся поймать их?

Дик протестующе закрутил головой.

— Да, дружище, скорее всего, ты прав — в этом уже нет смысла. Если уж чью-то сторону и принимать, так это людей — вон как им везет!

«Скорее всего, мы их уже не увидим», — подумал червь.

— Впрочем, скорее всего, мы их уже не увидим, — подытожил циклоп.

Червь задумался. Да, о лучшем товарище он не мог и мечтать.

Глава пятнадцатая

Тулл предложил вернуться берегом к тому месту, где час тому назад их пленил волшебник. Конан же придерживался иного мнения.

— Так просто его не проведешь! — сказал киммериец. — Нам следует идти в прямо противоположную сторону.

Лало кивнул.

— Мысль Конана не кажется мне верной, но я готов согласиться с нею и призываю к этому всех остальных.

Конан покачал головой. Только Лало ему и не хватало.

Люди пошли вдоль берега, надеясь покинуть эти места еще до того, как туман рассеется. Не прошло и пяти минут, как они оказались у стены, в которой было сразу несколько пещер. Тулл посмотрел на Конана.

— Как ты думаешь, куда нам лучше всего пойти?

— Ты спрашиваешь об этом у него? — изумился Лало. — Выходит, у тебя и вовсе мозгов нет!

Тулл схватился за нож.

— Успокойся! — воскликнула Элаши, схватив Тулла за руку. — Лало заколдован — он находится под действием чар!

— Сейчас он у меня в аду окажется! Я ему этих слов не прощу!

— Понимаешь, проклятье, наложенное на него, заставляет его оскорблять всех встречаемых. Он издевается не только над тобой — он издевается над всеми!

— Никогда еще меня так не оскорбляли! — буркнул старик, возвращая кинжал в ножны.

— Простите, что прерываю вашу беседу, — вмешался в разговор Конан, — но мне кажется, что нам пора идти, иначе говорить нам придется совсем в другом месте.

— И куда же мы пойдем? — поинтересовался Тулл.

— Сюда! — уверенно сказал Конан, показав на ближайшую пещеру. Он посмотрел на Элаши, мысленно готовясь к словесному поединку, но та не сказала ни слова. Она смотрела на Лало.

Друзья вошли в туннель. Минут через двадцать они подошли к развилке и, не останавливаясь, пошли по правому пути. Вскоре узкий коридор кончился, и они оказались в просторном зале с низкими сводами, на каменном полу которого лежало несколько огромных валунов. Теперь можно было и передохнуть.

— Может быть, вы все-таки расскажете о том, что здесь происходит? — обратился к своим спутникам Лало.

Элаши посмотрела на Конана, но тот покачал головой и сказал:

— У тебя это лучше выйдет.

Элаши согласно кивнула и стала рассказывать Лало о том, что приключилось с нею и Конаном после того, как они покинули деревушку. Тулл дополнил ее рассказ сведениями общего характера, поведав Лало об устройстве пещеры и о нравах ее обитателей. Внимательно выслушав своих спутников, Лало рассказал им и свою историю.

— Так уж получилось, что в гостинице я пришел не ко двору. То ли хозяина я чем-то обидел, то ли лицо мое ему не понравилось, но он указал мне на дверь. Взял я свою котомку и пошел прочь. Идти же я решил по горной тропе, о которой в народе говорят разное. Иду я себе и иду, никого не встречаю, вдруг смотрю — чудище какое-то лежит, а рядом с ним — трупы воинов. Не понравилось мне это, и решил я побыстрее покинуть эти негостеприимные земли; но не прошло и часа, как вдруг — вдруг земля подо мною разверзлась и полетел я куда-то вниз. Все, думаю, конец мне пришел. И вдруг смотрю — падаю-то я прямо на ваши головы!

— Удивительно! — восхитился Конан.

— Еще бы не удивительно! — согласился Лало и, обратясь к киммерийцу, спросил: — Ну а теперь, приятель, скажи мне, что же вы собираетесь делать? Только не говори пространно, от твоих разговоров меня уже мутит.

Совладав с собой, Конан криво улыбнулся и сказал:

— Вначале мы думали только о том, как бы побыстрее покинуть эту треклятую пещеру.

— Вначале?! — в один голос воскликнули Элаши и Тулл.

— Да, я не оговорился, — спокойно ответил киммерисц, — теперь же наши планы изменились.

— Что?! — ахнули Элаши и Тулл.
— Я говорю — теперь наши планы изменились. Вначале мы завладеем сокровищами подземных властителей, и только затем мы станем искать выход.
— Да ты, похоже, рехнулся! — прошептала Элаши.
— Нет, моя милая. Ты, наверное, забыла рассказы Тулла о несметных сокровищах колдуна и ведьмы.
— Ничего я не забыла! Но у меня нет ни малейшего желания рыскать по их палатам! Неужели ты не понимаешь, что живыми оттуда мы уже не выйдем?
— Ты так считаешь? Я думаю иначе. И колдун, и ведьма будут искать нас здесь. Они уверены в том, что их палаты мы будем обходить стороной.
— Нет, он точно рехнулся! — пробормотала Элаши. Лало захохотал.
— Может быть, это и так, но план у него замечательный! Крестьянин в поле — лисичка во двор!
— Еще один ненормальный! — застонала Элаши.
— Посмотрел бы я на тебя, поулыбайся ты с мое! Мне действительно нравится эта идея. После того, что со мной случилось, волшебников я не очень-то жалую — если же мы сумеем завладеть их сокровищами, это будет определенной компенсацией за тот моральный ущерб, который они мне причинили. Помимо прочего, мне нужны деньги как таковые. Если они у меня появятся, я заживу припеваючи, ибо богатому человеку прощается все. Можешь считать меня своим союзником, варвар!
Конан улыбнулся.
— Спасибо за помощь, Лало.
— А Конан-то, похоже, дело говорит, — задумчиво изрек старик.
— Скажешь тоже! — фыркнула Элаши.
— Я готов выслушать тебя, — сказал Конан, глядя в глаза своей спутнице.
Элаши неожиданно улыбнулась.
— Хорошо, я не стану возражать. Сказать мне пока нечего.

— Вот и прекрасно. — Конан повернулся к Туллу. — Старик, ты сможешь отвести нас в эти палаты?
— Конечно.
— Тогда — в путь.

За время совместных скитаний Виккель и Дик изрядно попривыкли друг к другу, однако было решено, что и тому и другому следует как можно быстрее вернуться к своим собратьям. Лучшего времени для этого нельзя было и придумать — и ведьма, и волшебник рыскали по пещере в поисках людей, и потому слуги их, оставшиеся в господских палатах, были предоставлены самим себе.

Виккель направил лодку к родным берегам. Примерно через час, когда добрая половина пути была уже пройдена, он подвел лодку к скалам, с тем чтобы немного передохнуть и подкрепиться.

— Ох, и не просто будет с ними говорить!

— К-конечно. Н-наш брат б-боится их как огня!

Виккель кивнул и, проглотив очередную поганку, продолжил:

— Это естественно. Трудно представить себе что-нибудь более страшное, чем гнев наших господ. Многие из нас могут погибнуть. И потому задача наша становится особенно сложной. Более того, наши братья могут решить, что мы подвижны гордыней.

— Т-тоже в-верно...

— С этим ничего не поделаешь — рассудить нас сможет только время.

— М-мы умрем еще д-до т-того, как это н-произойдет.

— Я это понимаю. Но это не имеет никакого значения. Я совершенно уверен в том, что правда на нашей стороне. Смотри, как прекрасно мы понимаем друг друга...

— Д-да, д-да — эт-то удивительно!

— И я несколько не сомневаюсь в том, что такие же прекрасные отношения будут и у наших народов!

— Х-хорошо с-сказано, В-виккель!

— Обращаясь к нашим братьям и сестрам, мы должны говорить о будущем, Дик! Если нам удастся низвергнуть тиранов, мы тут же создадим правительство народного доверия, в которое войдут не только представители наших народов, но и депутаты от Прядильщиц, Вампиров и Слепышей! Я убежден в том, что только так мы сможем прийти к процветанию!

— Т-ты идеалист, В-виккель.

— Может быть, ты и прав, Дик, но тезис мой абсолютно верен. Наша сила — в единстве!

Виккель заулыбался, обнажив отсвечивающие зеленою клыки.

— Возьми-ка немного плесени, Дик.

— С-спас-сибо, д-дружищ-ще!

Раздвинув плотные пластинки, Дик обнажил то, что являлось его ротовым отверстием, — он верил циклопу, верил так, как, наверное, не верил и себе.

— Я чувствую, что мы войдем в историю! — сказал циклоп, соскребая с камня еще одну порцию плесени.

— Ил-ли ок-кажемся в известковых штольнях, — проскрипел мгновенно захмелевший Дик.

Гнева и страха был исполнен Катамаи Рей. Этот человек, которого женщина назвала Конаном, вновь умудрился бежать. Увы, пока все происходило именно так, как предвещал кристалл. Виновата же во всем была эта проклятая ведьма. Вначале его едва не поразил вызванный ею демон, затем она напустила тумана, зная о том, что он, Рей, не сможет поразить ее, не погубив при этом себя. Как ловко она все рассчитала! Если бы он ответил колдовством на колдовство, мост, на котором он стоял, вмиг бы исчез, и он оказался бы в этих страшных водах.

К тому времени, когда туман рассеялся, ведьмы уже и след простыл. Эфирных энергий едва хватало на то, чтобы строить мост; о более эффективном волшебстве пока не приходилось и думать.

«Ничего, — подумал Рей, — она за это еще заплатится».

Чунта чувствовала, что ее плот начинает разъезжаться. Волшебный клей, скреплявший тела червей в единое целое, стремительно размокал. Она тут же прибавила ходу и уже через минуту оказалась за пределами опасной зоны, в которой уровень эфирных энергий упал едва ли не до нуля. Клей тут же затвердел вновь, но Чунта решила не снижать скорости. Скорее всего, красавчик и его спутники были уже где-то на берегу, и потому ей следовало спешить.

Во всем происшедшем ей был неясен только один момент — она никак не могла понять, что же это за тварь свалилась на волшебника. Впрочем, объяснить можно было и это — скорее всего, Рей допустил ошибку в заклинании и тут же поплатился за это. Чунту это особенно не интересовало: ее думами владел только он — статный красавец с черными как смоль волосами...

Харскил слез с доски и направился к мысу, с которого хорошо просматривались окрестности. Прибрежные воды уже очистились от тумана, середина же озера все еще была объята плотной дымкой. Приказав Вампирам на время исчезнуть, Харскил спрятался за камень и устремил взор на темные воды Моря Мрака.

Вскоре из тумана выплыл диковинный плот, построенный из гигантских белых червей, на котором стояла прекрасная нагая женщина. Плот направлялся туда, откуда только что пришел сам Харскил.

Прошло еще несколько минут, и над озером вырос мост, по которому шагал отряд волшебника; едва циклопы покидали очередной пролет, как он тут же растворялся в воздухе. Волшебник шел в том же направлении, что и ведьма.

Ни Конана, ни его спутников Харскил так и не увидел.

«Интересно, — подумал он. — Выходит, киммерийцу удалось бежать». Люди не могли добраться до берега раньше, чем там оказался он сам, а это значило, что

они направились совсем в другое место. И ведьма, и колдун двигались в заведомо ложном направлении.

Как только волшебник исчезнет из виду, он призывает к себе этих бестолковых Вампиров и продолжит поиски. Если ему повезет, то он намного опередит своих соперников, которые, вообще говоря, могут уничтожить друг друга.

«Лучше на это не надеяться, — подумал Харскил, провожая взглядом последнюю шеренгу циклопов. — Так. Где же эти крылатые ублюдки?»

Глава шестнадцатая

Врожденное чувство направления не подвело киммерийца и на сей раз. Через пару часов он и его спутники уже сидели в убежище Тулла.

Путникам показалось странным то, что огромная пещера, в которой совсем недавно им пришлось сражаться с мышами, на сей раз была совершенно пуста. Недоумение, порожденное этим открытием, пожалуй, было единственным дорожным впечатлением, ибо на всем пути люди не встретили ничего более примечательного.

— Ну ты, Тулл, молодчина! — воскликнул Лало, разглядывая укромное стариковское гнездышко. — Будь ты женщиной, я бы тебя тут же в жены взял!

Тулл криво улыбнулся и вновь схватился за свой кинжал.

Конан устало вздохнул. Проклятие проклятием, но мог бы этот малый и помолчать, когда надо. Решив разрядить ситуацию, Конан спросил:

— Что ближе — палаты ведьмы или палаты колдуна?

— Расстояние до них примерно одинаковое, — ответил Тулл.

— Понятно. Тогда скажи — у кого из них кладовые побогаче?

Тулл почесал бороду.

— Ты лучше скажи мне, чего тебе больше хочется. Волшебник, тот питает особую приязнь к золоту, им-то он свои сундуки и набивает.

— Я смотрю, у него губа не дура! — засмеялся Лало.

И Конан, и Тулл разом замолчали, ожидая, что их новый спутник вновь скажет что-нибудь эдакое, но к их удивлению на сей раз тот промолчал. Впрочем, их раздражало даже его молчание.

— Что до ведьмы, — наконец продолжил Тулл, — то она больше всего на свете любит драгоценные камни — изумруды, рубины и все такое прочее.

Конан задумался. Что лучше — золото или драгоценные камни? Лучше всего и золота, и камни.

— Послушайте, друзья, может, нам следует погостить и там, и там?

— Нет, он действительно выжил из ума, — сказала Элаши, глядя на Лало. — Раньше он таким все-таки не был. Конан, неужели на тебя разговор о сокровищах так подействовал? Я и не знала, что ты такой жадный!

Конан пропустил ее замечание мимо ушей, но ответ Тулла его тоже особенно не обрадовал.

— Вряд ли мы сможем это сделать, — сказал старик. — До каждой из палат примерно день пути, находятся же они по разные стороны от этого места.

— Да, это действительно скверно, — растерянно произнес Конан и тут же добавил совсем иным тоном: — Стало быть, идти нам надо к ведьме.

Элаши удивленно посмотрела на киммерийца:

— Это еще почему?

Конан чуть было не сказал ей, что с ведьмой совладать им будет проще, поскольку она — женщина, но тут же оборвал себя на полуслове и замолчал. Подобным аргументом он лишь раздражил бы свою не в меру речистую спутницу, считавшую женщин во всем равными мужчинам.

— Что же ты молчишь? — вновь обратилась к нему Элаши.

Только теперь Конан сообразил, что же ему следует говорить.

— Видишь ли, Элаши, камни куда дороже и куда легче золота.

С этим спорить было невозможно, и Элаши не оставалось ничего другого, как только согласиться с ним.

Конан торжествовал. Эти умники, Лало и Элаши, могут издеваться над ним сколько угодно, ума у него от этого не убудет.

— Тулл, — обратился киммериец к старику. — Показывай, куда нам идти!

Все попытки Виккеля воззвать к разуму своих братьев оказались безрезультатными, народ его так и не смог узреть света истины, пророка же своего циклопы сочли безумцем. Он печально брел по узкому коридору, вспоминая недавние разговоры.

— Бороться с колдуном и ведьмой? В своем ли ты уме?

— Мы обязаны рискнуть! Иначе — грош нам цена!

— Рискнуть? Виккель, да ведь они уничтожат нас в один момент — мы даже пикнуть не успеем.

— Нас много, их же всего двое.

— Сказал слизняк, увидев падающие на него камни. Оставь ты эту глупость, брат! Лучше займись чем-нибудь стоящим.

Виккель говорил со своим родным братом, который был лишь на год моложе его, и потому слышать это ему было особенно больно.

— Ты забываешь о том, что на нашей стороне будут и черви.

— Виккель, ты что — плесени объелся? Разве можно верить этим подонкам?

Виккель понял, что продолжать разговор бессмысленно. До недавнего времени он был уверен, что большинство циклопов поддержит его план, теперь же, когда даже родной брат отвернулся от него, он был уверен

в обратном. Да и какой это в самом деле «план»? Так — пустая затея...

Братья поняли бы Виккеля, сумей он доказать на деле то, что и с волшебниками можно бороться. Если бы он мог нащупать в них хоть какую-то слабину, его народ тут же пошел бы за ним — рабы всегда ненавидят тиранов, последние же, зная об этом, держат их в постоянном страхе. Виккель вздохнул. Оставалось надеяться на то, что Дику повезет больше. Кто знает, может быть, черви окажутся куда умнее циклопов, что впоследствии даст им право на большее число депутатских мест. Виккель обгласился бы и с этим — в конце концов, сейчас это было неважно.

Он должен был встретиться с Диком в уединенном гроте, лежавшем в стороне от торных дорог. Еще несколько минут, и он увидит своего товарища. Что же он скажет Дику?

К тому времени, когда Дик добрался до грота, Виккель был уже там. Разговор с червями ни к чему не привел, и теперь Дик думал только о том, как же он скажет об этом циклопу. Впрочем, чему быть, того не миновать...

Друзья обменялись приветствиями, и червь тут же заполз на плоский шершавый камень, как нельзя лучше подходивший для разговоров такого рода.

— М-мои б-братья р-решили, что я с-сошел с ума.

— Не может быть! Я так надеялся...

— Н-на что т-ты н-надеялся?

— Я так надеялся на то, что тебе повезет больше, чем мне. Меня ведь тоже приняли за сумасшедшего!

— В-выходит, циклопы н-не с-станут помогать н-нам?

— Боюсь, что нет. Если я тебя правильно понял, на червей мы тоже не можем рассчитывать.

— Увы, эт-то т-так...

— Провались они все в Геенну! Что же мы теперь будем делать?

С минуту Дик лежал неподвижно. Наконец он собрался с духом и, слегка путаясь от волнения, прокричал:

— М-мы до-должны до-доказ-зять с-свою п-правоту д-делом!

Виккель кивнул.

— Ты прямо мои мысли читаешь. И ты знаешь, такая возможность у нас есть.

— У т-тебя есть г-готовая идея?

— И не одна! Правда, у всех этих идей есть один недостаток — мы можем воплотить их лишь ценой собственной жизни.

— Я д-думаю, т-тебе следует еще р-раз все обдумать.

— Именно этим я и собираюсь заняться, но теперь мы будем делать это вместе. Одна голова — хорошо, а две, — циклоп с сомнением посмотрел на Дика, — а две — лучше. Что-нибудь мы обязательно придумаем!

Диком овладело странное волнение. Выбор сделан. Либо свобода, либо сточная канава — третьего не дано.

— Для начала я познакомлю тебя с идеей, которая...

Ждать Вампиров Харскилу пришлось достаточно долго. Теперь он должен был решить — лететь ли ему по воздуху вместе с ними или же идти пешком. Доверить свою жизнь бестолковым мышам он не мог и потому предпочел второй вариант.

Харскила вновь переполняла ярость, в любую минуту он мог сорваться и наделать кучу глупостей. Следовало как-то успокоить себя. Все складывается не так уж и плохо, стал уговаривать себя он. Люди сбежали вновь, но зато сбились с их следа и волшебники. Он потерял всех своих воинов, но у него появились крылатые слуги — он поменял собственных полудурков на здешних недоумков. Положение его оставалось примерно таким же, каким было и в самом начале пути — не лучше, но и не хуже.

Харскил шел по следу Конана и его друзей, предаваясь этим неспешным раздумьям, что должны были

как-то примирить его с действительностью. Покой к нему, однако, так и не приходил, и от того снедавшая его ярость разгоралась со все большей силой.

Теперь Чунта вела свой плот вдоль берега. Она внимательно разглядывала зеленоватые скалы, пытаясь понять, куда же могли направиться беглецы. Эти места были ей совершенно неведомы, за те долгие годы, что она провела под землей, на озере она бывала лишь пару раз. Она часто вспоминала о том счастливом времени, когда она еще жила на земле. Мужчины, едва завидев ее, искали ее любви, не подозревая о том, что в объятиях ее потеряют свою душу. Но всему приходит конец. Нравы людей изменились, и она уже не могла появляться перед ними нагой; мало того, гибель людей стали связывать с ее появлением, и потому не раз и не два ей приходилось спасаться бегством от разъяренной толпы, жаждавшей ее смерти.

Разумеется, пещерная жизнь не шла ни в какое сравнение с той, прежней ее жизнью, и все же ее можно было существенно улучшить — для этого достаточно было избавиться от колдуна и подчинить себе все подземное царство. Она тут же наладила бы регулярный приток мужчин, поставив ловушки на горных тропах, все же остальное наладилось бы само собой.

Прямо перед собой Чунта увидела вход в пещеру. Люди вполне могли войти в нее. Разумеется, они могли пойти и в любую другую пещеру, которых здесь было предостаточно, но поиски ведьма решила начать именно отсюда.

Она достала из сумки высокий черный кувшин и пинцет. Открыв кувшин, она извлекла из него при помощи пинцета маленький, с булавочную головку, шарик темно-красного цвета и положила его прямо на плот. Чунта пробормотала заклинание и сделала несколько пассов руками. Шарик тут же превратился в огромного, размером с воробья, красного шершня.

— Лети в пещеру, — приказала Чунта страшному шершню. — Если найдешь людей — возвращайся ко мне!

Шершень послушно взлетел и вскоре исчез во мраке пещеры. Волшебные шершни чрезвычайно глупы, но на редкость исполнительны. С подобными заданиями они справляются прекрасно, но более сложных поручений давать им нельзя — они могут только помешать делу.

В кувшине лежало несколько десятков красных шариков, и потому Чунта нисколько не сомневалась в том, что поиски беглецов будут недолгими. Кувшин этот некогда принадлежал самозваному волшебнику, решившему лишить ведьму покровительства Сенши. Однако у этого нахала ничего не вышло, и он разделил судьбу всех своих предшественников, отдав ведьме не только душу, но и этот кувшин с шершнями. Волшебника этого Чунта вспоминала частенько: еще бы — он сумел продержаться целый час...

Уйти далеко беглецы не могли, они либо забрались в одну из ближайших пещер, либо отправились берегом. И в том и в другом случае ждать ей осталось недолго.

Чунта улыбнулась. Нет, она не поведет их в свои пещеры, она займется ими прямо здесь, так будет надежнее.

Катамаи Рей покачивался в своем паланкине, лениво поглядывая по сторонам. Людей он пока не видел, но это не имело особого значения. Скорее всего, беглецы забрались в одну из пещер, которых здесь было в избытке. Волшебник был готов и к этому.

Порывшись в сундуке, Рей достал из него кожаную бутылку внушительных размеров. Он потряс бутылку и приложил ее к уху. Послышалось слабое жужжание. Рей вынул пробку и вновь встряхнул бутылку. Едва оттуда выползло маленькое, размером с овода, насекомое, пробка была возвращена на место. Рей что-то забормотал, и овод превратился вдруг в

синюю осу размером с жаворонка. Оса ползала по бутылке, ожидая команды Рея.

— Ты должна осмотреть те пещеры. Если увидишь в ней людей — сразу же возвращайся ко мне.

Оса полетела в сторону берега. Рей довольно улыбнулся. Когда-то у него был и черный кувшин с красивыми шершнями, но он решил продать его заезжему любителю оккультных наук. Ох, и давно же это было! Шершни и осы терпеть не могут друг друга. Если работаешь с шершнями — не выпускай ос, если работаешь с осами — не выпускай шершней, в противном случае они просто убьют друг друга. Иметь и тех и других — бессмысленная роскошь, лучше ограничиться чем-то одним.

Рей вспомнил о ведьме. Она явно была где-то рядом. Теперь-то он не позволит себя одурачить! Эта блудливая особа скоро пожалеет о том, что стала у него на пути. Катамаи Рей таких вещей не прощает!

Глава семнадцатая

План Конана был достаточно прост. Они должны были добраться до палат ведьмы, обезвредить охранников и, набив карманы драгоценностями, скрыться в одной из окраинных пещер. Поскольку на поиски выхода у них могли уйти и годы, решено было прорыть туннель, который рано или поздно привел бы их на поверхность земли.

Элаши тут же вознегодовала.

— По-моему, ты недооцениваешь ведьму. Наверняка ее палаты охраняются какими-нибудь чудовищами, вроде этих огромных червей.

— Вспомни ту рыбину, — спокойно ответил Конан. — Если уж я поразил ее, то с червями я и подавно справлюсь.

— Хорошо, будем считать, что так оно и будет. Поговорим лучше о туннеле. Тулл провел под землей

уже пять лет, верно? Я нисколько не сомневаюсь в том, что он пробовал выбраться и таким способом.

— Это так, Тулл? — обратился к старику Конан.

— Разумеется я испробовал и это. Рыть имеет смысл только в тех местах, где своды опускаются достаточно низко. Мест же таких совсем немного, зато червей и циклопов в них предостаточно. Порою подземные обитатели сами пробивают подобные туннели, в надежде на то, что какая-нибудь живность свалится на них, но эти туннели или, скорее, провалы, как правило, находятся слишком высоко, и забраться к ним невозможно.

Конан повернулся к Элаши.

— Тулл рыл в одиночку, нас же — четверо. Мы и рыть будем быстрее, и от червей сможем отбиться.

— Я смотрю, у тебя на все есть ответ! — зло бросила Элаши.

Конан кивнул. Так оно и было.

— Тулл, дружище! Сколько нам еще идти?

— Часа два-три.

— Я предлагаю прекратить на это время все разговоры, тем более что смысла в них нет никакого!

Элаши нахмурилась, однако не сказала ни слова, промолчал и улыбающийся Лало.

Теперь они шли молча. Плесьень покрывала стены пещер таким толстым слоем, что виден был каждый камешек.

В одной из пещер им встретила Прядильщица. Конан тут же услышал ее сладкий голосок:

О ВОИН! ПРИДИ КО МНЕ, И ТЫ ПОЗНАЕШЬ РАЙСКИЕ УСЛАДЫ!

На сей раз Конан и ухом не повел. Не вняли сладкому зову и Тулл с Элаши. Друзья хотели было предупредить Лало об опасности, но в этом, как оказалось, не было никакой надобности. Лало на миг замер и тут же воскликнул:

— Что это еще за репа? Отродясь такой гадости не видел!

Таких оскорблений Прядильщица вынести не могла, она тут же завопила:

ДА Я ИЗ ТЕБЯ ВСЕ СОКИ ВЫСОСУ, СКОТИНА!

Конан усмехнулся. Даже попади Лало в паутину, Прядильщица вряд ли стала бы есть его, уж слишком тот был колок.

Тулл знал эти места как свои пять пальцев, он вел людей по пустынным туннелям, которыми местные обитатели, похоже, не пользовались. За все время им встретился лишь один червь, переползший им путь и тут же скрывшийся во тьме.

Вскоре они уже оказались у палат ведьмы. Конан и Тулл осторожно поползли ко входу в главную палату, но уже через минуту вынуждены были остановиться. Вход охранялся четверкой огромных червей.

Стараясь не шуметь, друзья поползли обратно.

— Ну что? — в один голос спросили их Элаши и Лало.

— Перед входом лежат четыре огромных червя, — ответил Конан.

— Я же тебе говорила! — едва ли не радостно воскликнула Элаши.

— Лично я не вижу в этом ничего страшного, — сказал Конан, с презрением посмотрев на свою спутницу. — Мы поступим так. Двое отвлекут на себя червей, что позволит двум другим войти в палату. Тулл говорил, что червь не может догнать человека. После того, как сокровища будут захвачены, мы встретимся в условленном месте.

Элаши покачала головой, Лало же заметил:

— Ох, Конан, Конан... Для тебя что в Геенну сходить, что на горшок — все едино.

К Элаши вернулся дар речи.

— Скажи-ка мне, Конан, кто же твоих червяков отвлекать будет? Раз я уже имела глупость согласиться с тобой и едва не оказалась в брюхе у рыбы. Второй раз со мной это не пройдет!

— Отвлекать червей будем мы с Туллом, — спокойно ответил Конан. — Мы постараемся водить их за

собой подольше, так чтобы вы успели взять пару-другую камешков.

Лало захихикал.

— Прежде я считал тебя тупым варваром, Конан, но оказалось, что дело обстоит и того хуже. Ты оказался политиком, киммериец. Вполне возможно, что однажды ты станешь и королем.

Судя по всему, Лало оскорбил его, хотя того, в чем же состояло оскорбление, Конан так и не понял. Он решил не ломать себе голову и сделал вид, что ничего не услышал.

— Я думаю, к делу нужно приступить не мешкая, — заговорил Тулл. — Рано или поздно ведьма поймет, что она сбилась со следа, и направится не куда-нибудь, а сюда. Лучше, если к этому времени нас здесь не будет.

С этим не стал спорить никто.

— Ну что ж, тогда не будем терять время зря, — сказал Конан.

Харскил прекрасно понимал, что ни он сам, ни те, кого он преследовал, не могут тягаться в скорости с его крылатыми слугами, и потому отослал вперед все мышинное воинство, оставив при себе только Рыжего.

Рыжий то и дело начинал недовольно ворчать. Успокоить же его было не так-то просто.

— Боюсь, что вся эта кровь не стоит тех трудов, которыми она нам достается...

— Что я тебе скажу? Вспомни ее вкус.

— Но не могу же я до скончания лет ловить этих людей!

— Я понимаю тебя, Рыжий. В знак особой признательности я хочу предложить тебе нечто особенное. Да, кстати, превращать тебя в насекомое я и не думал, это была шутка.

— Я так и понял, — ответил Рыжий, явно не доверяя сказанному.

— Предложение же мое заключается в следующем — после того как я произнесу одно небольшое

заклинание, ты станешь неотразимым, Рыжий, все самки твоего племени будут жаждать только одного — твоей любви!

Рыжий фыркнул.

— Ты только зря потратишь время — я и так пользуюсь большим успехом у дам.

Харскил едва смог удержаться от смеха.

— Я в этом несколько не сомневался, приятель. Речь идет о другом. Твои... как бы это сказать? Да, твои мужские потенции станут беспредельными.

— Беспредельными?

— Практически беспредельными.

Рыжий изумленно уставился на Харскила.

— Я тебя понял. Вообще-то особых проблем с этим у меня нет, но, думаю, твое заклинание тоже будет не лишним.

На этот раз Харскил уже не мог удержаться от смеха.

В тот же миг он увидел перед собой еще одну летучую мышь. Сделав круг над его головой, она села на землю и принялась пищать на разные лады.

— Переведи! — обратился Харскил к Рыжему.

— Он говорит, что твои или, вернее, *наши* жертвы находятся у входа в палаты ведьмы.

— Что они там забыли?

— Кто ж их знает. Мысли мы читать не умеем.

— Далеко это отсюда?

— Нет. Туда можно добраться и за час.

— Тогда чего же мы ждем?

Виккель и Дик двигались по одному из главных коридоров по направлению к покоям ведьмы. Руки Виккеля были связаны крепкой веревкой, свободный конец которой находился во рту у Дика. Червь вел за собой взятого в плен циклопа.

План заговорщиков был достаточно прост. Стражи, охранявшие господские покои, знали о том, что Дик является доверенным лицом Чунты, и вряд ли заподозрили бы его в измене. Оказавшись в главной пала-

те, они стащили бы у ведьмы парочку талисманов и тут же направились бы назад. Охранники, насколько это было известно Дику, особым умом не отличались, и потому наплевист им можно было что угодно.

По завершении первой части операции Виккель и Дик должны были поменяться ролями, теперь Дик становился пленником, а Виккель — конвоиром. Вторая часть операции была точным повторением первой, с той лишь разницей, что осуществляться она должна была в покоях волшебника. На всю операцию у них должно было уйти не меньше двух дней, но дело того стоило, ибо в результате ее они стали бы обладателями двух магических талисманов, принадлежащих враждующим сторонам. Талисманы же эти должны были стать мощным орудием убеждения. Речь была заготовлена заранее.

«Если волшебник/ведьма так уж непобедим/а, то как вы объясните то, что мне удалось похитить из его/ее логова эту штуковину? То, что вы считаете силой, на деле — пустое бахвальство! Победа будет за нами!»

Эту речь следовало произносить при большом скоплении народных масс.

Ни у Дика, ни у Виккеля не было уверенности в том, что план этот приведет их к желанной цели, но у них не было и особого выбора. Лучше хоть что-то, считали они, чем ничего.

По дороге им встретилось несколько червей. Рассказ Дика ничуть не смущал их, они воспринимали его как нечто, само собой разумеющееся. Это говорило о том, что план их не так-то плох.

Чунта почувствовала что-то неладное. Шершни были запущены ею едва ли не во все пещеры, однако все они возвращались ни с чем. Многие еще отсутствовали, но уже было понятно, что людей в этой части пещеры нет. Все это время ее плот плыл со скоростью бегущего человека, шершни же легели и того быстрее — люди, если бы они были здесь, просто не успели

бы уйти так далеко. Следовательно, они направились в каком-то ином направлении.

Чунта хлопнула себя по бедру. Ну конечно же! Почему только она не подумала об этом раньше? Они ведь могли направиться и назад, тем более что те места им уже знакомы.

Неужели на эту уловку попался и волшебник? Если это так, то он может появиться здесь с минуты на минуту.

Чунта вздохнула. Она могла сразиться со своим заклятым врагом и сейчас. Конечно, с энергией, которую она получила бы от варвара, она чувствовала бы себя увереннее, но пока об этом не приходилось и мечтать. Проскользнуть мимо Рея незамеченной ей все равно не удастся, так что лучше напасть на него первой.

Чунта принялась рыться в своих сумках, вынимая оттуда разного рода мистическое оружие. Она устроит засаду в какой-нибудь тихой пещере, из которой этот треклятый колдун уже не выйдет.

Едва Рей выпустил из бутылки третью осу, как его осенило. Он зря терял время, люди ушли совсем в другом направлении. Сказать о том, откуда пришло к нему это знание, волшебник не мог, но это его особенно и не интересовало.

Мост резко изменил направление. Рей встревожился не на шутку. Разумеется, у покоев его была выставлена надежная охрана, но от этих людей можно было ожидать чего угодно. Могли они проникнуть и в его главный зал, где хранились такие предметы, к которым даже он, великий Катаман Рей, подходил с опаской. Ему следовало как можно быстрее вернуться домой и задрать все входы-выходы, в противном случае могло произойти что угодно. Только бы не опоздать!

— Прибавьте ходу, ублиодки! — заорал Рей.

Быстрее циклопы бежать уже не могли. Рей застонал и, прикрыв глаза, погрузился в тягостные думы.

Конан и Тулл разом выбежали в коридор, ведущий ко входу в главную палату Чунты. Киммериец громко кричал, размахивая над головою мечом, старик же выделывал немислимые коленца и постанывал.

В тот же миг четверка охранников ринулась вперед. В скорости черви ничуть не уступали людям.

Друзья бросились бежать. Когда они повернули за угол, Конан на миг остановился и раздраженно бросил:

— Ох и набегаемся мы сегодня!

Тулл смущенно развел руками.

— Кто ж знал, что эти черви будут ползать так быстро...

Они еще раз повернули за угол и побежали по длинному узкому коридору. Черви не отставали от них ни на шаг.

Едва стражи скрылись за поворотом, Элаши и Лало ринулись ко входу в покои ведьмы. Не прошло и минуты, как они уже стояли в ярко освещенной передней.

— Пустое это дело, — прошептал Лало. — Скорее всего, ведьма взяла свои сокровища с собой.

— А раньше об этом ты сказать не мог?

— Так вы же меня и не спрашивали. Лезть же в чужие дела не в моих правилах.

— Лало, у нас нет времени на споры. Пора делом заняться.

Они вышли из передней и оказались в огромном зале с высокими сводами, в центре которого стояла огромная кровать. Вдоль стен стояли шкафы, зеркала, сундуки, туалетные столики и тумбочки.

— Похоже, мы у цели, — прошептала Элаши.

— Удивительно тонкое наблюдение. Я покорен...

— Заткнись! У нас и так мало времени.

Харскил был настроен решительно. Он завладеет варваром и его клинком, чего бы ему это ни стоило. План его был чрезвычайно прост. Когда они настигнут Конана, он, Харскил, напустит на него дюжину другую Вампиров. В том, что мыши смогут справиться с варваром, можно было не сомневаться, тем более что наградою им была бы кровь жертвы. Харскилу хватило бы и капли крови варвара — успех заклинания определялся не ее количеством, но ее качеством. Конечно, приятнее было бы помучать жертву напоследок, но теперь об этом думать уже не приходилось. Главное — кровь, всем остальным можно и пожертвовать.

Время шло, а волшебник все не появлялся. Куда же запропастился этот негодяй? Чунта вновь забеспокоилась. Одно из двух: либо он заметил ее и поспешил отступить, либо — подобно ей понял, что людей в этой части пещеры нет, и направился в каком-то другом направлении.

Чем быстрее она поймет это, тем лучше. Чунта выпустила из кувшина красного шершня и сказала ему следующее:

— Ищи волшебника Катамаи Рея. Но смотри — он не должен тебя заметить!

Шершень взмыл вверх, Чунта же села на свой плот и задумалась.

Слугам Рея приходилось несладко. Волшебник все подгонял и подгонял своих носильщиков, не давая им ни минуты передышки. «Только бы успеть, — думал Рей. — Только бы успеть».

Ему вдруг показалось, что он слышит какое-то жужжание. Он посмотрел по сторонам, но не заметил ничего подозрительного. Впрочем, сейчас подобные пустяки его нисколько не беспокоили. Рею вспомнилась ведьма. Скорее всего, эта потаскуха находится где-то поблизости. Наверняка она совершила ту же

ошибку, что и он сам. Но, впрочем, это уже ее проблемы.

Черви явно нагоняли беглецов. Конан оглянулся назад. Еще пять-десять минут, и эти ползучие твари будут давить на пятки.

— По... камням... они... лазать... могут? — крикнул он обливающемуся потом Туллу.

— Плохо! — прохрипел старик.

— Тогда бежим направо!

Правый туннель был уже знаком киммерийцу, по одной из его стен можно было забраться наверх, на узкую каменную полку. Не прошло и минуты, как друзья оказались перед нею.

— За мной! — крикнул киммериец и, не дожидаясь ответа, полез наверх.

Стена оказалась куда круче, чем думал Конан, однако ему не составило особого труда добраться до полки, годы, проведенные среди диких киммерийских скал, не прошли для него даром, он лазал по скалам с ловкостью ящерицы. Через минуту на полку забрался и старик, подобной прыти Конан от него никак не ожидал.

— Что же мы будем делать? — прохрипел Тулл, усевшись на камень. — Не торчать же нам здесь вечно?

Конан взял в руки большой, в две человеческие головы, камень.

— Долго мы здесь не задержимся, дружище. Оружия у нас теперь хоть отбавляй.

Тулл согласно кивнул и тоже наклонился за камнем.

Черви были уже под ними. Один из них принялся извиваться на месте, производя немыслимый скрип.

— Н-немедленно с-спускайтесь вниз! — услышал вдруг Конан. Фраза эта была произнесена на языке гиперборейцев. Конан немало удивился познаниям червей, но решил не вступать с ними в диалог. Вместо этого он швырнул вниз камень.

Бросок его был точен. Червь, лежавший под скалой, забился в предсмертной агонии, истекая тягучей желтоватой жидкостью. Метким оказался и бросок Тулла.

Пара оставшихся в живых червей тут же отползла на безопасное по их понятиям расстояние. С минуту они о чем-то совещались, затем один из них заполз на большой плоский камень и грубо проскрипел:

— М-мы еще в-вернемс-ся!

После этого черви гордо удалились.

— Что он хотел этим сказать? — удивился Тулл.

Конан пожал плечами.

— Кто ж его знает. Может быть, они отправились за подмогой, а может, имелось в виду и что-то другое. Я думаю, нам не следует ломать себе голову над этим. В любом случае нам нужно уходить отсюда.

Пока киммериец спускался вниз, старик стоял наверху, держа наготове огромный камень. Оказавшись внизу, Конан извлек меч из ножен и стал дожидаться Тулла. Черви так и не появились.

— Надеюсь, Элаши и этот придурок сделали все что надо, — сказал старик.

— Времени на это у них было предостаточно, — усмехнулся киммериец. — Интересно, чем же они нас обрадуют?

Проблема, с которой столкнулись Элаши и Лало, казалась достаточно странной, камней было слишком много. Понять, что это за камни, можно было лишь при свете дня, но Лало, оказавшийся докой в этих вопросах, тут же нашел среди них рубины, изумруды, алмазы, сапфиры, огненные агаты, опалы и жемчуг.

Отобрав самые ценные камни, они наполнили ими четыре кожаных мешка, нести которые было весьма непросто.

— Все, хватит! — сказала Элаши.

— А как же все остальное?

— Ты хочешь, чтобы под тяжестью камней мешки порвались?

— Нет, нет! Это я так.

Взяв в руки мешки, спутники направились к выходу. Едва они миновали главный туннель и свернули за угол, как у входа появилась пара охранников.

— Я и не ожидал, что все пройдет так гладко, — прошептал Лало.

— Рано ты об этом заговорил, — ответила Элаши. — Радоваться будем потом.

— Слушай, Элаши, порою мне сдается, что проклятье наложено не только на меня!

— Замолчи, идиот! Ты слышишь?

Из-за угла доносились чьи-то тяжелые шаги.

— Скорее сюда! — прошептал Лало и, протиснувшись в крохотный грот, помог забраться туда и своей спутнице.

Вскоре они увидели огромного червя, державшего во рту веревку, которой были связаны руки покорно следующего за своим конвоиром циклопа. Элаши внимательно наблюдала за этой странной парочкой, не забывая время от времени поглядывать и на своего не в меру разговорчивого спутника. Предосторожность эта оказалась не лишней, едва хвост червя исчез из виду, Лало зашевелил губами, явно собираясь сказать ей очередную глупость. Элаши выпустила мешок из руки и крепко зажала ему рот, неслыханно удивив тем своего спутника.

Дар речи вернулся к нему только через минуту.

— Более напористой женщины я еще не видел! — восхищенно пробормотал он.

Элаши улыбнулась.

— Хватит сидеть. Наверняка друзья нас уже заждались.

У входа в покои ведьмы Дик и Виккель увидели двух чрезвычайно взволнованных червей. Виккель, понутив голову, ждал, когда черви наговорятся друг с другом, справедливо полагая, что предметом их разго-

вора является не он, а нечто куда более важное. Дик дернул за веревку, и они вошли в покои ведьмы.

Едва они миновали переднюю и вошли в главную залу, Виккель спросил:

— Что произошло?

— Н-недавно з-здесь появилась п-парочка л-людей. В-все четыре охранника отправились в-в п-погоню з-за н-ними.

— Четыре? Лично я заметил только двоих.

— Д-двоих уже н-нет, они по-погибли. Л-люди убили их к-каменьями.

— Какое зверство! — пробормотал циклоп, но едва ли не тут же добавил: — Впрочем, нет худа без добра. Происшедшее как-то повлияет и на отношение червей к ведьме.

— З-здесь я с-с тобой с-согласен.

Виккель стал с интересом разглядывать покои Чунты.

— Кому как не тебе знать эти места, Дик. Скажи, что мы должны взять?

— Иди з-за м-мной.

Они направились к огромному комоду. Виккель внезапно вскрикнул и тут же поднял с пола камешек, поранивший ему ногу.

— Ты смотри! Да это же изумруд! — Он поднес камень к морде Дика. — Они что — так повсюду и валяются?

— Ко-конечно н-нет!

Виккель на миг задумался.

— Ты знаешь, приятель, мне кажется, что людей было не двое.

— Д-да. З-здесь п-побывал и т-третий.

— Совершенно верно. Пока охранники гонялись за людьми, кто-то лишил твою госпожу всех ее сокровищ.

— Д-да! П-представляю, к-какую она р-рожу с-скорчит!

Виккель рассмеялся.

— Ну а теперь, старик, давай и мы прихватим свою долю. Хуже ей от этого уже не будет.

Харскил осторожно выглянул из-за камня. Глазам его предстала странная картина: из узкого прохода, охранявшегося парой огромных червей, появилось двое — циклоп и червь. Руки у циклопа были связаны, второй же конец веревки находился у червя во рту. Эта странная пара вскоре исчезла за поворотом. Харскил подозвал к себе Рыжего.

— Ты шел слишком медленно, — сказала мышь. — Люди уже ушли.

Харскил закрипел зубами.

— Куда ушли?

— Они находятся неподалеку отсюда. Двое уже там, двое других направляются туда же. Наши разведчики сообщили мне, что первая пара отвлекала на себя внимание червей, вторая же пара в это время побывала в покоях ведьмы и вышла оттуда с каким-то тяжелым грузом.

Харскил удивленно покачал головой. Оказывается, они еще и воры. Но ничего, после того, как мыши расправятся с людьми, а произойти это должно было совсем скоро, он прихватит с собой и награбленные ими сокровища.

— Показывай путь, — приказал Харскил Рыжему.

Обе пары пришли в условленное место почти одновременно. Элаши и Лало несли с собой тяжелые мешки.

— Удивительно! — засмеялся Лало. — И как это вы не заблудились?

Тулл закрипел зубами, Конан же изобразил на лице некое подобие улыбки.

— Я смотрю, вы времени даром не теряли.

— На это можно купить целое царство, — ответила Элаши. — Пока же я препоручу свою долю тебе. — Она протянула киммерийцу оба мешка.

Конан покачал головой.

— Мне и своей хватит.

Он взял один из мешков и оценивающе прикинул, тяжелый ли он. К несчастью, мешок оказался слишком ветхим, и из него сверкающим потоком хлынули камни.

— Что ты наделал! — воскликнула Элаши.

Не говоря ни слова, Конан присел, собрал горсть самоцветов и высыпал их в кошель, висевший у него на поясе.

— А как же остальное? — изумился Тулл.

— С меня достаточно и этого, — ответил Конан. — Сокровища сокровищами, но жизнь мне дороже.

— Но ведь эти богатства...

— Обесценятся, если мы не сможем выйти из пещеры. Вы забываете о том, что мы со всех сторон окружены врагами.

— Смотрите, — воскликнул Тулл, показывая куда-то вверх. — Мышь!

Крылатая тварь тут же метнулась к выходу из пещеры и исчезла.

— Хорошо, если она одна, — пробормотал киммериец. — В любом случае нам лучше уйти.

Друзья направились к выходу, с сожалением поглядывая на рассыпанные сокровища. В последний момент Элаши подняла с земли огромный изумруд и протянула его киммерийцу.

— Зря ты такими камнями разбрасываешься.

Конан посмотрел на камень. Да, этот камень стоил всех прочих. Взяв его в руки, киммериец почувствовал, что камень едва заметно пульсирует, но он решил не обращать на это странное обстоятельство внимания и положил его в кошель.

Шерпень вернулся к ведьме с вестью о том, что волшебник с большой скоростью движется к своему дому. Новость эта ничуть не обрадовала Чунгу. Разрази его гром! Чего доброго он ее и опередит!

Впрочем, отчаиваться пока было рано. В запасе у ведьмы было одно чудодейственное средство, прибегать к которому ей доводилось лишь однажды, ибо приме-

нение его было связано с немалой опасностью. Рискнула она многим, но ничего другого ей, похоже, уже не оставалось.

Живой плот ведьмы выехал на пологий берег. Чунта пробормотала заклинание, и в тот же миг узы, соединявшие червей в единое целое, распались.

— Возвращайтесь в мои покои, да побыстрее! — приказала ведьма своим слугам.

Черви отправились на поиски туннелей, по которым они могли бы добраться до дома, Чунта же достала из сумки пергамент с заклинанием, которым она не пользовалась вот уже двести лет. Свиток этот был сделан из кожи крылатой рептилии, жившей на Земле задолго до того, как туда пришли люди. Размахом крыльев эта древняя тварь уступала только птице Рух, голова ее походила на голову крокодила, когти же на ее черных лапах были остры словно бритва. Поймано это чудище было в зловонных джунглях к востоку от Ксухотля, одной из твердынь Черных Царств.

При произнесении заклинания свиток превращался в плащ, который заклинатель должен был надеть на себя; при этом он становился точной копией того древнего ящера, из шкуры которого и был сделан свиток. Ящер не боялся никого и ничего, однако у заклинания был один серьезный недостаток — понять, сколь долгим будет его действие, было невозможно, соответственно, воспользовавшемуся им следовало избегать как больших высот, так и высоких скоростей, в противном случае полет мог обернуться и катастрофой.

Чунта была весьма искушена в магических материях, однако летать каким-то иным способом не могла. Смягчить возможное падение также было невозможно, ибо на произнесение заклинания, делающего мага легким как перышко, требовалось несколько минут, которыми она, разумеется, не обладала. И все же в ее положении риск был оправдан.

Ведьма стала взбираться на высокую скалу, сжимая в руках магический свиток. Крылатые ящеры прекрасно летали, но вот взлететь им было непросто — для

этого им требовалось возвышение, с которого они могли бы прыгнуть, раскрыв свои широкие крылья.

Оказавшись на вершине, Чунта развернула свиток.

Катаман Рей чувствовал себя уверенно. Одна из его ос сообщила ему о том, что ведьма осталась далеко позади. К тому времени, когда она осознает свою ошибку, и Рей, и его жертвы будут для нее недосыгаемы.

В тот же миг над волшебником пронеслась странная тень. Он посмотрел вверх, однако ничего не увидел. Впрочем, нет, тень была уже далеко впереди. Или ему это только показалось?

— Что это? — спросил он у своих слуг.

Циклоп, бежавший рядом с паланкином, пожал плечами и ответил:

— Не иначе, мышь.

— Что я, по-твоему, — мышей не видел? — рявкнул волшебник и задумался.

Если это не мышь, то что же это такое?

Скорее всего, эта крылатая тварь появилась здесь случайно, более того, она могла быть и плодом его воображения. Тревожиться пока рано, подумал Рей и тут же почувствовал, как к сердцу его подступает страх.

Дик и Виккель торжествовали. Первая часть операции прошла на удивление гладко, в своем копиле циклоп нес магическое устройство, похищенное из покоев ведьмы. Палаты Чунты остались далеко позади. Дик остановился и стал объяснять своему другу принцип работы этого странного устройства, представлявшего собой деревянную дощечку размером с игральную карту, на одном из концов которой было высверлено крохотное отверстие, к другому же ее концу был приделан небольшой рычажок.

— Н-направь отверстие н-на т-ту с-стену и н-нажми р-рычаг, — прокрипел Дик.

Виккель выполнил сказанное, и из отверстия вылетела тончайшая белая нить, которая тут же начала

сплетаться в хитроумную паутину. Вискель вернул рычажок на место, и паутинка мгновенно оборвалась, теперь кружевная сеть, повисшая меж камнями, не была связана с породившим ее устройством.

Циклопа это несколько не поразило.

— Ну и что с того? На кой черт нам нужна эта паутина?

— П-попробуй ее р-разорвать.

Вискель коснулся кружев и тут же оказался плененым ими. Он было попытался вырваться из этих тончайших пут, но тут же понял, что сделать это ему не удастся.

— Я забираю свои слова обратно. Теперь скажи — как мне отсюда выбраться?

— П-переключи р-рычажок.

Вискель с трудом осуществил названное действие, и паутина тут же стала возвращаться назад, в дощечку. Не прошло и минуты, как циклоп был свободен вновь.

— Эт-то в-волшебство н-не считается с-серьезным, н-но оно н-не т-требует и с-специальных п-познаний в магии.

— Замечательно! — воодушевился циклоп. — Даже одной этой штуковины достаточно для того, чтобы народ пошел за нами!

Харскилом овладело странное беспокойство. Один из разведчиков сообщил ему, что люди, которых он ищет, находятся совсем рядом. Ему хотелось тут же побежать за ними, но он понимал, что теперь ему следует быть предельно осмотрительным. Лучше не спешить и действовать наверняка.

Под ногами у него что-то поблескивало. Харскил наклонился и поднял с земли маленький камешек. Он знал толк в камнях и тут же понял, что держит в руках небольшой рубин. Он принялся рассматривать другие камни и с удивлением обнаружил, что стоит на россыпи самоцветов. «Грешно проходить мимо таких сокровищ, — подумал Харскил и стал набивать камнями

карманы. — Минута-другая ничего не решат, — думал он, — уйти от меня варвар теперь не сможет».

Огромный ящер грациозно размахивал крылами. Он и его собратья владели Землей, ибо им дано было покорить небо. Полет, исполненный легкости и мощи... Чунта вспомнила о грозящей ей опасности и тут же пришла в себя. Летать, конечно, приятно, но существуют и другие, куда менее рискованные, способы достижения блаженства. Как только варвар окажется в ее руках, она насладится сполна. О сладостная нега...

Глава двадцатая

Конан вел друзей по извилистому коридору с высокими сводами.

— Боюсь, этот чурбан заведет нас не туда, — послышался сзади голос Лало.

К оскорблениям подобного рода киммериец уже привык, они несколько не трогали его. И тут Лало сказал:

— *Как ты бесстрашен, киммериец!*

Конан резко обернулся и посмотрел в глаза своему спутнику.

— Это еще что за новости?

— Что-то я тебя не понимаю, киммериец, — удивился Лало.

Голос его зазвучал вновь:

— *Знал бы ты, как не хочется мне тебя обижать, дружище.*

Киммериец внезапно понял, что слова эти рождаются в нем самом, он не слышал их своим физическим слухом, они звучали в его мозгу.

— Это я так, Лало. Не обращай на меня внимания.

«Опять какое-то колдовство. Неужели я научился читать мысли», — поразился Конан. В том, что этот бестелесный голос принадлежал его товарищу, он несколько не сомневался.

Через минуту Элаши споткнулась о камень и неловко упала наземь, обнажив свои красивые ноги. Конан ухмыльнулся.

— Я смотрю, ты ни о чем другом и думать не можешь! — презрительно фыркнула Элаши.

Тут же последовало:

— *Конан, любимый, как мне плохо без тебя...*

Киммериец было смутился, но тут же заметил, что последнюю фразу услышал только он — ни Тулл, ни Лало никак не среагировали на нее. Быть может, на этот раз он слышал мысли Элаши?

Что это с ним случилось? Неужели его заколдовал неведомый волшебник?

Немного подумав, он решил, что последнее предположение лишено смысла. Какой толк в таком колдовстве, которое позволяет жертве читать чужие мысли? На проклятье это как-то не похоже.

Произошло нечто значительное. Ломать голову над тем, что это, киммериец не собирался, на это у него попросту не было времени. Если в минуту опасности тебе протягивают спасительное оружие, ты берешь его, не спрашивая о том, кто это делает и зачем.

Конан был прагматиком.

Именно по этой причине он решил не делиться с друзьями своим открытием. Быть может, когда-нибудь он и поведаст им об этом. Когда-нибудь, но только не сейчас.

— Они совсем рядом, — тихонько пропищал Рыжий. — За этим поворотом.

— Вы готовы к атаке? — спросил Харскил.

— Еще бы не готовы! Наши ребята только этого и ждут.

— Вот и прекрасно. Чапу с кровью вы получите сразу же, скажи об этом своим братьям.

Чунта стояла перед входом в свои покои, наблюдая за двумя перепуганными стражами. Принимать обычный свой облик она не спешила.

Своего поста черви так и не покинули, и ведьма, удовлетворенная этим, развела полы плаща, дабы не вводить слуг в излишнее смущение. Она вопросительно посмотрела на них. Те мгновенно успокоились и принялись докладывать своей госпоже о том, что приключилось с ними за время ее отсутствия.

— Эт-то н-настоящий д-демон! Он убил Кука и Т-туму!

Чунта жестом руки призвала червей к молчанию. Известие о гибели двух слуг ее несколько не взволновало, куда более важным было то, что варвар находится где-то рядом. Медлить было нельзя.

Она взобралась на хвост одного из червей.

— Когда я приму облик ящера, ты легонько подбросишь меня вверх.

Не дожидаясь ответа, она вновь обратилась в крылатую рептилию и раскрыла свои широкие крыла.

Насмерть перепуганный червь дернулся и взмахнул хвостом с такой силой, что ящер взлетел к сводам пещеры.

Пленить варвара можно было несколькими способами, особенно хорош был один из них, позволявший ей застать варвара врасплох. Конан был где-то рядом, она чувствовала его запах.

Теперь циклоны бежали по широкому туннелю, ведущему прямо к его дому. Катамаи Рей поежился. Неужели он опоздает?

— Я с вас шкуры попускаю, болваны! Неужели вы не можете прибавить ходу?

Вторая часть операции прошла так же блестяще, как и первая. Парочка циклопов, охранявших покои волшебника, решила не вмешиваться в дела доверенного лица их господина, тем более что последний не извещил их о том, что с некоторых пор статус Виккеля стал совершенно иным. Рей считал циклопов идиотами и потому не имел привычки делиться с ними своими мыслями. В своем плане Виккель учел и это немаловажное обстоятельство.

Оказавшись в палате Рея, друзья тут же принялись за дело, не прошло и минуты, как они завладели одним из его талисманов, а через полчаса Виккель уже демонстрировал своему другу их новое приобретение.

Вначале небольшой серый кувшин не казался Дикучем-то особенным, однако циклоп тут же доказал ему обратное. Он достал из кувшина щепотку белого порошка и бросил ее перед Диком.

— Н-ну и что из эт-того?

— Попробуй-ка переползти это место.

Будь у Дика плечи, он пожал бы ими, настолько странным казалось ему предложение Виккеля. Он покорно пополз вперед и тут — тут он почувствовал, что опора, необходимая ему для движения, исчезла! Он словно повис в воздухе.

Виккель засмеялся.

— Это особая смазка. Она делает камень настолько скользким, что передвигаться по нему можно только так.

Циклоп легонько толкнул Дика, и тот легко заскользил вперед. Подъехав к краю этого волшебного катка, червь поспешил выбраться на привычную шершавую поверхность.

— В-вот это д-да! — восхитился он. — И д-долго эт-то д-дейс-твует?

— К сожалению, нет. Через час этот камень ничем не будет отличаться от всех остальных. Но нас это не должно волновать — магические предметы должны быть нашими аргументами в споре с массами, верно? Так что своему назначению они отвечают.

— Н-нес-сомненно!

— Не будем зря терять время. Куда мы теперь направимся — к тебе или ко мне?

— М-мои п-пещеры п-поб-ближе.

— Стало быть, туда мы и пойдем.

Конан услышал писк мышей задолго до того, как их приближение заметили его спутники. Он выхватил меч из ножен и резко развернулся.

— В чем дело, Конан? — испуганно пробормотала Элаши.

— Позади мыши! — крикнул киммериец.

У входа в пещеру появилась дюжина огромных летучих мышей. В нескольких шагах от Конана начинался узкий туннель, и киммериец решил отступить туда, ибо мыши могли бы влетать в него лишь поодиночке.

— Скорее в туннель, — закричал он друзьям. — Я вас прикрою!

— Конан... — начала было Элаши, но киммериец тут же прервал ее:

— Делайте то, что я сказал!

Спутники подчинились его приказу; мысли их были исполнены страха, однако в них слышалась и решимость помочь ему, Конану. Киммериец мрачно усмехнулся и поднял свой меч.

Первую мышь он зарубил играючи, со второй и третьей ему пришлось немного повозиться.

И все же мышей было слишком много. Не успел Конан занести меч для нового удара, как на него обрушились сразу четыре мыши. Они были куда легче его, но совокупной массы их хватило для того, чтобы сбить его с ног. Конан рухнул наземь, успев пронзить клинком одну из нападавших на него тварей. Другая мышь вцепилась зубами ему в плечо и стала жадно сосать выступившую из ранки кровь. Конан схватил ее за крылья и разможил ее хрупкое тельце о камни.

И тут в пещере появился Харскил. Только теперь Конан вспомнил о его существовании. Харскил, сжимавший в руке тонкий клинок, пытался приблизиться к нему, однако ему мешали мыши, снующие по пещере.

— Мы идем к тебе, Конан! — услышал киммериец крик друзей. Он разможил голову еще одной мышью и перевел дух. «Похоже, на этот раз они легко одолеют противника, — подумал он, — ни мыши, ни Харскил им не страшны».

И тут раздался ужасный рев.

Он не походил ни на что, грозный звериный рык смешивался в нем с пронзительным, леденящим кровь визгом. Конан глянул вверх. То же самое сделали Харскил и мыши.

На них камнем падало огромное крылатое чудище, с головою крокодила и крылами гигантской летучей мыши.

Конан поднял меч над головой, готовясь к встрече с новым противником, но в это же мгновение обезумевшая от страха летучая мышь метнулась к нему и выбила клинок из его руки.

Не успел Конан опомниться, как чудовищные лапы схватили его за руку и за кожаный пояс. Ящер замахал крыльями и, легко оторвав свою добычу от земли, стал набирать высоту.

— Бегите! — закричал киммериец друзьям.

Лало метнул в ящера увесистый камень, однако, к несчастью, бросок его оказался неточным — камень угодил в бедро Конану.

— Бегите! — вновь закричал киммериец.

Его спутники исчезли в туннеле, поняв, что помочь своему товарищу они уже не смогут. Ящер же взлетал все выше и выше.

Снизу донесся истошный крик Харскила, проклинавшего и судьбу, и богов, и ящера.

Чудище вылетело из пещеры и теперь летело по широкому туннелю, круто уходящему влево. Конан даже не пытался сопротивляться, ибо прекрасно понимал, к чему приведет падение с такой высоты.

Харскил внезапно понял, что теплые капли, упавшие ему на лицо, были каплями крови — крови Конана. Для заклинания было достаточно и их. Клинок героя лежал в трех шагах от него.

Едва Харскил сделал шаг вперед, как перед ним возник Рыжий.

— Пошел вон! — негромко сказал Харскил.

— Я требую, чтобы ты немедленно выполнил свое обещание, — зло прошипел Рыжий. — Хватит нас заплатами кормить!

— Ждать тебе осталось недолго, Рыжий. Сейчас я возьму этот меч...

— Я сказал — немедленно! — завопила мышь, гневно передернув крыльями.

Это было уже слишком. Харскил взмахнул своим клинком, и голова Рыжего покатилась по земле. Пять или шесть оставшихся в живых вампиров переглянулись и вопросительно посмотрели на Харскила.

— Вы тоже спешите?

Мыши развели крылами — нет, нет, никто не спешит.

Харскил взял в руки клинок Конана, осторожно коснулся его острием капельки крови, упавшей ему на лицо, и стал читать заклинание, прикладывая холодную сталь клинка к различным частям своего тела.

Белый мерцающий свет наполнил собою пещеру. Харскил почувствовал, что тело его начинает распадаться надвое — правая его сторона стала средоточием мужского начала, левая — женского. Еще немного, и слившиеся в нем сущности вернутся к блаженной своей обособленности. Он засмеялся, вспомнив о том, каких трудов стоило ему это освобождение. А сколько ему пришлось пролить невинной крови! Даже подумать страшно. Он довольно хмыкнул и через миг потерял сознание.

Мужчина и женщина стояли друг против друга, довольно улыбаясь.

— Это еще что такое? — раздался хриплый голос.

Люди обернулись. Мужчина держал в руках клинок Конана, женщина — меч Харскила.

Перед ними стоял не кто иной, как сам Катамаи Рей.

— Кто вы такие? — грозно спросил волшебник.

— Не твое дело, — ответила женщина.

— Попридержи язык! — прошептал стоявший рядом с ней мужчина.

— После стольких лет молчания? Да ни за что!

— Однажды твой язык уже сослужил нам дурную службу, дорогая.

— Мой язык? Да как ты...

— Молчать! — заорал волшебник. — У меня нет времени на то, чтобы выслушивать этот бред!

— Что ты стоишь? — прошептала женщина. — Неужели мы с ним не справимся?

— Не говори глупостей, — так же шепотом ответил ей мужчина.

С пронзительным визгом женщина бросилась на волшебника. Спутнику ее не оставалось ничего иного, кроме как последовать ее примеру.

Волшебник взмахнул руками и произнес заклинание, состоявшее всего из четырех слов, слов резких и страшных.

Мужчина почувствовал, что у него отнимаются ноги. Он посмотрел вниз и к ужасу своему увидел, что ног у него уже нет — они превратились в грязную зловонную лужу. Он перевел взгляд на свою спутницу и увидел, что с нею происходит то же самое.

— Что ты наделал! — возопила она.

— Я? Я наделал?

Это были его последние слова — Харскил Лоплейнский превратился в лужицу.

Глава двадцать первая

Черви встретили Дика не очень-то радушно. Больше всего их смущало то, что он появился не один, а в компании с циклопом.

— Д-дик, т-ты что — с-спятил?

— Т-ты з-зачем его с-сюда п-привел?

— У т-тебя что — с-своей головы н-нет?

После того, как друзья продемонстрировали соплеменникам Дика чудесную паутину и волшебную смазку, волнение в зале усилилось.

— О б-боги!

— Д-дик, п-прекрати с-сейчас же!

— Я полагаю, нам пора брать слово, — прошептал Виккель.

— П-похоже н-на то, — согласился с товарищем Дик.

Друзья посвятили червей в свои планы, и тут же в пещере установилось напряженное молчание. Черви задумались. Разумеется, Чунту они не любили, но мысль о том, что ее можно низвергнуть, никогда не приходила им в голову — уж слишком неравны были силы. Теперь же ведьма предстала им в новом свете — она была не всемогуща, доказательством чего были магические предметы, похищенные заговорщиками. Споры длились не один час, но в результате их червям удалось прийти к единому мнению: если Дик и Виккель смогут гарантировать участие в борьбе одноглазых, то они, черви, станут на сторону заговорщиков.

Дик и Виккель переглянулись. Ну наконец-то!

Разумеется, торжествовать пока было рано: им нужно было привлечь на свою сторону и циклопов, однако то обстоятельство, что они уже заручились поддержкой червей, существенно упрощало их задачу.

Виккель повел своего друга к родным пещерам.

Ящер уносил Конана все дальше и дальше от пещеры. В том, что это чудовище было послано одним из волшебников, киммерисец не сомневался; оставалось понять, кому же из них он обязан этим необычным путешествием. Судя по всему, он нужен был магу живым, в противном случае ящер давно бы выпустил его из своих когтей.

Ответ на свой вопрос киммериец получил в ту же минуту. В голове его прозвучало:

Скоро мы будем дома, красавчик.

Голос мог принадлежать только женщине, пусть и исходил он от крылатого зубастого чудовища. Скорее

всего, его несли сама Чунта, чудесным образом превратившаяся в ужасного дракона.

Через миг сомнений в этом у него уже не было — ящер свернул налево и полетел по хорошо знакомому киммерийцу туннелю — туннелю, ведущему к покоям ведьмы. У входа в палаты лежали два гигантских червя, с которыми Конан был уже знаком.

Крылатая рептилия спланировала на пол и выпустила киммерийца из своих страшных лап. Ведьма несколько не сомневалась в том, что бежать от нее пленник уже не сможет, — одно неосторожное движение, и черви тут же раздавят варвара своими массивными телами.

Пленник, однако, бежать и не думал. С тех самых пор, как ведьма приняла обычный свой облик, он смотрел только на нее. Конан ожидал увидеть уродливую безобразную старуху — перед ним же стояла редкостная красавица, которая вдобавок ко всему была совершенно нагой. Кром! Как она прекрасна! Такой груди и таких ног ему еще не доводилось видеть.

Ведьма томно улыбнулась.

— Знал бы ты, как долго я тебя искала, — промурлыкала она. — Мне нужно с тобой... поговорить.

Конан потрясенно смотрел на нагую колдунью. Нет, не может сочетаться такая красота со злом. — Тулл явно оговорил Чунту.

— Идем со мной, — сказала она. — Ты, наверное, изрядно устал. В моих покоях тебя ждет кровать.

В эту минуту Конан думал о чем угодно, но только не об отдыхе, тем более что в голове его вновь послышался сладкий голос волшебницы:

Я одарю тебя таким блаженством, варвар, о котором ты не мог и мечтать...

Чунта направилась в свои покои, легко покачивая бедрами. Конан как зачарованный последовал за ней — рассказы Тулла о ведьме казались ему теперь злобными старческими измышлениями.

Туннель, по которому бежали Тулл, Элапи и Лало, привел их к глухой отвесной стене. Посоветовавшись, друзья решили пойти назад, к пещере, но не успели они сделать и дюжины шагов, как перед ними появились два циклопа, за которыми угадывалась фигура Катамаи Рея.

— Привет, ребята, — сказал волшебник. — Вы так быстро ушли, что я не успел с вами поговорить. Я смотрю, вашего полку прибыло. — Рей посмотрел на Лало. — Что-то я тебя не помню, парень.

— Я провалился совсем недавно, — улыбаясь, ответил Лало.

— Ну конечно же, как я мог забыть! Тебя подслала Чунта, верно?

— Ничего подобного! Надо быть последним идиотом, чтобы так подумать!

Волшебник дернулся, но тут же взял себя в руки.

— Кажется, я начинаю понимать... Ты околдован. И околдовать тебя мог только мой брат Мамбаи Рей. Ты случаем не был знаком с ним?

Лало лишился дара речи.

— Можешь не отвечать — меня это особенно не интересует. Лучше ответь мне на другой вопрос: куда подевался ваш спутник?

Ответа не последовало и на этот раз.

Волшебник улыбнулся.

— У нас еще будет время побеседовать на эту тему. Будем считать, что я пригласил вас к себе. — Он подал знак циклопам, и те двинулись на людей.

Тулл и Элапи переглянулись. Старик отрицательно покачал головой. Кинжалом и мечом циклопа не возьмешь.

Собратья Виккеля были настроены скептически.

— Слова ничего не стоят, братишка, — заметил один из циклопов.

— Сейчас я подкреплю их действием, — спокойно ответил Виккель и, направив волшебную дощечку в сторону сомневающихся, переключил рычажок.

Всем сомнениям тут же пришел конец — шестеро циклопов завязли в паутине, остальные же покатались кто куда по скользкому как лед полу, посыпанному магическим порошком.

— П-посмотрим, что они с-скажут т-теперь, — довольно проскрипел Дик.

Обсуждение длилось несколько часов. В итоге циклопы решили присоединиться к червям и их стали интересоваться совершенно иные вопросы: кто возглавит армии союзников, в чем будет состоять задача циклопов, на что могут рассчитывать мятежники в случае удачи и прочая, и прочая, и прочая.

Виккель закаплял, прося внимания, и подытожил обсуждение такими словами:

— Мы с Диком все обдумали. Прежде всего вы должны избрать военный совет, в который следует ввести достойнейших из достойных. То же самое проделают и черви. После этого мы соберем оба совета и изложим перед ними детальный план действий. Что касается командования армиями, то осуществляться оно будет мною и Диком, — я думаю, наши кандидатуры не вызовут у вас возражений.

Закончив свое краткое выступление, Виккель гордо вышел из пещеры. Дик важно проследовал за ним.

Через полчаса друзья решили остановиться и обсудить сложившуюся ситуацию. Выбрав камень посуше, Дик спросил у своего товарища:

— О к-каком т-таким д-детальным плане т-ты г-говоришь?

— Должен же я был им хоть что-то ответить! Честно говоря, я и не ожидал, что дело примет такой оборот. Ты только подумай, Дик, мы начинаем самую настоящую войну!

— Н-но ведь именно к эт-тому м-мы и с-стремились, В-виккель. В-возникает в-вопрос — к-как же мы будем в-воевать?

— Именно об этом нам и следует думать. У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

— Ч-честно г-говоря, я уже н-начинаю с-сожалеть о п-происшедшем, — уныло проскрипел червь.

— Дик, да не слизняк же ты в самом деле! Выше голову! Кто знает — может быть, победителями окажемся мы!

— Что-то м-мне в это с т-трудом в-верится...

Ведьма подошла к огромной кровати, стоявшей в центре пещеры, на четвереньках добралась до ее середины и, улыбнувшись, посмотрела на Конана. «Иди ко мне, красавчик. Мне холодно без тебя».

У Конана пересохло во рту. Никогда еще женщины не призывали его к себе столь откровенно. Он направился к кровати.

Иди ко мне, мой воин. Подари мне свою силу. Я — твоя последняя женщина.

Конан вздрогнул. Последняя?

«Чего ты ждешь? Неужели я не нравлюсь тебе?»

Отдай мне свою мужскую силу, а вместе с ней отдай и душу. О, как я голодна!

Конан шагнул вперед. Теперь он понимал, что перед ним самая настоящая ведьма, любовь которой может стоить ему и жизни, но он не мог послушаться ее зова. Что он мог поделать? Отвергнутая женщина подобна демонице...

— А ты ничего, — сказал Рей, рассматривая Элаши.

Друзья уже находились у него в покоях. У них за спиной стояла пара циклопов.

— Давненько не знал я женщин, — продолжал Рей. — Но это не значит, что я слаб, доченька.

— Скорее я дам себя изжарить, чем отвечу на твои ухаживания.

— Что-что?

— У тебя что — уши плесенью заросли? — вмешался Лало. — Ты вызываешь у дамы отвращение, хрен старый, и в этом я с ней солидарен.

— Замолчите, вы! — тихо пробормотал Тулл. — Вы же его только разгневаете.

— Старик прав, — сказал Рей, — и потому его смерть будет легкой. Вам же придется немного помучиться. Но вначале мне хотелось бы узнать — куда исчез Конан?

— Скорее всего, он уже покинул эти пещеры, и теперь ему не страшны ни ты, ни ведьма, — ответила колдуну Элаши.

— Хорошо, если это так, — задумчиво изрек Рей. — Но это еще следует проверить. И помогать в его поисках, а может быть, и в его поимке, будете мне именно вы. Со мной шутки плохи, и в этом вы убедитесь еще не раз.

Люди переглянулись. Будущее не сулило им ничего хорошего.

Глава двадцать вторая

— Ты д-думаешь, что м-мышь и С-слепышь с-согласятся?

Виккель рассеянно посмотрел на Дика. Они находились в пещере, служившей циклопам купальной. С узкой полки, на которой сидели друзья, срывался водопад, воды которого низвергались далеко вниз, в неглубокое пещерное озерцо. Шум воды заглушал визг самочек, плескавшихся в озере. С каким удовольствием Виккель оказался бы внизу...

— В-виккель?

— Что такое? Ох, прости, Дик. Да-да, я в этом несколько не сомневаюсь. С растениями будет сложнее, но, думаю, открыто противостоять они нам не осмелятся. Вампирам и Слепышам идея наша вряд ли понравится, но мы поставим перед ними такое условие — либо они принимают нашу сторону, либо мы их изгоняем из пещеры. Разве это не справедливо, Дик?

— П-поганки н-не отбросишь, в-все в-варево испортишь.

— Это ты хорошо сказал, дружище.

Виккель снова посмотрел вниз. Одна из самочек, заметив его, помахала ему рукой. Он махнул ей в ответ.

— Т-твоя з-знакомая?

— К сожалению, нет. Если нам удастся пережить грядущие события, я непременно отыщу ее.

— Он-на д-действительно с-славненькая.

— Я смотрю, Дик, у нас и вкусы совпадают. Хотелось бы мне посмотреть на твой гарем.

— С-сначала в-выиграй в-войну, Виккель.

Несколько чаров, проведенных Конаном в постели у ведьмы, казались ему несколькими столетиями. В конце концов ведьма забылась покойным сном, который обещал быть долгим.

Конан стал торопливо облачаться в свои одежды. Неожиданно пояс с тяжелым кошельком свалился на пол, громко звякнув бронзовой пряжкой. Киммериец замер и перевел взгляд на Чунту. Та даже не шелохнулась. Он решил не собирать разлетевшиеся по полу самоцветы и, осторожно подняв пояс, поспешил к выходу из пещеры.

Покои ведьмы охранялись двумя стражами. Оружия у него не было — его меч остался в той пещере, где на них напали летучие мыши. Как же ему пройти мимо червей? Конан приостановился. Стражи охраняли вход, а не выход, и этим следовало воспользоваться. Если ему удастся проскользнуть мимо червей, догнать его они уже не смогут. План был неплох, но Конан не был уверен в том, что черви погонятся за ним, — вместо этого они могли разбудить свою госпожу, от которой бежать было гораздо сложнее.

Времени на раздумья у Конана не было. Набрав в легкие побольше воздуха, он шагнул вперед.

— Привет, ребята! — сказал им киммериец по-гиперборейски.

Черви разом повернули к нему свои головы и приготовились к броску.

— Чунта просила не беспокоить ее — она отдыхает, — продолжил Конан. — Она послала меня за остальными.

Конан надеялся на то, что черви не станут сомневаться в правдивости его слов, — вряд ли кому-либо из гостей Чунты удавалось покинуть ее покои, и потому ее стражи, знавшие об этом, должны были поверить в то, что он исполняет поручение ведьмы, ибо в противном случае появление его было бы необъяснимым.

Черви медленно отползли в сторону, уступая киммерийцу дорогу. Он не спеша направился вперед, стараясь не выдать себя неосторожным движением. Стоило ему свернуть за угол, как он тут же перешел на бег.

Долго бежать ему не пришлось — за одним из поворотов его ждала паутина. Тончайшие ее нити были на удивление прочными — он не мог ни разорвать их, ни сорвать паутину со стены. Попытки освободиться привели единственно к тому, что через минуту Конан уже не мог двинуть ни ногой, ни рукой. И тут он заметил, что за ним с интересом наблюдают циклоп и огромный червь.

— П-правильно ли м-мы п-поступаем? — тихо проскрипел Дик, не сводя глаз с бьющегося в тенетах человека.

— Мне понятны твои сомнения, Дик, — кивнул Виккель. — Но ты не должен забывать о том, что именно этого человека пытались изловить наши господа.

— Б-бывшие г-господа, В-виккель, б-бывшие! — поправил друга червь.

— Разумеется. Наши бывшие господа считали этого человека опасным, верно? Как мы видим, силы ему действительно не занимать — ведь он смог сбежать и от колдуна, и от ведьмы.

— Н-но м-можно ли д-доверить ему?

— Поживем — увидим. В любом случае будет лучше, если он будет воевать с нами, а не против нас. Рей и Чунту он любит не меньше нашего. Мы же, со своей стороны, кое-что можем ему предложить.

— Эт-то в-верно...

— Я предлагаю начать переговоры прямо сейчас.

Рей готовился к допросу Элаши. Пара угрюмых циклопов держала ее за руки, волшебник же неспешно точил свой ржавый нож. Тул и Лало были прикованы к стене.

Рей провел по лезвию пальцем, удовлетворенно хмыкнул и отложил точильный камень в сторону. Поигрывая ножом и гнусно улыбаясь, он направился в сторону Элаши.

К несчастью для волшебника, стройные ноги норовистой южанки были свободны, чем она не замедлила воспользоваться, — как только Рей подошел достаточно близко, она из всех сил лягнула его в пах, заставив волшебника согнуться в три погибели.

Катамаи Рей заметно приуныл, однако допроса решил не отменять. Едва придя в себя, он заорал:

— Вы что — и с девицей не можете справиться?!

После чего циклопы схватили Элаши и за ноги, придав ее телу горизонтальное положение.

Рей вновь улыбнулся и несколькими движениями ножа распорол одеяния своей жертвы, оставив на ней только сапоги. После этого он приставил нож к ее животу и спросил:

— Ну и где же Конан?

— Гореть тебе в аду, мерзавец! — еле слышно проормотала Элаши.

Рей покачал головой и надавил на рукоять...

— Стой! — закричал Лало. — Я все расскажу!

— Лало! Молчи! — вскричала Элаши.

Волшебник посмотрел на улыбающегося человечка.

— Так, так... Это уже интересно.

— Освободи ее, и тогда я скажу тебе, где прячется Конан, — прохрипел внезапно побледневший Лало.

— Отпускать пленников не в моих правилах. Я могу несколько облегчить ее смерть.

Лало кивнул.

— Хорошо, я согласен. Конан прячется в маленьком гроте неподалеку отсюда. Прежде в этом гроте жил Тулл.

Тулл и Элаши недоуменно переглянулись.

— Где находится этот грот? — Все внимание волшебника теперь было сосредоточено на Лало.

— Лало, ты — гнусный предатель! — завопил Тулл.

— Я тебя ненавижу! — зашипела Элаши, решившая подыграть своему спасителю.

Лало стал объяснять волшебнику путь к гроту. Тот заметно повеселел и велел приковать Элаши к стене. После того, как приказ его был выполнен, и он, и циклопы вышли из пещеры.

— Зачем ты сказал Рею, что Конан прячется в моем гроте? — прошептал Тулл. — Его ведь...

— Чудище крылатое утащило, — перебил старика Лало. — Коль скоро Рей об этом ничего не знает, значит, ящер тот был послан ведьмою, верно? Если мы скажем об этом волшебнику, он нас уничтожит за ненадобностью.

— Лало прав, — прошептала Элаши. — Так мы хоть немного времени выиграем.

— Помимо прочего, — захихикал Лало, — мне хотелось и тебе как-то помочь.

Элаши смущенно улыбнулась.

— Спасибо тебе, Лало.

— Честно говоря, все это уже начинает действовать мне на нервы! — проворчал старик. — Что мы будем делать, когда этот треклятый колдун сюда вернется?

— Попробуем поводить его за нос, — ответил Лало. — Можно сказать ему следующее: мы, мол, договаривались встретиться в этом самом гроте, в случае же, если кто-то из нас не придет, местом встречи должен был стать тот самый водопад, у которого мы познакомились с Туллом.

— Таким образом мы выиграем лишний час, и только, — заметил старик.

— В нашем положении и это немало, — отозвалась Элаши.

На этом разговор и закончился. Все прекрасно понимали, что надеяться им особенно не на что.

Глава двадцать первая

Странная пара остановилась в двух шагах от Конана.

— Мы хотим поговорить с тобой, — обратился к нему одноглазый горбун.

Киммериец согласно кивнул головой, понимая, что иного выбора у него попросту нет.

— Я вас слушаю.

— Страшные вещи творятся в наших пещерах, — прохрипел циклоп. — Мы хотим навести здесь порядок.

— Н-нам н-нужна твоя п-помощь, — добавил червь.

После этого краткого и весьма невнятного вступления последовал обстоятельный рассказ о готовящемся мятеже и его целях.

Киммериец слушал мятежников невнимательно, ибо думал только о том, как бы побыстрее разыскать своих друзей и покинуть это злосчастное место.

— Если ты примешь нашу сторону, — сказал циклоп напоследок, — в случае нашей победы, ты вместе со своими друзьями сможешь покинуть пещеру. Мы поможем тебе в этом.

— А если я отвечу отказом?

— Т-тогда т-ты з-здесь и сгниешь, — проскрипел червь.

Последний аргумент показался Конану достаточно убедительным.

— Хорошо. Я согласен помочь вам. Чем скорее колдун и ведьма попадут в Геенну, тем лучше. Этой нечисти не место ни на земле, ни под землей.

Циклоп, назвавшийся Виккелем, повернулся к своему спутнику.

— Ну? Что я говорил? Он просто не мог не согласиться!

После этого Виккель коснулся маленькой дощечкой паутины, в которой болтался его новый союзник, и нажал на крохотный рычажок. Не прошло и минуты, как вся паутина исчезла в этой странной дощечке.

Конан поежился. Опять колдовство! Он не любил ни магов, ни магии, как таковой. Но слово уже было дано, и нарушить его он был не вправе.

— Наши агенты сообщают о том, что твои друзья попали в лапы к волшебнику, — сообщил ему Виккель.

— Надеюсь, они в добром здравии?

— Пока что — да. Волшебник щадит их, ибо считает, что с их помощью он сможет изловить тебя.

— Никак не могу понять — для чего я нужен ему и ведьме?

— К-кто э-знает, — задумчиво проскрипел червь, представившийся Диком.

— Я полагаю, что это связано с какими-то пророчествами, — ответил Конану циклоп. — И волшебник, и ведьма боятся тебя пуще всего на свете!

— Это мне тоже непонятно. Они — волшебники, я же — самый что ни на есть обычный человек.

— С тем, что ты человек, я спорить не стану. Обычным же человеком тебя не назовешь. Ты и от колдуна смог убежать, и от ведьмы.

— Если б-бы н-не т-ты, м-мы бы так и с-служили с-своим господам!

Конан пожал плечами.

— В любом случае это произошло не по моей воле.

— В данном случае это никакого значения не имеет, — не согласился с киммерийцем Виккель. — Кроме того, воля не всегда осознается ее носителем.

Заговорщики потащили Конана за собой. Виккель стал рассказывать ему о том, что происходило с ним

и с Диком; когда же он закончил свой рассказ, Конан поведал своим новым спутникам о собственных приключениях. Его рассказ, несмотря на всю его безыскусность, чрезвычайно поразил червя и циклопа.

Через какое-то время им навстречу вышел отряд Белых Слепышей. Конан было заволновался, но Виккель тут же успокоил его, сказав, что Слепыши тоже примкнули к мятежникам, — революционный дух обуял и их.

Один из Слепышей стал беседовать с Виккелем на неведомом Конану языке. Через какое-то время к ним подошел еще один Слепыш, несший на плече какой-то длинный предмет. Киммериец неожиданно понял, что видит свой собственный меч.

Слепыш передал меч Виккелю. Тот вздохнул и, обратившись к Конану, прохрипел:

— Думаю, тебя обрадует эта находка. Они нашли его на полу пещеры — он лежал меж двух лужиц.

Виккель неожиданно вздрогнул.

— Что случилось? — нахмурившись, спросил Конан.

Виккель покачал головой.

— Я догадываюсь, что это были за лужицы...

Конан благодарно принял свой меч из рук циклопа. Он не понимал, что же так смутило Виккеля, но не хотел лишний раз тревожить его расспросами. Только теперь он понял, что чудесная способность, позволявшая ему читать чужие мысли, совершенно оставила его. По всей видимости, способность эта была как-то связана с камнями, высыпавшимися из его кошель в покоях Чунты. Любая потеря огорчительна, но на сей раз к огорчению примешивалось и известное облегчение. Отношение Конана к магическим предметам было однозначным: что бы ни дарили они своим обладателям, последним рано или поздно приходилось расплачиваться, и расплата эта могла обернуться для них чем угодно. Конан посмотрел на свой клинок и улыбнулся. Вот она — настоящая вещь.

Чунта очнулась от сна и, потянувшись, раскрыла глаза. Где же этот варвар? Она заставила себя сесть. Конан не мог уйти отсюда — он должен был умереть прямо здесь.

Только теперь Чунта поняла, что она не чувствует и прилива энергии, который должно было вызвать принятое ею мужское семя. Скорее она чувствовала себя разбитой — разбитой, а не исполнившейся новых сил. Что могло произойти? Неужели этот варвар сумел перехитрить ее?

Она понеслась к выходу из пещеры. Слуги ее были на месте.

— Где человек? Отвечайте!

— Он п-пошел в-выполнять в-ваше приказание, г-г-госпожа!

— И вы имели глупость выпустить его? Идиоты! За это я вас в штольни отправлю!

Она вернулась в свои покои и стала метаться из угла в угол, пытаясь отыскать волшебный свиток. Никогда еще она так не ошибалась! Разве можно было вести себя так легкомысленно с этим коварным варваром? Ну ничего — она ему за это еще отомстит!

«Отчаиваться пока рано», — думал Рей. Двоих он превратил в лужи, трое стояли прикованные к стене одной из его палат. Ему оставалось расправиться с одним-единственным человечком, главным возмутителем спокойствия. Шестеро циклопов было послано на его поимку — час-другой, и они приведут варвара к нему. Он не станет терпеть себя пытками — он превратит всех четверых в одну большую лужу и займется привычными делами. Лучше зря не рисковать.

Чунта вновь приняла облик безобразного ящера и шумно взлетела в воздух. Подумать только — этот болван сумел обвести ее вокруг пальца! Он еще пожалеет об этом!

Конан и его спутники замерли. Прямо перед ними стояли шестеро здоровенных циклопов. Увидев киммерийца, циклопы зарычали и разом двинулись на него.

Конан выхватил меч из ножен. В Серые Земли он отправится не один, с собой он и парочку горбунов прихватит!

— Убери свой меч! — обратился к нему Виккель.

Киммериец взял меч в обе руки и нацелился его острием в горло стоявшего рядом с ним циклопа. Слова Виккеля он пропустил мимо ушей.

Виккель шагнул вперед и обратился к предводителю циклопов пространной речью, которая была не понятна ни Конану, ни Дику. Через несколько минут вождь циклопов приказал своим воинам отступить назад.

Конан опустил свой меч.

— Что ты им сказал? — спросил он у Виккеля.

— Они ничего не знали о бунте — вот мне и пришлось объяснять им все с самого начала. Напоследок же я сказал им о том, что измена карается смертью, и назвал тебя одним из самых верных наших сторонников. Джелори тут же перешел на нашу сторону.

— Он это сделал вовремя, — сказал Конан, пряча меч в ножны.

— Для того чтобы понять, откуда ветер дует, не обязательно быть птицей, приятель, — заметил Виккель. В его отряде было уже девять бойцов.

— Мне кажется, что я смогу высвободить руки, — прошептала Элаши. — Мне эти кандалы слишком велики.

— Дурацкая идея, — тут же отозвался Лало. — Мы с Туллиом с тобой пойти все равно не сможем, в одиночку же тебе отсюда не выбраться.

— Я и не думала, что ты такой глупый, Лало! — тут же обиделась Элаши. — Вдруг я и вас смогу освободить.

— Она права, — прошептал Тулл. — Умирать так с музыкой.

Лало пожал плечами. Затея эта казалась ему пустой.

Элаши зазвенела кандалами и уже через пару минут освободила руки, исцарапав в кровь свои тонкие кисти. Стараясь не шуметь, она двинулась к огромному шкафу, стоявшему у дальней стены. Кто знает, быть может, там она сможет найти что-нибудь полезное — оружие, например, или какую-нибудь железяку, с помощью которой ей удастся освободить своих друзей...

Ей вдруг вспомнился Конан. Неужели это крылатое чудовище сожрало его? Ей хотелось верить, что это не так, — несмотря на все свои недостатки, Конан был человеком замечательным. Конечно, до Лало ему было далеко, но и он, этот толстокожий варвар, был по-своему дорог ей. За время совместных скитаний она успела привыкнуть и привязаться к нему...

Элаши взяла себя в руки. Что бы ни произошло с Конаном, сейчас ей следовало думать не о его, а о своей собственной жизни.

Глава двадцать четвертая

Конан и его друзья стояли на высоком уступе, под которым собрались тысячи и тысячи обитателей пещеры — черви и циклопы, Вампиры и Слепыши. Все внизу двигалось, отовсюду слышались возбужденный шепот, гул голосов, мышинный писк.

Виккель подошел к краю уступа и прокричал:

— Эгей, братцы! Послушайте, что я вам скажу!

В пещере установилась полная тишина. Виккель выдержал паузу и заговорил:

— Настало время вернуть нашему миру свойственные ему законы, сделать его тем, чем он был и чем должен быть! Зло пришло в наш мир вместе с колдунами, превратившими нас в рабов. Но мы не рабы! И мы докажем это! Долой тиранов!

Зал дружно загудел, заскрипел и засвистал.

— Ваши вожди объяснят вам все. Добровольно своих позиций волшебники не сдадут, и потому нас ждет

война — страшная война. Либо мы победим, либо — погибнем. Третьего не дано!

Крики одобрения, доносившиеся снизу, переросли в грозный рев. Виккель отступил назад и вопросительно посмотрел на Дика.

— П-прекрас-ная речь! — проскрипел червь.

— Надеюсь, она не будет моей последней речью. — Виккель перевел взгляд на Конана. — Ты готов?

Киммериец улыбнулся и кивнул:

— Готов.

Военным советом был принят следующий план действий: отряды Слепышей должны были напасть на палаты ведьмы и волшебника, атаку их должны были поддержать мышинные эскадрильи, вслед за которыми следовали батальоны червей и циклопов. Вампирам, помимо прочего, отводилась и роль связных. План был достаточно прост, и простота эта особенно нравилась Конану.

Элаши стала рыться в шкафу, убирая в сторону предметы, казавшиеся ей ненужными. Обнаружив запечатанную сургучом бутылку, она показала ее Тулли и Лало.

— Может быть, стоит ее открыть?

— Поставь ее на место! — запротестовал Лало. — Кто его знает, что там!

Элаши кивнула и положила бутылку на кучу тряпья, извлеченного ею из шкафа.

Следующей ее находкой был серебристый металлический прут. Диаметр он был с мизинец Элаши, длиной же — с ее ладонь. На одном из концов прутка была кнопка. Недолго думая, Элаши нажала на кнопку, и тут же из прутка вылетела молния. Тряпки, разбросанные по полу, вспыхнули.

Элаши выронила эту странную вещь и пробормотала:

— Митра!

— Лучше не трогай эту штуковину, доченька, — посоветовал ей Тулл, но тут же Лало воскликнул:

— Не слушай этого идиота! Принеси этот прутик сюда.

— Ты хочешь, чтобы из него вылетела еще одна молния?

— Именно так, — ответил Лало. — Эта молния может расплавить наши оковы — неужели ты этого не понимаешь?

Элаши подняла с пола металлический прутик и поспешила к друзьям.

Приняв обличие крылатого ящера, Чунта взмыла к сводам пещеры и поспешила к главным туннелям. Не прошло и минуты, как она уже летела над одним из них. И тут ее взору открылось весьма странное зрелище: по широкому коридору шагало целое войско Белых Слепышей, за которым серою тучей летела мышиная армада.

«Что происходит? — поразились ведьма. — Куда могло направляться это странное войско?» И тут она увидела то, что поразило ее еще больше, — в туннеле появились сотни червей и циклопов, которые двигались бок о бок!

Ведьма застонала. Только этого ей не хватало! Чунта не знала ни того, почему черви и циклопы оставили давнюю свою вражду, ни того, что заставило собраться их вместе, но она понимала, что идти они могут только к ее пещерам.

Разрази их Сенша! Неужели сбудется грозное пророчество?

В нынешнем своем положении она не могла прибегнуть к магии — для этого ей пришлось бы вернуться в свои покои, где хранилось ее мистическое оружие. Возвращаться же туда было поздно — передовые отряды Слепышей уже вошли в ее палаты.

Неужели Рей пошел на нее войной? Ведьма тут же отменила эту мысль, вспомнив о том, что в согласии с пророчеством причиной всего должен был стать припавший человек. Она поежилась — подумав

только, всеми своими бедами она обязана обычному человеку, который о магии и слухом не слыхивал.

Похоже, ей придется покинуть пещерное царство с его червями и циклопами, волшебниками и варварами... Лучше это сделать прямо сейчас, пока ей ничто открыто не угрожает.

Элаши приставила прутик к железным кандалам, которыми Лало был прикован к стене, и, зажмурившись, нажала кнопку.

Не произошло ровным счетом ничего.

Она открыла глаза и вновь нажала на кнопку. Прутик тихонько зазвенел.

— Выбрось ты его, — посоветовал ей Тулл. — Он однозарядный.

— Это еще не факт, — не согласился со стариком Лало. — Может быть, для нового заряда ему нужно поднакопить энергии. Подожди с минуту и попробуй нажать кнопку еще раз.

Элаши вняла совету Лало и, выждав положенное время, приложила прутик к его кандалам и вновь нажала на кнопку. Раздался оглушительный треск, и кандалы со звоном упали на пол.

— Похоже, волшебник наш ни черта не слышит, — сказал Тулл, зазвенев цепями.

— Не думаю. Скорее всего, он где-то мух ловит. — Лало забрал у Элаши чудесную серебристую палочку и стал с интересом ее рассматривать. — Выше голову, дедуля. Сейчас мы и тебя вызволим.

Катамаи Рей очнулся от сна. Где-то рядом происходило что-то необычное — скорее всего, кто-то прибег к помощи оккультных сил. Такие вещи маг чувствовал нутром. И тут он услышал запах паленого. Что происходит? В пещере было слишком сыро для того, чтобы всерьез думать о пожаре, однако теперь он не только слышал запах гари, но и видел дым.

«Пленники. Это могли сделать пленники», — внешне понял Рей.

Он вздохнул и кряхтя поднялся с ложа. Даже поспать нормально не дали. Ну что ж, придется покончить с ними прямо сейчас. Конана он и без их помощи отыщет.

Рей направился к пещере, из которой валили клубы сизого дыма.

Троица выбежала ему навстречу, едва не сбив его с ног.

Рей нахмурился. Каким-то образом люди сумели выбраться из оков. Он поднял руки и громовым голосом прокричал:

— Стоять на месте!

Улыбающийся человек премерзкого вида направил на него блестящий прутик. Рей тут же признал в прутике жезл громовержца. Если жезл успел перезарядиться, ему несдобровать.

— Горячий! — воскликнул волшебник, щелкнув пальцами.

Человек завопил и отбросил раскалившийся докрасна жезл в сторону.

— Вы мне надоели, — сказал Рей. — Передавайте привет моим друзьям, живущим в Геенне.

Не успел он произнести заклинание, превращающее живых существ в зловонную жидкость, как из коридора донесся какой-то шум. Судя по-всему, к его покоям кто-то направлялся. Быть может, это циклопы, посланные им за Конаном? Нет, те вряд ли успели бы так скоро. Кто же это тогда?

Шум становился все громче. Теперь колдун слышал не только шаги, но и странную песнь, которую, казалось, выводили сотни глоток.

Лучше выйти из пещеры самому. Стражникам доверять было нельзя — они только и умеют, что жрать да...

— Любой шаг с этого места будет вашим последним шагом, — предупредил пленников Рей и направился к выходу из пещеры.

Выйти на поверхность можно было в нескольких местах. Чунту несколько огорчало, что она не смогла

прихватить с собой амулетов, но, несмотря на это, она чувствовала, что ей крупно повезло. Еще бы! Задержись она в своих покоях лишнюю минуту, и ей пришлось бы сражаться со всем этим сбродом. Она могла бы справиться и с сотней бунтовщиков, но на все это воинство у нее попросту не хватило бы сил.

Она никак не могла понять одного — как Конану удалось собрать и поднять против нее всех этих тварей? Даже она, великая волшебница Чунта, не смогла бы сделать этого...

Один из выходов находился неподалеку от палат волшебника. Чунта предпочла его остальным не только потому, что он находился ближе других, но и потому, что ей хотелось посмотреть, в каком положении оказался ее давний враг. Воинство подземных жителей должно было выступить не только против нее...

Катамаи Рей выглянул в коридор.

Картина, открывшаяся ему, потрясла его донельзя: на него надвигалась целая орда Белых Слепышей, над которой реяла огромная стая Вампиров.

Клянусь Сетом! Что это они надумали?

Рей тут же вернулся в свои покои. Он провел в них уже не одно столетие, но теперь эти твари хотели лишить его не только их, но и самой его драгоценной жизни! И как это он позволил себе расслабиться? Первую сотню лет он вел себя иначе — сколько тогда было расставлено ловушек, сколько погублено жизней! Теперь же ловушки эти по большей части припили в должном состоянии, он предавался праздным размышлениям... Впрочем, одной из них он мог воспользоваться и сейчас.

Рей улыбнулся и вышел в коридор, оживляя в памяти слова древнего заклинания. Слепыши тут же почувствовали его запах и хищно зарычали. Мыши летели прямо у них над головами.

Рей произнес заклинание вслух и выбросил руку в направлении сводов туннеля.

Каменная громада, страшно заскрежегав, рухнула вниз, схоронив под собой тела многих сотен Вампиров и Слепышей.

Пыль быстро осела. Рей стал вглядываться в глубь туннеля и с удовлетворением заметил, что от воинства осталась лишь парочка Слепышей да полдюжины летучих мышей. Атака была отбита.

Рей довольно хмыкнул, но едва ли не тут же заметил, что через каменные завалы к нему пробираются десятки и сотни гигантских червей и циклопов. О Великий Сет, чем же я тебя так прогневал?

Глава двадцать пятая

Огонь уже угасал, когда вдруг из кучи обгорелого тряпья послышался громкий хлопок.

Элаши, Тули и Лало разом обернулись.

— Что это? — прошептал Тули.

Элаши пожала плечами.

— Эта та бутылка, которую ты вынула из шкафа, — сказал Лало. — За тебя ее открыло пламя.

Едва Лало произнес эти слова, над пепелищем стал виться зловещего вида черный дымок. Он вел себя крайне необычно — вместо того, чтобы подниматься вверх, струйки его поползли к людям.

— Охо-хо, — вздохнул Тули. — Что-то мне это не нравится...

— Что же делать? Волшебник приказал нам не сходиться с этого места, — пробормотала Элаши.

— Тот демон нам знаком, а этот — нет, — сказал Лало, кивком головы указав на подползавшие все ближе струйки дыма. — К тому же маг наш чем-то занят.

Ни Тули, ни Элаши не стали спорить с Лало, тем более что черное облако занимало уже добрую половину пещеры.

Они побежали к выходу из зала.

Конан шел по коридору рядом с Виккелем и Диком. Рухнувший внезапно свод погреб под собой едва ли не

всех Слепышей и Вампиров, однако решимость циклопов и червей покончить с магом от этого, казалось, только возросла. Перебираться через завалы с мечом в руках было неудобно, и Конан вернул его в ножны.

Ведьма — она же крылатый ящер — следила за всем происходящим с узкой полочки у самого свода туннеля. Ха-ха, этому мерзавцу приходится несладко! Если и дальше так дело пойдет — не сносить ему головы. Чунта решила немного повременить и не покидать пещеры до той поры, пока она не узнает, что же с Реем сталося.

Некогда Рей слыл одним из искуснейших магов своего времени, и пусть многое за эти годы забылось им, таким он оставался и поныне. Он стал перебирать в памяти ведомые ему заклятья и наговоры и остановился на заклинании, с помощью которого можно было вызвать огромного страшного демона. С той поры, как он прибегал к его услугам, прошло лет триста-четырееста, однако образ этого чудища до сих пор представлялся ему достаточно живо. Сейчас эти мерзкие черви и подлые циклопы узнают, где раки зимуют!

Тули, Элаши и Лало выбежали в соседние покои. Волшебника там не было.

— Он, должно быть, в коридоре, — сказала Элаши, указывая на проем в стене.

— Нам лучше отсюда не выходить, — прохрипел Тули.

— Ты так считаешь? — изумился Лало. — А как же дым?

Элаши покачала головой. Лало был прав. Им придется выйти в туннель.

Чунта так и не покидала своего наблюдательного пункта. Искусности и хитроумию мага можно было только позавидовать, — она уважительно смотрела на то, как он рисует перед входом в свои покои огромную

пентаграмму. Судя по всему, Рей собирался призвать на помощь демонов.

И тут — тут она увидела внизу Конана! Он был в одной компании с червями и циклопами.

Первой реакцией Чунты было прыгнуть вниз и растерзать ненавистного варвара в клочья. Она было раскрыла крылья, готовясь к полету, но тут же опомнилась. Гнев — плохой советчик. Лучше немного подождать.

Причина, побудившая Рея остановить свой выбор именно на этих, а не на каких-то иных пещерах, была достаточно простой — концентрация мистических энергий была здесь особенно высока. Он мог колдовать, особенно не беспокоясь о том, что энергии эти могут быть исчерпаны. Вызвать демона крайне сложно, здесь же он мог проделать это едва ли не с легкостью.

Воздух над пентаграммой стал сгущаться, окрашиваться то в желтый, то в лиловый цвета. Послышался хлопок, что-то ослепительно вспыхнуло, и тотчас же перед магом появился Тунк, один из младших прислужников Сета. Высотою он был в два циклопых роста, когти же на руках и ногах походили на огромные черные сабли. Демон осклабил пасть и протяжно заревел.

Циклопы и черви разом застыли.

— Пойди и убей их — всех убей! — приказал демону Рей. — Я зову тебя подлинным именем твоим, Тунк, и потому ты не можешь ослушаться меня!

Тунку не оставалось ничего другого, как только выполнять приказания мага. Он с радостью убил бы и самого волшебника, помешавшего ему свидеться с одной из геснских демониц, но нарушить закон, установленный пославшим его, он был не в силах. Демон выпрыгнул из пентаграммы и понесся на вражью армию.

Увидев появившееся словно ниоткуда чудище, Виккель охнул и прикусил губу. Демон несся прямо на

него. Циклоп стал лихорадочно озиаться по сторонам, пытаясь отыскать хоть какое-нибудь оружие, но тут его взгляд упал на низкорослого щуплого Конана. Тщедушный этот человечек достал из ножен свой меч и приготовился к схватке с неприятелем, который был раза в три больше его самого.

Немало поразившись отваге человека, Виккель попытался взять себя в руки. Самым скверным в этой ситуации было то, что, справившись с Конаном, демон взялся бы за него с Диком.

Черный дым стал растекаться по полу. Он походил на холодную вязкую жидкость. Тулл, Элаши и Лало отступили к двери. Теперь они видели и волшебника, и вызванного им страшного демона, и — и Конана!

Чудище со страшным ревом несло прямо на их товарища.

Рей усмехнулся, глядя на то, как Тунк взбирается на выросший посреди пещеры холм. Прощайтесь с жизнью, ублюдки!

Чунта сгорала от нетерпения. Сейчас от этого наглеца и его друзей и мокрого места не останется.

— С-сделай х-хоть что-н-нибудь! — проскрипел Дик.

Виккель поднял с земли кувшин, выкраденный им у своего господина. Это был его последний шанс. Если он ошибется, и ему, и его друзьям тут же придет конец.

— Конан! — крикнул циклоп. — По моей команде ты отпрыгнешь в сторону!

— Что? — не оборачиваясь, спросил киммериец.

— По моей команде ты прыгнешь в сторону! Я знаю, что я говорю!

Конан попытался оценить ситуацию. Конечно, он мог ранить это чудище, прикончить же его с одного удара было едва ли возможно. На второй удар у него

уже не будет времени — чудовище разорвет его в клочья. Может быть, у Виккеля действительно есть какой-то план?

— Хорошо! — крикнул он циклопу и расставил ноги пошире, приняв более устойчивую позицию.

Рей наблюдал за своим страшным детищем. Еще один прыжок, и с Конаном будет покончено.

— Прыгай! Прыгай, Конан! — заорал циклоп, стоявший за спиной варвара.

Маг узнал в циклопе Виккеля, своего первого помощника Виккеля. А он-то считал, что циклопа давно нет в живых...

Конан отпрыгнул в сторону и откатился к стенке.

«Ничего страшного, — подумал Рей. — Придет время, Тунк и им займется».

Виккель вел себя весьма странно — он посыпал камни каким-то порошком. Похоже, циклоп этот окончательно выжил из ума.

Через миг ни червя, ни циклопа на вершине холма уже не было — они поспешно отступали к стенам туннеля. Тунк прыгнул на вершину и неожиданно повалился на спину. И если бы только повалился! Грузное тело его стремительно заскользило вниз, оторвалось от земли и, пролетев добрых пятьдесят шагов, рухнуло на пол.

Рей почувствовал, как сотряслась земля у него под ногами. Для любого живого существа подобное падение означало бы неминуемую смерть, но Тунк был демоном, пусть он и был одет в живую плоть. Демон подвинулся на ноги и вновь направился к холму. И тут наверху что-то затрещало. Свод пещеры, ослабленный недавним заклинанием Рея, сотрясения этого уже не выдержал.

Сверху один за другим упали два огромных — с дом величиной — камня. Первый камень накрыл собой демона, второй, что был пошире, упал на первый. Посреди туннеля вырос гигантский каменный гриб на толстой ножке.

Отсюда демону было уже не выбраться. На это у него могли уйти многие века.

Волшебник вновь увидел Конана, сжимавшего в руке свой меч. «Пора отступать, — подумал Рей. — Дома и стены помогают».

Черная жижа заполнила собой едва ли не всю пещеру. Элаши, Тулл и Лало жались к порогу, так и не решаясь выйти наружу.

— Надо бежать сразу всем! — прошептал Лало.

Тут же все трое повернулись к выходу и разом бросились вперед. В тот же миг в пещеру попытался запрыгнуть маг. Столкнувшись друг с другом, все четверо повалились наземь. К счастью, упали они уже в коридоре.

И тут они услышали душераздирающий рев. Ревел так мог только крылатый ящер, однажды уже похитивший Конана.

Чунта не выдержала. Этот идиот не смог справиться с Конаном! Сейчас она сделает это за него. Ящер раскрыл крылья и с диким ревом бросился вниз.

Конан бежал к своим товарищам. Десять шагов, пять, три... Сейчас он отрубит голову этому негодяю! Он поднял клинок и...

И тут над его головой раздался страшный рев. Ведьма, вновь обратившаяся в крылатого змея, неслась прямо на него. Добежать до колдуна он уже не успеет. Ящера же он сможет разве только оцарапать. И все же смерть надо встретить достойно. Конан гордо выпрямился и занес меч за спину.

«Вот и пришел твой последний час, Конан! От меня еще никто не уходил!» — подумала Чунта, грозно заревев.

Ей оставалось пролететь всего несколько метров, как вдруг чары распались, и она приняла свой

обычный облик. Чунта закричала тонким пронзительным голосом.

Конан вздрогнул. Ящер в мгновение ока превратился в прекрасную нагую женщину, падавшую прямо на него. Он отпрыгнул в сторону, даже не пытаясь поразить Чунту мечом. В этом уже не было смысла.

Земное существование ведьмы закончилось. Прекрасное бездыханное тело ее лежало у его ног. И тут Конан с ужасом увидел, что тело это начинает увядать прямо у него на глазах, — не прошло и минуты, как оно превратилось в черную иссохшую мумию.

Конан вспомнил о волшебнике, однако увидеть смог только его спину — Катамаи Рей скрылся в своих покаях. Киммериец бросился за ним и в то же мгновение услышал крик Элаши:

— Конан, туда нельзя!

Голос ее был исполнен такого ужаса, что он решил внять ее словам и, метнувшись в сторону, покатился по камням.

Из пещеры послышался жалобный вой волшебника. Что с ним могло произойти? Неужели в пещере появился еще один демон?

И тут Катамаи Рей пошатываясь вышел в туннель. Узнать его было не просто. Тело волшебника было объято черным пламенем, причинявшим ему невыносимые страдания, — лицо его было искажено гримасой боли.

Конан поднял с пола свой меч и шагнул навстречу магу. Он должен был убить волшебника, двигала же им отнюдь не жалость.

Рей знал, что жизнь его подходит к концу. Черную гниль нельзя было побороть ничем — минута-другая, и он должен был обратиться в ничто.

Смерти Рей не боялся, но он не хотел умирать в одиночку — с собой он хотел прихватить всех обитателей пещеры.

Последним усилием воли Рей высвободил все послушные ему силы.

Конан почувствовал, что перед ним выросла незримая преграда. Казалось, в лицо ему дует обжигающий холодом ветер, слетевший с заоблачных вершин. Он попытался преодолеть его сопротивление, но тут же отступил назад, не в силах совладать с его напором.

Тело волшебника вспыхнуло всеми цветами радуги, осветив пещеру ярким немислимым светом. Камни вокруг колдуна ~~в~~адвигались, и тут же пещера наполнилась странным гулом, походившим на жужжание миллионов пчел.

Киммериец не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Его охватила внезапная слабость. Ему хотелось лечь...

Светящаяся фигура испустила тонкий ослепительный луч, обративший одного из циклопов в ничто, — циклоп разлетелся на тысячи осколков, словно состоял из льда.

Воздух обжигало то стужей, то жаром... Конана стало пошатывать. Волшебник доживал последние минуты, однако от этого он не стал менее опасным. Конан должен убить его — в противном случае вместе с магом погибла бы вся пещера.

Киммериец вновь попытался преодолеть незримый барьер, но и на сей раз попытка его окончилась неудачей. Ему необходимо отдохнуть и собраться с силами — отдохнуть хотя бы минуту...

Конан затряс головой, пытаясь избавиться от этого наваждения. О чем, о чем, а об отдыхе сейчас думать не следовало.

Гул становился все громче, свет все ярче. Своды пещеры затрещали, сверху посыпались камни. Смертоносные лучи уносили жизнь за жизнью.

Конан прикрыл глаза и, собрав волю в кулак, двинулся вперед. Ему удалось сделать целых два шага. Тело его стало дрожать от напряжения. Третий шаг был коротким, словно у ребенка. За его спиной с

грохотом обрушилась стена, еще мгновение, и камни погребут его под собой...

И тут он услышал мерзкий голосок Лало:

— Я же говорил, что он слабак!

Конан побагровел.

— Слабак? Это я-то слабак? — взревев по-звериному, он сделал четвертый, последний шаг.

Клинок Конана вонзился прямо в сердце мага.

Великий Катамаи Рей рухнул наземь.

И тут же в пещере установилась тишина.

Нарушил ее все тот же Лало:

— Прошу прощения, я беру свои слова обратно!

Глава двадцать шестая

Виккель и Дик приблизились к тому месту, где только что стоял волшебник. От всесильного мага осталась горстка пепла.

К ним присоединились несколько червей и циклопов, изумленно поглядывавших на останки своих бывших господ.

— Мы победили, — буркнул Виккель.

— В-враг п-повержен, — проскрипел Дик.

Черви и циклопы окружили их плотным кольцом. Всех интересовал вопрос — что же им следует делать теперь?

Виккель и Дик стали новыми правителями пещеры.

Конан вернул свой меч в ножны и направился к своим друзьям.

Лало заглянул в покои волшебника и тут же обратился к нему:

— Черного дыма уже нет, как нет и магов, поверженных твоею рукой, о Конан!

Киммериец остолбенел. Что это с ним случилось? Неужели Лало не мог сказать о том же иначе? Куда делась его колкость? И тут Конан заметил, что спутник его не улыбается.

— Лало! Что с тобой? — вскричала Элаши.

Лало коснулся своих губ рукою и улыбнулся невиданной ими доселе улыбкой.

— Похоже, чары спали!

Элаши тут же заключила заморанца в объятия. Конан и Тулл переглянулись.

— Наверное, это вызвано смертью волшебника, — сказал старик.

Конан кивнул. Он посмотрел на Элаши и Лало и вздохнул. «Они подходят друг другу как нельзя лучше», — подумалось ему. Лало и Элаши были явно смущены.

Конан ухмыльнулся.

— Считайте, что я вас благословил, — сказал он вслух, про себя же подумал так: «Ох, Лало, Лало! Когда-нибудь ты пожалеешь об этом, но будет уже поздно...»

К нему приблизились Виккель и Дик. Циклоп улыбнулся и прохрипел:

— Своей победой мы обязаны тебе, Конан. Если бы не ты — быть бы нам рабами до скончания времен. Как мы можем отблагодарить тебя?

Ответ не заставил себя ждать.

— Выведите нас наружу, — сказал Конан. — Надеюсь, вы сможете это сделать?

— Н-нет п-проблем! — ответил ему Дик.

Конан, Тулл, Элаши и Лало шли по узкому извилистому туннелю, полого поднимавшемуся вверх. Не прошло и часа, как впереди засиял свет солнца.

— Вот мы и пришли, — сказал Виккель. — Здесь кончается наш мир.

Конан кивнул и протянул циклопу правую руку. Виккель понял смысл этого жеста и пожал человеческую руку своей огромной лапой.

— Мир тебе, Конан, — улыбаясь, сказал циклоп.

— С-счас-стливого п-пути! — добавил червь.

Тулл, Элаши и Лало были уже далеко впереди. Широкими шагами киммериец направился вслед за

ними. В кошеле его позвякивали драгоценные камни, которые Конан должен был разделить на четыре равные части. Доля каждого была достаточно скромной, но на хлеб и кров ее должно было хватать. Киммерийца это ничуть не печалило, — он был рад и тому, что им удалось выбраться из пещеры живыми и невредимыми.

Он вышел из пещеры и тут же зажмурился. Свет был так ярок, что на глаза наворачивались слезы.

Свободен! Наконец-то свободен!

Конан улыбнулся и поспешил к своим друзьям, стоявшим поодаль.

Рыбак ощупал рукоять своего ножа и проверил, как лезвие вынимается из ножен. Жест был инстинктивным, так как причина беспокойства вряд ли могла быть устранена с помощью ножа, даже такого зазубренного, кривого лезвия, которое одним ударом снизу вверх вспороло бы и человека. Ни человек, ни зверь не угрожали рыбаку в его одиночестве. Именно это полное отсутствие какого-нибудь живого существа на острове Ксапур, изобилующем диковинными строениями, напоминающими замки, угнетало рыбака.

Он только что вскарабкался на утесы, пробравшись сквозь джунгли, окружающие их, и теперь стоял среди немых свидетелей угасшей жизни. Под деревьями виднелись полуразрушенные колонны, вкривь и вкось тянулись остатки обвалившихся стен, а под ногами была широкая мостовая, растрескавшаяся, развороченная крепкими корнями деревьев.

Рыбак был типичным представителем того странного народа, происхождение которого терялось во мраке далекого прошлого. Они жили в примитивных рыбацких хижинах вдоль южного побережья моря Вилайет с незапамятных времен. Рыбак был плотно скроен, с длинными обезьяньими руками и мощной грудью, но с тощими бедрами и тонкими кривыми ногами. Его широкое лицо срезалось низким покатым лбом, воло-

сы были густые и спутанные. Из одежды на нем был только пояс, на котором висел нож, и лохмотья, заменяющие набедренную повязку.

То, что рыбака оказался здесь, свидетельствовало о меньшей степени тупого безразличия, в котором пребывали его сородичи. Они редко посещали Ксапур. Остров был необитаем и почти забыт — просто один из мириады островов, которые рассеяны в огромном внутреннем море. Люди прозвали остров «Ксапур Твердокаменный» из-за его руин — остатков какого-то древнего царства, исчезнувшего и забытого еще до нашествия на юг хайборнских завоевателей. Никто не знал создателей этих сооружений, хотя среди Юетши еще существовали малоприятные полузабытые легенды, которые смутно намекали на какую-то неизмеримо древнюю связь между рыбаками и неизвестным островным царством.

Однако уже прошли тысячелетия с тех пор, как кто-нибудь из Юетши понимал значение этих сказаний. Люди повторяли их теперь, как бессмысленные заклинания, которые их губы привыкли произносить по традиции. Ни один Юетши не добирался до Ксапура по крайней мере уже сотню лет. Ближайшее побережье моря было тоже безлюдным, только страшные хищные звери населяли непроходимые тростниковые болота. Деревня рыбака была расположена на некотором расстоянии к югу от этих болот. Шторм отнес утлое суденышко далеко от привычных мест и выбросил на острые скалы острова. Крушение произошло этой ночью в ярких вспышках молний и реве волн. Сейчас на рассвете небо было чистое и голубое; в лучах восходящего солнца капли на мокрых листьях сверкали, как драгоценные камни.

Рыбак взобрался на утесы, к которым его прибило ночью, потому что в водовороте шторма видел над этим местом потрясающий по своей силе разветвленный разряд молнии с аспидно-черных небес. Толчок от удара потряс весь остров. Он сопровож-

дался таким оглушительным треском, какой вряд ли был бы возможен при попадании молнии в дерево.

Смутное любопытство побудило Юетши к исследованию; и теперь он обнаружил то, что искал. При этом им овладело беспокойное чувство; он, как животное, ощущал скрытую опасность.

Среди деревьев возвышалось разбитое куполообразное строение, сложенное из гигантских блоков особого, подобного железу, зеленого камня, встречающегося только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки могли вытесать и сложить эти мохолиды, и конечно же за пределами человеческих сил было разрушить это сооружение. Но удар молнии расколол многотонные блоки, как стекло, и превратил некоторые из них в зеленую пыль. В результате свод купола был снесен почти целиком.

Рыбак пробрался через обломки и огляделся. То, что он увидел, заставило его издать звук, похожий на мычание. Внутри разрушенного купола в зеленой пыли, среди кусков разбитой каменной кладки лежал человек. Он лежал на золотом блоке. Одежда человека состояла из чего-то вроде юбки, подпоясанной шагрeneвым поясом. Черные волосы, ниспадавшие ровно подстриженной гривой на массивные плечи, придерживались у висков узким золотым обручем. На обнаженной мускулистой груди лежал необычный кинжал с широким серповидным лезвием и обтянутой шагренью рукоятью, навершие которой было украшено драгоценностями. Кинжал во многом напоминал нож, который рыбак носил у бедра, но край клинка не был зазубрен и совершенно определенно сделан был гораздо искуснее.

У рыбака разгорелись глаза при виде удивительного оружия. Человек, конечно, был мертв, он был мертв уже много веков. Этот купол стал его гробницей. Рыбаку не пришло в голову удивиться поразительному искусству древних, которые сумели сохранить тело в таком чудесном состоянии, что оно

совсем не было тронута тлением, а мускулы на руках и ногах так же, как вся плоть под темной кожей, выглядели плотными и объемными, словно живые. Скудные мозги Юетши не вмещали так много мыслей сразу. В этот момент его обуревало единственное желание иметь кинжал, изысканность формы которого он остро чувствовал, хотя вряд ли мог сформулировать это в словах. Глядя на волнистые линии тускло мерцающего лезвия, он забыл обо всем.

Рыбак сполз, цепляясь за обломки, внутрь развалин бывшего купола и схватил кинжал с груди лежащего. И в тот же миг произошло нечто невероятное и ужасное. Мускулистые темные руки конвульсивно вскинулись, а веки резко поднялись, открыв огромные черные магнетические глаза. Взгляд этих глаз подействовал на вздрогнувшего от испуга рыбака, как физический удар. Он отпрянул в смятении, выронив украшенный драгоценностями кинжал. Человек на возвышении с усилием приподнялся и сел, а рыбак широко открыл рот от изумления, только сейчас обнаружив невероятные размеры поднявшегося. Сузившиеся глаза притягивали Юетши, в этих прищуренных орбитах он не находил ни дружелюбия, ни признательности; он видел в них только недобрый и враждебный огонь, подобный тому, что горит в глазах тигра.

Внезапно человек встал и склонился над Юетши, всем своим видом выражая угрозу. В тупом сознании рыбака не было места тому страху, который мог охватить человеческое существо, оказавшееся свидетелем крушения фундаментальных законов природы. Когда огромные руки упали ему на плечи, он выхватил свой нож и одним махом ударил снизу вверх. Лезвие сломалось о перевитый мускулами живот незнакомца, как о стальную колонну, и тут же мощная шея рыбака треснула, словно гнилая хворостина, в руках гиганта.

Джихангир Аджа, властитель Хоарезма и хранитель прибрежной границы, вновь пробежал глазами богато украшенный пергаментный свиток с павлиньей яркой печатью и сардонически хмыкнул.

— Ну? — с грубоватой прямоотой спросил его советник Газнави.

Джихангир пожал плечами. Это был красивый мужчина, для которого превыше всего была его гордыня. Родовитость и высокое положение давали ему все основания для спеси.

— Терпение царя подходит к концу, — сказал он. — В собственноручном послании он в резких выражениях сетует на то, что изволит называть моими неудачами в охране границы. Клянусь Таримом, если я не сумею нанести удар по этим степным разбойникам, в Хоарезме будет новый правитель.

Газнави в раздумии теребил свою посверкивающую сединой бороду. Издигерд, царь Турана, был могущественнейшим монархом на свете. В его дворце, расположенном в огромном портовом городе Аграпуре, хранились богатства, награбленные по всему миру. Его флотилии боевых галер под пурпурными парусами превратили Вилайет в Гирканское озеро. Темнокожий народ Заморы платил ему дань так же, как и восточные провинции Кофа. Далеко на запад, вплоть до Шушана, его правлению покорились Шемиты. Его армии переходили границы Стигии на юге и внедрялись в снежные просторы Гипербореи на севере, неся опустошение и разорение. Его конники на западе предавали огню и мечу Британию, и Офир, и Коринфию, и даже добирались до границ Немедии. Его меченосцы в золоченых шлемах попирали врагов копытами своих лошадей, и по его приказу исчезали в пламени крепости и укрепленные города. На затоваренных невольничьих рынках Аграпура, Султанапура, Хоарезма, Шахидра и Хорусуна

женщины продавались за три маленькие серебряные монеты — блондинки Бритунии, рыжеволосые стигийки, темноволосые заморанки, чернокожие кушитки и шемитки с оливковой кожей. Однако в то время как летучие конницы опрокидывали армии в дальних краях, на самых границах государства наглые проходимцы обирали его владения своими кровавыми и запятнанными копотью пожарами руками.

В просторных степях между морем Вилайет и границами самых восточных хайборийских царств возникла новая народность. Ее начало было положено скрывающимися от правосудия преступниками, сборищем опустившихся людей, беглых рабов и солдат-дезертиров. На счету этих изгоев было много преступлений, они сошлись здесь из разных стран, некоторые родились в степях, другие бежали из западных королевств. Они назывались «козаки», что означает никому дышные.

Проводя свою жизнь в диких открытых степях, свободные от каких-либо законов, кроме своего собственного кодекса чести, они стали народом, способным к открытому неповиновению Великому Монарху. Их непрерывные набеги на туранские границы оставались безнаказанными, так как козаки отступали обратно в свои степи всякий раз, когда терпели поражение. Вместе с пиратами Вилайета, которые во многом были той же породы, они опустошали побережье, вылавливая и грабя купеческие корабли, курсировавшие между Гирканскими портами.

— Как я могу уничтожить этих волков? — сокрушенно спросил Джихангир. — Если я буду преследовать их в глубь степей, то рискую быть отрезанным и разбитым. Скорее же всего они, ускользнув, сожгут город в мое отсутствие. Последнее время они обнаглели больше обычного.

— Это из-за нового атамана, который объявился среди них, — отвечал Газнави. — Ты знаешь, кого я имею в виду.

— Да, конечно! — живо откликнулся Джихангир. — Это дьявол Конан; он даже более дикий, чем козаки, к тому же он хитер и ловок, как горный лев.

— В основном эти его качества питает инстинкт дикого животного, а не умственные способности, — отвечал Газнави. — Другие козаки, по крайней мере, являются потомками цивилизованных людей. Он же варвар. Однако устранить его означало бы нанести им сокрушительный удар.

— Но как? — требовательно спросил Джихангир. — Он неоднократно уходил из расставленных ловушек, которые, казалось, обрекали его на верную смерть. Делал ли он это, руководясь инстинктом, или за счет смывленности, имеет второстепенное значение — главное, что он каждый раз ускользал от нас.

— До поры до времени. Для каждого зверя и каждого человека существует западня, которой он не избежит, — молвил Газнави. — Когда мы вели переговоры с козаками по поводу выкупа пленных, я имел возможность наблюдать этого Конана. Он весьма охоч до женщин и хорошей выпивки. Не привлечь ли нам твою пленницу Октавию? Прикажи привести ее сюда.

Джихангир хлопнул в ладоши, и бесстрастный евнух-кушит, словно идол из блестящего эбенового дерева в шелковых панталонах, склонился перед ним и, выслушав приказ, удалился выполнять поручение. Очень скоро он вернулся, ведя за руку высокую красивую девушку, чьи золотистые волосы, ясные глаза и светлая кожа не оставляли сомнений по поводу ее расы и чистоты крови. Ее короткая и открытая шелковая туника, подпоясанная на талии, подчеркивала изумительные контуры великолепной фигуры. Прекрасные глаза сверкали возмущением, а яркие губы были надуты, но плен научил ее покорности. Она стояла перед своим хозяином, опустив голову, пока он не сделал ей знак сесть на диван рядом с ним. После этого он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Мы должны заманить Конана, увести его от остальных козаков, — коротко бросил советник. — Сейчас их военный лагерь разбит где-то в нижнем течении реки Запорожки. Она, как тебе хорошо известно, в этом месте заросла непроходимым тростником. Это настоящие болотистые джунгли, в которых завязла и распалась на отдельные отряды наша последняя экспедиция, закончившаяся тем, что эти неуловимые дьяволы разбили нас наголову.

— Я не намерен забывать об этом, — сказал Джихангир, скривившись.

— Есть необитаемый остров у побережья, — продолжал Газнави, — называется он Ксапур. Твердокаменный, из-за нескольких древних развалин, расположенных на нем. У этого острова — одна особенность, которая делает его очень удобным для нашей цели. Там негде пристать, прямо из воды круто поднимаются утесы высотой примерно сто пятьдесят футов. Даже обезьяна не могла бы преодолеть их. Единственное место, где может пробраться наверх или спуститься человек, — это узкая тропа на западной стороне, напоминающая разрушенную лестницу, ступени которой высечены в скалах.

Если бы мы сумели заманить Конана на этот остров одного, то, вероятно, не составило бы труда расстрелять его из луков, как льва на охоте.

— С таким же успехом можно желать луну с неба, — прервал нетерпеливо Джихангир. — Что ты предлагаешь? Послать ему гонца и умолять, чтобы он вскарабкался на утесы и ждал там нашего прихода?

— Именно так!

И видя на лице Джихангира изумление, Газнави продолжил:

— Мы попросим козаков начать переговоры по поводу пленных на границе степи у Форта Горн. Как обычно, мы подойдем с войсками и встанем лагерем под крепостью. Они также явятся воору-

женные до зубов, и переговоры соответственно будут протекать с обычным недоверием и взаимной подозрительностью. Но на этот раз мы возьмем с собой, как будто случайно, твою красивую пленницу.

Октавия изменилась в лице и слушала с возрастающим интересом, видя, что советник кивнул в ее сторону.

— Она использует все свои уловки, чтобы привлечь внимание Конана. Не думаю, что это будет трудно. Дикому разбойнику она должна показаться ослепительным призраком красоты и очарования. Ее живость и величественная прекрасная фигура подействуют на него более притягательно, чем все куклоподобные красотки из твоего сераля, вместе взятые.

Октавия вскинулась, ее белые кулачки сжались, глаза засверкали. Ее била дрожь негодования на такое насилие и надругательство.

— Вы заставите меня играть роль потаскухи с этим варваром? — воскликнула она. — Я отказываюсь! Я не рыночная проститутка, чтобы ухмыляться и строить глазки всякому степному грабителю. Я дочь немедийского правителя...

— Ты была знатной немедийкой до того, как мои всадники умыкнули тебя, — цинично отвечал Джихангир. — Теперь ты всего лишь раба и будешь делать то, что тебе велят.

— Не буду! — бушевала она.

— Наоборот, — с нарочитой жестокостью вновь вступил в разговор Джихангир, — ты сделаешь это. Мне нравится план Газнави. Продолжай, первейший среди советников.

— Конан, возможно, захочет ее купить. Ты, конечно, откажешься продавать или менять ее на гирканских пленных. Тогда он может попытаться выкрасть ее или отбить силой — хотя я не думаю, чтобы даже он захотел нарушать заключенное для переговоров перемирие. В любом случае мы должны быть готовы ко всему, что он может выкинуть.

Затем сразу после переговоров, чтобы не дать ему времени забыть о ней начисто, мы пошлем к нему гонца с белым флагом, обвиняя его в краже девчонки и требуя ее возвращения. Он может убить гонца, но зато будет думать, что она сбежала.

Чуть позже мы пошлем в козачий лагерь шпиона — для этого подойдет какой-нибудь рыбак Юетши, который передаст Конану, что Октавия прячется на Ксапуре. Если я не ошибаюсь в этом человеке, он отправится напрямик туда.

— Но мы не можем быть уверены, что он явится туда один, — возразил Джихангир.

— Неужели мужчина, стремящийся на свидание с желанной женщиной, возьмет с собой банду головорезов? — возразил Газнави. — Я думаю, что почти все шансы за то, что он будет один. Но, конечно, надо иметь в виду и другие варианты. Мы не будем ждать его на острове, где можем сами попасться в ловушку. Мы спрячемся в тростниковых зарослях болотистого мыса, который протягивается от берега на расстояние в тысячу ярдов от Ксапура. Если он приведет с собой большой отряд, мы дадим отбой и будем придумывать что-нибудь другое. В случае его появления в одиночку или с небольшой группой товарищей, мы захватим его. Надо только помнить, что его приход целиком зависит от обольстительных улыбок твоей рабыни и ее многозначительных взглядов.

— Я никогда не опущусь до такого позора! — Октавия была вне себя от ярости и унижения. — Я лучше умру!

— Ты не умрешь, моя прекрасная бунтовщица, — сказал Джихангир, — но подвергнешься очень болезненной и унижительной процедуре.

Он хлопнул в ладоши, и Октавия побледнела. На этот раз вошел не кушит, а шемит — с рельефной мускулатурой, среднего роста, с короткой курчавой иссиня-черной бородой.

— Есть работа для тебя, Гилзан, — сказал Джихангир. — Возьми эту дуреху и поиграй с ней

немного. Только будь осторожнее, чтобы не повредить ее красоту.

С неразборчивым рычанием шемит схватил Октавию за руку и сжал ее железными пальцами. Вся решимость к сопротивлению оставила бедняжку. С жалобным криком она вырвалась от него и бросилась на колени перед своим неумолимым господином, в бессвязных рыданиях умоляя о пощаде.

Джихангир жестом отослал разочарованного палача и сказал Газнави:

— Если твой план удастся, я осыплю тебя золотом.

3

В предрассветной темноте непривычные звуки нарушили дремотную тишину, стоявшую над тростниковыми болотами и туманными водами побережья. Это была не сонная птица или рыщущий зверь. Источником шума был человек, продирающийся сквозь густые заросли тростника, который был так высок, что скрывал идущего с головой.

И это была женщина. Если бы кто-нибудь мог наблюдать ее в это время, то увидел бы, что она высока и светловолоса, а ее великолепные ноги и руки облеплены испачканной в грязи туникой. Октавия сбежала по-настоящему, каждая клеточка ее тела трепетала от возмутительного насилия и оскорбления, которые ей приходилось испытывать в плену, ставшем совершенно нестерпимым в последнее время.

Быть во власти Джихангира, само собой, не сладко. Однако тот с нарочитой дьявольской жестокостью отдал ее вельможе, чье имя было олицетворением идиотизма даже в Хоарезме.

Все упругое тело Октавии, полное жизни и огня, покрывалось мурашками и содрогалось при воспоминаниях. Отчаяние придало ей сил, и она выбралась из

крепости Джелаль-хана по веревке, сплетенной из полос разорванного гобелена. Счастливый случай привел ее к привязанному коню. Она скакала всю ночь, и рассвет застал ее с павшей лошастью на болотистом берегу моря. Трепеща от отвращения при мысли о возможности насильственного возвращения к позорному уделу, который готовил для нее Джелаль-хан, она углубилась в болота, ища укромного места от погони, которую она ожидала.

Когда вода поднялась до бедер, тростники расступились, и ее взору открылись неясные очертания острова. Широкая полоса воды лежала между ним и ею, но Октавия не колебалась. Пока можно было, она брела вперед, потом, когда вода поднялась до груди, она сильно оттолкнулась и бросилась в воду. Энергичными рывками она продвигалась все дальше от берега, и сразу было видно, сколько энергии и выносливости было в этой девушке.

Приблизившись к острову, она увидела, что его утесы, напоминающие крепость, вздымаются отвесно от воды. Наконец она достигла их, но не могла нащупать ни выступа под водой, чтобы встать, ни малейшей неровности на поверхности, за которую можно было бы уцепиться. Она продолжала плыть вдоль скал, пытаясь обогнуть их. Усталость начала одолевать ее, руки и ноги стали наливаясь тяжестью. Ее руки наталкивались на совершенно гладкую стену, и вдруг она обнаружила углубление. Всклипывая и вздыхая с облегчением, она выбралась из воды и прильнула к скале — промокшая белая богиня в тускнеющем свете звезд.

Под ногами у нее было что-то похожее на ступени, вырубленные в каменистом утесе, и Октавия стала карабкаться по ним вверх, стараясь слиться с камнями, так как до ее слуха вдруг донесся слабый плеск, видимо, укутанных чем-то весел. Девушка напрягла зрение и, как ей показалось, различила нечто бесформенное, перемещающееся от болотистого мыса, который она недавно оставила. Но было слишком далеко и темно,

чтобы разобрать поточнее, к тому же слабый звук как будто прекратился, и Октавия продолжала взбираться вверх. Если это были ее преследователи, то лучшего выхода, чем спрятаться на острове, у нее не было. Октавия знала, что большинство островов у этого заболоченного побережья были необитаемыми. Возможно, здесь было пиратское логово, но даже пираты в ее положении были бы предпочтительнее тех животных, от которых она сбежала.

Торопливо карабкаясь вверх, девушка поймала себя на мысли о том, что невольно сравнивает своего бывшего господина с вожакom козаков, с которым — по принуждению — она бесстыдно флиртвала в шатрах лагеря у Форга Горн, где гирканские господа договаривались со степными головорезами. Горящий взгляд варвара испугал и оскорбил Октавию, но эта первоизданная стихийная свирепость явно выигрывала перед извращенностью Джелаль-хана — монстра, каких может порождать только чрезмерно богатая и пресыщенная цивилизация.

Вскарабкавшись наконец на самый верх, она перебралась через край обрыва и испуганно вглядывалась во вздымающуюся перед ней стену дающих густую тень деревьев, которые росли прямо у обрыва, подобно плотному кольцу черноты. Что-то прошумело у девушки над головой, и она сжалась от страха, хотя осознавала, что это всего лишь летучая мышь.

Не по душе ей были эти черные тени, но Октавия сжала зубы и пошла к ним, стараясь не думать о змеях. Ее босые ноги ступали бесшумно, утопая в мягком дерне под деревьями.

Как только она вошла в чащобу, ее объяла пугающая темнота. Октавия не сделала еще и дюжины шагов, как потеряла из виду и скалы и море за ними. Было бесполезно оглядываться и пытаться что-то рассмотреть. Еще через несколько шагов она безнадежно заплутала и перестала ориентироваться. Сквозь путаницу ветвей не просвечивали даже звезды. Октавия дви-

галась ощупью, слепо натываясь на деревья, и вдруг застыла как вкопанная.

Где-то впереди раздались ритмичные удары барабана. Меньше всего она ожидала услышать подобное в такое время и в таком месте. И тут ей пришлось забыть обо всем, так как девушка почувствовала чье-то присутствие рядом. Она не могла видеть, но явственно ощущала нечто, стоявшее непосредственно возле нее в темноте.

С подавленным криком Октавия отпрянула назад, и в тот же миг что-то, в чем даже в объявшей ее панике она узнала человеческую руку, обвилося вокруг ее талии. Она взвизгнула и изо всех своих молодых сил рванулась в диком желании высвободиться, но тот, кто схватил ее, вскинул ее вверх, как ребенка, с легкостью умирив неистовое сопротивление. Молчание, с которым принимались ее бешеные попытки вывернуться и протестующие вопли, еще усиливало ужас, нараставший и от ощущения, что ее несут сквозь темноту по направлению к отдаленному гулу барабана, который продолжал отбивать ритм и глухо рокотать.

4

Приближающийся рассвет чуть окрасил небо в красноватые тона, когда маленькая лодка с одиноким гребцом достигла утесов. Человек в лодке выглядел достаточно живописно. На голове у него была темно-красная повязка, свободные, огненного цвета штаны были перетянуты широким кушаком, за который была заткнута кривая восточная сабля в шагреневых ножнах. Сапоги из тисненной золотом кожи скорее подошли бы всаднику, а не рыбаку, но греб человек умело. Широко распахнутая белая шелковая рубаша обнажала мощную мускулистую грудь, коричневую от солнечного загара.

Выпуклые мускулы на бронзовых руках перекатывались, когда гребец играючи управлялся с веслами, в

его движениях была кошащая легкость и гибкость. Вся его внешность и повадки свидетельствовали о неукротимой энергии и живости, что сразу бросалось в глаза. Выражение лица не было ни свирепым, ни угрюмым, хотя тлеющие, как угли под пеплом, глаза выдавали легко пробуждаемую жестокость. Это был Конан, который прибрел в вооруженный лагерь козаков, не имея при себе ничего, кроме головы на плечах и своего меча, и пробился с их помощью в атаманы.

Конан подгреб к выбитым в скалах ступеням так уверенно, как будто был знаком с местом, и причалил лодку под прикрытием большого камня. Потом, ни минуты не тратя на размышления, он стал подниматься по разрушенным ступеням. Конан был предельно насторожен, не потому, что знал об ожидающей его скрытой опасности, а просто чувство готовности встретить ее, обостренное той дикой жизнью, которую он вел, стало его второй природой.

То, что Газнави считал звериной интуицией или неким шестым чувством, было всего лишь обоюдоострым даром и дикарской смекалкой варвара. Никакой инстинкт не подсказывал сейчас Конану, что несколько человек наблюдали за ним из укрытия в зарослях болотистого побережья.

Пока он взбирался на утес, один из сидевших в засаде, затаив дыхание, украдкой поднял лук. Джихангир схватил его за руку и зашипел ему в ухо:

— Болван! Ты хочешь выдать нас? Неужели ты не видишь, что стрела не долетит? Дай ему подняться на остров. Он будет искать девушку. Это займет у него какое-то время. А вдруг он почувствовал наше присутствие или разгадал наш замысел? Может, его бандиты спрятаны где-то здесь. Подождем. Через час, если ничего подозрительного не произойдет, мы подплывем к подножию лестницы и будем ждать его там. В случае его слишком долгого отсутствия кто-нибудь из нас пойдет наверх и сгонит его вниз. Но лучше бы этого избежать, потому что каждому понятно, что подобное

преследование в зарослях будет стоить нам нескольких жизней. Я полагаю, самое разумное было бы подкараулить, когда он будет спускаться по ступеням. Здесь мы могли бы нашпиговать его стрелами с безопасного расстояния.

В это время ничего не подозревающий Конан нырнул в лес. Беззвучно ступая в своих мягких кожаных сапогах, он продвигался между деревьями, тщательно обшаривая взглядом каждую тень, готовый наткнуться на роскошную рыжеволосую красавицу, о которой он мечтал с тех пор, как увидел ее в шатре Джихангирхана возле Форта Горн. Он бы возжелал ее, даже если бы она проявила к нему антипатию. Но ее загадочные улыбки и взгляды разожгли в киммерийце настоящую страсть. И теперь со всем неистовством своей буйной натуры, не знающей границ и законов, он желал эту белокожую золотоволосую женщину из цивилизованного мира.

Ему уже пришлось побывать на Ксапуре раньше. Менее, чем месяц тому назад, у него было здесь секретное совещание с пиратской шайкой. Он знал, что сейчас покажутся загадочные руины, благодаря которым остров и получил свое название. Конан размышлял на ходу, не найдет ли он девушку прячущейся среди них. Эти мысли внезапно были прерваны. Он остановился, как громом пораженный.

Перед ним среди деревьев поднималось то, что его разум отказывался воспринимать как возможное. Это была высокая темно-зеленая зубчатая стена с вздымающимися за ней башнями.

Конан застыл в недоумении, парализованный нереальностью того, что он видел. Любый на его месте, столкнувшись с подобной нелепицей, не укладывающейся ни в какие рамки мало-мальски разумного объяснения, потерял бы голову. Он не сомневался ни в своем зрении, ни в рассудке, но увязать концы с концами ему не удавалось. В этом было нечто чудовищное. Менее месяца тому назад на этом месте

среди деревьев стояли развалины. Могли ли человеческие руки воздвигнуть такое громадное сооружение и всего лишь за две-три недели? Кроме того, пираты, которые непрестанно бороздили Вилайет, обязательно узнали бы о любых работах, тем более проводимых в таком гигантском масштабе, и, конечно, сообщили бы об этом козакам.

Объяснения этому явлению не было, тем не менее сооружение было налицо. Он, Конан, был на Ксапуре, и это фантастическое нагромождение, увенчанное башнями каменной кладки, тоже находилось на Ксапуре, и все, вместе взятое, было сумасшествием, и все же это была истинная реальность.

Он повернулся, чтобы дать ходу назад через джунгли, вниз по выдолбленным ступеням, за голубое море к отдаленной стоянке в устье Запорожки. В этот момент необъяснимой паники даже мысль о задержке вблизи внутреннего моря была невыносимой. Надо было рвануть от него как можно дальше, бросить все эти бивуаки и шайки, оставить степи и проложить тысячи миль между собой и голубым загадочным Востоком, где основные законы природы могут быть превращены в ничто черт знает каким колдовством.

Какое-то мгновение судьбы целых царств, которые зависели от этого пестро разодетого варвара, висели на волоске. И лишь совсем незначительная вещица перевесила чашу весов. Это был шелковый лоскут, висевший на кусте. Он привлек беспокойный взор Конана. Киммериец склонился над ним, ноздри его раздулись, а нервы затрепетали от этого еле заметного возбуждающего все его чувства знака. Ключок одежды был настолько мал, что скорее смутный инстинкт насторожил и задержал Конана над ним. Ему показалось даже, что он улавливает мучительно соблазнительный аромат молодого упругого тела, тут же воссоздавший перед ним светлый образ чудесной женщины, которую он видел в шатре Джихангира. Значит, рыбак не врал, и она была здесь!

Внезапно Конан увидел отпечаток на глинистой почве — единственный отпечаток босой ступни — длинной и худой. Однако это был след не женщины, а мужчины, и он был вдавлен глубже, чем можно было бы ожидать. Вывод напрашивался сам собой: мужчина, оставивший этот след, нес тяжесть, и что же это была за ноша, если не девушка, которую искал киммериец?

В молчании стоял Конан, разглядывая темные башни, громоздящиеся среди деревьев. В прищуре его глаз вспыхивали голубые искры. Желание обладать золотокудрой женщиной перехлестывалось лютой первобытной яростью по отношению к тому, кто утащил ее. Его человеческая страсть подавила сверхъестественный страх, и, крадучись, как пантера на охоте, почти ползком, Конан стал подбираться к крепости, стараясь укрыться под сенью зелени, дабы его не заметили с зубчатых стен.

Достигнув их, Конан убедился, что стены сложены из того же зеленого камня, что и бывшие руины, и смутное чувство чего-то знакомого овладело варваром. Словно перед ним предстало нечто никогда прежде невиданное, но являвшееся ему во сне или рисовавшееся в воображении. В конце концов он понял, в чем дело. Стены и башни были построены по тому же плану, что и развалины. Как будто разрушенные линии и плоскости вдруг поднялись и сомкнулись сами собой, нарастив то, чего недоставало, и все сооружение, как по мановению волшебной палочки, восстало в первоначальном виде.

Ни один звук не нарушал утренней тишины, когда Конан подкрался к подножию стены, круто вздымавшейся из гущи буйных зарослей. Растительность здесь, как и вообще в южной части внутреннего моря, была почти тропической. Конан вскарабкался, как кот, на самое большое дерево, ухватился за толстую плеть обеими руками и раскачался что было сил. В нужный момент он отпустил лиану и, как снаряд, выпущенный из катапульты, перелетел через парапет, приземлив-

шись с кошачьей ловкостью за зубцами стены. Прокравшись по ней, он глянул вниз на улицы города.

Окружность стены была сравнительно невелика, но внутри нее помещалось поразительно много строений из того же зеленого камня. Это были трех- и четырехэтажные здания, в основном с плоскими крышами. Их архитектурный стиль был необычен и доведен до своеобразного совершенства. Улицы, подобно спицам колеса, сходились в центре, оставляя восьмиугольное огороженное пространство, где высоко вздымалось огромное сооружение, которое своими куполами и башнями доминировало над всем городом. Не было заметно никакого движения на улицах, никто не выглядывал из окон, хотя солнце уже поднялось. Здесь царила тишина, которая могла стоять только над мертвым опустевшим городом. Со стены вниз от того места, где стоял Конан, вели узкие каменные ступени; по ним киммериец и стал спускаться.

Дома так тесно жались к стене, что на полпути вниз по лестнице Конан обнаружил окно, находившееся всего на расстоянии вытянутой руки. Он задержался, чтобы заглянуть в него. Решеток на окне не было, и раздвинутые шелковые занавесы придерживались атласными шнурами. Конан заглянул в комнату, стены которой были затянуты темными бархатными гобеленами. Пол был покрыт толстыми коврами. Скамьи из полированного эбенового дерева и возвышение, устланное меховыми покрывалами, составляли обстановку помещения.

Конан собрался уже было продолжать свой спуск, когда услышал, как кто-то движется вниз по улице. До того, как неизвестный мог завернуть за угол и обнаружить незваного гостя на лестнице, Конан перескочил отделявшее его от окна пространство и очутился в комнате с обнаженной саблей в руке. Мгновение он стоял не дыша, затем, так как ничего не произошло, стал пробираться по коврам к двери, расположенной в нише. И тут один из занавесов откинулся, и за ним

обнаружился убранный подушками альков, из которого томно взидала на варвара стройная темноволосая девушка. Взгляд ее был затуманен.

Конан напряженно уставился на нее, ожидая, что она вот-вот поднимет крик. Но девушка только подавила зевок, прикрыв рот изящной ладонью, поднялась и небрежно откинулась на драпировку, которую она придерживала одной рукой.

Без сомнения, незнакомка принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень темной. Прямые, подстриженные ровным каре волосы были черны как ночь. Единственное ее убранство составлял лоскут шелка, обернутый вокруг весьма соблазнительных бедер.

Она заговорила, но язык был незнаком Конану, и киммериец отрицательно покачал головой. Тогда она снова зевнула, потянулась всем своим гибким телом и, не проявляя ни страха, ни удивления, перешла на язык, который Конан понимал. Это был диалект Юетши, и звучал он удивительно архаично.

— Ты ищешь кого-то? — спросила девушка так безразлично, как будто внезапное появление вооруженного незнакомца в ее покоях было самым обычным делом.

— Кто ты? — спросил Конан в ответ.

— Я — Юатели, — отвечала она апатично. — Должно быть, я поздно пиновала прошедшей ночью, и поэтому сейчас меня одолевает сон. Кто ты?

— Я — Конан, гетман козаков, — отвечал киммериец, внимательно следя за девушкой, считая ее поведение притворством и ожидая, что она только и ждет момента, чтобы ускользнуть и поднять на ноги весь дом.

— Конан, — повторила она сонно. — Ты не дагон. Я полагаю, ты наемник. Много голов Юетши ты срубил?

— Я не воюю с водяными крысами! — фыркнул он.

— Однако они совершенно ужасны, — пробормотала девушка. — Я помню об этом с тех пор, как они были нашими рабами. Они взбунтовались тогда, все сожгли

и всех перебили. Только заклинания Косатраль Келя не позволили им приблизиться к стенам... — Она запнулась и смолкла, вперив в Конана недоуменный взгляд, в котором озадаченность боролась с сонливостью.

— Я забыла, — вновь невнятно проговорила девушка. — Они все же влезли на стены прошлой ночью. Были слышны крики, виднелся огонь, и люди тщетно звали Косатраля. — Она потрясла головой, словно пытаясь проснуться. — Но этого не могло быть, — пробормотала она, — потому что я жива, а я думала, что умерла. О! К дьяволу все это!

Она пересекла комнату и, взяв Конана за руку, потащила его к помосту. Он уступил ей в замешательстве и смущении. Девушка улыбнулась ему, как сонный ребенок, ее длинные шелковые ресницы опустились, закрыв затуманенные меркнувшие глаза. Она запустила пальцы в густые черные лохмы киммерийца, словно желая удостовериться в его реальности.

— Это был сон, — позевывая, сказала она. — Возможно, все это мне приснилось. Мне кажется, я и сейчас сплю. Ну да все равно. Я не могу ничего вспомнить. Я забыла — чего-то я не могу понять, но чувствую, что меня еще больше одолевает сон, когда я пытаюсь думать. В любом случае это не имеет значения.

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно спросил Конан. — Ты сказала, они перелезли через стены прошлой ночью? Кто?

— Юетши. По крайней мере я так думала. Облако дыма скрыло все вокруг, но обнаженный, залитый кровью дьявол поймал меня за горло и всадил нож в грудь. О, ты не представляешь, как больно! Но это был сон, потому что, посмотри, здесь нет шрама. — Она вяло исследовала свою гладкую грудь и, опустившись Конану на колени, обвила его мощную шею своими мягкими гибкими руками.

— Я не могу вспомнить, — лепетала она, пристраивая свою темноволосую голову на могучей груди вар-

вара. — Все плывет, как в тумане. Ну и пусть, все равно. Ты не сон. Ты сильный. Давай жить, пока можем. Люби меня!

Конан прижал блестящую черноволосую голову к груди и стал укачивать девушку, осторожно поддерживая ее сильными руками. Потом он поцеловал ее в полные красные губы с неподдельным удовольствием.

— Ты сильный, — повторила она прерывающимся голосом. — Люби меня, люби...

Сонный лепет прервался, затуманенные глаза закрылись длинными ресницами, опустившимися на цветущие щеки, нежное тело расслабилось на руках Конана.

Он хмуро рассматривал ее. Казалось, она была частью миража, которым представлялся весь этот город, однако упругость и эластичность ее тела под испытующими пальцами киммерийца убеждали его, что он держит на руках живую настоящую девушку, а не тень мимолетного наваждения. Ничто больше не удерживало его, и он торопливо уложил девушку на возвышении. Ее сон был слишком глубок, чтобы быть естественным. Конан решил, что она, должно быть, одурманена каким-то наркотиком, вроде черного лотоса Ксатала.

И тут он обнаружил еще одну вещь, которая поразила его. Среди мехов на помосте лежала великолепная пятнистая шкура, ее основной тон был чисто золотистым. Это была не качественная подделка, а шкура настоящего зверя, который, как Конан знал совершенно точно, вымер по крайней мере тысячу лет назад. Зверем этим был гигантский золотой леопард — чудесный образ хайборийских легенд, изображения которого многократно повторялись в рисунках и мраморных статуях древними художниками.

В замешательстве крутя головой, Конан вышел через арочную дверь в изгибающийся коридор. Тишина висела над домом, но снаружи чуткое ухо варвара уловило шум, как будто что-то поднималось по лестнице на стене, с которой Конан проник в здание.

Секундой позже он вздрогнул, услышав, как нечто мягкое и тяжелое с глухим стуком опустилось на пол того помещения, которое он только что покинул. Быстро повернувшись, Конан побежал прочь, вдоль изогнутого прохода, пока что-то лежавшее на полу не заставило его остановиться.

Это было тело человека, лежавшего наполовину в коридоре, а частью в проходе, по-видимому обычно скрытом дверью, которая ничем не отличалась от панели стены. Лежавший был мужчиной — темнокожим и тощим, из одежды на нем была только шелковая набедренная повязка. Голова была выбрита. Черты лица — грубые и жесткие. Лежал человек так, будто смерть поразила его в тот момент, когда он появился из-за панели. Конан склонился над ним, пытаясь обнаружить причину смерти, но понял, что тот был лишь погружен в такой же глубокий сон, как и девушка в сказочном алькове.

Но почему же человек выбрал такое странное место для своего сна? Из раздумий о всех этих чудесах Конана вдруг вывел звук за спиной. Что-то продвигалось по коридору по направлению к киммерийцу. Он быстро огляделся. Коридор заканчивался большой дверью, которая, возможно, была заперта. Конан резко оттолкнул обмякшее тело в сторону и шагнул в проход, плотно задвинув за собой панель. Щелчок подтвердил, что она встала на место. Стоя в полной темноте, Конан услышал, как шаркающая поступь замерла как раз напротив двери, и холод пробежал у варвара по спине.

Это были не человеческие шаги и не поступь зверя.

Ни с чем подобным Конану до сих пор не приходилось сталкиваться.

На миг наступила тишина, потом послышался слабый скрип дерева о металл. Вытянув руку, Конан ощутил, как дрогнула и почти прогнулась внутрь дверь, словно к ней снаружи привалили что-то очень тяжелое. Пока он вытаскивал оружие, все затихло. Конан услышал странный чавкающий звук. Волосы встали дыбом

на голове Конана. С обнаженной саблей в руке он начал торопливо пятиться прочь от двери, нащупывая ногами ступени, спотыкаясь и почти падая. Он находился на узкой лестнице, ведущей вниз.

В темноте он нащупывал путь, обшаривая по дороге стены и не находя больше никакого прохода в сторону. Как раз тогда, когда Конан решил, что находится уже глубоко под землей ниже уровня фундамента дома, ступени кончились и начался горизонтальный туннель.

5

Вдоль темного туннеля, погруженного в глубокое безмолвие, Конан пробирался ощупью, ежеминутно опасаясь свалиться в какую-нибудь невидимую яму. Однако наконец ноги вновь почувствовали ступени, по которым Конан стал подниматься, пока не наткнулся на дверь. Ему удалось нащарить металлическую щеколду. Отодвинув ее, он вышел в сумеречную очень высокую комнату совершенно невероятных размеров. Фантастические колонны тянулись вдоль испещренных пятнами стен. Они поддерживали потолок, который был одновременно полупрозрачным и темным, подобно облачному небу в полночь, что производило впечатление умопомрачительной высоты. Если бы хоть какой-нибудь свет просачивался сюда снаружи, все выглядело бы совсем иначе.

В зловещем полумраке Конан двигался по голому зеленому полу. Огромная комната имела правильную округлую форму, которая нарушалась только с одной стороны гигантскими бронзовыми створками высоченной двери. Напротив нее на возвышении у стены стоял медный трон, к которому вели широкие полукруглые ступени. И когда Конан, присмотревшись, понял, что свернулось кольцами на троне, он спешно ретировался, вскинув кривой меч.

Немного погодя, так как эта штука не двигалась, Конан приступил к более тщательному исследованию. На этот раз киммериец поднялся по стеклянным ступеням и стал рассматривать диковину. Это была гигантская змея, изваянная из какого-то желтовато-зеленого материала типа жадеита. Изображение было настолько реальным, что можно было различить каждое кольцо. Переливчатая окраска камня живо напоминала настоящую. Крупная клинообразная голова была наполовину укрыта блестящими витками, поэтому ни глаза, ни пасть не были видны.

Вдруг Конана обсеило. Эта змея, вероятно, представляла одно из тех мрачных чудищ, которые в древние времена обитали в камышовых болотах на окраинах южного побережья Вилайета. Но, как и золотой леопард, они вымерли уже сотни лет тому назад. Конан уже видел грубые фигурки таких змей, правда, гораздо меньшего размера. Они встречались в молельных хижинах Юетиши среди других идолов. Описания подобных изваяний можно было встретить в Книге Скелоса, при составлении которой использовались сведения, заимствованные из доисторических источников.

Конана привел в восхищение чешуйчатый торс толщиной с его ляжку и, вероятно, колоссальной длины. Он не мог победить любопытства и положил руку на свернутые кольца. И как только его пальцы коснулись изваяния, сердце в нем замерло, кровь застыла в жилах, а волосы встали дыбом. Под рукой оказалась не гладкая хрупкая поверхность стекла, металла или камня, но мягкая податливая и одновременно упругая масса чего-то живого. Он чувствовал под пальцами вялое биение инертной жизни.

Инстинктивно Конан отдернул руку, чуть не выронив меч. Ужас и отвращение обуяли его. Он бросился вниз по стеклянным ступеням, не спуская остекленевших от дикого страха глаз с мерзкого гада, который дремал на медном троне. Чудовище оставалось неподвижным.

Конан достиг бронзовой двери и толкнул ее. Сердце у него ушло в пятки, пот катился градом при мысли, что он может оказаться запертым с этой скользкой ползучей тварью. Но створки поддались, и он проскользнул между ними и захлопнул их за собой.

Теперь Конан оказался в широком коридоре с высокими задрапированными стенами. Проход тонул в таком же сумеречном полумраке, который делал неразличимыми отдаленные предметы. Это усилило тревогу, наводя на мысли о невидимых змеях, извивающихся в темноте. В этом нереальном свете казалось, что до двери в противоположном конце коридора надо бежать еще милью. Рядом с Конаном один из занавесов висел так, будто за ним был расположен ход, и, осторожно приподняв его, он действительно обнаружил узкую лестницу, ведущую вверх.

Пока Конан колебался, в большой комнате, только что покинутой им, послышалась шаркающая поступь, которую он слышал за задвинутой панелью. Неужели его преследовали и в туннеле? Он стал торопливо подниматься по лестнице, предварительно сдвинув занавес на прежнее место.

Вскоре он вновь очутился в изогнутом коридоре и бросился в дверь, через которую вошел в него в первый раз. Два противоречивых желания руководили Конаном в его по видимости бесцельном метании: вырваться из здания с его тайнами и найти немедийскую девушку, которую, как он чувствовал, держали где-то в этом дворце, храме или черт те чем еще. Конан рассчитывал, что это и было большое строение под куполом, которое он видел в центре города. Скорее всего, здесь обретался правитель города, к которому, без сомнения, должны были привести пленную девушку.

Теперь киммериец был в комнате и собирался возвращаться дальше по уже пройденному пути, как вдруг услышал голос, шедший из-за стены. В этой стене не было двери, но Конан приложил к ней ухо и отчетливо различил слова. И опять мороз побежал по коже. Язык

был немедийский, но голос никак не напоминал человеческий. Он гулко отдавался и гудел, наподобие колокола, отбивающего удары в полночь.

«Не было жизни в Бездне, кроме той, что была заключена во мне, — благовестил колокол. — Не было ни света, ни движения, ни единого звука. Только толчок извне, из запределья был причиной начала моего движения, он направил мой путь вверх, в полной слепоте, без смысла, без чувств, непреклонно и непоколебимо. Я поднимался все выше через неизменные стратосферы вечной темноты, сквозь времена¹ век за веком...»

Завороженный этим гулко резонирующим гласом, Конан скорчился, забыв обо всем на свете, пока гипнотическая сила этих слов не привела к странной трансформации явлений и ощущений. Он не заметил, как звук стал создавать иллюзию видения. Конан больше не слышал голоса, он воспринимал его только как отдаленные ритмические волны. Выведенный из своего времени и собственной индивидуальности, он наблюдал превращения существа, называемого Косатраль Ко-лем, которое медленно и мучительно выползало из Мрака и Бездны многие века тому назад, чтобы воплотиться в субстанцию материального мира.

Но человеческое тело было слишком бренно, хрупко, непрочное и ничтожно, чтобы удержать ужасную сущность того, что было Косатраль Ко-лем. Хотя он предстал наконец в облике человека, его плоть не была плотью, кости костями, а кровь кровью. Он стал в природе, ее поношением, так как заставил жить, думать и действовать элементарное вещество, которое до этого никогда не знало и не должно было знать, что такое пульс и трепет живого существа.

Он шествовал по миру, как бог, поскольку не было оружия на земле, которое могло бы причинить ему вред. В своих странствиях он наткнулся на примитивный народ, населявший остров Дагонию. Ему доставляло удовольствие зажечь жалкий разум этих людишек.

С его помощью они построили город Дагон, заселили его и стали поклоняться его создателю. Однако слуги божества вызывали суеверный страх. Он вызывал их из темных закоулков планеты, где еще таились эти мрачные пережитки забытых времен. От его дворца в Дагоне к каждому дому в городе вел туннель, через который его бритоголовые служители носили жертвы для ритуальных обрядов.

Несколькими веками позже на берегах моря появился по-звериному жестокий и примитивный народ. Они называли себя Юетши, и как-то после особенно свирепой битвы они были побеждены и превращены в рабов. На протяжении жизни целого поколения после этого они умирали на алтарях Косатраля.

Его колдовство держало их в узде. Потом их жрец, странный мрачный человек, худой и долговязый, чье происхождение было неизвестно никому, исчез в пустыне, а когда вернулся, то принес с собой нож, сделанный из неземного материала. Он был выкован из вещества метеорита, прочертившего когда-то небо, подобно пылающей стреле, и упавшего далеко в долине. Рабы восстали и своими ножами-серпами перерезали дагонов, как овец. Против ножа из космического вещества чары Косатраля были бессильны. Пока на затянутых красным дымом улицах бушевала резня, самый мрачный акт этой жуткой драмы разыгрывался в таинственном куполе за большим залом с пестрыми, как змеиная шкура, стенами и медным тронem на помосте.

Из этого купольного помещения жрец Юетши вышел один. Он не стал убивать своего врага, так как хотел с помощью угроз освобождения чудовища удерживать своих бунтующих подданных в повиновении. Он оставил Косатраля лежать на золотом возвышении с магическим ножом поперек груди, который удерживал его в бессознательном состоянии до поры до времени, а может, до конца света.

Прошли годы, и жрец умер, башни опустевшего Дагона обвалились, сказания стали непонятными, а

число Юетши сократилось, благодаря чуме, моровой язве, голоду, стихийным бедствиям и войнам. Рассеянные остатки этого народа доживали в нищете и убожестве вдоль побережья.

Только пятнистый купол сопротивлялся разрушительному действию времени, до тех пор пока случайный разряд молнии и любопытство рыбака, поднявшего волшебный нож с груди божества, не прервали его сон. Косатраль Кель ожил и снова набрал силу и могущество. Ему было приятно восстановить город в том виде, в каком он был до разорения. С помощью черной магии он поднял башни из пыли забытых тысячелетий, а людей, которые были прахом уже вечность, заставил снова вернуться в жизнь.

Но народ, который испытал смерть, мог жить только отчасти. В темных закоулках их душ и сознания смерть сохранялась непобежденной. К ночи люди Дагона двигались, любили, ненавидели, пировали и вспоминали падение Дагона и бойню, которой они подверглись, только как смутный сон; они двигались в колдовском иллюзорном тумане, ощущая неестественность своего существования, но не пытались даже понять причину этого. С приходом дня они впадали в глубокий сон, с тем чтобы встать снова только к ночи, которая была сродни смерти.

Все это пронеслось ужасающими видениями перед внутренним взором Конана, пока он скорчившись сидел у драпированной стены. Киммериец почти тронулся рассудком. Всякая уверенность и здравомыслие были сметены, осталось только ощущение призрачной мрачной вселенной, которой постепенно овладевали загадочные, укутанные в покрывала фигуры, символизирующие некие скрытые силы, вызывающие суеверный страх. Сквозь колокольный гул вещающего гласа, который благовестил триумф над предписанными свыше законами несущей разум планеты, до слуха Конана донесся человеческий крик. Его сознание вернулось из

полета сквозь сферы безумия. Это были женские истерические рыдания.

Непроизвольно Конан вскочил на ноги.

6

Джихангир Аджа ждал со все возрастающим нетерпением в своей лодке в гуще камыша. Уже прошло больше часа, а Конан не возвращался. Несомненно, он все еще обшаривал остров в поисках девушки, которая, как он думал, была спрятана здесь. Но тут в голову Аджи пришло другое соображение. Что если гетман оставил своих приспешников где-то поблизости, и они, заподозрив неладное, придут, чтобы выяснить причину его долгого отсутствия? Джихангир отдал команду гребцам, и длинная лодка выплыла из камыша и заскользила к выбитым в скале ступеням.

Оставив полдюжины человек в лодке, он взял с собой остальных — десять мощных лучников Хоарезма, в остроконечных шлемах и тигровых шкурах. Как охотники, подкарауливающие отступление льва, они рассыпались под деревьями со стрелами наизготове и натянутыми тетивами. Тишина царила над лесом, только большая зеленая птица, скорее всего попугай, сделала круг над головами, резко разрезая воздух широкими крыльями, и поспешно скрылась за деревьями. Внезапным жестом Джихангир остановил свой отряд, и они уставились, не веря своим глазам, на башни, показавшиеся впереди среди зелени.

— Тарим! — пробормотал Джихангир. — Пираты отстроили руины! Несомненно Конан здесь. Мы должны исследовать их. Укрепленный город так близко от континента! Пошли!

Со вновь обострившейся осторожностью они стали пробираться между деревьями. Роли переменились — из преследователей и охотников они превратились в шпионов.

И пока они крались по трудно проходимой чащобе, человек, которого они искали, находился к смерти гораздо ближе, чем если бы был под прицелом заостренных стрел...

До сознания Конана дошло, что гудящий, как колокол, голос за стеной смолк, и дрожь пробежала по его телу. Он стоял неподвижно, как статуя, со взглядом, застывшим на занавешенной двери, через которую, как он знал, сейчас должно было появиться самое ужасное.

В помещении было сумрачно и туманно, и волосы Конана стали вставать дыбом по мере того, как он вглядывался. Из полумрака неотвратно, как сам рок, перед ним вырастали голова и гигантские плечи. Звук шагов не было слышно, но темная махина вырисовывалась все явственнее, пока Конан не различил мужскую фигуру. На человеке были сандалии, юбка и широкий шагреновый пояс. Его ровно подстриженные до плеч волосы были схвачены золотым обручем. Конан не мог оторвать глаз от фантастического размаха этих чудовищных плеч, необъятной ширины выпяченной груди, бугров, валов и узлов мускулов, покрывающих весь его торс и конечности. Лицо его было жестким, без тени милосердия или сострадания. Глаза представляли шары темного огня. И Конан знал, что перед ним стоял Косатраль Кель, пришедший из бездны бог Дагонии.

Ни одного слова не было произнесено. В словах не было необходимости. Косатраль простер свои огромные руки, и Конан, поднырнув под ними, нанес удар в живот гиганта. И тут же отпрыгнул назад, в его глазах вспыхнуло изумление. Острое лезвие зазвенело, ударившись о могучее тело, как о наковальню, и отскочило, не оставив на нем никакого следа. И сразу Косатраль надвинулся на него, как неотвратимый вал ярости.

После этого произошла очень короткая, но яростная схватка, полная неистовых корчей, когда тела и конеч-

ности скручивались и переплетались самым невероятным образом, и Конан вновь вывернулся и отпрыгнул в сторону. Каждая клеточка тела трепетала от непомерного напряжения. Там, где кожу задели жесткие пальцы, выступила кровь. В этом мимолетном столкновении киммериец испытал натиск титанического бешенства, будто удар некоего древнего природного закона. Человек не мог бы нанести ему такой урон, так исколошматить и контузить — на это был способен только оживший и наделенный ощущениями металл. Тело существа, которое противостояло ему, состояло из живого железа.

Косатраль угрожающе нависал над воином в темноте. Допустить, чтобы эти громадные пальцы сомкнулись, означало конец. Железную хватку не ослабила бы уже никакая сила в мире, до тех пор пока не оставила бы безвольное тело. В этом затемненном помещении человек боролся с чудовищем из снов, как в ночном кошмаре.

Отбросив свой бесполезный меч, Конан схватил тяжелую скамью и швырнул ее изо всех сил. Она была так массивна, что немногие могли бы даже приподнять ее, не то что использовать в качестве метательного орудия. Она разбилась в щепы о могучую грудь Косатраля. Гигант даже не пошатнулся. В выражении его лица стало еще меньше человеческого. Огненный нимб полыхал вокруг его устрашающей головы. Подобно движущейся башне он стал приближаться.

В отчаянном прыжке Конан рванул целую секцию гобелена со стены и, раскрутив ее с еще большей силой, чем при броске скамьи, накинул на голову гиганта. С минуту Косатраль, запутавшись и ничего не видя, барахтался в облепившей его ткани, которая задержала его лучше, чем дерево или сталь. И в этот выигранный момент Конан подхватил свой кривой меч и вылетел в коридор. Не сбавляя скорости, он бросился в соседнюю комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Повернувшись, он остоленел, кровь бросилась ему в голову. На ворохе шелковых подушек, рассыпав золотые волосы по обнаженным плечам и со взглядом, не выражающим ничего, кроме ужаса, скорчилась та женщина, которая так занимала его. Он почти забыл о кошмаре за спиной, но удар, расщепивший дверь, вернул его в чувство. Он подхватил девушку и одним прыжком оказался у противоположной двери. Она была слишком беспомощна от испуга, чтобы сопротивляться или, наоборот, помочь ему. Слабые жалобные стоны были единственной реакцией, на которую она оказалась способной.

Конан не стал терять время на отпирание двери. Сокрушительный удар кривого меча разрубил замок полам, одновременно он увидел, как голова и плечи Косатраля проломили первую дверь. Колосс расправлялся с массивными панелями, словно они были картонные.

Конан помчался вверх по лестнице, без усилий неся на одном плече высокую девушку, как ребенка. У него не было секунды сообразить, куда он несется, лестница вывела его к двери в круглое купольное помещение. Косатраль поднимался за ним молча, как смертельный вихрь, и так же быстро.

Стены зала были из твердой стали, как и дверь. Конан захлопнул ее и задвинул большие болты, которыми она была снабжена. Ему пришла в голову догадка, что это помещение и есть комната Косатраля, где он запирался, чтобы спать в безопасности от чудищ, которых он высвободил из Преисподни, дабы они выполняли его приказания.

Он еле успел вдвинуть металлические стержни в гнезда, как громадная дверь затряслась и зашаталась под напором гиганта. Конан поежился. Здесь их ожидал конец, дальше бежать было некуда, в помещении не было ни других дверей, ни окон. Воздух и странный туманный полусвет, очевидно, просачивались в щели в куполе. В задумчивости он провел пальцем вдоль лезвия своего кривого меча. Теперь в укрытии к нему вернулось его хладнокровие. Он сделал все, на что была способна его натура,

чтобы вырваться от чудовища; теперь, когда гигант сокрушит и эту дверь, он примет еще один бой с бесполезным мечом в руках, излив в атаке всю свою бешеную ярость и первобытную жажду жизни. Дикий взрыв энергии вряд ли спасет его, но он все равно пойдет на это, так как по своей природе не способен умереть без борьбы. Сейчас была минута передышки, и поэтому его спокойствие не стоило ему особых усилий и не было притворным.

Взгляд, который он обратил на свою светловолосую компаньонку, был полон восхищения и неподдельного чувства, как будто он собирался жить еще сотню лет. Он сбросил ее на пол довольно бесцеремонно, когда повернулся закрыть дверь, и она приподнялась на колени, машинально приводя в порядок свои рассыпанные локоны и то небольшое, что на ней было надето. Горячие глаза Конана выразили одобрение, когда он опять окинул взглядом ее густые струящиеся по плечам золотистые волосы, огромные глаза, молочно-белую кожу, гладкую и блестящую, что свидетельствовало об избытке здоровья, крепкие выпуклости ее бюста, контуры ее изящных бедер.

В этот момент дверь задрожала, а засовы заскрежатали и стали поддаваться.

Конан не стал оглядываться. Он знал, что дверь еще немного продержится.

— Мне сказали, что ты сбежала, — сказал киммериец. — Рыбак Юетши сообщил, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия, — выдохнула она, непроизвольно приходя в себя.

Затем слова полились стремительным потоком. В отчаянии она вцепилась в Конана.

— О Митра! Что это за кошмар? Люди — темнокожие люди — один из них поймал меня в лесу и принес сюда. Они оттащили меня к — к этому — к этому существу — нет, я не знаю, что это такое. Он говорил со мной — он сказал — неужели я сошла с ума? Это сон?

Конан посмотрел на дверь, которая прогибалась внутрь, словно под ударами стенобитного орудия.

— Нет, — произнес он, — это не сон. Этот запор сейчас полегит к чертям. Странно, что демон должен взламывать дверь, как обычный человек, но, в конце концов, его сила сама по себе демонизм.

— Ты не можешь убить его? — умоляюще спросила она. — Ты такой сильный!

Конан был слишком честен, чтобы лгать ей.

— Если бы смертный мог убить его, он был бы уже мертв, — ответил варвар. — Я затупил лезвие об его брюхо.

Ее глаза помертвели.

— Значит, ты должен умереть, и я тоже — о Митра! — завопила она в безумном отчаянии, и Конан схватил девушку за руки, опасаясь, что она сделает с собой что-нибудь непоправимое.

— Он сказал, что собирается сделать со мной! — задыхаясь кричала она. — Убей меня! Убей меня своим мечом до того, как он разрушит дверь!

Конан посмотрел на нее и отрицательно мотнул головой.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он. — Это не очень много, но у тебя появится шанс проскользнуть у демона за спиной по лестнице вниз. Потом беги на утесы. Моя лодка привязана у подножия лестницы. Если ты сумеешь выбраться из дворца, ты еще, возможно, спасешься. Все люди в этом городе спят.

Октавия уронила голову на руки. Конан взял свой кривой меч и встал перед гудящей дверью. Тому, кто наблюдал за Конаном в этот момент, не пришлось бы в голову, что варвар ждет неизбежной смерти. Его глаза вспыхивали чуть ярче, а мускулы на руке, сжимающей рукоять меча, вздувались чуть сильнее, чем обычно, — вот и все.

Петли сорвались от ужасного удара, и дверь зашаталась, почти вываливаясь, удерживаемая только засовами. Но и эти стальные стержни прогибались, выкручивались и вылезали из своих гнезд. Конан наблюдал

за этим почти безучастно, как зачарованный, будто даже завидуя нечеловеческой силе монстра.

И вдруг без видимого повода атака прекратилась. В наступившей тишине Конан услышал посторонние звуки на площадке снаружи — удары крыльев, невнятные голоса, напоминающие жалобный вой полуночного ветра в ветвях. Потом вновь все смолкло, но чувствовалось, что обстановка как-то переменялась. Обостренный инстинкт варвара подсказывал Конану, что владыка Дагона больше не стоит за дверью.

Киммериец заглянул в трещину, образовавшуюся между дверью и стальной стеной. Площадка перед дверью была пуста. Конан отодвинул деформированные болты и осторожно оттащил осевшую искореженную дверь в сторону. Косатраля на лестнице не было, но далеко внизу он услышал лязг металлической двери. Он не знал, готовил ли гигант новые козни или был отвлечен воем, но времени на предположения и разгадки не оставалось.

Конан окликнул Октавию. Заслышав новые ноты в его голосе, Октавия вскочила и, почти не осознавая, что делает, бросилась к нему.

— Что произошло? — ахнула девушка.

— Не стой, разговаривать некогда! — Конан схватил ее за руку. — Давай, быстро!

Возможность действовать преобразила его: глаза блестели, голос охрип от волнения. — Нож! — пробормотал он вдруг, спохватившись уже на лестнице, куда в неистовой спешке почти насильно уволок девушку. — Магическое лезвие Юетши! Он оставил его под куполом! Я... — его голос внезапно оборвался, так как он мысленно представил всю ситуацию очень четко. Этот купольный зал соединен с большой комнатой, где стоит медный трон... При мысли об этом Конана окатило с ног до головы горячей волной. Единственный путь под купол проходил через комнату с медным тронem и отвратительной тварью, дремлющей на нем.

Но колебаться было не в характере киммерийца.

Не теряя ни секунды, они скатились вниз, пересекли помещение, спустились по следующей лестнице и вошли в большой темный зал с таинственными драпировками. Колосса нигде не было видно. Задержавшись у огромных бронзовых створок двери, Конан схватил Октавию за плечи и энергично тряхнул.

— Слушай! — отрывисто бросил он. — Я иду в комнату и запираю дверь. Стой здесь и слушай. Если появится Косатраль, зови меня. Если услышишь мой крик, беги, будто дьявол наступает тебе на пятки, что, возможно, так и будет. Используй ту дверь, на другом конце зала, потому что я не успею помочь тебе. Я иду за клинком Юетши!

Прежде, чем девушка успела открыть рот, чтобы воспротивиться, Конан проскользнул между створок двери и захлопнул их за собой. С большими предосторожностями он запер дверь, не замечая при этом, что запор можно было открыть и снаружи.

В туманном полумраке пристальный взгляд варвара различил зловещий медный трон; чешуйчатая тварь была еще там, заполняя сиденье своими отвратительными кольцами. Конан видел дверь за тронem и знал, что она ведет в помещение под куполом. Но для того чтобы достичь ее, надо подняться на возвышение и пройти всего в нескольких футах от самого трона.

Ветерок, потянувший над зеленым полом, произвел бы больше шума, чем крадущиеся шаги Конана. Не спуская глаз со спящей рептилии, он достиг помоста и стал подниматься по стеклянным ступеням. Змея не двигалась. Конан уже почти добрался до двери...

Запор на бронзовых дверях звякнул, и Конан бесшумно выругался, так как увидел, что Октавия входит в комнату. Девушка растерянно вглядывалась в темноту, а киммериец стоял, окаменев, не осмеливаясь крикнуть, чтобы предостеречь ее. Тут она увидела еле различимую фигуру варвара и бросилась к помосту с криком:

— Я пойду с тобой! Я боюсь оставаться одна! О!

И вдруг, вскинув руки, она издала ужасающий визг, так как впервые заметила обитателя трона. Клинообразная голова поднялась из колец и, раскачиваясь на поблескивающей шее, выдвинулась на целый ярд по направлению к девушке.

Затем кольцо за кольцом змея стала плавно стекать с трона. Уродливая голова угрожающе раскачивалась в сторону парализованной девушки.

Отчаянным прыжком Конан преодолел расстояние между собой и тронном и изо всех сил взмахнул кривым мечом. Но движение змеи оказалось таким стремительным, что еще до того, как меч опустился, она взметнулась и со слепящей скоростью обвила около полдюжины колец вокруг его тела и конечностей. Наполовину остановленный удар не достиг своей цели, меч опустился на помост, глубоко надрезав чешуйчатое тело, но не разрубив его.

После этого он корчился на стеклянных ступенях, обвитый отвратительными скользкими кольцами, которые сжимались вокруг него, расплющивая мышцы, дробя кости, убивая его. Свободной еще у него оставалась только правая рука, но ему не удавалось выбрать положение, в котором он мог бы нанести смертельный удар. Конан знал, что одного удара должно быть достаточно, так как другого у него уже не будет. Со стоном, буквально треща от напряжения так, что жилы на висках готовы были лопнуть, а переплетения мускулов вздулись в судорожно дрожащие сжатые узлы, киммериец выпрямил ноги и выжал вверх почти всю махину сорокафутового монстра.

Мгновение Конан стоял пошатываясь на широко расставленных ногах, чувствуя, как его ребра вдавливаются во внутренности, а в глазах темнеет от напряжения. Кривой меч мерцал у него над головой, и наконец он обрушился, рассекая чешую, мышцы и позвонки. Один огромный извивающийся клубок змеиного тела неожиданно распался на две части, которые, в свою очередь, распались на хлещущие, извивающиеся в

смертной муке обрубки. Конан, шатаясь, двинулся прочь, стараясь избежать их конвульсивных ударов чешуйчатого тела. Он совершенно выдохся, все плыло у него перед глазами, из носа текла кровь. Ничего не видя в кровавой пелене, он ошупью схватил Октавию и тряс ее, пока она не стала задыхаться.

— В следующий раз, когда я приказываю тебе оставаться на месте, — прохрипел он, — стой там!

У киммерийца слишком сильно кружилась голова, чтобы выслушивать оправдания. Взяв девушку за руку, как напроказившую школьницу, он повел ее в обход отвратительных обрубков, все еще хлопающих и извивающихся на полу. Где-то по пути ему показалось, что он слышит пронзительный человеческий крик, но в ушах у него еще шумело, поэтому он не был уверен в этом.

Дверь подалась под нажимом. Если Косатраль поместил змею сторожить предмет, которого он боялся, очевидно, он считал эту меру предосторожности вполне подходящей. Конан почти ждал, что какое-нибудь другое чудовище нападет на него, когда он откроет дверь.

Однако в сумрачном свете он увидел только неясный изгиб арки, тускло поблескивающий блок золота и слабо мерцающий полумесяц на нем.

Со вздохом облегчения он подхватил его и, не тратя времени на изучение и рассматривание, развернулся и помчался через комнату, вниз в большой зал по направлению к дальней двери, которая, как он чувствовал, вела наружу. Он был прав. Несколькими минутами позже он выскочил на молчаливые улицы, наполовину неся, наполовину сопровождая свою товарку. Никого не было видно, но за западной стеной раздавались крики, стенания и вопли, которые заставили Октавию задрожать. Конан подвел ее к юго-западной стене и без затруднений нашел каменную лестницу, которая вела наверх к сторожевым башням. Он прихватил толстый гобеленовый шнур в большом зале и теперь, достигнув парапета, сделал из мягкой крепкой веревки петлю и, усадив в нее девушку, опустил ее на землю. Затем, привязав конец к одному из

зубцов, он соскользнул по веревке вслед за ней. Для того чтобы покинуть остров, у них был один путь — лестница в скале с западной стороны. В этом направлении он и спешил, описывая широкий круг вокруг места, откуда слышались крики и звуки ужасных ударов.

Октавия ощущала, что страшная опасность скрывается в этих укрытых густой листвой дебрях. Дыхание у нее перехватило, сердце сильно забилося, и она тесно прижалась к своему защитнику. Но крики в лесу прекратились, и они не могли понять, в чем заключается опасность, пока не выбрались из леса и им не бросилась в глаза фигура, стоящая на краю утеса.

Джихангир Аджа избегнул судьбы, постигшей его воинов, когда железный гигант, внезапно вылезший из ворот, начал плющить, мять и рвать их на куски растащенного на волокна мяса, перемешанного с раздробленными костями. Когда он увидел, как ломаются мечи его лучников об это человекоподобное воплощение силы, он понял, что они столкнулись не с человеческим выродком. Он сразу кинулся прочь, укрываясь в дремучей чащобе, пока не стих шум кровопролития. Затем он прокрался назад к лестнице, но его гребцов внизу уже не было.

Они услышали вопли и, ожидая в нетерпении и тревоге, вдруг увидели на утесе над собой залитое кровью чудовище, размахивающее гигантскими руками в жутком восторге триумфа. Больше им некого было ждать. Когда Джихангир появился на скале, они как раз вплывали в камыши и докричаться до них уже не было возможности. Косатраль убрался — то ли вернулся в город, то ли рыскал по лесу в поисках человека, убежавшего от него за пределы стен.

Джихангир как раз готовился спуститься по лестнице и сесть в лодку Конана, когда увидел гетмана и девушку, выходящих из чащи. Леденящее кровь происшествие, почти разрушившее его планы, не изменило намерений Джихангира по отношению к вожаку козаков. Вид человека, которого он пришел убить, наполнил его радостью,

вознаградившей за пережитое. Его удивило, что с ним была девушка, которую он отдал Джелаль-хану, но он не стал тратить время на нее. Подняв свой лук, он вложил стрелу и выстрелил. Конан присел, и стрела воткнулась в дерево. Смех обуял Конана.

— Собака! — насмешливо бросил варвар. — Ты не можешь попасть в меня. Я родился не для того, чтобы умереть от гирканской стали. А ну-ка! Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джихангир оставил свои безуспешные попытки. Та стрела у него была последней. Он вытащил кривой меч и двинулся вперед, уверенный в своей безопасности, так как на нем был остроконечный шлем и мелкаячеистая кольчуга. Конан встретил его на полпути слепящим выпадом меча. Кривые лезвия скрещивались, вновь взлетали, описывая сверкающие круги, слепили глаза. Октавия, наблюдающая схватку, не успела заметить, когда был нанесен решительный удар, но услышала его звук и увидела, что Джихангир падает, а из его бока, где клинок киммерийца, пробив кольчугу, застрял в позвоночнике, хлещет кровь.

Но вопль Октавии был вызван не смертью ее бывшего хозяина. Обламывая сучья и сгибая деревья, над ними вырос Косатраль Кель. Девушка не могла бежать, громкий стон сорвался с ее губ, колени у нее подкосились, и она упала ничком на дерн.

Конан, нагнувшийся над телом Аджи, не шевельнулся, чтобы скрыться. Перехватив красный от крови меч в левую руку, он вытащил серповидный нож Юетиши. Косатраль Кель вздымался над ним с поднятыми, как кувалды, руками. Но когда лезвие отразило солнечный луч, гигант внезапно отступил.

Однако кровь Конана взыграла. Он стремительно бросился вперед и всадил серповидное лезвие. Оно не отскочило и не изогнулось. Его острие вошло в темный металл, из которого состояло тело Косатраля, как нож мясника или топор в обычное тело. Из глубокого надреза потекла странная жидкость — кровь богов, и Косатраль

издал крик, подобный погребальному звону большого колокола. Его устрашающие руки молотили все вокруг, но Конан, который был стремительнее, чем лучники, погибавшие под этими ужасными расплющивающими ударами, увертывался, колол и рубил вновь и вновь. Косатраль закачался и накренился, его крики рвали слух, как будто металлу был дан язык, выражающий боль, словно железо пронзительно визжало и скрежетало от муки.

Затем, развернувшись, он двинулся в лес, шатаясь и спотыкаясь, проламываясь через кусты и натываясь на деревья. И несмотря на то, что Конан преследовал его со скоростью, которую ему придавала жажда реванша, стены и башни Дагона выступили из-за деревьев раньше, чем он сумел всадить в гиганта кинжал еще раз.

И тут Косатраль снова развернулся, молотя воздух сокрушительными ударами, но Конан, распыленный до бешенства, не собирался отказываться от своего намерения. Как пантера в безвыходном положении сбивает с ног быка-лося, так нырнул он под дубинообразные руки и всадил по рукоятку серповидное лезвие в то место, где у человека находится сердце.

Косатраль зашатался и упал. Он сохранял облик человека, пока был на ногах, но то, что грохнулось на землю, уже потеряло эту форму. Там, где было подобие человеческого лица, уже не было лица совсем, а металлические конечности плавилась и изменялись на глазах... Конан, который не отступал перед живым Косатралем, отшатнулся, побелев, от него мертвого, не в силах наблюдать ужасные превращения. В своей смертной агонии Косатраль Кель снова становился субстанцией, которая ползла вверх из бездны в течение тысячелетий. Давясь от нестерпимого отвращения, Конан отвернулся, чтобы не быть свидетелем этого зрелища, и тут он обнаружил, что башни Дагона больше не просвечивали сквозь деревья. Они растаяли как дым — зубчатые стены, башни, огромные бронзовые ворота, бархат, золото, слоновая кость, темноволосые женщины и бритоголовые мужчины. С уходом сверхъестественной силы, вернувшей их к жизни,

они вновь обратились в прах, которым действительно были в течение бесчисленных веков. Только остатки разрушенных колонн поднимались над обвалившимися стенами, разбитой мостовой и разрушенным куполом. Конан снова видел руины Ксапура, какими он помнил их по прежним временам.

Варвар-гетман некоторое время стоял, подобно статуе, будто в тумане, пытаясь понять хоть что-нибудь в космической трагедии мерцающей эфемерности, называемой человечеством, таинственных форм темноты, посягающих на него, доставляя столько мучений. Потом, услышав собственный голос, прерывающийся от страха, Конан встряхнулся, как бы приходя в себя после тяжелого сна, бросил взгляд на останки этой вещи на земле, содрогнулся и повернул прочь к утесам и девушке, которая ждала его там.

Она со страхом вглядывалась под деревья и встретила его полузадушенным криком облегчения. Он страхнул смутные чудовищные видения, которые на мгновение одолели его, и снова стал самим собой — бурным и любящим жизнь.

— Где он? — передернулась она.

— Убрался обратно в Ад, откуда он и вышел, — отвечал он весело. — Почему ты не спустилась по ступеням и не удрала в моей лодке?

— Я не хотела тебя бросать... — начала девушка, но тут же оборвала себя и добавила довольно мрачно: — Мне некуда идти. Гирканийцы снова утонят меня в рабство, а пираты...

— А что ты скажешь о козаках? — предложил он.

— Неужели они лучше пиратов? — насмешливо спросила она.

Восхищение Конана только возросло при виде того, как хорошо восстановила она равновесие после пережитого ужаса. Ее высокомерие позабавило варвара.

— Кажется, ты так и думала в лагере у Горна, — ответил Конан. — Тогда ты была достаточно бойка.

Алые губки искривились в презрении.

— Неужели ты думаешь, я была влюблена в тебя. Не воображай, что я стала бы позориться с таким варварским вместилищем пива и пожирателем мяса, как ты, если бы меня не обязали делать это. Мой хозяин, труп которого лежит там, заставил меня делать то, что я делала.

— О!

Конан казался удрученным. Затем он рассмеялся, не думая охлаждать свой пыл.

— Неважно. Теперь ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Ты осмеливаешься просить... — начала Октавия сердито и вдруг почувствовала, что ее ноги оторвались от земли, а сама она прижата к мускулистой груди гетмана. Она отбивалась от него неистово, вкладывая в это всю гибкую силу своей восхитительной юности, но Конан только бурно хохотал, опьяненный обладанием этого превосходного создания, извивающегося в его руках.

Он легко сминал ее атаки и пил нектар ее губ со всей необузданной страстью, на которую был способен, пока руки, отталкивающие его, не ослабели и конвульсивно не обвилились вокруг его массивной шеи. Тогда Конан рассмеялся, глядя прямо в чистые глаза, поднятые на него, и сказал:

— Почему бы тебе не предпочесть вожака Свободного Народа воспитанной в городе собаке из Турана!

Октавия откинула свои рыжеватые локоны, еще трепеща каждым нервом от огненных поцелуев варвара. Не расплетая рук, она поддразнила:

— Ты считаешь себя равным Адже?

Конан рассмеялся и, держа девушку на руках, большими шагами двинулся к лестнице.

— Ты сможешь судить сама, — хвастливо бросил киммериец. — Я запалю Хоарезм как факел, чтобы он освещал путь к моему шатру.

Около двух лет Конан остается капитаном «Вастрели», и все это время ему необыкновенно везет. В конце концов другие зингарийские пираты, завидуя успеху затесавшегося в их ряды чужака, высаживают его на побережье Шема, а сами тайно уплывают. Конан решает не уходить далеко от моря. Он узнает, что в районе приморских границ Стигии идет какая-то война, и решает вступить в «Вольное братство» — шайку разбойников под командованием некоего Заралло. Однако вместо набегов и богатой добычи ему приходится нести утомительную, однообразную службу по охране рубежей страны в Сухмете — городе на границе с Черными королевствами. Вино там кислое, пожива — скудная, а черные женщины ему скоро надоедают. Скука кончается с появлением в Сухмете Валерии — женщины-пиратки из «Ватаги Красных братьев», знакомой ему по островам Барача. Но той приходится прибегнуть к круглым мерам, чтобы дать отпор домогательствам стигийского начальника, в результате чего ей приходится бежать. Тогда Конан уходит вслед за ней на юг, в земли чернокожих.

1. Череп на скале

Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала

на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт — ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен.

Местность не выглядела гостеприимной. Маленькое озерко, из которого только что напился конь, обступали огромные деревья. Густой подлесок ограничивал видимость: взгляд тщетно пытался пробиться сквозь мрачные сумерки под величественными кронами. Женщина едва заметно передернула великолепно очерченными плечами и тихо выругалась.

Она была высокого роста, с развитой грудью, а длинные ноги и тяжелые бедра идеально сочетались с узкими плечами. Ее фигура говорила о необыкновенной силе, в то же время каждой своей линией подчеркивая принадлежность к прекрасному полу. Она была женщиной во всем — с головы до пят, и это несмотря на манеры и одежду. Последняя в силу обстоятельств мало чем напоминала изящный наряд. Вместо юбки на ней были короткие широкие штаны из шелка, которые, не доходя до колен, резко сужались; обмотанный вокруг талии шелковый пояс на застежке не давал им сползти вниз. Сапоги мягкой кожи с ярко окрашенным верхом закрывали ноги почти до колен, а рубашка с глубоким вырезом, широким воротником и рукавами завершала костюм. У одного бедра висел прямой обоюдоострый меч, у другого — длинный кинжал. Густые непослушные волосы цвета золота, грубо обрезанные у плеч, были схвачены алой лентой.

Естественная грация тела и яркий наряд в этом мрачном, первобытном лесу казались неуместными, почти нереальными. Ей скорее подошло бы окружение из морского простора, белых облаков и парящих чаек. Дерзкие, жадные глаза словно отражали морскую синеву. Иначе и быть не могло, ибо это была Валерия — воительница из «Ватаги Красных братьев», чьи дела и

походы повсюду прославляют в своих песнях и балладах морские бродяги, стоит им только собраться где-нибудь теплой компанией.

Она попыталась отыскать в плотном лесном покрове брешь, чтобы увидеть хоть краешек неба, но в конце концов отказалась от этой затеи. С прекрасных губ сорвалось проклятие.

Оставив коня, женщина зашагала на восток, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы выдержать направление. Тишина леса действовала угнетающе. Нипения птиц в сплетенных высоко над головой ветвях, ни шороха в кустах — спутника хлопотливой жизни мелких зверюшек. Она прошла уже несколько лиг в этом царстве тишины, и ничто, кроме мягкой поступи ее ног, не нарушало векового покоя.

Валерия предусмотрительно утолила жажду у озерка, но сейчас проснулся голод, и она стала высматривать знакомые плоды, которыми питалась с тех пор, как иссякли запасы пищи в седельных сумках.

Но вот впереди показалась темная скала — будто чудовищный каменный зуб с поверхностью, изъеденной временем, она высилась посреди деревьев-исполинов. Ее вершина терялась в сплошной завесе листвы. Валерия на миг задумалась: судя по виду, скала насквозь прорезала зеленый покров и, значит, взобравшись на нее, можно будет узнать, далеко ли край этого леса... если только у него действительно есть хоть какой-нибудь предел: после стольких дней путешествия под темным сводом надежды выбраться на открытую местность почти не осталось.

Узкий кряж, протянувшийся по крутому склону, позволял без особых хлопот подняться к вершине. Одолев около пятидесяти ярдов, Валерия вплотную приблизилась к зеленому поясу. Мощные стволы высились чуть поодаль, но их нижние ветви, дотянувшись до склонов, оплетали скалу густой листвой. Валерия поднималась все выше, пробираясь среди ветвей и листьев, уже потеряв из виду землю и не подозревая о том,

что может ожидать ее через фут, как вдруг увидела голубой лоскуток неба; еще минута — и ее залили жаркие лучи солнца.

Она стояла на широком уступе, от ее ног убегали вдаль волны зеленого моря. С уступа кверху взметнулся острый шпиль, венчавший скалу, на которую она взобралась. Глядя на солнце, она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг опустила голову: в сухих листьях, толстым ковром устилавших площадку, ее носок задел что-то твердое. Она быстро расшвыряла ногами листья, и ее глазам открылся человеческий скелет. Опытным взглядом женщина пробежала по выбеленным костям, но не нашла ни переломов, ни прочих признаков насилия. Выходит, человек умер естественной смертью, правда, оставалось неясным, зачем за этим надо было лезть на высокую скалу.

Валерия поднялась к вершине шпиля и, примостившись на крохотном козырьке, прижавшись к камню, окинула взглядом горизонт. Тесные ряды крон, напоминавшие с ее наблюдательного пункта неровный зеленый пол, сверху были так же непроницаемы, как и снизу. Даже озерко, возле которого она оставила коня, отсюда не было видно. Она посмотрела на север, откуда пришла, но увидела все тот же океан растительности, лишь у самого горизонта голубела размытая линия — напоминание о горной гряде, пройденной несколько дней назад еще до того, как ее поглотила эта зеленая пустыня.

За исключением полосы гор, на востоке и на западе — картина та же. Но стоило ей перевести взгляд на юг, как ее тело застыло в напряжении, дыхание перехватило. Уже через милю лес в той стороне начинал быстро редеть и, резко обрываясь, сменялся голой равниной, густо поросшей кактусами. А посреди ее высились стены и башни города. Не в силах сдержать изумления, Валерия вычурно выругалась. Увиденное превзошло самые смелые расчеты. Она не удивилась бы, окажись тут поселение людей: что-нибудь вроде

скопления хижин — обычное стойбище чернокожих или похожие на груды каменных обломков жилища смуглых аборигенов, принадлежавших к неведомой расе, по преданиям, в незапамятные времена заселившей этот регион. Но обнаружить город здесь, за многие недели пути до ближайшего форпоста цивилизации — этого она ожидала меньше всего.

Валерия с трудом оторвала взгляд от неожиданного зрелища. Все еще хмурясь в нерешительности, она проворно спустилась на уступ. Пожалуй, в своем бегстве она зашла слишком далеко — далеко от лагеря наемников, расположенного посреди саванны у пограничного города Сухмет, где пестрое сборище отчаянных словорезов охраняло стигийские рубежи от набегов дикарей, красными волнами накатывавшихся из Дар-фара. Ее бегство в совершенно незнакомую страну походило на бегство слепца. И сейчас она колебалась между сильным желанием, вернувшись к коню, отправиться прямо в город и инстинктом самосохранения, который подсказывал, что самое разумное — незаметно обогнуть его и в одиночестве продолжить путь.

Ход рассуждений прервал шорох сухих листьев за спиной. Она круто обернулась — в глазах блеск дикой кошки, рука на эфесе меча — и застыла, пораженная, уставившись на стоявшего перед ней воина.

Ростом едва ли не с великана, он обладал железными мускулами, буграми вздувшимися под гладкой, потемневшей под лучами солнца кожей. На нем была почти та же одежда, за той лишь разницей, что вместо пояса талию стягивал широкий кожаный ремень. Палаш и кинжал дополняли картину.

— Конан-киммериец! — воскликнула женщина. — Ты здесь откуда? Преследуешь меня?

Он грубо усмехнулся; голубые глаза варвара жадным взглядом окинули идеальные формы, задержавшись на прекрасных округлостях груди под легкой рубашкой и на полосе обнаженного тела между штана-

ми и мягкими голенищами сапог; в его темных лучах вспыхнул огонь, понятный любой женщине.

— Не догадываешься? — он рассмеялся. — Или я недостаточно намекал на свои чувства с самой нашей первой встречи?

— Куда уж яснее — жеребцы все одинаковы! — она презрительно передернула плечами. — Но я никак не ожидала встретить тебя здесь, вдали от мисок и пивных бочек Сухмета. Ты что же, в самом деле покинул ради меня лагерь Заралло? А может быть, тебя просто вышвырнули за воровство?

Он лишь расхохотался на ее оскорбительный тон и согнул руки — под кожей заходили бугры мускулов.

— У Заралло не хватило бы всего это сброды, чтобы выставить меня из лагеря. — Он широко ухмыльнулся. — Разумеется, я ушел сам. Ты, кстати, тоже не промах! Ты хотя бы знаешь, что, поцарапав стигийского начальника, ты потеряла расположение Заралло, а в Стигии тебя объявили вне закона?

— Знаю, — мрачно ответила она. — А что мне оставалось? Я ему повода не давала, так что нечего было на меня набрасываться.

— Ну да, — согласился Конан. — Будь я поблизости, сам перерезал бы ему горло. Но когда женщина живет в лагере воинов-мужчин, она должна быть готова к подобным наскокам.

Валерия в ярости топнула ногой и выругалась.

— Почему мужчины не оставят меня в покое, не дадут жить свободной — так, как живут сами?

— Ну, это как раз понятно! — И вновь его глаза жадно прошлись по ее телу. — Хорошо, что у тебя хватило ума сбежать из лагеря, иначе стигийцы содрали бы с тебя живую кожу. Брат убитого погнался за тобой и, я уверен, догнал бы. Он почти настиг тебя, когда мы встретились. У него была хорошая лошадь — гораздо лучше твоей. Еще несколько миль — и он перерезал бы тебе горло, — киммериец умолк.

— Ну?

— Что ну? — Он сделал изумленное лицо.

— Что с ним случилось?

— Не догадываешься? — Он пожал плечами. — Конечно, я убил его — надо же и грифов подкармливать. Из-за этой заминки я едва не потерял твой след, пока ты переваливала через горы. А иначе догнал бы много раньше.

— И что думаешь делать? Потасишь меня в лагерь к Заралло? — Она недобро усмехнулась.

— Не мели ерунды! — отрезал он. — Уймись, девочка, и не гляди злою. Разве я похож на того стигийца, которого ты так неосторожно пощекотала ножичком? По-моему, нет.

— Бродяга с дырявыми карманами! — Она хотела уколоть его, но варвар только расхохотался.

— Ты бы на себя оглянулась! У самой не хватит денег даже на заплату на заднице. Кривись на здоровье, но меня не проведешь. Тебе прекрасно известно, что совсем недавно под моим началом было больше кораблей и людей, чем ты имела за всю свою жизнь. А что до пустых карманов... так где ты видела морского бродягу, который дрожал бы над монетами? Того золота, что я просадили в портовых тавернах, хватило бы, чтобы набить им галеон. Да что я говорю — сама знаешь.

— И где же они — те грозные корабли и отважные корсары, которыми ты командовал? — усмехнулась Валерия.

— Большей частью — на дне моря! — беспечно ответил он. — Последний корабль потопили зингарцы недалеко от побережья Шема — вот почему я оказался в Вольном братстве Заралло. Но притопав в лагерь на границе с Дарфаром, я убедился, что меня подло надули. Жалованье — нищенское, вино — кислятина, о чернокожих красотах я вообще не говорю: какую ни возьми, так обязательно зубы подпилены, в носу — кольцо! Бр-р-р! А ты как очутилась у Заралло? Ведь от соленой воды до Сухмета путь не близкий!

— Красному Орто взбрело в голову затащить меня себе в постель, — угрюмо ответила она, опуская глаза. — Вот я и прыгнула как-то ночью за борт, когда мы стояли на якоре неподалеку от кушитского берега. А на берегу повстречала купца-шемига, который и сказал, что Зараллю увел своих Вольных братьев на юг к границе с Дарфаром. Ничего лучшего не предвиделось, вот я и примкнула к каравану, идущему на восток, и в конце концов добралась до Сухмета.

— Надо было совсем рехнуться, чтобы искать спасения на юге, — задумчиво сказал киммериец. — А с другой стороны, ты поступила весьма благоразумно: никому и в голову не придет искать тебя здесь. Один брат убитого взял верный след, и то благодаря лишь случаю.

— Ну хорошо, что дальше? — решительным тоном потребовала Валерия.

— Повернем на запад. Мне приходилось забираться так далеко на юг, но чтобы еще и к востоку — такого пока не случалось. Через много дней пути мы выйдем на открытую саванну, где племена чернокожих пасут свои стада. У меня среди них есть друзья. Оттуда доберемся до побережья и найдем подходящий корабль. Я уже по горло сыт джунглями.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она. — Счастливого пути! А у меня на этот счет свои соображения!

— Не будь душой! — Впервые Конан повысил голос. — Мало ты плутала по этому лесу, хочешь еще?

— Почему бы и нет?

— Что-то задумала?

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ошибаешься, — уже ровным тоном ответил он. — Не для того я забрался в такую глушь, чтобы возвращаться с пустыми руками. Подумай хорошенько, девочка. Я не желаю тебе зла.

Он сделал шаг вперед — она отпрыгнула и выхватила меч.

— Не прикасайся ко мне, пес! А то насажу на меч, как поросенка на вертел!

Он нехотя подчинился.

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя игрушку и отшлепал непослушную по попке?

— Слова! Одни слова! — Девушка в открытую издевалась над ним, в дерзких глазах солнечными лучиками по голубой воде плясали огоньки.

Она была права. Никто из живущих не смог бы разоружить Валерию из Братства голыми руками. Варвар нахмурился: его одолевали противоречивые чувства. Глупое упрямство девушки вызывало раздражение, в то же время присутствие духа восхищало его. Он сгорал от страсти: хотелось крепко прижать, стиснуть в своих железных объятиях ее соблазнительное тело, но больше всего он боялся причинить ей боль. Варвар буквально разрывался между грубым желанием и нежностью к ней. Он знал: еще один шаг — и ее меч пронзит его сердце. Слишком часто он наблюдал, с какой легкостью Валерия справляется в пограничных стычках с врагами, чтобы иметь на этот счет какие-то сомнения. В бою она была стремительна и беспощадна, как тигрица. Конечно, можно вытащить палаш и выбить меч из ее рук, но сама мысль поднять оружие на женщину, пусть и без худых намерений, вызывала в его душе крайнее отвращение.

— Чтоб ты пропала со своим упрямством! — взорвался он. — Ну да я доберусь до тебя!

Не помня себя от ярости и страсти, он рванулся вперед, девушка изготовилась для смертельного удара, но вдруг развязка — неожиданная, страшная — прервала эту трагикомическую сцену.

— Что это?!

Голос принадлежал Валерии, но содрогнулись оба. Конан круто повернулся — огромный меч в руке, весь комком мускулов и нервов. Внезапно тишину леса разорвали жуткие вопли смертной муки, ужаса, агонии — это ржали их лошади. К этим звукам примешивался

еще один — громкий хруст, словно кто-то перемалывал кости мощными челюстями.

— Львы пожирают наших лошадей! — воскликнула Валерия.

— Какие там львы! — Конан сверкнул глазами. — Или ты слышала львиное рычание?! Нет? Я тоже нет! И потом, лев не стал бы поднимать такой шум из-за какой-то лошади. Да еще этот хруст...

Киммериец начал быстро спускаться по естественному кряжу, Валерия — следом. Вражда была забыта, перед лицом таинственной опасности оба искателя приключений из противников моментально превратились в союзников. Едва они миновали листовую завесу, как отчаянное ржание стихло.

— Я обнаружил твою лошадь у пруда, привязанную к дереву, — говорил он, ступая без малейшего шума — не удивительно, что его появление там, на скале, застало ее врасплох. — Я привязал свою рядом и пошел по следу твоих сапог... Тихо! Замри и слушай!

Они спустились чуть ниже зеленого пояса и сейчас, прильнув к скале, напряженно вглядывались в густой подлесок. Над их головами раскинулся сумрачный шатер из ветвей и листьев. Под ними скудный свет, пробившийся сквозь сплетенные заросли, окрашивал все в приглушенные зеленые тона. Стволы гигантских деревьев, высившихся менее чем в ста ярдах от скалы, призрачно темнели в полумраке.

— Лошади там, за молодым подлеском, — прошептал Конан, и в неподвижной тишине его голос ветерком прошелся среди ветвей. — Вот, слышишь?

И Валерия услышала. По ее спине пробежал холодок, не сознавая того, она положила свою белую руку на мускулистое загорелое плечо варвара. Со стороны зарослей вместе с хрустом костей и треском раздираемой плоти доносилось громкое чавканье — звуки ужасного пиршества.

— Лев не наделал бы столько шума, — прошептал Конан. — Кто-то пожирает наших лошадей, но только не лев... Великий Кром!

Внезапно чавканье смолкло. Конан выругался: нехотая поднявшийся ветерок дул прямо в сторону невидимого убийцы.

— Идет! — едва слышно сказал Конан, приподняв меч.

Молодые деревца дрожали, некоторые бешено раскачивались. Валерия, прижавшись к варвару, вцепилась в его руку. Незнакомая с обитателями джунглей она все же понимала, что ни одно из известных животных не смогло бы раскачивать крепкий подлесок так, точно оно пробиралось по тростниковым зарослям.

— Должно быть, не меньше слона, — пробормотал Конан, как бы отвечая на ее мысли. — Пусть только эта тварь... — Он вдруг осекся, пораженный.

Из чащи высунулась голова — настоящее порождение безумия и ночного кошмара! Оскаленная пасть открывала два ряда острых желтых клыков, отвратительная морда древнего ящера была вся изборозжена морщинами. Глаза — как у питона, но в тысячу раз больше — не мигая смотрели на двух оцепеневших от ужаса людей на скале. С отвислого, в чешуйках, края огромной пасти на землю впережку со слюной стекала кровь.

Голова — намного больше, чем у аллигатора, была насажена на длинную чешуйчатую шею, из которой в несколько рядов торчали зазубренные шипы, а дальше, ломая ветки и деревья, неуклюже переваливалось туловище твари — исполинская туша с выпяченным, словно бочонок, брюхом на нелепо коротких ножках. Белеющее брюхо едва не стлалось по земле, в то время как острия шипов на хребте торчали так высоко, что до них не дотянулся бы и самый рослый из людей. Длинный, усеянный шипами хвост волочился по земле.

— Вверх, живо! — крикнул Конан, толкнув девушку за спину. — Вряд ли оно лазает по скалам, но если встанет на задние лапы, то запросто до нас дотянется!

Круша деревья и кустарник, чудовище двинулось к скале — к людям. Оба взлетели по откосу, точно гонимые ветром сухие листья. Уже на границе с зеленым поясом Валерия решила оглянуться — их опасения оправдались: встав на дыбы, огромная тварь тянулась к ним раскрытой пастью. Сердце отважной женщины захлестнул ужас, кровь в жилах обратилась в лед. На задних лапах чудовище казалось еще огромнее, его плоская голова подпирала лиственный свод. Вдруг ей в запястье железными клещами впились пальцы Конана, она почувствовала, как ее тащат вверх, в спасительный покров и дальше — на солнечный свет. И вовремя! Не успели они взобраться на уступ, как чудовище с такой силой обрушилось передними лапами на скалу, что каменная глыба под их ногами задрожала.

За спинами беглецов раздался страшный треск. Не останавливаясь, они быстро оглянулись, и Валерия едва не закричала: словно в ночном кошмаре среди листвы торчала голова чудовища — в глазах безжалостный огонь, пасть широко раскрыта! Не помня себя, они взлетели на уступ. Гигантские челюсти с клещами сомкнулись чуть ниже их ног, и голова, погрузившись в зеленые волны, скрылась с глаз.

Заглянув в образовавшуюся брешь с обломанными по краям ветвями, царапавшими о скалу, они увидели зверя — тот сидел на задних лапах у подошвы склона, его глаза не мигая смотрели на людей.

Валерия содрогнулась.

— Как ты думаешь, долго он там будет торчать?

Конан легонько пнул выбеленный череп, шурша сухими листьями, тот откатился в сторону.

— Этот парень, как видно, взобрался сюда, чтобы укрыться от него... или от другого такого же. Похоже, он просто умер с голоду. Все кости целы. Скорее всего — это дракон, о них упоминается в легендах черно-

кожих. И если это так, — что очень похоже на правду, — то он не уйдет, пока мы оба не умрем.

Валерия в растерянности посмотрела на киммерийца — от ее прежней ярости не осталось и следа. Всеми силами она пыталась справиться с охватившим ее отчаянием. Ей незачем было доказывать свою храбрость, нередко доходившую до безрассудства: тысячу раз в самых беспощадных схватках на суше и на море, на скользких от крови палубах горящих кораблей, при штурме городских укреплений, на прибрежных пляжах, где головорезы из «Ватаги Красных братьев» отстаивали свое право на лидерство зубами, ножами и мечами, — везде она была не из последних. Но от неизбежной страшной участи стыла кровь. Глубокая рана от бордажной сабли по сравнению с этим представлялась царапиной: вот так сидеть на голой скале, сложа руки, бессильная что-либо изменить и покорно ждать, пока не сгинешь от голода, а внизу эта ископаемая тварь, каким-то чудом сохранившаяся с допотопных времен, — от одной мысли об этом рыдания подкатывали к горлу.

— Ведь должен же он пить и есть — может, тогда уйдет? — высказала робкое предположение девушка.

— Для этого не надо уходить далеко, — отозвался Конан. — Он только что сожрал лошадей и теперь, как и все змеи, еще долго сможет обходиться без еды и питья. Спать после еды ему тоже не обязательно. Единственное, что нам на руку, так это то, что сюда ему нипочем не забраться.

Речь Конана звучала спокойно, без надрыва. Он был варваром, и невероятная выносливость дикаря, унаследованная от предков, органично сочеталась в нем и с низменной страстью к женщине и с бешеной яростью к врагам. Загнанный в угол, он проявлял хладнокровие, немыслимое с точки зрения цивилизованного человека.

— Может быть, нам перелезть на дерево и передвигаться по кронам вроде обезьян? — В ее голосе уже слышалось отчаяние.

Он покачал головой:

— Я уже думал об этом. В том месте, где ветки подступают к скале, они слишком тонкие и не выдержат нашего веса. А кроме того, сдается мне, что эта тварь может повалить любое из растущих здесь деревьев.

— Так что же — будем сидеть на задницах и ждать, пока не передохнем с голода, как этот? — в ярости крикнула она и пнула по черепу — стуча по камням, тот улетел вниз. — Лично я против. Вот спущусь сейчас и отрублю башку этой гадине!

Конан уселся на каменный зуб, торчащий у основания шпилья. Глядя снизу вверх, он залюбовался на морщинку гнева, на блеск в голубых глазах и на все ее сильное, жаждущее действия тело; однако, понимая, что в таком состоянии она способна на любое безрассудство, когда он заговорил, голос звучал ровно, даже чуть пренебрежительно.

— А ну сядь! — Схватив за руку, он рывком усадил ее себе на колено. Валерия так удивилась, что даже не подумала сопротивляться, а Конан, легко отобрав у девушки меч, отправил его обратно в ножны. — Угломонись! Ты лишь затупишь клинок о его панцирь. Да он заглотнет тебя целиком, а не то поведет своим шипастым хвостом — и выпустит наружу кишки. Понятно, что так или иначе, но выбираться надо, но только не через брюхо этой твари.

Она ничего не ответила, даже не сделала попытки сбросить его руку, успевшую обвить ее тонкую талию. Ее охватил страх, а это чувство было слишком ново для Валерии из «Ватаги Красных братьев». Итак, она по-прежнему, слегка понурившись, сидела на его коленях — товарищ по несчастью или... пленница? — сидела с таким покорным видом, что оказалась рядом Заралло, по мнению которого Валерия явилась не иначе как из серала князя Тьмы, тот был бы повержен в глубокий шок.

Конан рассеянно поигрывал локонами золотистых волос, словно без остатка отдавшись наслаждению от своей победы. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия: ни скелет у его ног, ни страшное чудовище внизу.

Пытливые глаза девушки, скользящие по листве, заметили на фоне общей зелени какие-то пятна. Это были плоды — большие пурпурные шары, висющие на ветках дерева с необычайно густой ярко-зеленой листвой. Она вдруг почувствовала голод и жажду, и если чувство голода еще можно было как-то подавить, то от сознания, что внизу, на пути к озеру ее подстерегает смерть, жажда только усиливалась.

— Пожалуй, голод нам пока что не грозит, — сказала Валерия. — Я вижу фрукты, и до них нетрудно дотянуться, — она указала на пурпурные шары.

Конан тоже взглянул на дерево.

— Точно, и после такой закуски нам уже будут не страшны зубы дракона, — проворчал он в ответ. — Чернокожие из Куша называют их яблоками Деркетто. Деркетто у них — Королева мертвецов. Если хлебнешь глоток сока или прольешь его на кожу, то не успеешь спуститься к нашему приятелю, как превратишься в труп.

— Ну да!

Девушка погрузилась в мрачное молчание. «Как ни крути, — угрюмо размышляла она, — а от судьбы не уйдешь. Неужели конец?» Она не видела ни малейшей возможности избежать смерти, а Конан, похоже, прочно завладел ее талией и ни о чем другом не помышляет. Если у него в голове и зреет план, то по виду никак этого не скажешь.

— Если уберешь с меня свои лапы и забереешься на шпиль, — в конце концов не выдержала она, — то увидишь нечто интересное.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, затем, пожав литыми плечами, нехотя последовал ее совету.

Обхватив руками заостренную вершину, он посмотрел вверх деревьев.

Долгое время он молчал — неподвижный, весь устремленный вдаль, загорелое, мускулистое тело в лучах солнца отливало бронзой.

— Город, и весьма приличный, — наконец сказал он. — Не туда ли ты собиралась отправиться, спроводив меня на побережье?

— Я знала о нем еще до твоего появления. Но когда бежала из Сухмета, то и понятия не имела о его существовании.

— Кто бы мог подумать, что здесь окажется город? Вряд ли стигийцы забрались так глубоко в джунгли. Неужели он — творение рук чернокожих? И ни одного стада на равнине, земля не возделана, да и людей не видно.

— Да разве на таком расстоянии что-то увидишь!

В ответ он только пожал плечами и прыгнул на уступ.

— В любом случае горожане нам помочь не смогут. А если б и могли, то вряд ли захотели бы. Жители Черных королевств враждебно относятся к чужестранцам. Как правило, все их гостеприимство уместается на острие копья.

Он осекся, точно вдруг потерял нить разговора. Сдвинув брови, Конан молча уставился на пурпурные шарик, слабо мерцающие на солнце среди листвы.

— Копье! — пробормотал он. — Ну и осел же я, что не додумался до этого раньше! Вот вам наглядный пример того, как хорошенькая женщина превращает нормального мужчину в последнего дурака!

— Ты это о чем? — оживилась Валерия.

Не удостоив ее ответом, Конан спустился до зеленого пояса и заглянул в брешь. Огромный зверь все в той же позе неподвижно сидел у подножия скалы, его тупое упрямство рептилии нагоняло тоску и страх. Вот так же, может быть, один из его предков десятки, сотни тысяч лет назад следил немигающим взглядом за пер-

вобытными людьми, загнанными на высокую скалу. Конан деловито выругался и принялся срезать ветки, стараясь дотянуться ножом как можно дальше. Волнение и шорох листвы пробудили чудовище от апатии. Оно встало на четыре лапы, ужасный хвост пришел в движение, ломая молодые деревья, словно сухой тростник. Конан настороженно следил за ним краем глаза, и как только Валерия вскрикнула, увидев, что дракон готовится встать на дыбы, варвар быстро вскарабкался на уступ вместе со своим трофеем. Всего веток было три — упругие, каждая около семи футов длины и толщиной с его большой палец. Вместе с ним он срезал несколько нитей гибких, тонких лиан.

— Для древков копий эти ветки слишком легкие, а лианы не толще бечевы, — пояснил он, кивнув на растительность внизу. — Ни те, ни другие не выдержат нашего веса, но сила — в единстве. Так говорили нам, киммерийцам, отступники из Аквилонии, когда явились в наши горы с намерением собрать войско, чтобы вторгнуться и покорить свою же родину. Но мы привыкли драться кланами и племенами.

— Может, объяснишь, что общего между твоей болтовней и этими палками? — спросила она.

— Имей терпение.

Собрав прутья в плотный пучок, он вставил с одного конца свой кинжал острием наружу и туго перевязал пучок в нескольких местах нитями лиан. Когда он закончил, перед ним лежало копье не менее грозное, чем настоящее, с таким же длинным и прочным древком.

— Нам-то в нем что за польза? — Она по-прежнему ничего не понимала и потому говорила раздраженно. — Сам же говорил, что его чешую не пробьешь.

— Ну, не везде же у него чешуя, — ответил Конан. — Есть много способов освежевать пантеру.

Снова спустившись к лиственному поясу, он приподнял копье и, как можно осторожнее проткнув острием одно из яблок Деркетто, сразу отступил назад,

чтобы пурпурные капли из сочащегося соком плода не попали на кожу. Подержав так некоторое время копье, он вынул острие и показал девушке голубую сталь — всю в темно-красных пятнах.

— Не знаю, поможет это или нет, — сказал он, — но на этом лезвии сейчас столько яда, что хватило бы свалить слона. Что ж, сейчас увидим.

Киммериец начал спуск. Валерия не отставала от него ни на шаг. Вот они уже недалеко от нижней границы зеленого пояса. Отведя острие подальше от себя и девушки, Конан высунул голову в брешь, проделанную в листве чудовищем, и обратился к тому с такой речью:

— Какого рожна ты еще дожидаясь, ты — полонный недоносек бессильных родителей? — Для начала он выбрал одно из самых мягких своих обращений. — А ну живо подними свою уродливую бабку, длинношею тварь, если не хочешь, чтобы я спустился и выкосил мечом колючки у тебя на спине!

Он добавил еще кое-что. От его красноречия глаза Валерии полезли на лоб, лицо залила краска — и это несмотря на то, что по части ругани эта женщина прошла превосходную школу на палубе морского корсара. Чудовище тоже не осталось безучастным. Подобно тому, как непрерывное, надоедливое твяканье шавки сначала беспокоит, потом раздражает и в конечном счете приводит в бешенство солидных толстокожих молчунов, точно так же крикливые, резкие интонации человеческого голоса в одних животных будят страх, в других же — слепую ярость. Совершенно неожиданно с немыслимым для такой тупи проворством зверь поднялся на задние лапы и жуткой мордой потянулся к человеку; крохотный мозг захватило одно желание: достать и уничтожить этого горластого пигмея, нарушившего вековой покой древнего царства.

Однако Конан точно рассчитал расстояние: мощная голова зверя, с треском войдя в сплетение ветвей и листьев, остановилась за пять футов от людей. Чудо-

вище разинуло огромную змеиную пасть, и в этот миг Конан вонзил копье в угол пасти прямо в челюстный сустав! Удар был нанесен сверху, обеими руками и со всей силы; длинное лезвие кинжала по самую рукоятку вошло в мякоть, сухожилия и кость.

Челюсти конвульсивно сомкнулись, и, потеряв равновесие, с огрызком древка в руках Конан начал заваливаться на бок. Его спасла Валерия: в самый последний момент она успела ухватиться за ремень варвара. Вцепившись в каменный выступ и вновь обретя устойчивость, он с ухмылкой пробормотал слова благодарности.

А внизу, будто пес с запорошенным перцем глазами, ползало по земле чудовище. Широко разевая клыкастую пасть, оно то раскачивало головой, то обхватывало ее передними лапами, то принималось возить ею по земле. Наконец, сумев каким-то образом зацепить лапой за обломок древка, оно выдернуло застрявший клинок. Затем чудовище подняло голову — пасть широко раскрыта, из раны потоком кровь — и уставилось на скалу с выражением такой осмысленной, такой лютой ненависти в глазах, что Валерия вся задрожала и схватилась за меч. Чешуйки на боках и на спине из ржаво-коричневых стали темно-красными, но что самое ужасное — чудовище подало голос! Того, что изрыгала эта окровавленная пасть, ни Конан, ни Валерия никогда в жизни не слышали.

С диким, режущим слух ревом дракон бросил свое тело на скалу — цитадель врагов. Снова и снова ужасная голова устремлялась вверх, пытаясь пробиться за зеленый свод, хватая пастью ветви, листья, воздух. От мощных ударов исполинской туши скала содрогалась до самого основания. Встав на дыбы, чудовище обхватило ее передними лапами, пытаясь, словно дерево, выдернуть каменный зуб из земли.

При виде необузданной животной ярости кровь стыла в жилах Валерии, однако Конан оставался спокоен: варвар не испытывал ничего, кроме всепоглощающего

интереса. С точки зрения варвара пропасть, разделявшая его и других людей от животных, была не так велика, как она представлялась Валерии. Для Конана беснующееся внизу чудовище являлось не более чем одной из форм жизни, лишь внешне отличавшееся от него самого. Наделяя зверя человеческими чертами характера, он видел в его ярости свой гнев, в рычании и вое — подобие той ругани и тех проклятий, которыми он осыпал его недавно. Благодаря смутному ощущению близкого родства со всеми дикими тварями, включая драконов, ему было неведомо чувство расслабляющего ужаса, захлестнувшее Валерию, впервые столкнувшуюся с первобытной свирепостью.

Конан невозмутимо сидел на камне, не сводя глаз со зверя, время от времени отмечая едва заметные перемены в голосе, движениях и цвете чешуи.

— Яд начинает действовать! — наконец убежденно сказал он.

— Я ничего не вижу. — Валерии казалась нелепой сама мысль, что какой-то плод, пусть и ядовитый для всего живого, может хоть как-то подействовать на эту гору беснующихся мускулов.

— Я слышу в голосе боль, — пояснил Конан. — Сначала была просто ярость от занозы в пасти. Сейчас его грызет яд, и зверь это чувствует. Видишь? Он споткнулся. Еще несколько минут — и он ослепнет... Ну, что я говорил?

Внезапно дракон опустился на все четыре лапы и, пошатываясь, с треском ломая подлесок, стал удаляться от скалы.

— Он вернется? — с тревогой спросила Валерия.

— Он пошел к озеру! — Конан вскочил на ноги — весь энергия и решимость. — Яд пробудил жажду. Быстро! Тварь скоро ослепнет, но сможет найти дорогу обратно по запаху и если снова нас здесь учует, то будет сидеть под скалой, пока не издохнет. А на вопли одной могут сойтись и другие. Идем!

— Как, вниз?! — У Валерии аж подкосились ноги.

— Куда ж еще? Надо бежать в город. Там нам, может статься, отрубят головы, но это единственный шанс на спасение. Конечно, на пути могут попасться и другие драконы, но оставаться здесь — верная смерть! Если будем ждать, пока подойдет этот, то как бы потом не пришлось иметь дела с дюжиной его сородичей. За мной, да пошевеливайся!

Он заскользил вниз по откосу — легко и быстро, как обезьяна, останавливаясь лишь затем, чтобы помочь своей менее ловкой спутнице. И вновь Валерия была уязвлена; на этот раз той уверенностью, с какой варвар чувствовал себя на почти отвесном склоне, — а ведь она-то воображала, что ни среди корабельных вантов, ни на скалах она ни в чем не уступает мужчинам!

Они спустились в полумрак под лиственным покровом и скоро бесшумно скользнули на землю, хотя Валерия была убеждена, что удары ее сердца слышны едва ли не мило. Со стороны озера из-за густых зарослей доносились лакание вперемежку с бульканьем: дракон утолял жажду.

— Он вернется, как только зальет в брюхо достаточной воды, — прошептал Конан. — Могут пройти часы, прежде чем яд убьет его... если вообще убьет.

Где-то далеко за лесом садилось солнце. Весь в таинственных сумерках, в пятнах черных теней и размытых прогалин, лес словно затаился, готовя людям страшную участь. Сжав запястье Валерии, Конан заскользил прочь от подножия скалы. Он поднимал не больше шума, чем ветерок, овевающий стволы деревьев, но Валерии казалось, что топот ее сапог из мягкой кожи разносится по всему лесу.

— Не думаю, чтобы он мог идти по следу, — на бегу прошептал Конан, — но если ветер донесет наш запах, он нас обнаружит.

— О милосердный Митра, не дай ветру поднять-ся! — выдохнула Валерия.

Лицо девушки смертельно-бледным овалом выделялось на фоне мрака. Свободной рукой она схватилась за меч, но прикосновение к рукоятке в шагреновой коже вызвало в ней лишь ощущение беспомощности.

Они все еще находились довольно далеко от кромки леса, как вдруг услышали за собой грозный топот и треск ломающихся деревьев. Валерия закусила губу, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Он все-таки взял след! — в отчаянии прошептала она.

Конан покачал головой.

— Зверь не учуял нас у скалы и сейчас вслепую тычется по лесу в поисках запаха. Быстрее! Сейчас одно спасение — город! На дереве не спрячешься: он легко повалит любое. Только бы не поднялся ветер...

Не сбавляя шага, они крались вперед, и наконец лес впереди немного поредел. Позади остался непроглядный океан теней, и откуда-то из его глубин доносился зловещий шум: дракон не оставлял попыток набрести на запах своих врагов.

— Равнина... уже близко! — Она ловила воздух широко раскрытым ртом. — Еще немного — и мы будем...

— Великий Кром! — прорычал Конан.

— О милосердный Митра! — голос Валерии дрогнул.

С юга, быстро усиливаясь, поднимался ветер. Обтекая людей, он дул прямо в черные дебри за их спинами. И тут же лес содрогнулся от мощного рычания. Беспорядочное топание и треск сменились непрерывным, все нарастающим грохотом: круша деревья и кустарник, дракон приближался к источнику ненавистного запаха.

— Бежим! — рявкнул Конан, глаза его сверкнули, как у загнанного волка. — Вдруг успеем!

Моряцкая обувь не очень-то пригодна для быстрого бега, а пиратский образ жизни не располагает к карьере бегуна. Уже через сотню ярдов Валерия начала задыхаться, она то и дело спотыкалась о торчащие из земли

корни, а за их спинами глухой топот и треск перешел в громовые раскаты: чудовище из плотных зарослей вырывалось на прореженное пространство.

Железная рука Конана обхватила талию женщины, изящные ноги в кожаных сапогах едва касались земли. Влекомая своим гигантским спутником, она словно парила с такой скоростью, какую никогда не сумела бы развить сама. Если бы хоть на минуту пропал запах — скажем, утих бы ветер, но нет, тот упорно дул с юга, и, быстро оглянувшись, Конан увидел, как чудовище неотвратно приближается подобно боевой галере впереди урагана. Тогда варвар отбросил Валерию с такой силой, что та, нелепо размахивая руками, улетела не меньше чем на дюжину шагов в сторону, где приземлилась на кучу сухих листьев у подножия мощного ствола. Избавившись от девушки, киммериец круто обернулся навстречу рычащему титану.

Уверенный, что смерть — в считанных ярдах, готовая его пожрать, варвар поступил так, как подсказала ему мать-природа: с мечом в руке он бросился прямо к нависшей над ним жуткой пасти! Подпрыгнув, он со страшной силой опустил свой меч на морду чудовища, тонкие пластинки не выдержали, из рассеченного мяса хлынула кровь. И в тот же миг он получил такой удар, что пролетел кувырком пятьдесят ярдов — без многих чувств, с душой, чудом удержавшейся в теле.

Как он сумел подняться — то навсегда осталось тайной, непостижимой и для самого киммерийца. В мозгу занозой сидела одна мысль: как там Валерия — беспомощная, может, без сознания, в считанных ярдах в стороне от протопавшего мимо зверя; и не успел воздух со свистом ворваться в его глотку, как он уже стоял над ней, сжимая в руке верный меч.

Девушка лежала там же, куда он ее отбросил, делая лишь слабые попытки сесть. Ни острые шипы хвоста, ни всеокрушающие лапы ее не коснулись. Самому Конану, судя по всему, досталось от предплечья или передней лапы чудовища. От резкой боли наступающей

агонии слепой зверь потерял интерес к жертвам, чей запах он вынюхивал огромными ноздрями, и с треском протопал дальше. Подобно лавине, сметая все на своем пути, он мчался по прямой, пока его опущенная к земле голова не врезалась в ствол гигантского дерева. От страшного удара дерево со скрежетом повалилось на землю, одновременно раздался жуткий треск — то лопнул череп зверя. Исполинское чудовище и дерево упали рядом, а люди, пораженные ужасным зрелищем, молча взирали, как дрожат листья, под которыми билась в предсмертной агонии доисторическая тварь. Затем все стихло.

Конан помог Валерии подняться, и оба, заваливаясь то направо, то налево, побежали прочь от страшного места. Через несколько минут лес кончился: перед ними, залитая сумрачным светом, лежала открытая равнина.

На мгновение прервав бег, Конан бросил взгляд назад на непроницаемую чащу леса. Ни щебета птиц, ни дрожания листьев. Угрюмый и молчаливый, лес стоял, как он стоял сотни тысяч лет назад задолго до появления человека.

— Вперед! — прохрипел Конан, хватая девушку за руку. — Еще не кончено! Что если другая тварь выйдет из леса и...

Продолжать было незачем...

Казалось, город слишком далеко, гораздо дальше, чем представлялось со скалы. Сердце Валерии молотом стучало в груди, еще минута — и она задохнется! Каждый миг она ждала, что вот сейчас раздастся треск и другое чудовище — само воплощение ночного ужаса — нависнет над ними громадной тушей. Но ничто не нарушало тишины зеленых зарослей.

Когда между беглецами и лесом пролегла первая миля, Валерия задышала ровнее. К ней стала возвращаться прежняя уверенность. Солнце село, и над равниной собиралась тьма; лишь звезды мерцали на небе,

и в их неверном свете одинокие кактусы стояли причудливыми привидениями.

— Ни скота, ни возделанных полей, — пробормотал Конан. — Интересно, чем они тут живут?

— Может быть, скот развели на ночь по загонам? — высказала предположение Валерия. — А поля расположены по ту сторону города.

— Может быть, — проворчал он. — Хотя со скалы я ничего такого не заметил.

За городом взошла луна и залила окрестности своим желтоватым светом, четкой границей проступили зубчатые стены и башни. Девушку охватила дрожь. Протянувшийся черной ломаной полосой загадочный город выглядел мрачным и зловещим.

Похоже, нечто подобное испытывал и Конан. Варвар остановился и, оглядевшись, сказал:

— Дальше не пойдем. Ни к чему заявляться к их воротам ночью. Нас могут не впустить. К тому же нам не мешает отдохнуть — кто знает, как там встречают чужаков. А несколько часов хорошего сна — и опять можно будет хоть удирать, хоть драться.

Он направился к группе кактусов, росших по окружности, — обычное явление в южных пустынях. Прорубив в колючих зарослях узкий проход, он жестом пригласил Валерию войти.

— По крайней мере змеи нас здесь не достанут.

Она со страхом посмотрела назад — туда, где милях в шести глухой стеной встал лес.

— Что если драконы по ночам выходят из леса?

— Будем сторожить по очереди, — успокоил он ее, хотя из ответа не ясно было, что же все-таки делать, окажись это правдой.

Взгляд варвара был прикован к городу в нескольких милях от лагеря. Ни единого огонька на башнях, безмолвное, таинственное пятно черной громадой высилось в лунном сиянии на фоне иссиня-черного неба.

— Ложись и спи, — сказал Конан. — Я посторожу первым.

Она замялась, украдкой взглянула на него, но варвар уже сидел, скрестив ноги, у бреши в живой ограде, положив меч на колени и обратившись лицом к равнине, спиной — к девушке. Не сказав более ни слова, она легла на песок.

— Разбуди меня, когда луна будет в зените, — привычным повелительным тоном сказала она.

Он ничего не ответил, даже не обернулся. Последнее, что видела Валерия, прежде чем провалиться в сон, была его мускулистая фигура — неподвижная, словно отлитая из бронзы статуя в обрамлении из россыпи звезд.

2. В мерцании зеленых камней

Валерия проснулась внезапно, как от толчка; над равниной занимался бледный рассвет.

Она села, потирая кулаками глаза. Конан, сидя на корточках над срезанным кактусом, со знанием дела выдергивал из зеленой мякоти колючки.

— Ты так и не разбудил меня! — В голосе сквозило возмущение. — Из-за тебя я проспала всю ночь!

— Вчера ты сильно устала, — отвечал он. — Да и задумавшему порядку досталось за время путешествия: вы, пираты, не привычны к верховой езде.

— А сам-то ты кто?

— Ну, прежде чем стать пиратом, я был хозаром, а вся жизнь хозара проходит в седле. Я сплю вполуха, как пантера, которая в ожидании добычи затаилась у тропы на водопой. Пока глаза спят, мои уши видят все вокруг.

И в самом деле: огромный варвар выглядел таким же свежим, как если бы он всю ночь провел на мягком золоченом ложе. Удалив колючки, он срезал грубую кожицу и протянул девушке толстый сочный лист.

— Попробуй-ка, язык проглотишь. Для жителей пустынь кактус — это и еда и питье. Одно время мне

довелось быть начальником в отряде пустынников-звигирцев, живущих разбоем на караванных путях, — от них и научился.

— И кем ты только не был! — воскликнула она с насмешкой, плохо скрывавшей неподдельное восхищение.

— Пожалуй, королем гиборейского королевства, — усмехнулся Конан, запихивая в рот огромный кусок кактуса. — Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?

Она не нашла, что ответить, лишь покачала головой на невиданное нахальство варвара и занялась своей долей кактуса. К ее удивлению, вкус этой еды не был лишен приятности, а прохладный сок превосходно утолял жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер о песок руки, встал, расчесал пальцами гриву черных волос и наконец, застегнув ремень с ножнами, сказал:

— Ну что ж, пошли. Если жители этого города намерены перерезать нам глотки, пусть сделают это сейчас, пока не наступила дневная жара.

Мрачная шутка сорвалась с языка неосознанно, но Валерии подумалось, что его слова вполне могут оказаться пророческими. Поднявшись, она в свою очередь надела пояс. Ночные страхи пропли. Ревущие драконы из синеющего в отдалении леса уже казались полузабытым сном. И когда она бок о бок с киммерийцем покидала стоянку, ее походку отличала самоуверенность и грация. Какие бы испытания ни ждали впереди, врагами, несомненно, окажутся мужчины. А за свою жизнь Валерия из «Ватаги Красных братьев» еще не сталкивалась ни с одним мужчиной, чей вид поверг бы ее в смятение.

Конан сверху вниз посмотрел на шагающую рядом девушку — ее свободная, широкая поступь почти не отличалась от его энергичного шага.

— Ты скорее ходишь как горец, чем как моряк, — одобрительно заметил он. Ты родом случайно не из

Аквилонии? Даже солнце Дарфара не сожгло твою кожу. Ее белизне позавидовала бы не одна принцесса.

— Ты прав, Аквилония — моя родина. — Странно, но его комплименты уже не раздражали, наоборот — неподдельное восхищение варвара доставляло ей удовольствие. Если бы ее смену этой ночью отстоял кто другой, Валерия возмутилась бы: она всегда с яростью отвергала любые поползновения мужчин встать на ее защиту или покровительствовать ей — и все из-за того, что она, видите ли, всего лишь слабая женщина. Но вот с ней точно так же обошелся этот мужчина, а Валерии почему-то было приятно. А кроме того, он не воспользовался случаем в минуту, когда она была испугана, слаба и, значит, не смогла бы дать отпор его желаниям. В конце концов морская воительница пришла к выводу, что ее спутник — личность во всех отношениях необычная.

Над городом вставало солнце, окрашивая башни в зловещий темно-красный свет.

— Ночью при луне они черные, — глухо проговорил Конан, по его лицу пробежало облачко, в глазах отразилось крайнее суеверие, присущее варварам. — А утром на солнце они почему-то красные, будто кровь. Не нравится мне этот город.

Однако они не сбавили шага, и тут Конан вдруг обнаружил еще кое-что: ни одна дорога не вела к городу с севера.

— Я не вижу на земле следов от копыт, — снова заговорил он. — Многие годы, если не века, ее не касался плуг, но посмотри, — он указал на полузасыпанную, полузаросшую кактусами канавку, — это было время, когда здесь занимались земледелием.

Валерия и сама уже обратила внимание на следы древней оросительной системы. В недоумении, она окинула взглядом равнину и нахмурилась: открытое пространство окружало город со всех сторон и, в свою очередь, упиралось в кромку леса, протянувшегося высоким плотным кольцом. Что скрывалось в лесной

чаще, как далеко она еще простиралась — о том можно было только догадываться.

Валерия с тревогой посмотрела на город. Ни блеска племени или наконечников копий на укреплениях, ни призывных звуков труб, ни оклика стражи. Тишина — глухая и гнетущая, как и в лесу, — висела над башнями и минаретами.

Солнце стояло уже высоко, когда они подошли к воротам в северной стене и остановились в тени высокого вала. Бурные пятна ржавчины покрывали железные части массивного бронзового портала. Карнизы бойниц, створы ворот, шарниры — все густо заросло паутиной.

— Да их уже несколько лет не открывали! — воскликнула Валерия.

— Мертвый город! — глухо отозвался Конан. — Так вот почему заросли каналы, а земля не вспахана.

— Но кто его построил? Кто жил здесь? И куда они подевались? Почему все бросили?

— Кто знает? Возможно, здесь осел какой-нибудь опальный род, высланный из Стигии. Хотя... по виду стены и башни не походят на стигийские. Может быть, жителей вытеснили враги, или их выкосила чума.

— В таком случае их богатства по-прежнему должны пылиться в городской сокровищнице, — высказала предположение Валерия: в ней пробудился инстинкт стяжательства, свойственный ее профессии, усиленный к тому же женским любопытством. — Нельзя ли как-нибудь открыть ворота? Тогда можно было бы войти в город и поискать их.

Конан с сомнением окинул взглядом тяжелые створы, однако вышел на середину и, упершись в одну из них своим мощным плечом, нажал. Мускулы на икрах и бедрах вздулись буграми, по телу заструился пот. Варвар удвоил усилия — раздался жуткий скрежет ржавых шарниров, и ворота нехотя подались вовнутрь. Шумно дыша, Конан выпрямился и обнажил меч.

Проворная Валерия первой заглянула в образовавшуюся щель и не смогла сдержать возгласа удивления.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота — точнее двери — открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Исполинских пропорций, зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут шемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я пощипал довольно караванов, шедших из Китая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены гроздьи больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен. — Так называют их антицы. Существует поверье, что это — окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь, — попросила Валерия. — У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на разорванный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как

видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех пор, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрытые полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Под ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Мертвых под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом, — пробурчал Конан. — В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно-белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза острее моих, хотя, должна признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат — пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом — из того же зеленого жадеита, мрамора, реже — из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные проемы вставляли непроницаемо-черным пятном, словно бреши в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных полах, сиденьях не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из кхитайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия. — Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума здесь ни при чем, — размышляя о своем, медленно проговорил Конан. — Иначе были бы скелеты. Что если их одолели частые набеги, и вот они собрались и ушли? Или...

— Что если тебе бросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия. — Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризy. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющем Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козала. Но для чего козалам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей цвета оливок — были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, пронизательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусных украшений из драгоценных камней

и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока, — уже решительней сказал Конан, — только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отворачивания гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; потолки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери, заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустила на скамью из жадеита. — Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала бродить, бродить — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше. — Холодный, размеренный тон варвара подействовал на нее успокаивающе. — Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай, — слабо огрызнулась девушка. — А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в проеме двери — напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас хотелось, — это поскорее выбраться

из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно, — рассеянно думала Валерия, — что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла перевидели за сотни лет загадочно-мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся обратившись в слух: для Конана — слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как копка ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце, сразило девушку: на миг заглохнуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием — нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голый, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с запястье мужчины, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид дикаря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отталкивающий.

И все-таки больше всего воительницу поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясся в тисках животного ужаса, и когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, оббегающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы под галереями.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка взглядела в ковер под неподвижной фигурой — и глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — алым.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за оградением, ее глаза пытливо изучали тени под галереями. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!», но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к коври, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха его лицо стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь со страшного места, он застыл, превратился в камень, как замороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа — человеческого, но странной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова, — возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом, — не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп качнулся от стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и обрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвеца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обреченной на заклятие силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присут-

ствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она, пусть и слегка, но поддавалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она как на подушечках опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликования и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно очнувшись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча, — казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла: слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но ты же друг — богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий

Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо. — Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала высвободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — он запнулся. — Ну, те — из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так, значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — от нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал. — Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техутли!

— Где это?

— Район у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блестели.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей. — Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техутли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в Зал тишины, надеясь подстеречь и убить

кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но увидел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал, если бы ты его не убила. Но думаю, он здесь не один. Наверняка из Ксоталана явятся другие. Боги — и те бледнеют при виде участи несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным налетом. Нахмутив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет — и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксехотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку. — Ты не из здешних. Не знаю, как сюда попала, но будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техутли. Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не

стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупa. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забегали живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее, будто издалека, через пространство резкий голос Техотла. Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксоталанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. Быстро!

— Но я не могу, — возразила она. — У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх его плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же толстые, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни ¹вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксоталанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Трое оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с раскроенным черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией — воительницей из «Ватаги Красных братьев», и шелест длинного прямого меча звучал ей слаще свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и, вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выбрать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожидаясь случая для решающего выпада. Все равно — этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет,

ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот замкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева. Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись зубами до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза воззрились на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, исторгнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпанули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура, и молнией сверкнула сталь. Крик воина оборвался и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее силь-

ная рука по-прежнему сжимала пучок его волос. — Умри, собака! — С тихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла заблестели от восторга. — Целых пять мертвецов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плюнул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это дикое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты, — из враждующего клана,

который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую речь, его отталкивающие черты отражали происходящую в душе борьбу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идемте! — зашептал он. — Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техуттли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали зеленые мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Крому известно! — ответил Конан. — Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлазитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техутлинец непрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно

вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то поблизости опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техуттли! — предупредил Техотл. — Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу? — раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц, — ответил проводник, — нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу, — так это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя... — он замаялся, — вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техуттли тридцать пять лет назад и ни разу не ступал за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все вам расскажет.

И в полной тишине, ступая по пылающему полу под мерное мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Теней, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, пусть и отточенный в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техуттли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья. Мы называем ее Залами Тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко сжать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать, — выдохнул он. С поразительной быстротой техуттинец свернул в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в крошечный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошепел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота. — Нас могут подстергать и там. Может быть, все это подстроено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растаяли во мраке. Уже через несколько шагов у Вале-

рии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Конка, ступающая на бархатные подушечки своих лап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попало что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног; и вдруг Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора: его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то извиваясь ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть, — глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ног словно коснулся кусок льда, затем послышались точно тяжелые удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добравшегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь поверг его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на бегу варвар.

— Люди из Ксоталана, — не оглядываясь, быстро ответил проводник. — Я говорил: залы прямо кипят ими.

— То был не человек, — возразил Варвар. — Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего, она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад; лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета — поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техуттли!

— Наверяд ли, — проворчал Конан. — Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрее! Быстрее! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техуттли!

3. Народ, питаемый враждой

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности, — сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око, — ответил Техотл. — Должно быть, их смущает ваш вид. — И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я — Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться, — мрачно изрек Конан. — Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он. — Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как вдруг дверь бесшумно отворилась вовнутрь, и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ошетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали неожиданных гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерзкой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке — копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил сложное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не считал нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, что нас преследовали? Что если они надумают взломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь — не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксоталан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техултли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали глянцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены сатиновые подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться, как человек тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и купеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденьи, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной

клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем движении переливалась всеми оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх мускулов. Лента, вся в сверкающих камнях, стягивала того же цвета густые локоны.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза с жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех, присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобрavшись, сжав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — в низком поклоне, ладонями вверх Техотл простер к трону руки. — Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Тецоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техуэтлинов судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не

мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг откуда ни возьмись появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался ксоталанский пес! Белой краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего колдуна! Сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове, — уже мертвец!

Лицо рассказчика раскраснелось, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздалось приглушенные проклятья и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл. — Это еще не все! Только я успел переброситься с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одно-го я убил, и рана в бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар, когда нам приходилось особенно туго, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — походил на отдаленный рев быка. Никто из жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось, они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец, — отрывисто бросил варвар. — Со мной — Валерия из «Ватаги Красных братьев», пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу и трон. — Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли, — вмешался Ольмек. — Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать вас против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он бросил на девушку взгляд — быстрый как молния — и тут же опустил глаза.

— Мою женщину зовут Тасцела, — продолжал он. — Она — принцесса Техултли. Но довольно вопросов. Пусть нашим гостям принесут еду и напитки. Я думаю, за время длинного путешествия они порядком устали и проголодались.

Жестом он пригласил обоих искателей приключений за стол цвета слоновой кости. Обменявшись многозначительными взглядами, те сели. Киммериец подозревал подвох. Его голубые глаза перебежали с человека на человека, с предмета на предмет; кисть правой руки не поднималась выше пояса, держась поближе к ножнам. Предложение насытиться и выпить не уменьшило его подозрений. Время от времени его взгляд задерживался на Тасцэле, но принцесса, похоже, не замечала ничего, кроме его белокожей спутницы.

Техотл, перевязав рану на бедре шелковой лентой, тоже присел за стол — он с готовностью взял на себя обязанность прислуживать своим друзьям, как видно, считая за честь для себя удовлетворять малейшие их пожелания. Он тщательно осматривал еду и напитки, приносимые на золотых блюдах и в золотых сосудах, и прежде чем передать их гостям, пробовал сам. Пока те насыщались, Ольмек молча сидел на троне, при-

стально наблюдая за чужаками из-под густых черных бровей. Принцесса сидела рядом, обхватив лицо руками, локтями упершись в колени. Взгляд ее темных загадочных глаз был прикован к сильному, гибкому телу Валерии. За ее спиной мрачноватая, но не лишенная красоты девушка размеренно поднимала и опускала роскошное опахало из страусовых перьев.

Еда состояла из незнакомых фруктов экзотического вида, однако очень приятных на вкус; крепкое, красного цвета вино веселило кровь.

— Вы пришли издалека, — наконец вымолвил Ольмек. — Я читал книги отцов. Аквилония лежит за землями стигийцев и шемитов, за Аргосом и Зингарой, а Киммерия — еще дальше.

— Нам обоим не сидится на месте, — легкомысленно ответил Конан.

— Для меня загадка, как вы прошли через лес, — продолжал Ольмек. — В давние времена не больше половины от тысячи храбрых воинов смогли пробиться через его гиблые чащи.

— Мы натолкнулись там на жуткое чудовище размером с мастодонта, — небрежно обронил Конан, держа в руке кубок, в который Техотл с видимым удовольствием лил вино из кувшина. — Но после того, как мы с ним покончили, нас уже никто не тревожил.

Сосуд выскользнул из пальцев Техотла и со стуком, расплескивая красное вино, упал на пол. Смуглая кожа проводника в который уже раз превратилась в пепельно-серую. Ольмек вскочил на ноги — пораженный, он уставился на этих непонятных чужестранцев; толпа замерла в благоговейном ужасе. Некоторые опустились на колени, точно ноги отказывались им служить. Конан озадаченно посмотрел вокруг.

— Что это с вами? С чего вы вдруг поразевали рты?

— Ты... ты убил божественного дракона?!

— Божественного? Я убил чудовище, только и всего. А что прикажете делать, если вас хотят сожрать?

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек. — Случалось, правда, что они убивали друг друга, но из людей еще ни один не убивал дракона. Наши предки были в той тысяче воинов, что пробивались через лес, и они не смогли одолеть чудовищ! Об их чешую мечи ломаются как палки!

— Если бы ваши предки догадались вымазать острия копий в ядовитом соке яблок Деркетто, — проговорил Конан с полным ртом, — а потом ткнуть ими в глаза, рот или еще куда, где помягче, они бы увидели, что драконы не более бессмертны, чем телячья отбивная. Труп твари валяется у самой кромки леса. Если не верите, можете сходить и убедиться.

Ольмек тряхнул головой — без тени недоверия, все больше поражаясь отваге чужаков.

— Именно из-за драконов наши предки не пошли дальше Ксухотла, — сказал он. — Они не осмелились, миновав открытую равнину, снова углубиться в лес. Прежде чем они достигли города, чудовища пожрали множество людей.

— Так, значит, Ксухотл построили не они? — спросила Валерия.

— Ксухотл — древний город. Сколько он простоял до нас, не знал никто, даже его полувыродившееся коренное население.

— Ваш народ пришел с озера Эвад? — Конан окинул толпу быстрым взглядом.

— Да. Более полувека назад племя тлазитланцев восстало против владычества короля Стигии. Потерпев в решающем бою поражение, наши предки бежали на юг. Много недель они шли по прериям, пустыне, пробивались через горные хребты, пока наконец не попали в величественный лес — тысяча воинов, и с ними женщины и дети.

— И там, в лесу, на них обрушились драконы. Те, кого не разодрали в куски, кто спасся от клыков и когтей, в безумном страхе перед чудовищами бежали

прочь. Скоро остатки людей уже были у кромки леса, и там их глазам, прямо посередине голой равнины, предстал город Ксухотл.

Они разбили лагерь у стен города, не решаясь покинуть открытое место: в наступившей ночи из леса доносился ужасный рев и треск ломаемых деревьев. Упустив остатки добычи, чудовища накнулись друг на друга. К счастью для людей, звери не осмелились выйти на равнину.

Жители города закрыли ворота, со стен в наших полетели стрелы. Тлазитланцев как бы заперли в огромную тюрьму: со всех сторон равнину окружала стена густого леса, углубиться в который посмел бы разве что сумасшедший.

Той ночью в лагерь из города прокрался раб — одной с нами крови. Он с отрядом других искателей приключений прошел лес еще будучи молодым, за много лет до того, как им прошли наши предки. Драконы сожрали всех его товарищей, а его горожане не пустили и сделали своим рабом. Его звали Толкемек. — При звуках этого имени в десятках темных глаз вспыхнули огонь, с губ сорвались еле слышные грязные ругательства, кое-кто даже презрительно плюнул. — Он обещал открыть воинам ворота. Взамен просил об одном: чтобы всех пленных отдали ему в руки.

На рассвете раб открыл ворота. Воины устремились вовнутрь, и залы Ксухотла окрасились кровью. В живых осталось лишь несколько сот горожан — жалкие остатки некогда могущественного народа. По словам Толкемека, они пришли с востока из древней Козалы — очень давно, когда предки тех, что сейчас населяют Козалу, ворвались в страну с юга и вытеснили коренное население с их исконных земель. Они долго скитались, пока не оказались однажды на этой голой, опоясанной лесом равнине с единственными в ту пору обитателями — племенем чернокожих.

Они обратили аборигенов в рабство и начали строить город. Все нужное привозили с гор на востоке: жадеит и мрамор, лазурит и золото, серебро и медь. Стада слонов давали слоновую кость. Когда город был построен, всех черных рабов убили. Колдуны выставили вокруг города страшную охрану: по найденным в лесу огромным костям они с помощью колдовства воссоздали драконов — облекли кости плотью, вдохнули в свои творения жизнь, и огромные твари, как и в древности, стали бродить по земле. А чтобы не вышли из леса и не напали на город, колдуны наложили на них особое заклятие.

В течение многих веков после того жизнь в Ксухотле текла без изменений: люди возделывали плодородную землю, всю равнину избороздила сеть ирригационных каналов. Так шло до тех пор, пока их мудрецы не додумались, как можно выращивать фрукты внутри города, при этом растения получали питание не из почвы, а прямо из воздуха. Поля забросили, вода из каналов ушла, а люди, все больше предаваясь праздности, постепенно превратились в вымирающую расу. Когда наши предки, прорвавшись сквозь лес, вступили на равнину, этот народ был уже обречен. К тому времени их колдуны давно умерли, искусство волшебства было забыто, а сами горожане в бою уже не владели толком ни мечом, ни колдовством.

Наши отцы перерезали всех жителей Ксухотла — всех, кроме последней сотни, которую отдали Толкемеку, их бывшему рабу; и еще немало дней и ночей по залам прокатывалось эхо отчаянных воплей — то кричали под изощренными пытками пленники бывшего раба.

Итак, тлазитланцы зажили на новом месте. Городом правили два брата — Техултли и Ксоталан, а с ними — Толкемек. Толкемек взял в жены девушку из нашего племени, а поскольку он открыл ворота и знал много ремесел ксухотланцев, то разделил бремя власти с обоими братьями — вожаками восстания.

Жизнь наладилась, и все шло своим чередом. В течение нескольких лет ничто не нарушало покоя новых горожан. Все только и делали, что ели, пили, занимались любовью и растили детей. За ворота не выходили: Толкемек научил их, как выращивать плоды, не выходя из города, поэтому можно было не ковыряться в земле. Кроме того, с убийством последнего ксухотланца пало заклятие, наложенное колдунами на лесных чудовищ, и чуть ли не каждую ночь твари подбирались к воротам и оглашали окрестности своим жутким ревом. От их бесконечных поединков земля становилась красной, потоки крови наполняли сухие каналы. Вот тогда-то... — Король вдруг оборвал себя, не докончив фразы, помолчал немного, а когда снова заговорил, Конан и Валерия почувствовали, что прежде чем сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Пять лет прошли в мире. Затем... — Ольмек метнул взгляд на женщину рядом, — затем Ксоталан взял в жены девушку, любви которой добивались и Техултли и престарелый Толкемек. Обезумев от страсти, Техултли похитил ее у законного супруга. К слову сказать, девушка не особенно и возражала. Толкемек назло Ксоталану помогал его брату в этом грязном деле. Ксоталан потребовал вернуть ему жену, а совет племени оставил последнее слово за женщиной. Та решила остаться с Техултли. В неописуемой ярости Ксоталан вознамерился забрать ее силой, и сторонники обоих братьев сошлись в Большом зале на бой.

То был день великой скорби. С обеих сторон пролилась кровь. Так ссора переросла в непримиримую вражду, вражда — в открытую войну. Обозначились три группы: часть воинов возглавил Техултли, еще одну — Ксоталан, остальные примкнули к Толкемеку. Еще в мирное время они поделили между собой весь город. Техултли поселился в западных кварталах, Ксоталан — в восточных, а Толкемек вме-

сте с многочисленным семейством обосновался у Южных ворот.

На почве ненависти, зависти и презрения пышным цветом расцвело насилие. Раз обнажив меч, очень трудно вложить его обратно в ножны, а поскольку за кровь нет иной платы, кроме крови, то за каждое убийство неминуемо наступало отмщение. Техуттли дрался с Ксоталаном, а Толкемек брал сторону то одного, то другого, то предавал обоих сразу, во всех случаях преследуя только собственную выгоду. В конце концов Техуттли со своими людьми отступил в кварталы у Западных ворот, где мы сейчас и находимся. Ксухотл имеет форму овала. Замок Техуттли, получивший название в честь своего принца, расположен в западной части этого овала. Все двери, соединяющие его с остальным городом, были заблокированы, оставили лишь по одной на каждом этаже, которые надежно укрепили, чтобы можно было без труда обороняться от возможного нападения. Потом наши предки спустились в катакомбы и возвели глухую стену, отделив западную часть подземелья, где захоронены останки коренных ксухотланцев и тлазитланцев, погибших в междоусобице. Они обустроились, как в осажденном замке, постоянно тревожа неприятеля дерзкими вылазками.

Сторонники Ксоталана точно так же укрепились в восточной части города, а Толкемек сделал нечто подобное с кварталами, примыкающими к Южным воротам. Таким образом, центральная часть города осталась незаселенной. Ее пустынные залы и комнаты превратились в поле боя, в место постоянной охоты за людьми и страха смерти.

Толкемек воевал на стороне обоих кланов попеременно. Это был сам демон в образе человека, в десять раз хуже и опаснее Ксоталана. Ему были известны многие тайны города, о которых он никому никогда не рассказывал. Разгадав надписи в подземных склепах, он выкрал у мертвецов их тайны — тайны давно ушедших королей и колдунов, забытые

обессилевшими от праздности ксухотланцами, которых перебили наши предки. Но даже магия не спасла его, когда однажды ночью мы, соратники Техуттли, штурмом овладели его замком и перерезали всех, кого там нашли. Самого Толкемека пытали много дней... — Жесткий голос рассказчика упал до мягкого шепота, лицо приняло отрешенное выражение, взгляд устремился вдаль, словно перед его глазами проходили сцены далекого прошлого, вид которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Ах да, — снова обычным голосом заговорил Ольмек. — Мы не давали ему умереть, пока он не начал молить о смерти, как иные молят о встрече с любимой. Тогда мы вынесли его из комнаты пыток и живого швырнули в темницу на съедение крысам. Но ему каким-то чудом удалось выбраться из темницы, и он убрался в катакомбы. Там, полагаю, и подох, потому как из подземелья замка Техуттли есть только один выход — в замок Техуттли, а здесь он не объявлялся. Его скелета тоже не нашли. Подверженные суевериям, однако, готовы поклясться, что призрак Толкемека до сих пор разгуливает по подземелью, завывая посреди разбросанных костей. Вот уже двенадцать лет как мы покончили с Толкемексом, а вражда между Техуттли и Ксоталаном не затухает, и она не погаснет, пока в живых будет оставаться хотя бы один воин, одна женщина.

Минуло пятьдесят лет с того дня, когда Техуттли похитил жену Ксоталана. И все полвека идет вражда. С этой враждой я родился. Все в этом зале, за исключением Тасцелы, родились с этой враждой. С ней, надеюсь, мы и умрем.

Мы — раса обреченных, совсем как те ксухотланцы, которых убили наши предки. Когда началась война, то в каждом лагере было по несколько сот воинов. Сейчас же все жители Техуттли — перед вами; вместе с четырьмя воинами у главных дверей нас всего сорок два

человека. Сколько осталось ксоталанцев, я не знаю, но вряд ли больше. За последние пятнадцать лет у нас не родился ни один ребенок, и мы не видели ни одного у ксоталанцев.

Мы вымираем, но прежде чем умрет последний воин, мы сделаем все, чтобы выпустить из ксоталанцев как можно больше крови — столько, сколько позволит нам милость богов.

Глаза Ольмека зажглись ненавистью, и он еще долго говорил об их бесконечной вражде, о стычках в безмолвных комнатах и сумеречных залах, когда под потолком разливают свой пульсирующий свет зеленые камни, а под ногами адским пламенем полыхает пол — весь в темных пятнах крови из рассеченных вен. В этой бойне сгнуло целое поколение. Самого Ксоталана не было в живых: вот уже много лет, как он пал в ужасной схватке на лестнице из слоновой кости. Техуэтли тоже умер: он попал в плен, и обезумевшие от ярости ксоталанцы содрали с него живую кожу.

Бесстрастным голосом Ольмек повествовал об ужасных схватках в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, входил в подробности кровавой резни. Огонь в его темных, глубоко посаженных глазах разгорался все сильнее по мере того, как он рассказывал о мучениях мужчин и женщин, с которых живьем сдирали кожу, которым ломали кости, разрывали на части их обнаженные тела; о жутких воплях истязаемых пленников и о предсмертных проклятиях, вырывавшихся из окровавленных глоток. пытки были настолько бесчеловечны, что даже варварскую душу киммерийца охватило отвращение. Не удивительно, что Техотл весь трясся при одной мысли о плене! И все-таки в надежде убить врага он отважился на вылазку — ненависть оказалась сильнее страха. Ольмек говорил еще и еще: о черной магии и колдовстве, о темных, загадочных силах, проникших в верхние этажи из ночного мрака как-токомб, о сверхъестественных тварях, вызванных

людьми из небытия для борьбы с врагами. В подобных делах ксоталанцы имели значительное преимущество, поскольку именно в восточной части подземелья были захоронены останки наиболее могущественных колдунов из прежних ксухотланцев, постигших все тонкости своего древнего ремесла.

Валерия с каким-то нездоровым интересом ловила каждое слово.

Наконец жажда мести превратилась в смысл жизни обоих кланов, в животную, непреодолимую потребность убивать. Вражда вытеснила все. Во вражде люди рождались и во вражде умирали. Они никогда не покидали своих укрепленных замков, за исключением тех случаев, когда с замирающим сердцем крались по залам Тишины, лежащим между противоборствующими крепостями, и все за тем, чтобы убить или быть убитыми. Иногда лазутчики возвращались с обезумевшими от страха пленниками, иногда лишь приносили ужасные свидетельства одержанной победы. Случалось, что они не возвращались вовсе, и тогда их рассеченные на куски, обезглавленные тела находили сваленными в кучу у бронзовых дверей. Во все это верилось с трудом: чтобы живые люди по собственной воле превратили свою жизнь в настоящий кошмар... Отрезанные от остального мира, загнанные в одну ловушку, они, как бешеные крысы, кидались друг на друга, крались по темным коридорам, куда не проникал луч солнца, гонимые одной мыслью: калечить, мучить, убивать!

Все время, пока говорил Ольмек, Валерия чувствовала на себе жгучий взгляд Тасцелы. Похоже, принцесса вообще не слушала Ольмека. Ее лицо оставалось неподвижным: шла ли речь о славных победах или горечи поражений, на нем не отражалась ни дикая ярость, ни жестокое ликование, от которого лица остальных техуэтлинец теряли человеческие черты. Великая вражда, которой было одержимо это племя, для нее, похоже, не имела никакого значения. Ее полное безразличие к жизни племени показалось Валерии едва

ли не более отвратительным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— Нам уже не уйти из города, — слышался Валерии его голос. — За последние пятьдесят лет ни один человек не выходил за его стены, кроме тех, кто... — Он снова оборвал себя на полуслове. — Даже оставив риск угодить в пасти драконов, тот, кто родился здесь, кто вырос среди стен, никогда не отважится покинуть город. Мы ни разу не ступали по голой земле, нам было бы не по себе под бескрайним небом, под палящими лучами солнца. Нет, мы родились в Ксухотле, и в Ксухотле мы умрем.

— Что ж, вольному воля, — сказал Конан. — Однако, с вашего разрешения, мы попытаемся управиться с драконами. Ваша вражда нас никоим образом не касается. Вы просто проводите нас до Западных ворот — там и расстанемся.

Пальцы Тасцелы сжались, она горячо заговорила, но вмешался Ольмек:

— Уже почти стемнело. Если вы в такое время выйдете на равнину, то наверняка падете жертвой драконов.

— Мы спали эту ночь на равнине под открытым небом, и твари нас не потревожили, — возразил киммериец.

Тасцела загадочно улыбнулась:

— У вас не хватит мужества, чтобы выйти из Ксухотла!

Глаза варвара сверкнули, в нем шевельнулась неприязнь к этой женщине, а та так и впиалась взглядом в его спутницу.

— Да нет, пожалуй, хватит, — сказал Ольмек. — Не в этом дело. Выслушайте меня, Конан и Валерия. Мне думается, вас послали боги, чтобы мы наконец раз и навсегда смогли покончить с Ксоталаном. Вы оба — искусные воины. Почему бы вам не взять напу сторону? Мы обладаем огромными богатствами: драгоценные камни в Ксухотле попадают на глаза чаще, чем

в иных городах булыжники. Кое-что ксухотланцы принесли с собой из Козалы. Кое-что, например огненные камни, нашли в горах на востоке. Помогите нам истребить ксоталанцев, и мы отсыпем вам столько камней, сколько сможете унести.

— А вы поможете нам победить драконов? — спросила Валерия. — С луками и отравленными стрелами хватит и тридцати человек, чтобы очистить от них лес.

— Согласен! — с готовностью воскликнул Ольмек. — Правда, мы, в основном, учились ближнему бою и подзабыли, как владеть луком, но не беда — научимся заново.

— Что скажешь? — взглянула на Конана Валерия.

— А что тут говорить? — с недоброй усмешкой ответил тот. — Мы ведь бродяги, у которых не отыщется за душой и стертой монеты. Какая разница, кого убивать. Ну пусть это будут ксоталанцы.

— Так вы согласны? — Ольмек даже привстал, а Техотл едва не закричал от радости.

— Да. А сейчас не худо бы найти пару лежанок, чтобы поспать и отдохнуть, а завтра со свежими силами приступим к работе.

Ольмек кивнул и махнул рукой. Техотл и одна из женщин направились к двери слева от жадеитового пьедестала. У двери Техотл сделал знак следовать за собой, и оба искателя приключений вошли в проем. Прежде чем раствориться в сумраке коридора, Валерия быстро оглянулась: опустив подбородок на сплетенные пальцы, принц Ольмек неподвижно сидел на троне, глядя им вслед. В его глазах пылал огонь жестокости и мести. Тасцела, откинувшись на спинку, нашептывала что-то своей угрюмой служанке Язале. Губы принцессы едва не касались уха девушки, склонившейся к плечу своей госпожи.

Этот ход оказался не таким широким, как прочие, зато довольно длинным. Но вот женщина остановилась, открыла дверь и шагнула в сторону, приглашая Валерию войти.

— Обожди-ка, — Конан обернулся к проводнику. — А где буду спать я?

Техотл указал на дверь в противоположной стене — следующую от той, что выходила в коридор напротив двери в комнату Валерии. Конан заколебался, словно у него были свои соображения на этот счет, но Валерия, ядовито улыбнувшись, захлопнула дверь перед его носом. Пробормотав нечто весьма неучтивое по адресу всей женской породы, варвар зашагал вслед за Техотлом дальше по коридору.

В богато украшенной комнате, отведенной киммерийцу на ночлег, сквозь окна-щели в потолке пробивался тусклый свет. Некоторые окна были шире других — достаточно широкие, чтобы в них пролез худощавый воин, конечно, при условии, что он разобьет стекло.

— Почему бы ксоталанцам не пройти по крышам и не проникнуть в замок через окна?

— Кристаллы небьющиеся, — ответил Техотл. — Кроме того, поверхность крыши очень неровная: в основном это шпильи, купола и крутые коньки с гладкими стенами.

Он тут же выложил варвару немало полезного об устройстве «замка Техултли». В частности выяснилось, что, как и весь город, замок имеет четыре этажа, или яруса, с комнатами, залами и башнями, мощными столбами, торчащими над крышей. У каждого яруса — свое название, а вообще-то жители Ксухотла дали имена каждой комнате, лестнице, каждому залу — точно так же, как люди в обычных городах присваивают названия улицам и кварталам. Этажи в Техултли назывались так: ярус Орла, ярус Обезьяны, ярус Тигра и ярус Змеи — в перечисленном порядке. Ярус Орла — самый верхний из них, то есть четвертый.

— Кто такая Тасцела? — спросил Конан. — Супруга Ольмека?

Техотл вздрогнул и, прежде чем ответить, опасливо оглянулся.

— Она не супруга. Она — Тасцела! Она была женой Ксоталана — той самой женщиной, которую похитил Техултли, из-за чего и разгорелась вражда.

— Что ты болтаешь?! — возмутился Конан. — Да ведь она красива и выглядит молодо. Не хочешь ли сказать, что пятьдесят лет назад эта женщина была уже замужем?

— Ну да! Клянусь, когда тлазитланцы бежали с озера Эвад, она была уже вполне сформировавшейся женщиной. Лишь потому, что король Стигии захотел иметь ее своей наложницей, и взбунтовались Ксоталан с братом, потому им и пришлось бежать из родных мест. Она — колдунья и знает секрет вечной молодости.

— Как так?

Техотл снова вздрогнул.

— Не спрашивай! Я не смею. Все это слишком страшно даже для Ксухотла! — И прижав палец к губам, он выскользнул из комнаты.

4. Аромат черного лотоса

Валерия расстегнула пояс и, не доставая меча из ножен, положила оружие на кушетку. Увидев, что двери снабжены засовами, она спросила, куда они выходят.

— Те, что справа и слева, открываются в соседние комнаты, — ответила служанка. — А та, — она указала на обшитую медными полосами дверь напротив входной, — та дверь открывается в коридор, ведущий к лестнице, которая спускается в катакомбы. Ты не бойся — здесь вполне безопасно.

— А кто боится? — Валерия презрительно фыркнула. — Просто я должна кое-что знать о бухте, в которой довелось бросить якорь. Надеюсь, у тебя нет в мыслях улечься на полу у моей кушетки? Я не терплю, когда мне навязывают свое общество, по крайней мере — женщины. Разрешаю тебе удалиться.

Оставшись одна, отважная воительница первым делом закрыла на засовы все двери, затем, стянув кожаные сапоги, с наслаждением растянулась на мягком ложе. Она представила себе, как в эту минуту Конан у себя в комнате устраивается на ночлег, и тут же женское тщеславие дорисовало недостающие детали: хмурый вид, глухое рычание и мускулистое, разгоряченное мужское тело на широкой кушетке... в полном одиночестве! Она злорадно усмехнулась и сомкнула веки.

За городскими стенами на равнину спустилась ночь. В залах Ксукотла зеленые камни светились подобно глазам доисторических зверей. Где-то среди темных башен, точно неприкаянный дух, завывал ветер. А по сумрачным проходам ночными призраками крались неясные тени.

Валерия проснулась внезапно, как от толчка. В неверном свете зеленых камней она различила склонившегося над ней человека. На краткий миг ей показалось, что видение это — всего лишь продолжение сна. Ей снилось, что она лежит на той же кушетке в той же комнате, а над ней в медленном такте шевелил своими лепестками черный цветок — такой огромный, что закрывал собою потолок. Терпкий аромат цветка охватил Валерию, проник в каждую клеточку мозга, погружая тело в чувственную, восхитительную истому — слишком сладостную, чтобы быть сном. Вот волны аромата, несущего неизъяснимое блаженство, накрыли ее с головой... и вдруг что-то коснулось ее лица. Все чувства под воздействием дурмана были настолько обострены, что легкое касание показалось ударом хлыста. Вместе с пробуждением пришло ощущение реальности; и тогда вместо огромного уродливого цветка она увидела темнокожую женщину, стоящую у изголовья кушетки.

К Валерии вернулись чувства, и первым — гнев. Тень быстро повернулась, но прежде чем та успела сделать хотя бы шаг, воительница вскочила на ноги и сомкнула пальцы вокруг смуглой руки. Женщина рва-

нулась с яростью дикой копки, но тут же затихла побежденная, почувствовав превосходство в силе. Валерия повернула пленницу к себе лицом и, свободной рукой схватив за подбородок, подняла голову и заглянула той прямо в глаза. Перед ней стояла мрачная Язала, служанка Тасцелы.

— Признавайся, что ты выделявала надо мной? Что у тебя в руке, покажи!

Язала ничего не ответила, лишь шарилла по сторонам глазами, выискивая, куда бы забросить предмет. Тогда Валерия вывернула руку, и на пол упало что-то черное — большой, необычного вида цветок на темно-зеленом стебле; размером с человеческую голову, он, однако, не шел ни в какое сравнение с огромным видением наркотических грез.

— Черный лотос! — чуть слышно вскрикнула Валерия. — Цветок, чей запах навеивает глубокий сон. Ты хотела меня одурманить! И не коснись лепестков моего лица... Зачем ты это сделала? Чего ты хочешь?

Язала не произнесла ни звука. Валерия с проклятием повернула ее спиной, заставила встать на колени и, вывернув руку, стала загигать ее кверху.

— Говори, не то я за себя не ручаюсь!

По мере того, как загигалась рука, тело служанки все сильнее извивалось от нестерпимой боли, но в ответ она только отчаянно мотала головой.

— Дрянь! — Валерия оттолкнула от себя служанку, и та распростерлась на каменных плитах. Взглядом, полным ненависти, воительница окинула слабо шевелящееся тело. Она вспомнила горящие глаза Тасцелы, и в душу отважной женщины закрался страх, пробуждая к жизни тигриные инстинкты самосохранения. Этот народ переживал период упадка, а при таких обстоятельствах от них можно было ожидать чего угодно — любой низости или коварства, возведенных в ранг добродетели. Но сейчас Валерии уже казалось, что этими людьми управляют какие-то потусторонние силы, что-нибудь более ужасное и мерзкое, чем просто

осознание обреченности своего народа. Чувство страха и гадливости по отношению к этому зловещему городу охватило воительницу. Его жителей никак нельзя было назвать нормальными, весьма сомнительно, можно ли их вообще назвать людьми. Во всех глазах полыхает огонь сумасшествия — во всех, кроме жестоких, скрытых глаз Тасцелы, владевшей знанием более ужасным, чем само сумасшествие.

Валерия подняла голову, прислушалась. Залы Ксухотла хранили молчание, город словно вымер. Зеленые камни заливали комнату призрачным светом, в котором обращенные к воительнице глаза женщины на полу сверкали жутковатым блеском. Волна животного ужаса прокатилась по сильному телу Валерии, остатки жалости исчезли — осталась ярость.

— Зачем ты хотела меня одурманить? — Она ухватила в пучок черные волосы на затылке и, откинув назад голову служанки, впиалась взглядом в темные глаза, опущенные длинными ресницами. — Тебя подослала Тасцела?

Молчание. Валерия грязно выругалась и что было сил ударила ладонью по одной щеке, по другой. Звуки ударов, отразившись от стен, прокатились по комнате. Язала даже не вскрикнула.

— Почему ты не кричишь? — Голос Валерии вздрагивал от ярости. — Боишься, что тебя услышат? Кого боишься? Тасцелу? Ольмека? Конана?

Язала не ответила. Стоя на коленях, злобными как у василиска глазами она смотрела на свою мучительницу. Упрямство неизбежно вызывает гнев. Повернувшись, Валерия оторвала от ближайшей портьеры пучок веревок.

— Грязная тварь! — процедила она сквозь зубы. — Я привяжу тебя голую поперек кушетки и буду сечь, пока не скажешь, чем ты здесь занималась и кто тебя подослал!

Ни слова мольбы, ни малейшей попытки сопротивления за то время, пока Валерия выполняла первую

часть угрозы; упрямство жертвы только усиливало ее ярость. Затем некоторое время не было слышно ничего, кроме свиста и ударов шелковой плети по обнаженному телу. Язала не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой — так туго она была привязана к кушетке. Ее тело выгибалось и вздрагивало, голова моталась из стороны в сторону в такт ударам плети. Чтобы сдерживать рвущийся наружу крик, она закусил губу, из которой уже стекала струйка крови.

Скрученные вместе нити впивались в тело почти бесшумно, лишь резкие, отрывистые звуки отсчитывали удары, но каждая нить оставляла на смуглой коже узкую красную полоску. Валерия трудилась со знанием дела, вкладывая в удары немалую силу своей тренированной руки; она истязала жертву с жестокостью, воспитанной за время жизни среди пиратов, где боль и пытка были явлением обыденным, и с той циничной изобретательностью, которую способна проявить только женщина по отношению к женщине. Язале не пришлось бы так страдать — и физически и душевно, — если бы ее палачом был мужчина, пусть даже гораздо сильнее этой разъяренной воительницы.

Именно женская изощренность в конце концов сломила волю темнокожей служанки.

С окровавленных губ сорвалось рыдание. Валерия, замерев с поднятой рукой, убрала со лба влажный светлый локон.

— Хочешь что-то сказать? — Она недобро усмехнулась. — А то смотри, я не устала. Могу трудиться над тобой хоть до утра.

— Пощады! — прошептала женщина. — Я все скажу.

Валерия разрешила веревки у запястий и лодыжек, рывком поставила женщину на ноги. Язала безвольно опустилась на кушетку, вдрогнув от боли, когда иссеченное тело коснулось мягкого ложа. Согнув ногу, она склонилась к обнаженному бедру, левой рукой опершись о кушетку. Все члены ее била дрожь.

— Вина! — еле слышно прошептала она пересохшими губами, дрожащей рукой указав на золотой кувшин на столе. — Дай мне пить. Я совсем ослабела от боли. Потом скажу все.

Валерия взяла сосуд. Язала с трудом поднялась, чтобы принять его, медленно поднесла кувшин к губам — и вдруг плеснула содержимое прямо в лицо аквилонки! Валерия отпрянула, замотала головой, натирая кулаками веки, — лишь бы избавиться от жалящей боли в глазах. Словно сквозь туман она увидела, как Язала метнулась через комнату к обитой медными полюсами двери, отомкнула засов и, распахнув дверь, исчезла в темном коридоре. Воительница бросилась следом — с мечом в руке и жаждой мести в сердце.

Но у Язалы было преимущество во времени, к тому же ее гнал животный ужас человека, которого едва не засекли до потери разума. Она свернула за угол — считанные ярды впереди Валерии, — когда же угол миновала аквилонка, ее глазам открылся пустой зал и в дальнем конце — черный провал дверного проема. Внезапно оттуда потянуло влажными гнилостными испарениями. Валерия содрогнулась. Должно быть, эта дверь вела в катакомбы. Так значит, Язала нашла убежище среди мертвых!

Валерия приблизилась к проему. Она увидела каменные ступени, уходящие вниз, в крошечную тьму. Судя по запаху, эта лестница не имела выхода в нижние ярусы, а вела напрямую в подземелье под городом. Она поежилась при мысли о тысячах и тысячах трупов, лежащих в саванах в бесчисленных склепах там, внизу. У нее не было никакого желания пробираться на ощупь по этим каменным ступеням, в то время как Язале наверняка был известен каждый поворот, каждый закоулок в подземных туннелях.

Раздраженная неудачей, Валерия повернула было обратно, как вдруг снизу до нее донесся отчаянный крик. Казалось, он исходил из глубин тьмы, но слова можно

было разобрать. Голос был женский — срывающийся на визг, страшный:

— Помогите! Помогите! Во имя Сета! А-а-а!..

Все стихло, но через миг Валерии почудились отголоски дьявольского хихиканья.

По спине воительницы пробежал холодный ручеек. Что могло случиться с Язалой там, внизу, во мраке катакомб? Ведь наверняка это кричала она. Но что за опасность подстерегла ее? Или это уловка, чтобы отвязаться от погони? Ольмек заверил их, что катакомбы под Техотлом отгорожены от остального подземелья стеной, слишком прочной, чтоб сквозь нее мог прорваться враг. А кроме того, это мерзкое хихиканье — оно вообще мало похоже на смех человека.

Даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на лестницу, Валерия поспешила обратно по коридору. Скользнув в свою комнату, она сразу закрыла дверь на засов. Затем натянула сапоги и застегнула на талии пояс с ножнами. Решение было принято: прорваться в комнату Конана и, если тот еще жив, вдвоем — пусть с помощью оружия — выбираться из этого проклятого богами города.

Но только она подбежала к двери, как по коридорам и залам прокатился длинный вопль предсмертной муки, и вместе с ним — топот бегущих ног и звон мечей!

5. Двадцать красных гвоздей

В караульном помещении, примыкавшем к главной двери этажа, известного под именем «ярус Орла», два воина вели неторопливый разговор. Они давно уже относились к службе с прохладцей, но в силу привычки постоянно были настороже. Несмотря на то, что вот уже много лет ни одна сторона не отваживалась нападать на замки друг друга, вероятность такого приступа сохранялась.

— Эти чужаки — сильные союзники, — сказал один. — Думаю, Ольмек двинется на врага завтра.

Он говорил так, как говорил бы иной солдат на обычной войне. В крошечном мирке Ксукотла и горстка бойцов считалась армией, а пустынные залы между замками — обширным пространством, на котором велись военные действия.

Второй помолчал, размышляя.

— Допустим, мы сокрушим с их помощью Ксоталан, — наконец сказал он. — А что потом, Хатмек?

— Ну, вобьем за всех красные гвозди. Пленных четвертуем, сожжем или сдерем с них кожу.

— Это понятно. Дальше-то что? — настаивал тот, другой. — Когда всех перебьем? Ведь это страшно — жить, не имея врагов! Всю свою жизнь я ненавидел ксоталанцев и боролся с ними. И если исчезнет вражда, то что останется?

Хатмек пожал плечами. В своих мыслях он никогда не заходил дальше победы над врагом. Он просто не был способен заглядывать так далеко.

Внезапно оба застыли: за дверью послышался подозрительный шум.

— К двери, Хатмек! — шепнул воин товарищу. — Я загляну в Око.

С мечом в руке Хатмек приложил ухо к бронзовой двери в надежде что-нибудь услышать. Его товарищ посмотрел в зеркало — и содрогнулся. По ту сторону дверей плотной кучкой сбились враги — мрачные, темнотицы, они сжимали мечи в зубах. Но не это повергло воина в ужас: пальцами враги затыкали себе уши! Один из них, с разукрашенным перьями убором, имел при себе инструмент из нескольких дудочек. Вот он поднес его к губам, и только стражник открыл рот, чтобы поднять тревогу, как из отверстий полились резкие, режущие ухо звуки.

Крик замер в глотке техуттлинца. Зловещая, визгливая мелодия, проникнув за металлическую дверь, заполнила уши стражников. Хатмек оцепенел, не в

силах шевельнуться. Лицо воина омертвело: на нем отразился ужас. Другой стражник, находящийся дальше от источника звука, кожей ощутил надвигавшуюся опасность — угрозу разуму, которую несла с собой эта демоническая музыка. Словно где-то под черепом невидимая паутина оплела мягкую ткань его мозга, и на волне сумасшествия подняли голову звериные инстинкты. Сжимая ладонями виски, воин рухнул на колени, но отчаянным усилием воли прорвался сквозь плену чар и закричал истошно и дико, предупреждая своих об опасности.

Не успел затихнуть его крик, как мелодия изменилась: переросла в однотонный невыносимый вопль, острым ножом врезавшийся в барабанные перепонки. Страшная боль пронзила тело Хатмека; точно чья-то рука смахнула с его лица последние признаки разума — так порыв ветра задувает теплившийся огонек. В припадке безумия он сбросил на пол массивную цепь, рывком распахнул дверь, и прежде чем его товарищ успел его остановить, выбежал в зал. Не меньше дюжины лезвий ударили в жилистую плоть, и, топчя мертвое тело, ксоталанцы валом повалили в комнату стражи; по коридорам и залам прокатилось эхо их торжествующего рева.

Голова звенела, перед глазами все плыло, но оставшийся в живых стражник вскочил, чтобы с копьем в руке встретить врага. Ужас перед колдовством, свидетелем которого он только что был, вытеснило осознание смертельной опасности: враг проник в Техуттли! Это была его последняя мысль, ибо в тот миг, когда зазубренный наконечник его копья вошел в обтянутый смуглой кожей живот, меч ксоталанца раскрыл его череп. И он уже не увидел, как поднятые по тревоге воины с глазами, одичавшими от ярости, бурным потоком вливались в смежные комнаты.

Эти вопли людей и звон стали и сбросили Конана с кушетки — голова ясна, в руке привычный меч. В три прыжка он очутился у двери, распахнул ее — и

только выглянул в коридор, как на него с безумным блеском в глазах, задыхаясь, налетел Техотл.

— Ксоталанцы! — выпалил тот. — Прорвались через ворота!

Конан помчался по коридору, и тут в дверях своей комнаты показалась Валерия.

— Что тут стряслось? — крикнула она.

— Техотл говорит, что ксоталанцы в замке, — торопливо ответил варвар. — Судя по шуму, так оно и есть.

Вместе с техутлинцем, следующим по пятам, они ворвались в тронный зал, где их глазам предстало зрелище, по своему безумию превосходившее самый жестокий и кровавый кошмар. Два десятка мужчин и женщин с взлохмаченными черными волосами и намаляванными на груди белыми черепами схватились в смертельной схватке с жителями Техутли. Женщины сражались наравне с мужчинами, и на полу уже повсюду валялись трупы.

Ольмек в одной набедренной повязке дрался перед тронном, и только в зале появились чужаки, как откуда-то из внутренней комнаты с мечом в руке выскользнула Тасцела.

Хатмек с товарищем были мертвы, и некому было сообщить техутлинцам, каким способом враг проник в их цитадель. Также никто не мог сказать, что заставило ксоталанцев отважиться на этот дерзкий штурм. Соратники Ольмека и не догадывались, что потери ксоталанцев были гораздо более ощутимыми, чем казалось со стороны — из Техутли. Глубокая рана их чешуйчатого союзника, гибель Пылающего Черепа и главное — новость, слетевшая с губ умирающего воина, о появлении загадочных белокожих, вставших на сторону противника, — все это повергло ксоталанцев в тягчайшее уныние, из которого в конце концов и выросла густо замешанная на отчаянии решимость: пусть в безнадежном, пусть в последнем бою, но унести с

собой во Мрак как можно больше жизней своих извечных врагов.

Для техутлинцев нападение явилось полной неожиданностью — вот отчего бой кипел уже в тронном зале среди трупов их соратников. Но оправившись от первого страшного потрясения, они с не меньшей яростью пошли в атаку, к тому же на подмогу уже спешила стража с нижних этажей. Это была смертельная схватка бешеных волков — задыхающихся, ослепленных яростью, безжалостных. Волна нападавших то подкатывалась к возвышению с тронном, то вновь отступала; клинки сверкали, в податливую плоть входила сталь, из перерезанных артерий била кровь, ноги топтали красный пол, на который повсюду натекли алые липкие лужи. Изящные столы слоновой кости валялись перевернутыми, стулья — разбиты в щепки, сорванные портьеры тяжелого бархата — все в красных пятнах. Настал решающий миг кровавой вражды длиной в полвека, и каждый в зале это понимал.

Однако конец был предreshен. По численности техутлинцы превосходили врагов едва ли не вдвое; это придавало им уверенности, а кроме того — разве не рядом с ними их несокрушимые белокожие союзники?

Последние ворвались в гущу свалки и прошлись по ней, как торнадо по зеленому молодняку. По силе с Конаном могли сравниться разве что три тлазитланца вместе, и несмотря на вес, он был проворнее любого из них. Он прокладывал дорогу сквозь ураганы и смерчи толпы с хладнокровием матерого волка, окруженного сворой тявкающих дворняжек, оставляя за собой след из корчащихся полутрупов.

Валерия сражалась бок о бок с варваром, губы ее кривила жесткая усмешка, глаза горели. Она была сильнее среднего мужчины, быстрее любого из них и более жестока в схватке. В ее руке меч словно оживал. Там, где Конан сокрушал противника своим весом и мощью удара, ломая копыя, разрубая черепа и панцири, Валерия брала хитростью. Прежде чем

убить, она игрой меча ослепляла врага, сбивала его с толку, и тог в конечном счете становился легкой добычей. Уже который воин, взмахнув тяжелой сталью, чтобы рассесть надвое эту изящную фигурку, вдруг ощущал на своей шее прикосновение самого кончика ее клинка. Конан, возвышаясь неприступной башней, двигался среди сражающихся, рубя направо и налево; Валерия же легким призраком вилась поблизости: появляясь и исчезая, нападала и отступала, мастерски выполняя свою часть дела. Раз за разом мечи свистели мимо, а их владельцы, вспоров воздух, умирали со сталью в сердце, кровью в горле и с издевательским смешком в ушах.

Ни пол, ни раны не принимались во внимание. Пять ксоталанских женщин пали с перерезанным горлом, прежде чем Конан и Валерия вступили в бой. Когда же женщина или мужчина падали на пол, всегда находился нож, чтобы полоснуть по горлу беззащитной жертвы, или обутая в тяжелую сандалию нога, готовая разможить удачно подвернувшуюся голову.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны схватки, временами выплескиваясь в смежные комнаты. И наконец в большом тронном зале остались одни техултлинцы да их светлокожие союзники. Словно чудом уцелевшие после Судного дня или кончины мира, стояли они с бледными лицами, тяжело дыша, мрачно глядя друг на друга поверх искромсанных трупов своих соратников и врагов. На широко расставленных ногах, на руках, сжимавших рукояти мечей, на разгоряченных телах — всюду виднелись алые струйки крови. Не хватало дыхания, чтобы воспеть победу, и лишь безумный, звериный вой вырывался из пересохших глоток. Так не кричат люди в минуты торжества. Так воеет стая бешеных волков, гордо стоявших посреди растерзанных недругов.

Поймав руку Валерии, Конан повернул девушку лицом к себе.

— У тебя нога в крови, — глухим голосом сказал он.

Она глянула вниз, лишь сейчас почувствовав жгущую боль. Должно быть, какой-нибудь умирающий в последнем усилии всадил нож ей в мякоть ноги.

— Ты тоже смотришься не краше мясника, — рассмееялась в ответ воительница.

Он смахнул с рук красные капли.

— Не мое. Ого! Смотри-ка ты, царапина — и здесь, и тут. Ну да ладно, ерунда. А вот твою лапку надо бы перевязать.

Твердо ступая среди хаоса из сломанной мебели, мертвецов и оружия, по направлению к ним шел Ольмек; его широкие обнаженные плечи были забрызганы кровью, иссиня-черная борода — заляпана алым. Глаза принца полыхали красным огнем — так в черной воде отражается пламя.

— Мы победили! — прохрипел он с изумлением, точно не веря сам себе. — Вражде — конец! Ксоталанские собаки сдохли!.. Ах да, кроме пленников, с которых предстоит еще снять шкуру. Все-таки до чего приятно смотреть на их застывшие морды! Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черный столб!

— Позаботились бы лучше о раненых, — проворчал Конан, отворачиваясь. — Давай, кошечка, посмотрим твою лапку.

— Да подожди ты! — Она резко оттолкнула его от себя: в ее душе еще не стих огонь сражения. — Что если это не все? Может быть, это лишь часть, и они по собственной воле сделали вылазку?

Ольмек покачал головой:

— Они не стали бы дробить силы ради обычного набега. — Он прямо на глазах обретал прежнее царственное величие, однако без своей роскошной пурпурной мантии этот человек походил на принца не более, чем какой-нибудь отвратительного вида хищник. — Нет, голову даю на отсечение — мы перебили всех! Их

оказалось меньше, чем я думал, и похоже, это был шаг отчаяния. Но как они проникли в Техуттли?

Подопила Тасцела, на ходу вытирая меч об обнаженное плечо; в другой руке она держала предмет, который нашла рядом с трупом вождя ксоталанцев.

— Это флейты безумия, — сказала она. — Один из воинов сказал мне, что Хатмек сам открыл дверь перед ксоталанцами и что его зарезали на месте при штурме караульной комнаты. Тот воин выбежал из внутреннего зала и видел все своими глазами. Еще он слышал затухающие звуки непонятной, жуткой мелодии, от которой, по его словам, стыла душа. Толкемек много раз говорил мне об этих дудках; коренные ксухотланцы клялись, что инструмент спрятан где-то в катакомбах рядом с останками древнего колдуна, владевшего им при жизни. Очевидно, ксоталанские псы нашли его и узнали, как с ним обращаться.

— Вместо пустых разговоров лучше бы кто-нибудь сходил в Ксоталан да посмотрел бы на месте, не остался ли там кто еще, — сказал Конан. — Я бы пошел, если дадите людей.

Ольмек с сомнением окинул взглядом остатки своей армии. В живых осталось человек двадцать, из них некоторые, постанывая, лежали на полу. Все техуттлины были в большей или меньшей степени изранены, одна Тасцела вышла из схватки без единой царапины. Вражеские мечи не коснулись ее, хотя принцесса сражалась с не меньшей отвагой, чем остальные воины.

— Кто хочет пойти с Конаном в Ксоталан? — громко спросил Ольмек.

Прихрамывая, вперед выступил Техотл. Глубокая рана у него на бедре сочилась кровью, грудь рассекала красная полоса.

— Я пойду!

— Тебе нельзя, — решительно возразил Конан. — Ты тоже не пойдешь, Валерия. Еще немного — и у тебя онемееет нога.

— Я пойду! — подал голос воин, зубами стягивающий узел повязки вокруг запястья.

— Хорошо, Янат. Отправляйся с киммерийцем. Ты тоже пойдешь, Топал, — Ольмек указал на другого воина, раны которого были незначительны. — Но прежде помогите перенести раненых на ложа — их надо побыстрей перевязать.

С этим делом управились быстро. В то время как они склонились над женщиной, оглушенной ударом булавы, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конану почудилось, будто принц что-то прошептал, однако он не мог бы утверждать наверняка. Спустя минуту он уже шел к выходу, оба воина — следом.

В дверях Конан оглянулся на следы недавней бойни: на тускло краснеющем полу валялись мертвецы; в кровавых пятнах ноги и руки скрючились в предсмертной агонии, на смуглых лицах застыла маска ненависти, остекленевшие глаза вперились в потолок, с которого огненные камни заливали жуткую сцену сумеречным, колдовским светом. Среди мертвых живые двигались бесцельно, неуверенно, точно в тумане. Конан услышал, как Ольмек подождал женщину и приказал ей перевязать ногу Валерии. Воительница нехотя прошла за той в смежную комнату — она уже начала прихрамывать.

Соблюдая осторожность, два техуттлины вели Конана — сначала по залу за бронзовой дверью и дальше бесчисленными комнатами под мерцающим зеленым сиянием. И за весь путь — ни единой души, ни даже звука, кроме гулких шагов по каменным плитам. Миновали Большой зал, протянувшийся с севера на юг через весь город, и сразу от близости вражеской территории чувства воинов предельно обострились. Но напрасно настороженные взгляды обыскивали каждый закоулок, каждый сгусток тени: комнаты и залы были пусты. Наконец они вошли в широкий сумрачный зал и остановились перед бронзовой дверью — точной копией двери на ярусе Орла при входе в Техуттли. От первого

же легкого прикосновения пальцев дверь бесшумно ушла вовнутрь. С трепетным страхом смотрели воины на открывшуюся их глазам анфиладу комнат. Вот уже пятьдесят лет ни один техултлинец не входил под этот свод... конечно, кроме тех несчастных, чья незавидная участь была предreshена. Попасть в Ксоталан — более ужасной кары богов жители западного замка не знали. Страх перед этим заставлял сжиматься их сердца с раннего детства. Для Яната и Топала ступить под этот портал было все равно что добровольно шагнуть в царство Тьмы.

Оба во власти инстинкта, они разом отшатнулись от страшной двери. Тогда Конан, плечом раздвинув проводников, вошел в Ксоталан.

Робко, едва не дрожа, техултлинцы шагнули следом. Каждый, коснувшись пола по ту сторону порога, на миг замирал, дико озираясь по сторонам. Но ничто, кроме их частого дыхания, не нарушало гнетущей тишины.

Они вошли в квадратную караульную комнату, вроде той, что была за входной дверью на ярусе Орла в Техултли; оттуда, как и в западном замке, широкий коридор вел в просторную комнату, по форме и размерам напоминавшую тронный зал Ольмека.

В начале коридора Конан остановился. Напряженно вслушиваясь, он в то же время перебежал взглядом с ковров на диваны, с диванов на портьеры, с портьер на черные проемы в стенах по сторонам. Вокруг — ни звука. Похоже, смежные комнаты также пусты. Сомнений нет: в Ксухотле больше не осталось ни одного ксоталанца.

— Пошли! — Он двинулся вперед. Но не успел пройти и дюжины шагов, как понял, что вместо двух с ним только один воин — Янат. Варвар круто обернулся и увидел Топала — объятый ужасом, тот словно прирос к месту; растопыренными руками он как бы пытался защитить себя от неминуемой, страшной опасности; взгляд его расширенных глаз был устрем-

лен на диван, стоявший ярдов за двадцать в глубине коридора.

— Ну что там еще? — И вдруг Конан увидел то, что остановило техултлинца, и легкий озноб пробежал по могучей спине варвара. Из-за дивана торчала голова чудовища, судя по всему, рептилии — широкая, как у крокодила, с острыми изогнутыми клыками в верхней челюсти, выступавшими над нижней. Однако тварь была подозрительно неподвижна, в ее немигающих, остекленевших глазах зелеными точками отражались огненные гроздьи под потолком.

Конан заглянул за кушетку. Там лежало уже окоченевшее тело огромной змеи. За всю свою богатую на приключения жизнь бродяги не видел он такого чудовища. Казалось, тварь вобрала в себя самую отвратительную вонь, самый пронизывающий холод, какие только нашлись во чреве земли. Кожа не имела определенного цвета: он менялся в зависимости от того, под каким углом Конан смотрел на змею. Глубокая рана у головы указывала на причину смерти.

— Ледяной Змей! — в благоговейном ужасе прошептал Янат.

— Это та тварь, которую я рубанул на лестнице, — сказал Конан. — Она преследовала нас до самых бронзовых дверей, а потом, видимо, уползла сюда подыхать. И как только ксоталанцы управлялись с эдаким зверем?

Вздрогнув, техултлинец покачал головой.

— Его вызвали заклинаниями из черных туннелей, расположенных еще ниже катакомб. Они знали многое из того, чего не знали мы.

— В любом случае тварь мертва, а будь у ксоталанцев еще такие же, они наверняка прихватили бы их с собой в Техултли. Вперед!

Оба воина едва не наступали Конану на пятки, пока тот шел по коридору и потом, когда налег плечом на массивную дверь в серебряной чеканке.

— Если на этом этаже никто не попадется, — говорил он своим спутникам, — спустимся на нижние. Надо облазить Ксоталан с катакомб до крыши. Если Ксоталан ничем не отличается от Техуттли, то на этом ярусе должно быть светло от... Великий Асура, что это?!

Они вошли в просторную тронную комнату, во всем похожую на тронный зал в Техуттли. Такое же возвышение из жадеита с таким же сиденьем цвета слоновой кости, точно такие же диваны, ковры и гобелены на стенах. Не было только черного, в красных точках столба за тронным возвышением, однако зловещие свидетельства вражды были на месте.

Вдоль стены за тронном, от края до края, сверху донизу, протянулись застекленные полки. А на полках, прекрасно сохранившиеся, рядами стояли сотни человеческих голов — бесстрастными глазами они смотрели на вошедших, как смотрели одним богам ведомо сколько лет и месяцев.

Топал глухо пробормотал слова проклятия, но Янат стоял молча, в его расширенных зрачках разгорался огонь сумасшествия. Конан нахмурился: он знал, что разум любого глазитланца и так постоянно висит на волоске, а тут еще это зрелище.

Внезапно, выбросив вперед дрожащую руку, Янат указал на ужасные останки.

— Там голова моего брата! — прошептал он непослушными губами. — Рядом — младшего брата моего отца! А там дальше — старшего сына моей сестры!

Он вдруг заплакал, как плачут мужчины — без слез; низкие, громкие рыдания сотрясали его сильное тело. Янат не прятал лица, напротив: не отрывая глаз, смотрел на выставленные рядами головы. Но вот рыдания стали резче, сменились жутким, визгливым хохотом, который в свою очередь перерос в нескончаемый невыносимый вопль. Последние искорки разума погасли — Янат сошел с ума!

Конан положил руку ему на плечо, и от этого дружеского прикосновения словно все злые силы, до той поры таившиеся в смутной душе глазитланца, разом вырвались на свободу. Круто повернувшись, Янат с пронзительным криком замахнулся на киммерийца мечом! Конан парировал удар. Топал схватил безумца за руку, но тот каким-то чудом вывернулся и глубоко вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном повалился на пол, а Янат — с выступившей в уголках рта пеной — завертелся в безумном танце; затем, подскочив к полкам, принялся крушить стекла стальным клинком.

Конан прыгнул на него со спины, думая застать врасплох и обезоружить, но маньяк вдруг повернулся и, вопя, как неприкаянная душа, набросился на варвара. Увидев, что разум уже не вернуть, киммериец отступил в сторону и, когда воин оказался рядом, взмахнул мечом. Разрубив ключицу, сталь глубоко ушла в грудь, и бедняга распростерся на плитах рядом со своей жертвой.

Конан склонился над Топалом — тот был при последнем издыхании. Из ужасной раны в боку толчками вытекала кровь. Воин был обречен.

— Топал, ты умираешь, — глухо сказал Конан. — Хочешь что-нибудь передать своим?

— Нагнись ко мне, — прохрипел техуттлинец. Конан склонился ниже — и едва успел перехватить руку с ножом, нацеленным в его сердце!

— Кром! — выругался варвар. — Ты тоже спятил?!

— По приказу Ольмека! — выдохнул умирающий. — Не знаю почему. Когда переносили раненого, он прошептал, чтоб я убил тебя, когда пойдем обратно в Техуттли... — И с именем своего клана на губах Топал испустил дух.

Конан сдвинул брови — он был явно озадачен. Все это отдавало каким-то массовым психозом. Или Ольмек тоже сошел с ума? А что, если все техуттлины гораздо более безумны, чем ему казалось? В конце

концов, пожав плечами, он зашагал по коридору к бронзовым дверям, оставив мертвых техутглинцев лежать под пронизывающим взглядом сотен остекленевших глаз их сородичей.

Возвращаясь по лабиринту, Конан не нуждался в проводнике. Его природный инстинкт безошибочно подсказывал дорогу, по которой они шли к Ксоталану. Варвар ступал так же осторожно, как и полчаса назад, сжимая в руке обнаженный меч, впиваясь взглядом в каждый затененный угол, ибо сейчас он опасался не призраков убитых ксоталанцев — угроза исходила от его недавних союзников.

Он уже миновал Большой зал и шел комнатами западной части города, как вдруг услышал впереди странные звуки — словно кто-то с трудом, прерывисто и тяжело дыша, тащил что-то тяжелое по каменным плитам. Еще миг — и Конан увидел человека, который полз навстречу ему по полыхающему красным полу, за ним тянулся широкий кровавый след. Это был Техотл — глаза его уже подернулись туманом, ладонью он зажимал глубокую рану на груди, обильно сочащуюся кровью. Опираясь на другую руку и подтягивая тело, он рывками продвигался вперед.

— Конан, — прохрипел он, увидев киммерийца. — Конан! Ольмек взял себе желтоволосую женщину!

— Так вот почему он приказал убить меня! — проворчал Конан, опускаясь перед Техотлом на колени; опытным глазом он сразу определил, что перед ним умирающий. — Похоже, Ольмек вовсе не такой сумасшедший, как я о нем думал.

Пальцы Техотла нашли руку киммерийца, сжали ее. В его беспросветной жизни техутглинца, в которой не осталось места ни любви, ни дружеской поддержке, чувства восхищения и привязанности по отношению к загадочным пришельцам из большого мира образовали маленький оазис человеческого тепла, крохотный огонек, благодаря которому он смог постичь добро и сострадание — понятия, которых

начисто были лишены его товарищи, чьи души переполняли ненависть, сластолюбие и ненасытная потребность терзать живую плоть.

— Я хотел ему возразить, — в горле Техотла булькало, на губах пузырилась кровавая пена, — но он ударил меня мечом. Он думал, что убил меня, но мне удалось уползти оттуда. Милосердный Сет! Сколько же мне пришлось ползти! Берегись, Конан! Ольмек наверняка устроит тебе засаду. Убей его! Он не человек, он — зверь! Возьми Валерию и бегите! Не бойтесь леса. Ольмек с Тасцелой обманули вас. Драконы перебили друг друга много лет назад, остался только один — самый сильный. Двенадцать лет он бродил вокруг города. Если вы его убили, то вам ничто не угрожает. Дракон был для Ольмека богом, он поклонялся ему, скармливал ему людей — и молодых и старых: связанную жертву швыряли со стены поджидавшему внизу дракону. Торопись! Ольмек увел Валерию в комнату...

Техотл уронил голову на грудь, тело его обмякло: перед Конаном лежал труп.

Варвар вскочил на ноги — глаза, словно пылающие угли, в голове — полная ясность. Так вот какую игру затеял Ольмек: сначала с помощью чужаков сокрушить враждебное племя, а после!.. И он-то хорош — мог бы догадаться, что зреет под обезьяньим черепом этого чернобородого выроodka!

...Забыв об осторожности, едва ли не бегом, Конан спешил в Техутгли, на ходу вспоминая, сколько прежних союзников осталось в живых. Получалось, что после жестокой схватки в тронном зале уцелел двадцать один человек. С тех пор трое умерло, значит, осталось посчитаться с семнадцатью. В своей ярости Конану казалось, что он и голыми руками мог бы истребить все вражье племя.

Но вскоре природная хитрость дикаря взяла верх над природной яростью. Он вспомнил предупреждение Техотла о засаде. Скорее всего, принц так и сделал —

на тот случай, если Топалу не удалось бы выполнить приказ. Наверняка Ольмек поджидает его где-нибудь на пути, которым небольшой отряд уходил в Ксоталан.

Конан поднял голову: сквозь кристалл узкого окна в потолке он разглядел мерцающие звезды — значит, рассвет еще не наступил. Выходит, весь этот водоворот событий уместился в несколько часов.

Свернув с прямого пути, Конан спустился по винтовой лестнице этажом ниже. Он не знал, в каком месте на этом уровне находится дверь — вход в замок, но был уверен, что сумеет ее отыскать. Оставалось неясным, как он управится с засовами, но одно он знал наверняка: все двери, ведущие в Техуттли, заперты — хотя бы из осторожности, ставшей привычкой за столетия непримиримой вражды. Что ж, в любом случае больше ничего не остается.

Сжимая меч, он бесшумно скользил дальше по лабиринту затененных или залитых зеленым светом комнат и залов. Он был уже на подходе к замку, как вдруг его остановил негромкий звук. Он сразу узнал его — то было сдавленное мычание человека с кляпом во рту. Звук исходил откуда-то спереди и чуть левее. В этих наполненных тишиной комнатах малейший шорох разносился на удивление далеко.

Конан свернул и принялся разыскивать источник звука: тот время от времени повторялся, что значительно облегчало поиски. И вдруг он остановился, во все глаза глядя в дверной проем на зловещую картину. В комнате на низких стойках была укреплена железная решетка, а на ней, с накрепко привязанными к прутьям руками и ногами, распростерлось тело человека-гиганта. Его голова упиралась в щетину железных игл, на треть окрашенных красным. Всю голову оплетала какая-то упряжь, приспособленная, однако, таким образом, чтобы кожаные ремни не могли защитить затылок от острых шипов. Вытянутая в струну тонкая цепочка соединяла упряжь с необычным механизмом, прикрепленным к

огромному железному шару, подвешенному над скрытой иссиня-черной бородой грудью пленника. До тех пор, пока тот силой воли оставался неподвижным, железный шар висел не шелохнувшись. Но каждый раз, когда боль в затылке вынуждала пленника приподнять голову, шар опускался на несколько дюймов. Проходило время, и напряженные шейные мускулы уже не могли удерживать голову в этом неестественном положении, и та вновь падала на шипы. Таким образом, медленно, дюйм за дюймом, но рано или поздно шар неизбежно должен был расплющить в лепешку того, кто был распластан на решетке. Из рта жертвы торчал кляп, поверх которого, дико вращаясь, блестели черные воловьих глаза. Но вот их взгляд остановился на человеке в дверном проеме, опять послышалось мычание — и Конан отступил, пораженный: привязанный к решетке, лежал Ольмек, принц Техуттли.

6. Взгляд Тасцелы

— Неужели для того, чтобы перевязать рану, надо было тащить меня в отдельную комнату? — спросила Валерия недовольно. — Почему этого нельзя было сделать в тронном зале?

Она сидела на кушетке. Ранняя нога покоилась на подушках, а рядом стояла техуттлинка, только что закончившая накладывать повязку из шелковых лент. Весь в красных подтеках меч Валерии лежал рядом.

Воительница нахмурилась. Женщина исполнила работу молча и старательно, однако Валерии не понравилось ни едва ощутимое поглаживание мягких пальцев, ни выражение ее смуглого лица.

— Остальных раненых разнесли по другим комнатам, — ответила женщина нежным голосом техуттлинок, в котором, однако, не чувствовалось ни нежности, ни еще меньше — кротости. Не более, чем час назад, эта самая женщина на глазах Валерии всадила нож в

грудь ксоталанки и выдавила глаз распростертому на полу ксоталанцу.

— Тела мертвецов спустят вниз в катакомбы, — продолжала та, — чтобы их призраки не бродили по комнатам.

— Ты веришь в призраков? — удивилась воительница.

— Я знаю, что по катакомбам бродит призрак Толкемека, — ответила та, содрогнувшись. — Я его видела однажды; я тогда спряталась в склепе, где покоятся останки королевы, а он прошел мимо — на вид старик, длинная седая борода, волосы, и глаза светятся в темноте. Это был Толкемек: я видела его еще ребенком, когда его пытали.

Ее голос упал до испуганного шепота:

— Ольмек смеется над подобными страхами, но я-то знаю, что по катакомбам бродит дух Толкемека! Говорят, что это крысы объедают свежие трупы... но призраки тоже едят такое мясо. Кто его знает, а только...

На кушетку упала широкая тень, и женщина испуганно вскинула голову. Валерия посмотрела вверх — над ней, пожирая ее взглядом, возвышался Ольмек. Принц очистил от крови руки, ноги, торс и смыл с бороды красные пятна, но так и не накинул мантию, и сейчас все его крупное темнокожее и безволосое тело являло собой воплощение силы — звериной, послушной лишь инстинктам матери-природы. В глубоко посаженных темных глазах пылал огонь животной страсти; чуть подрагивающие пальцы, теребящие густую иссиня-черную бороду, также говорили о многом.

Он перевел тяжелый взгляд на женщину, и та, быстро поднявшись, выскользнула из комнаты. В проеме двери она оглянулась — ее глаза были полны грязного любопытства, губы кривила циничная усмешка.

— Ну и поработала, — ворчливо проговорил принц, подходя к дивану и склоняясь над повязкой. — Дай-ка взглянуть...

С быстротой, удивительной для его грузного тела, он схватил меч и зашвырнул его в дальний угол комнаты. Следующим движением Ольмек обхватил огромными руками гибкое тело девушки.

Каким бы стремительным и неожиданным ни было это нападение, ответ последовал молниеносно: едва он успел стиснуть ее в своих объятиях, как в изящной руке сверкнул нож, и острое нацелилось ему в горло. Скорее благодаря везению, чем мастерству, ему удалось перехватить ее запястье, и на кушетке разгорелась яростная борьба. Она пустила в ход кулаки, носки и пятки, колени, зубы и ногти, добавив всю изворотливость и силу своего совершенного тела, все искусство рукопашной борьбы, приобретенное за годы разбоя на суше и на море. Но ничто не могло противостоять его звериной силе. Кинжал она выронила в первый же миг схватки, а кроме как сталью причинить этой туше ощутимый урон оказалось невозможно.

Похотливый блеск в его черных зрачках не затухал, от их липкого взгляда в Валерии пробудился гнев, а злобно-насмешливая улыбка, которая угадывалась под лиловой порослью, только добавила масла в огонь. В его глазах, в улыбке отразился весь цинизм, вся жестокость, бурлившие под внешне пристойной маской этого извращенного, вырождающегося народа, и в первый раз за свою жизнь Валерия ощутила страх перед мужчиной. Ей казалось, что она борется с неиссякаемой первобытной силой: о его железные руки, как волны о скалы, разбивались все ее выпады. Она почувствовала, как в ее душе нарастает отчаяние. Он словно был невосприимчив к боли. И только раз, когда она с яростью вонзила крепкие зубы в его смуглую руку, да так, что выступила кровь, в нем пробудился зверь.

Ладонью он закатил ей по виску такой удар, что искры выпали из глаз, а голова откинулась на плечо.

Во время схватки рубашка на ней разорвалась сверху донизу, и он, обезумев от страсти, принялся с изощренной жестокостью тереть жесткой густой бородой об ее обнаженные груди, от чего нежная кожа зарделась кровью, а с алых губ сорвались первые крики боли и бешеной ярости. Но все усилия были тщетны. Безоружную, задыхающуюся от ненависти, ее швырнули на кушетку; она стиснула зубы, в глазах застыло выражение пойманной в капкан тигрицы.

В следующий миг с Валерией на руках он уже быстро шел к выходу из комнаты. Она больше не сопротивлялась, и лишь огонь в глазах говорил о том, что она не побеждена, по крайней мере — дух ее не сломлен. Девушка не кричала: Конан был далеко, и нечего было надеяться, что кто-нибудь из техуллинцев отважится выступить против своего принца. Но почему тогда Ольмек идет словно крадучись, повернув голову, как бы вслушиваясь в звуки погони; и почему он не пошел в тронный зал?

С девушкой на руках он вошел в противоположную дверь, миновал комнату и осторожно пошел по длинному, широкому коридору. И только Валерия убедилась, что Ольмек опасается неизвестных врагов, как, откинув голову, она пронзительно закричала во всю силу своих легких.

Ее тут же наградили оглушительной пощечиной, а Ольмек с быстрого шага перешел на неуклюжий бег.

Но ее крик был услышан. Раздался тихий возглас, и, едва не свернув себе шею, Валерия выглянула за спину принца и сквозь плену слез и белых точек увидела Техотла, который прихрамывая шел следом.

Издав глухое рычание, Ольмек перекинул девушку под руку, и в этом неудобном и, несомненно, малопочтенном положении, прижатая железной рукой к могучему торсу, она, как капризный ребенок, извивалась, царапалась и лягалась, хотя и без заметного успеха.

— Ольмек! — В голосе Техотла слышалось осуждение. — Ты этого не сделаешь! Это подло! Она — женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Без единого слова, сжав пальцы свободной руки в огромный кулак, Ольмек нанес удар, и раненый без чувств рухнул на пол. Принц нагнулся и, не обращая внимания на отчаянную борьбу и проклятия пленницы, вытащил меч Техотла из ножен и вонзил острое клинка в грудь воина. Затем, бросив оружие, зашагал дальше по коридору. Он так и не заметил смуглого женского лица, украдкой смотревшего из-за gobelena ему в спину. С первым стоном Техотла оно исчезло. Превозмогая страшную боль, тот поднялся и, шатаясь как пьяный, выкликая слабым голосом имя Конана и спотыкаясь на каждом шагу, заковылял прочь.

Пройдя быстрым шагом в конец коридора, Ольмек очутился у винтовой лестницы, спустился этажом ниже, пересек несколько узких коридоров и наконец остановился в просторной комнате, двери в которой закрывали тяжелые портьеры — все, кроме одной: тяжелой бронзовой двери, похожей на главную дверь яруса Орла.

Указав на нее, Ольмек самодовольно проурчал:

— Вот, смотри! Эта дверь — один из четырех входов в Техуттли. Впервые за пятьдесят лет здесь нет стражи: нам больше незачем ее охранять, ибо нет больше ксоталанцев!

— Ты забыл, что это во многом благодаря мне и Конану, грязный подонок! — презрительно выкрикнула Валерия, дрожа от ярости и стыда за совершенное над ее волей насилие. — Ты вероломный пес! За такие дела Конан перережет тебе глотку!

Ольмек решил не утруждать себя пустыми фразами, а потому не стал сообщать ей, что как ему, Ольмеку, думается, по его тайному приказу самому Конану к этому часу наверняка уже выпустили кишки. Принц так далеко зашел в своем цинизме, что ему было

абсолютно наплевать, как отнесется к этому его белокожая пленница. Он пожирал ее глазами, подолгу задерживая обжигающий взгляд на тех местах, где в разорванную во время схватки ткань выглядывала нежная белая плоть.

— Забудь своего Конана, — хриплым голосом сказал он. — Отныне Ольмек — повелитель Ксухотла. Ксоталан повержен. Больше не будет смертей. Вместо войны мы посвятим наши жизни вину и любви. Но сначала — выпьем!

Он уселся на стол, инкрустированный пластинками из слоновой кости, и силой усадил ее себе на колени — словно темнокожий сатир, облапивший прекрасную белую нимфу. Не обращая внимания на ее отнюдь не нимфовые выражения, он крепко держал девушку, обвив одну руку вокруг гибкой талии, другой же, потянувшись через стол, достал кувшин с вином.

— Пей! — приказал он, сунув горлышко к ее губам и наклоняя кувшин.

Девушка откинула назад голову, и вино, омочив губы, пролилось на обнаженную грудь.

— Кажется, твоей гостье пришлось не по вкусу твое вино, Ольмек, — вдруг раздался сзади холодный, насмешливый голос.

Ольмек словно ооченел, в его полыхающие страстью глаза закрался страх. Он медленно повернул большую голову и помутненным взглядом уставился на Тасцелу, в небрежной позе стоявшую перед дверной портьерой, — ладонь левой руки на гладком бедре, другая рука отведена за спину. Валерия завертелась с удвоенной энергией, пытаясь вырваться наконец из железной хватки Ольмека, как вдруг ее взгляд случайно встретился со взглядом Тасцелы — и по спине воительницы пробежал холодок. Слишком многое пришлось познать гордой воительнице за эту ночь. Совсем недавно она впервые в жизни испытала страх перед мужчиной; сейчас она поняла, что такое страх перед женщиной.

Ольмек словно прирос к столу, его смуглая кожа все сильнее покрывалась пепельно-серым налетом. Тасцела достала из-за спины руку, в которой держала небольших размеров золотой сосуд.

— Я так и думала, что ей не понравится твое вино, Ольмек, — промурлыкала принцесса, — и потому принесла немного своего — того самого, что когда-то захватила с собой с озера Эвад... Ты понимаешь меня, Ольмек?

На лбу принца выступили крупные капли пота, хватка его ослабела. Тотчас Валерия, вырвавшись из страшных лап, скользнула через стол. Но несмотря на то, что здравый смысл подсказывал ей немедленно покинуть комнату, она, точно в наваждении, не могла двинуться с места и молча наблюдала за развитием событий.

Вихляющей неспешной походкой, которая сама по себе уже являлась оскорблением, Тасцела приблизилась к принцу. Ее голос звучал вкрадчиво, нежно, но глаза ярко блестели. Тонкие, изящные пальцы пробежали по грубым волосам иссиня-черной бороды.

— Нельзя же быть таким эгоистом, Ольмек, — мягко, как бы с легким упреком сказала она, губы ее растянула улыбка, в глазах — сталь и холод. — Ты вознамерился оставить нашу гостью себе, хотя прекрасно знал, что я сама собиралась поразвлечь ее. Ты сильно провинился, Ольмек!

На миг маска приоткрылась, обнажив истинное лицо принцессы: ее глаза полыхнули огнем, тонкие черты исказил гнев, пальцы конвульсивно сжались, и с невероятной силой, неожиданной для этого стройного тела, она вырвала из густой бороды клоч волос. И все-таки это внезапное проявление сверхъестественной силы наводило меньший ужас, чем всплеск дикой ярости, бушующей под внешне бесстрастными манерами принцессы.

Издав звериное рычание, Ольмек вскочил со стола; своей огромной медвежьей тушей он навис над хруп-

кой на вид женщиной, пальцы его рук судорожно сжимались и разжимались.

— Шлюха! — Громовые раскаты наполнили комнату. — Ведьма! Жаль, Техулли не убил тебя пятьдесят лет назад! Пошла прочь! Довольно я от тебя натерпелся! Белокожая девка — моя! Убирайся, пока я сам тебя не прирезал!

Принцесса тихо рассмеялась и швырнула пряди волос ему в лицо. В ее смехе было не больше жалости, чем в звоне мечей.

— Когда-то, Ольмек, ты говорил иначе, — насмешливо проворковала она. — Когда-то, в дни своей молодости, ты говорил мне слова любви. Да-да, помнится, много лет тому назад ты даже был моим любовником, и лишь благодаря любви ты, опьяненный черным лотосом, спал в моих объятиях... Тогда-то ты и отдал в мои руки цепи, которыми я поработила тебя. Ты знаешь, что не можешь противиться моей воле. Ты знаешь, что стоит мне всего лишь посмотреть тебе в глаза — с той колдовской силой, которой обучили меня стигийские жрецы, — и ты станешь беспомощен и кроток. Помнишь ту ночь, когда над нами, качаемый таинственным ветерком, благоухал черный лотос; и вот снова ты вдыхаешь его неземной аромат, он облаком окутывает тебя, очаровывает — и вот ты уже мой раб. Ты не можешь бороться со мной. Ты мой раб, как был рабом в ту ночь, и ты останешься моим рабом до конца дней своих, Ольмек из Ксухотла!

Ее голос упал до невнятного бормотания — словно журчание ручейка, бегущего неизвестно куда и откуда под звездным покровом ночи. Придвинувшись к принцу, она стала водить ладонями по его мощной груди. Глаза гиганта потухли, руки безвольно обвисли по бокам.

С жестокой, зловещей улыбкой Тасцела поднесла к его губам сосуд.

— Пей!

Отрешенный, с остановившимся взглядом принц подчинился приказу — и в тот же миг пелена спала с его глаз, и их захлестнула волна ярости, живого разума и неподдельного ужаса. Рот его широко раскрылся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. С полминуты он раскачивался на полусогнутых ногах и вдруг бесформенной массой повалился на пол.

Звук падения грузного тела вывел Валерию из состояния паралича. Круто повернувшись, она метнулась к двери, но в стремительном броске, который посрамил бы и пантеру, Тасцела преградила ей дорогу. Сжав пальцы в кулак, Валерия выбросила вперед руку, вложив в этот удар все силы своего тренированного тела. Будь перед ней мужчина, тот без чувств рухнул бы к ее ногам. Но, чуть прогнувшись своим гибким телом, Тасцела увернулась и пальцами обвила запястье девушки. Еще миг — и та же участь постигла левую руку. Удерживая оба запястья одной рукой, другой Тасцела деловито связала их шнуром, который выдернула из пояса. До сих пор Валерия полагала, что за эту бесконечную ночь она испытала достаточно унижений, но стыд от грубого обращения Ольмека не шел ни в какое сравнение с тем чувством, от которого в беззвучных рыданиях сотрясалось сейчас ее тело. Валерия всегда была склонна презирать прочих представительниц своего пола, и встреча с женщиной, которая обращалась с ней играючи, точно с ребенком, явилась для ее израненной души слишком большим ударом. Она почти не сопротивлялась, пока Тасцела вела ее за шнур к стулу, пока, силой усадив ее, прикручивала связанные руки между колен к сиденью, и потом, когда привязывала ноги. Небрежно перешагнув через Ольмека, Тасцела направилась к бронзовой двери. Убрав засов, она распахнула дверь, за которой оказался длинный зал.

— В этот зал, — заметила она, впервые обращаясь к своей пленнице, — выходит комната, в прежние времена известная как пыточная. Когда мы заперлись в

Техултли, то большинство орудий унесли с собой, но одно, слишком тяжелое, пришлось оставить. Оно и сейчас, как и в прежние времена, находится в рабочем состоянии и, думаю, подойдет как нельзя лучше.

Легко узнаваемый ужас появился в глазах принца. Тасцела вернулась к Ольмеку и, нагнувшись, стальной рукой схватила того за волосы.

— Он только парализован, и то на время, — как ни в чем не бывало пояснила она. — Он может слышать, думать и чувствовать... О да! Уж с этим-то у него все в порядке!

И с этим зловещим замечанием она направилась к двери, волоча за собой принца с такой легкостью, словно это был мешок тряпья. Глаза воительницы расширились от ужаса. Принцесса вышла в зал и, не останавливаясь, проследовала дальше, пока вместе с пленником не исчезла в дверном проеме, откуда вскоре вслед за этим донеслось звяканье железа.

Валерия тихо выругалась и попыталась разорвать веревки, но тщетно: опутавшие ее шнуры, внешне так похожие на нити, на деле оказались невероятно прочными.

Но вот наконец вернулась Тасцела; за ее спиной из смежной с залом комнаты раздавались приглушенные стоны. Она прикрыла за собой дверь, однако не стала накладывать на нее засов. Тасцелу не коснулась жесткая хватка привычки, точно так же, как и душе ее были чужды чувства и инстинкты, свойственные обычным людям.

За все это время Валерия не проронила ни звука; она лишь не отрывая глаз смотрела на женщину, чьи изящные руки держали сейчас ее судьбу.

Сжав в пучок золотистые волосы воительницы, Тасцела потянула руку вниз и заглянула той в лицо. Взгляд принцессы обдавал холодом, но блеск в темных глазах говорил о бушующих в ее душе страстях.

— Я устаиваю тебя великой чести, — наконец изрекла она. — Ты поможешь возродить юность

Тасцелы. Ты, кажется, удивлена? О да! Я выгляжу молодо, и все-таки я чувствую, как кровь в моих жилах замедляет свой бег, как к сердцу подбирается холод, я чувствую, как это случалось уже тысячу раз, дыхание старости. Да, я стара — так стара, что не помню своего детства. Но когда-то я тоже была юной девушкой, и меня любил стигийский жрец, который и передал мне секрет бессмертия и вечной молодости. Он потом умер... злые языки говорили — от яда. А я осталась жить в своем дворце на берегу озера Эвад, и быстротечные годы не коснулись меня. В конце концов меня возжелал король Стигии, но наше племя восстало, и в результате мы очутились здесь. Ольмек называл меня принцессой, но во мне нет ни капли королевской крови. Я стою выше, чем любая из принцесс. Я — Тасцела, чья юность возродится благодаря твоему восхитительному телу.

От ровного голоса Тасцелы язык Валерии прилип к гортани. Она кожей ощутила, что за всем этим кроется нечто более ужасное, чем упадок и вырождение народа Ксухотла.

Женщина отвязала от стула аквилонку, рывком поставила ее на ноги. И не страх перед необычайной силой, заключенной в руках принцессы, превратил Валерию в беспомощную жертву — то были глаза Тасцелы, в которых разгорался заволаживающий, наводящий ужас огонь.

7. Тот, кто вышел из Тьмы

— Ну вот и я!

Конан воззрился на человека, растянутого на решетке.

— Чего это ты здесь разлегся! Не нашлось другого места?

Из-под кляпа послышалось невнятное мычание, и, наклонившись, Конан выдернул тряпку изо рта принца. У того вырвался сдавленный рев: от резкого

движения его голова приподнялась, и железный шар, качнувшись вниз, замер в каком-то дюйме от его широкой груди.

— Во имя Сета — осторожнее! — выдохнул Ольмек.

— Ну вот еще! — ухмыльнулся Конан. — С какой стати я должен волноваться о твоём здоровье? Жаль, у меня нет времени, а то бы я полюбовался, как эта железяка будет выдавливать из тебя кишки. Но, к сожалению, я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — взмолился Ольмек. — Я все скажу!

— Сначала скажи.

— Никогда! — Тяжелые челюсти принца упрямо сжались.

— Прекрасно! — Конан уселся на скамейку рядом. — Я подожду, пока ты не превратишься в желе, а после найду ее сам. А кстати, события можно ускорить, если кончиком меча поковырять у тебя в ухе. — И он, как бы примериваясь, приподнял клинок.

— Не надо! — Слова вдруг бурным потоком полились из пересохшей глотки принца: — Твою женщину отняла у меня Тасцела. Я всегда был лишь игрушкой в ее руках.

— Тасцела? — фыркнул Конан и сплюнул. — Что еще надо этой развратной...

— Нет-нет! — выпалил Ольмек. — Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Тасцела стара — ей сотни лет. Но она поддерживает в своем теле жизнь и возвращает себе молодость, принося в жертву красивых юных женщин. И это одна из главных причин, почему наш клан оказался на грани вымирания. Она перельет жизненную силу Валерии в свое дряхлеющее тело и расцветет заново — свежая, сильная, прекрасная!

— Двери заперты? — деловито спросил Конан, проводя пальцем по острию меча.

— Да! Но я знаю тайный ход в Техултли. Его знаем только мы с Тасцелой, но она уверена, что я не опасен, а ты — убит. Освободи меня, и — кля-

нусь! — я помогу тебе вызволить Валерию. Без меня тебе в Техултли не пробраться; даже если пыткой принудишь открыть тайну, — все равно один не справишься. Развяжи меня! Мы вдвоем выследим Тасцелу, незаметно подкрадемся и убьем прежде, чем она пустит в ход свое колдовство и заморозит нас взглядом своих ведьминых глаз. Нож в спину сделает свое дело. Мне давно надо было бы ее прирезать, но я боялся, что без нее ксоталанцы быстро возьмут над нами верх. Я тоже был ей нужен — потому и жив до сих пор. Но теперь никто ни в ком не нуждается, и один из нас должен умереть. Обещаю, что когда покончим с колдуньей, ты и Валерия сможете уйти и никто не посмеет вам помешать. Когда Тасцела умрет, мои люди будут подчиняться только мне.

Наклонившись, Конан перерезал веревки, удерживающие тело принца. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и поднялся, как бык встряхивая головой и со словами проклятий ощупывая пальцами изодранный затылок. Стоя плечом к плечу, эти два воина являли собой грозную картину первобытной мощи. Ольмек был одинакового с Конаном роста и немного тяжелее, но что-то в тлзтитланце вызывало настороженную неприязнь: в его облике затаилось что-то злое, звериное, что резко отличало его от крепко сбитого, но гармонично развитого тела киммерийца. Конан еще раньше сбросил пропитанные кровью лохмотья, оставшиеся от рубашки, и сейчас стоял с обнаженным торсом, демонстрируя мощную мускулатуру. Плечи — широкие, как у Ольмека, — были очерчены четче, а огромная, выгнутая дугой грудная клетка переходила в упругую, гибкую талию, которой явно недоставало принцу с его уже обрисовавшимся брюшком. Все тело варвара, словно отлитое из бронзы, могло служить прообразом силы — примитивной и потому несокрушимой. Кожа Ольмека была темнее, но не от солнца. И если в Конане природа повторила человека, каким он был

на заре своей истории, то в угрюмых, неуклюжих формах Ольмека угадывался человек мрачных, доисторических времен.

— Веди! — приказал Конан. — Шагай впереди! Я тебе не особенно доверяю, а как известно, когда имеешь дело с быком, то лучше держаться хвоста, чтобы не угодить на рога.

Повернувшись, Ольмек пошел вперед; пальцами левой руки он, как гребешком, расчесывал бороду.

Принц не повел варвара к бронзовой двери, поскольку был уверен, что Тасцела заперла ее. Вместо того он направился в одну из комнат, имеющих общую стену с Техуттли.

— Секрет потайной двери сохраняли все пятьдесят лет, — сказал принц. — О существовании хода не подозревал никто из наших, не говоря уже о ксоталанцах. Техуттли сам придумал его, а после убил всех рабов, которые его строили. Дело в том, что Техуттли опасался Тасцелы; он боялся, что однажды его выставят за двери собственного королевства и уже не впустят обратно: к тому времени бывшая страсть Тасцелы успела смениться глубокой ненавистью. Но та разгадала секрет и как-то раз, когда он удирает от погони после неудачной вылазки, закрыла дверь перед его носом. Так что ксоталанцы схватили его и содрали с живого кожу. Сам я узнал про дверь случайно: просто выслеживал Тасцелу, и она на моих глазах вошла через ход в замок.

Принц нажал на позолоченный узор в стене, панель бесшумно ушла вовнутрь, и перед ними открылись ступени ведущей вверх лестницы.

— Эта лестница поднимается по внутренней стене каменного колодца, — сказал Ольмек. — Она ведет в башню над крышей, а оттуда уже другие лестницы разбегаются по разным комнатам внизу. Пошли!

— После тебя, дружок! — насмешливо возразил Конан, слегка качнув вперед широким мечом. Пожав плечами, Ольмек шагнул на нижнюю ступеньку, ким-

мериец — за ним, и тотчас массивная дверь бесшумно встала на место. Где-то высоко над их головами мерцала гроздь огненных камней, заливая колодец злоеющим сумрачным светом.

Они поднимались по лестнице до тех пор, пока, по расчетам Конана, не миновали четвертый ярус, и вдруг через широкий люк выбрались в круглую башню, где в центре сводчатого потолка был вмурован пучок огненных камней, освещавших лестницу. Сквозь забранные золотыми решетками окна с пластинками из небьющегося кристалла — первые нормальные окна, увиденные им в Ксухотле, — Конан пробежался взглядом по конькам, куполам и башням, чернеющим на фоне звездного неба. Перед ним простиралась крыша Ксухотла.

Ольмек не смотрел в окно. Выбрав одну из лестниц, что змеями уходили вниз, он кивнул Конану, приглашая того следовать за собой. Уже через несколько футов лестница сменялась узким коридором, который, петляя, терялся в сумерках. Он оборвался у нового пролета с крутыми ступенями. Там Ольмек остановился.

Оттуда, из глубины, едва слышный, но все-таки узнаваемый, доносился женский крик, полный ужаса, стыда и ярости. Конан вздрогнул: он узнал голос Валерии.

Вал бешенства взметнулся в душе варвара и вместе с тем — изумления: как, неужели есть на свете опасность, способная исторгнуть из груди дерзкой воительницы этот дикий вопль? Забыв обо всем, киммериец оттолкнул Ольмека и шагнул на лестницу. Но тут же в нем пробудился инстинкт — и вовремя: Ольмек выбросил вперед огромный, точно кувалда, кулак. Удар — мощный и неожиданный — был нацелен в основание черепа, но киммериец повернулся, и удар пришелся по шее. У другого человека хрустнули бы позвонки, но Конан лишь качнулся назад и в этот краткий миг, выпустив меч, бесполезный на ограниченном пространстве, успел

перехватить Ольмека за руку и, падая, увлек его за собой. Плотным клубком из сплетенных рук, ног и торсов оба скатились вниз. И пока они пересчитывали ступеньки, железные пальцы варвара нащупали бычью шею принца и сомкнулись на горле.

От мощного удара громадного кулака Ольмека, вложившего в него всю силу руки в бугристых мускулах и мощь квадратных плеч, шея киммерийца вмиг онемела. Но это ни в малейшей степени не уменьшило его ярости, скорее — наоборот. Рыча, словно бульдог, он мертвой хваткой вцепился в принца. Враги молотили друг друга по камням, давили локтями и коленями, рвали зубами и наконец с такой силой врезались в дверь у основания лестницы, что та разлетелась в куски, и оба в вихре обломков и пластинок слоновой кости влетели в комнату. Но к тому времени Ольмек был уже мертв: железные пальцы сломали шею, и жизнь оставила тело принца.

Конан поднялся, стряхивая с плеч щепки и смаргивая, чтобы очистить глаза от пыли и капелек крови.

Потом огляделся. Он находился в тронном зале. Кроме него там было еще человек пятнадцать, и первой, на ком остановился его взгляд, была Валерия. Перед возвышением с тронном стоял необычного вида черный алтарь. Установленные вокруг него семь черных свечей на высоких позолоченных канделябрах неторопливо испускали спирали густого зеленого дыма, терпкий запах которого волновал кровь. Эти спирали, стущаясь под потолком в зеленое облако, образовывали над алтарем полупрозрачную арку. А на алтаре — совершенно обнаженная, растянутая в струну, — лежала Валерия; ее светлая кожа резко выделялась на фоне поблескивающего камня цвета эбенового дерева. Она не была привязана. В изголовье алтаря стоял на коленях молодой воин: точно в тисках сжимал он запястья вытянутых над головой девушки рук. С другой стороны молодая женщина крепко держала ее за лодыжки. Распростертая на

алтаре, воительница была не в силах ни подняться, ни даже шевельнуться.

Одиннадцать мужчин и женщин Техуттли образовали полукруг и, молча стоя на коленях, горящими и жадными глазами наблюдали за зловещим действием.

На троне из слоновой кости в небрежной позе развалилась Тасцела. По обе стороны трона на витых подставках возвышались бронзовые чаши-курильницы. Струйки дыма гибкими ласковыми пальцами оплетали ее руки и ноги. Принцессе не сиделось на месте: она извивалась, ерзала в каком-то чувственном экстазе, словно получая неизъяснимое наслаждение от касания ее нежной кожи о гладкую поверхность трона.

Страшный грохот от разлетевшейся в щепки под натиском двух гигантов двери никак не повлиял на ход событий. Стоящие на коленях лишь мельком взглянули на труп своего принца и на человека, поднявшегося из-под обломков, и снова обратили жадные взоры на белеющее на черном алтаре прекрасное тело. Тасцела окинула варвара наглым взглядом и, усмехнувшись, откинулась на спинку трона.

— Тварь! — От ярости у Конана потемнело в глазах. Пальцы сжались в железные молоты, он шагнул вперед. Но тут же что-то громко звякнуло — и в ноги ему впились стальные зубы. Вдруг остановленный в размашистом шаге, он споткнулся, едва не упал. Челюсти железной западни сомкнулись, острые клыки глубоко ушли в тело и мертвой хваткой держали ногу. И только благодаря буграм икроножных мышц сталь не раздробила кости. Проклятая пасть выпрыгнула прямо откуда-то из-под полыхающего красным пола. Вглядевшись под ноги, Конан увидел паз, в котором она — тщательно замаскированная — поджидала его.

— Глупец! — Тасцела рассмеялась. — Неужели ты думал, что я не приму мер против твоего возможного появления? В этой комнате каждая дверь охраняется

такой пастью. А сейчас стой и смотри, как я буду помогать твоей смазливой подружке выполнять ее божественное предназначение! Потом займись тобой.

Рука Конана метнулась к поясу, но наткнулась на пустые ножны: его меч остался у вершины лестницы. Нож, не раз выручавший в трудную минуту, лежал брошенный в лесу — там, где дракон вырвал его из своей пасти. Стальные зубы, впившиеся в его ногу, жгли, как горящие угли, но боль не грызла его так, как сводила с ума бешеная ярость, kloко-тавшая в груди. Он попался — угодил в ловушку, точно волк-одногодок. Будь у него в руке меч, он отрубил бы себе ногу, прополз бы по полу и убил бы Тасцелу. Глаза Валерии, не отрываясь, с немой мольбой смотрели на него, и от бессилия что-либо изменить варвар почувствовал, как на его мозг начинают накатывать красные волны безумия.

Упав на колено свободной ноги, он попытался просунуть пальцы под острые зубья в надежде, что ему удастся с помощью своей исполинской силы развести челюсти капкана. Из-под ногтей выступила кровь, но намертво сомкнувшиеся челюсти не оставили между сталью и вспоротой плотью ни малейшего зазора: идеально пригнанные друг к другу, сегменты сидели на жестких пружинах и от давления о кости и мускулы частично ушли в железное чрево ловушки. Вид обнаженного тела Валерии только сильнее разжигал ярость варвара.

Тасцела будто забыла о нем. Томно поднявшись с трона, она обвела медленным взглядом коленопреклоненные фигуры своих подданных, потом спросила:

— А где Ксамек, Зланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, принцесса, — ответил кто-то. — Они вместе со всеми переносили в склепы убитых, но так и не вернулись. Похоже, их настиг призрак Толкемека.

— Заткнись, идиот! — грубо оборвала она. — Твой призрак — это миф!

Она сошла с пьедестала, поигрывая тонким, с золотой рукояткой кинжалом. Ее глаза горели адским пламенем. У алтаря принцесса остановилась, и напряженную тишину нарушил ее голос:

— Твоя жизнь вернет мне молодость, белокожая женщина! — заговорила она. — Еще немного — и я прикинну к твоей груди, прижму свои губы к твоим и медленно... ах, как медленно! погружу этот клинок в твое сердце, чтобы твоя жизнь, покидая коченеющее тело, вошла в меня, и я снова расцвела бы вечной молодостью и красотой!

Словно змея над парализованной взглядом жертвой, принцесса склонилась над алтарем и не торопясь, дюйм за дюймом, разрывая собой вьющиеся струи дыма, стала приближаться к замершей в трансе девушке, которая расширенными от ужаса глазами смотрела прямо в пылающие зрачки колдуньи — зрачки, что с каждым мгновением становились все больше, глубже и подобно черным лунам мерцали сквозь дымовые струи.

Сжав кулаки, коленопреклоненные техутлинцы замерли, напряженно ожидая кровавой кульминации действия; и только шумное дыхание Конана, пытавшегося вырвать ногу из капкана, нарушало тишину тронного зала.

Глаза у всех были прикованы к алтарю и к распростертому на нем обнаженному телу; казалось, прогремевший рядом гром — и он не разрушил бы чар. И все-таки хватило одного тихого возгласа, чтобы застывшие люди очнулись, — едва слышного вскрика, но такого, от которого волосы на голове встают дыбом. Все разом обернулись — там стоял Он!

В дверном проеме слева от возвышения с тронном неясно очерченная виднелась фигура — шагнувший в реальность ночной призрак! Но это был человек: его всклокоченные седые волосы белым венцом обрамляли голову, спутанная седая борода ниспадала на впалую грудь. Рваные лохмотья не скрывали изможденного тела, голые руки и ноги казались полупрозрачными.

Его кожа ничем не напоминала кожу человека: цвета пергамента, вся в отвратительных чешуйках и струпьях, она наводила на мысль о том, что существо давно уже живет в условиях прямо противоположных тем, при которых обычно зарождается и расцветает человеческая жизнь. И наконец, не было ничего от человека в тех глазах, что сверкали на людей из-под копны седых волос. словно два диска, они не мигая рассматривали живую картину — светящиеся, белесые, без малейшего намека на живой огонь или разум. Вот потрескавшиеся губы раздвинулись, но с них не сорвалось ни единого членораздельного звука — одно визгливое хихиканье!

— Толкемек! — задохнулась Тасцела, смертельно побледнев; все остальные, накрыв головы руками, в безмолвном ужасе ткнулись в пол. — Так значит, ты не миф, не призрак! Великий Сет! И все двенадцать лет ты скитался во тьме? Двенадцать лет среди костей и трупов?! Какой же страшной пищей ты питался все эти годы! И какой жуткой должна быть жизнь там, в катакомбах, в крошечном мраке бесконечной ночи! Сейчас я понимаю, почему не вернулся... и уже никогда не вернется оттуда Ксамек, Зланат и Тахик. Но почему ты столько выжидал, почему не нанес удар раньше? Или что-то искал по подземельям? Какое-нибудь секретное оружие, о котором слышал раньше? И вот наконец нашел?

В ответ — лишь злое хихиканье. Неожиданно Толкемек прыгнул вперед и очутился в зале, благополучно миновав зубастый капкан, затаившийся перед дверью: возможно, ему помог случай, а может быть, его память цепко держала знания о ловушках Ксухотла. Он не сошел с ума, как обычно сходят с ума люди. Он так долго жил оторванный от общества, что перестал быть человеком. Одна-единственная мысль, теплящаяся в угасшем разуме, тонкой, но прочной нитью соединяла его жизнь с жизнью людей наверху — это мысль о мести. Она одна согревала его все эти годы,

побуждала невидимым красться за людьми и убивать из-за угла тех, кого он смертельно ненавидел. Лишь эта нить удерживала его от того, чтобы навсегда удалиться в черные коридоры, комнаты и залы — в давно уже открытое им глубоко под землей вечное царство Мрака!

— Ты что-то искал! — прошептала Тасцела, медленно отступая от белого призрака. — И ты нашел! Ты не забыл нашей с тобой вражды! Великий Сет! После стольких лет, проведенных во мраке, ты помнишь все!

Ибо в скрюченной руке Толкемека покачивался причудливой формы с жадеитовым оттенком жезл, на одном конце которого алым пламенем полыхал набалдашник в форме граната. Призрак вытянул вперед руку с жезлом, и от алевшего плода оторвался луч красного огня. Тасцела успела отпрыгнуть в сторону, и на пути луча оказалась техуттлинка, державшая Валерию за лодыжки. Пламя ударило между плеч. Послышался громкий хруст, огненная струя переметнулась с груди женщины на алтарь и там рассыпалась голубыми искрами. Женщина отвалилась в сторону, и через миг, когда тело ее коснулось пола, это была уже мумия — иссохшая и безобразная.

Валерия не растерялась: она скатилась с алтаря и, пользуясь им как прикрытием, на четвереньках, точно зверь, ломая ногти и сдирая с колен кожу, засемила к противоположной стене. А тем временем в тронном зале мертвого принца Ольмека вырвались на свободу силы Зла.

Следующим принял смерть воин, сжимавший запястья воительницы. В ужасе он отпустил жертву и побежал, но не успел ступить и десяти раз, как Толкемек с неожиданным для его изможденного тела и потому еще более страшным проворством обогнул тронный зал, и воин очутился между ним и алтарем. И вновь пространство прорезал огненный луч — и техуттинец, уже безжизненный, сморщенным стариком покатился

по полу, а луч, ударив по алтарю, разбился голубыми шарами.

И разразилась бойня. В безумном страхе, дико вопя, метались люди по залу, натываясь друг на друга, отскакивая, запинаясь и падая. А между ними — то здесь, то там — сновал Толкемек, верша великое дело мести. Техуллины не могли выбежать в двери: как видно, металлические части порталов служили тем же, что и испещренное бронзовыми жилками ложе алтаря, — принимали на себя избыток демонической силы, подобно грому извергающейся из колдовского жезла в руке этой тени прошлого. Каждый раз, когда белесый полутруп заставлял кого-нибудь в пространстве между собой и алтарем или же дверным порталом, человек мгновенно умирал. Толкемек не намечал себе жертв. Он просто подавлял их одну за другой, с быстротой молнии перемещаясь по залу, и лохмотья одежды на нем развевались рваными парусами, а визгливое хихиканье, жутким эхом прокатываясь под сводом, заглушало вопли обреченных на смерть людей. Тела, как осенние листья, падали вокруг алтаря и в проемах дверей. Только один воин, замахнувшись кинжалом, в безумном отчаянии бросился к Толкемеку — и упал, сраженный, в трех шагах от колдуна. Но все остальные были, как стадо на бойне: без мысли о сопротивлении и без малейшего шанса укрыться от смерти.

В ту минуту, когда пал последний техуллинец, принцесса наконец-то добралась до Конана и укрывшейся с ним рядом аквилонки. Быстро нагнувшись, Тасцела коснулась фрагмента мозаичного пола, и скрытый механизм пришел в движение. Стальные челюсти разомкнулись, освобождая кровоточащую ногу, и страшная пасть скрылась в полу.

— Убей его! — выдохнула она, вкладывая в руки киммерийца тяжелый нож. — Против его оружия мое колдовство бессильно!

С глухим рычанием варвар прыгнул вперед — разгоряченный предвкушением схватки, он едва замечал острую боль в истерзанной ноге. Толкемек неторопливо приближался — в его немигающих глазах застыла ненависть — и вдруг точно споткнулся: в руке киммерийца сверкнула сталь. И пошла жуткая, злоедающая игра, в которой Толкемек пытался загнать варвара между собой и алтарем или дверью, а Конан, всеми способами избегая ловушки, примеривался, как бы ему точнее распорядиться ножом. Затаив дыхание, подбравшись, как пантеры, обе женщины с напряженным вниманием следили за поединком.

Ничто не нарушало тишины — лишь шорох да легкое шарканье ног. Толкемек уже не метался по залу. Он понял, что столкнулся с противником куда более серьезным, чем обезумевшая от страха толпа. В стальных глазах варвара он прочел ту же первобытную жажду убивать, какая прочно завладела им самим. Они покачивались вперед-назад, вправо-влево, и когда делал движение один, его тотчас повторял другой, точно невидимые нити связывали их обоих. И в то же время Конан шаг за шагом все ближе подступал к врагу. Вот мускулы ног напряглись перед прыжком, он чуть нагнулся — и вдруг Валерия вскрикнула: колдун, киммериец, бронзовый портал — все очутились на одной прямой! Вылетел красный луч, и Конан, выгнувшись дугой, лишь в последний миг избежал удара. Но даже в этом положении он не упустил свой шанс: сталь расползлась воздух — и древний Толкемек начал заваливаться на бок: в костлявой груди дрожала рукоять ножа.

Тасцела рванулась с места — не к Конану, а туда, где на полу, словно живой, посверкивал колдовской жезл. Но вместе с ней метнулась и Валерия. На ходу выдернув из мертвеца нож, воительница со всей силы закаленных в боях мускулов вонзила лезвие в спину принцессы замка Техулли, так что окровавленное острие, пройдя тело насквозь, выступило между великолепных грудей! Издав

пронзительный вопль, Тасцела повалилась к ногам Валерии. Девушка презрительно ткнула носком в дрожащее в предсмертных судорогах тело.

— Я должна была это сделать... хотя бы для того, чтобы не пасть в собственных глазах, — сказала воительница, тяжело дыша и глядя на Конана поверх остывающего трупа.

— Ну что ж, вот и конец вражде, — оскалившись в усмешке, прорычал варвар. — Суматошная, однако, выдалась ночка! Интересно, где у них хранятся припасы? Я проголодался.

— Сначала надо перевязать ногу. — Оторвав от шелковой драпировки солидный кусок, девушка повязала его вокруг талии. Затем, разорвав остатки на полосы, с недюжинной сноровкой перевязала израненную ногу киммерийца.

— Я смогу идти, — заверил он ее. — Лучше поскорее убраться отсюда. Там, за стенами города, должно быть, уже светает. Сказать по правде, я сыт Ксухотлом по горло. Оно и к лучшему, что эти люди извели сами себя. Мне не нужны их драгоценности. Наверняка на них лежит заклятье древних.

— На свете и без их камней всего полно — нам хватит, — ответила она, вставая рядом, — гибкая, стройная и... такая соблазнительная.

Как и тогда, на скале, его глаза зажглись огнем, но на этот раз, сжатая в мощных объятиях, она не стала вырываться.

— До побережья путь неблизкий, — наконец сказала девушка, неохотно отводя свои губы от жарких губ Конана.

— Что с того? — Огромный варвар рассмеялся. — Вдвоем нам все под силу. Еще до того, как настанет сезон и стигийцы откроют свои порты для торговли, мы ступим с тобой на палубу корабля. А вот потом мы всем покажем, что значит настоящая морская охота!

1. Дворцовые интриги

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казались неприступной — гигантский частокот отвесных, монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладываявший путь наверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие, свободные штаны, сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе болтались за спиной, туда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и отточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче,

ибо это была проверка на высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах под ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные ниши и выступы, в лучшем случае — какую-нибудь покатуку опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упрямо отвоевывал у скалы фут за футом. Время от времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он пристально вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще несколько усилий — и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на большую, высеченную в камне нишу, но несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами — руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело когда-то и имело одежду, то безжалостное время задолго до того обратило ее в пыль. Но там — засунутый между скрещенными руками и впалой

грудью — виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток. Не разглядывая находку, он сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь свой огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с краями из обхватившей лес каменной стены. Дно чаши покрывали деревья и густой, непроницаемый подлесок, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть лесистой равнины трех-четырех миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне скалы не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал вершины деревьев и вдруг резко вдохнул воздух: среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъестественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкменон.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Барахских островов и на Черном побережье — везде, где жизнь приправлена смертельным риском, — пришел в Кушан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшие богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающие к стране с юга. Высоко-

мерная смуглокожая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители — князьки и верховные жрецы — считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна «Зубов Гвалура» — сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды — расплывчатой и потому малоубедительной — хватило, чтобы Конан — через обширные равнины, испещренные потоками джунгли и горные хребты — пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами «Зубы Гвалура». Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги напыщенной, разряженной и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски-пышной безвкусицей. Он — воин, и его предназначение — сражаться. Он прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт — их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость невыдержанного короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана:

дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя — им восхищались, его боялись и мечтали заполучить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими лордами. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смекалке добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвейских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединить к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессеребренники-зембабвейцы надеются получить самую малость:

всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его странах-данниках, да еще, как залог добрых отношений, несколько «Зубов Гвалура». О, пусть высокочтимые князья не беспокоятся — никто и не думает пускать их в оборот. Их отнесут в главный храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркетом, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах плотно сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже и не пытался тягаться с Татмекри и его помощником — шемитом Зархебой — по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора, — а дело к тому и шло, — то первым делом будет настаивать на высылке своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти «зубы» и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешии драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зембабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не оскверненные ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкменона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки — как во дворце, так и в тростниковых ульях — заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательни-

ца — это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, внезапно умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесным образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века как покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непознанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе — украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как «Зубы Гвалура». Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города и от прорицательницы.

Однако Горулга как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И вновь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать, как перешептывались младшие жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул из города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам под страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец за последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на по-

иски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие — всадники, обитатели прерий и равнинных лесов, — не могли остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

...Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъестественная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкменона, что поблескивали внизу среди листвы, словно бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкменон — город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неусыпная бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил превозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишины. Присев, он впился взглядом в подлесок — ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожности: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой — без единого шороха, пристально вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попада-

лись следы древней цивилизации. Мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия — слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит которых густо проросла трава. Сквозь зелень проглядывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже, в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее стало проступать массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь сплетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку с одиноко растущими деревьями. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов от себя киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно, толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца, как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине копящаяся поступь его обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Он задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце — если, конечно, излишне болтливый младший жрец не завирался — спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен рядами высоких колонн, промеж которых чернели пасти дверных проемов — сами двери давно сгнили. Он

миновал полный сумрачного, таинственного света коридор и очутился у двустворчатой бронзовой двери — чуть приоткрытой, как, может быть, она стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком комнату — как видно, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали какие-то невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачном коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал, на который вели широкие лазуритовые ступени, а на постаменте стоял массивный трон с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес — сам по себе уже огромное богатство... если, конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту перевозносили на рыночных площадях рассказчики Кешии, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры — бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то скорее всего, думал он, она находится в другой части дворца... если такая штука вообще существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, так много мифов успели

обрести реальность, что окажись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За тронем зиял узкий сводчатый проем — наверняка в дни жизни Алкменона ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков — совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор. Высунув голову из проема, он огляделся и тут, слева от постамента, увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь эта не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же ценного металла, что и трон, был испещрен множеством необычных значков.

Он лишь коснулся ее — и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал дверные петли. Конан шагнул вперед... и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкраплениями золота потолку. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь мельком отметил про себя эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале, выточенном из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один мастер, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость — перед ним покоились останки когда-то живой женщины, и Конан мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Конан нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от

разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могло оказать то же воздействие и на покровы. Но все же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая в талии поясом в блестках бриллиантов. И камни и металлы — все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты. Алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным; в гладких, стянутых над головой волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ — лишь глухой звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик — его не обшаришь за пару часов. Или, может быть, схорониться где-нибудь, дожидаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как этот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зембабвейских королей на мысль завоевать Пунт, что в свою очередь являлось не более чем промежуточной ступенью на пути к главной цели: захват «Зубов Гвалура». Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища — не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но зембабвейцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвейцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами... даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамерится одурачить всех — сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с голыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице — не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвейцами и заставить его пойти на поводу Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые места и понимал, что по части подкупа ему до стигийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на руку. Горулга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил бы свою репутацию праведника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае, нет сомнений, что прорицательница — понятное дело, в полном согласии с волей

богов — замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешии покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вышел обратно в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлюкотники. Трон был тяжел и поддавался неохотно, но ему удалось заглянуть под литое основание — совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен — что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту — как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами был чуть шире обычного. Он вставил в него острие кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, и глазам варвара предстала ниша — и больше ничего. Он с чувством выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок, сделанных под углом в стене на уровне рта человека. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчеств, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так, значит, Горулга залезет в нишу — или посадит сюда преданного слугу — и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые млад-

шие жрецы — все из черных — с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый на груди у мумии, и, соблюдая всяческую осторожность — тот был настолько древним, что казалось, одно неловкое движение — и он рассыпется в руках. — развернул папирус и повернул его к свету. Нахмутив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих языков. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые, иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелиштов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка, — изменения произошли после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмены читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное — Бит-Якин, скорее всего, имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан словно на ощупь пробирался по выцветшим цепочкам иероглифов — многого не понимая, улавливая смысл оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека вместе со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из

того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайи, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта — загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому, исполняя последнюю волю умершего, поместили его тело в этот открытый, вознесшийся высоко над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкмсоне? Или он пришел в долину уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе... хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещавшие прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-либо из его слуг. Получается, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы всюду творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте, и куда подевались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защемило, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю, сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Варвар круто повернулся — чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это прибыли жрецы из Кешии? Нет,

невозможно — слишком рано. Но удар гонга — ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

По натуре Конан был всецело человеком действия. Некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору — туда, где находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленными эхом раскатами гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость — ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг — огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг — ни звука, ни малейшего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастьями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом — ничего нового: слабоосвещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аро-

мат — чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери, — все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами — пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся под ним пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

2. Богиня пробуждается

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымавшуюся волнами свинцовую воду — всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывавшимся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. С обеих сторон вдоль стен бежало по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена — похоже, тот просто обвалился, — и в образовавшуюся брешь струился свет. За световым лучом стоял крошечный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного — и его пронесет мимо прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже

бешено работал руками и ногами, стараясь побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими пальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок — и его пальцы впились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд он уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Рослому киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность — все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры — очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таит несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые раско-

лоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они просто не выдержали его веса, но что, если существует иная — гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце кроме него есть живые люди. Тот гонг — он ведь ударил не сам по себе — несважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот заявился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за свое долгое пребывание в Алкменоне он отыскал-таки «Зубы Гвалура», а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных ключьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительно живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, оно до сих пор находится в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстрой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим или обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол, — все носило на себе разрушительную печать времени, но по мере того, как он продвигался вперед, следы запустения становились все менее явными. Он вдруг подумал,

для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросил эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад — гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дожидаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он уж так и быть — удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, замороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое странное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко остриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, — неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченых сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели...

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч: — Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх

его пронзили глаза — блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел, глядя на них в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении — предельная гармония, глаза — словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

— Ты... ты Елайя? — пробормотал он, запинаясь.

— Да! Я — Елайя! — Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его. — Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

— Как может ожить мертвец, который пробыл мертвецом столетия? — В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, он не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

— Я — богиня. Тысячу лет назад на меня пало проклятие могущественных духов — духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло — божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие года, устраивать приемы при дворе. — Легкая пауза. — Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума, если не хочешь, чтобы тебя постигло страшное заклятье, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе — уходи! — Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан — с глазами, как горящие уголья, — вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью колдовских чар, он сделал шаг вперед — и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежьи объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым

рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

— Богиня! Ха! — В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их. — То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мыюрела — коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же! — Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она была уже не мистическим творением глубокой древности, а самой обычной, дрожащей от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута — и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

— Принцесса! Слишком много чести! Так, значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытыми под вуалью? Неужели ты всерьез надеялась обмануть меня, ты — жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Акбитане вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я...

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычью шею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать — она была на грани истерики.

— Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

— Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая ты шлюшка! — загрохотал по комнате его голос. — Или ты не боишься гнева богов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

— О, умоляю тебя! — От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом. — Я не посмела ослушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги... Они проклянут меня!

— Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня — фальшивая, что они с ней сделают? — с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невинности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не осталось и следа, что было и не удивительно, ибо страх преследовал ее постоянно и, если в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и сейчас быстро погружалась в бездну животного ужаса.

— Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

— Дождается жрецов снаружи дворца! — донеслось сквозь всхлипывания.

— Сколько с ним человек?

— Никого. Мы пришли вдвоем.

— Ха! — Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте. — Значит, вы покинули Кешию всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее. Нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз

подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула в себя воздух.

— Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

— Зархеба знает тайный ход, — выдохнула она. — О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины у подножия скал есть большое озеро. Под водой в озеро открывается пещера — с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла вверх, вода кончилась, и дальше мы шли под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

— Хм-м. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны, — пробормотал он. — Ну да ладно, что было потом?

— Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где на пьедестале лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позу, в которой лежала богиня, и, оставив одну, сам отправился прятать тело и выслеживать жрецов, когда те явятся. Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

— Что ты должна была им наговорить?

— Я должна была приказать жрецам взять «Зубы Гвалура» и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать где-нибудь во дворце в Кешии. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если

предложения Татмекри будут отвергнуты... Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скорее содрали кожу.

— Значит, Татмекри — или зембабвейцы — хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам, — как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания. — Ну да ладно, как только доберусь до него — вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

— Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри — его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказал Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешию и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

— Ну и чудеса, будь я проклят! — От удивления варвар вскинул брови. — Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается — Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

— Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу, — все еще с опаской отвечала она и вновь захныкала: — О Конан, сжался надо мной! Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец... в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, забери меня отсюда! Я знаю: как только я сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют.

Он сущий демон! Он купил меня у работорговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках Пустыни. И с тех пор я — оружие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, забери меня от него! Ты ведь не будешь со мной жесток, как этот

зверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжался, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное вверх лицо было в слезах, темные шелковистые волосы — в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

— А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоём розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, своими слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, словно в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

— Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь свою роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: «Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть „Зубы Гвалура“ передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один любимец богов».

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка — воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

— А как же Зархеба? — всхлипнула она. — Он убьет меня!

— Насчет Зархебы не беспокойся, — рыкнул он зверем. — Его я беру на себя, а ты делай, как велю. А сейчас прибери-ка волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстранясь, одобрительно кивнул:

— За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она

немного порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать точно девочке после розог. Клянусь Кромом! Да ты и впрямь, как настоящая Елайя — то же лицо, фигура, волосы и все прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

— Я постараюсь, — уже спокойнее ответила девушка, однако дрожь не утихала.

— Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

— Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

— Здесь тебе нечего бояться! — В голосе варвара слышалось нетерпение. — Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но, думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, пока он скользил вдоль широкого коридора, его не покидало ощущение, будто из темных сгустков дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девочка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядой скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом листвы они себя не выдали. Конан отыскивал древнюю в трещинах аллею, ведущую к югу, — молодые деревца и буйно

разросшиеся кусты почти скрыли из глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он начал красться по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел стоящие в отдалении обособленной группой лотосовые деревья — необычные растения, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан — меч сжат в руке, чувства предельно обострены — мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто ткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев — в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди, в неверном, тусклом свете среди плотной листвы, маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд — один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу — короткая черная борода.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помнится, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым, предположительно, стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там

он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов — более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр, — Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений — и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, устоял прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянутся в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

3. Ответ прорицательницы

Конан круто повернулся, его пытливый взгляд прощупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись — большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь всплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно, пока не рассыпется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она — одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь. Он повернулся и по сумрачной аллее по-

бежал обратно ко дворцу — весь как пантера: грация и пластика, даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое: красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То приближились жрецы Кешана.

Так, значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широкому мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу — в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы — крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. «Интересно, — подумал киммериец, — насколько глубоко он увяз в этой истории?»

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у входа они не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко

в ниши. Ни один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках кожи леопарда — до нелепости неуместных в этом окружении из мрамора и металлических арабесков — они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от поста-мента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точь-в-точь повторяя движения своего господина, — с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки — и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновенья ветерка.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользя в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мьюрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале — спина прямая, руки скрещены на груди, откинута назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями ким-мериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее неподвижный взгляд, скользя поверх бритых голов коленопреклоненных чернокожих гигантов, устремлен в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. «А у плюшки-то природный дар дурачить простачков!» — подумал он. Сам-то он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрастной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящей, богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать,

что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару — скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетронutom виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось, этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлится церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется... Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение — низкое, скрипучее и невыносимо злое — в конце концов прекратилось; младшие жрецы враз что-то прокричали — первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

— О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова — в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины, — говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя — лучи полуденного солнца. Пролей свет мудрости на смиренных своих слуг. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, ловящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы — холодный, как бы издавека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

— Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана! — Она точь-в-точь повторяла его слова. — Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть «Зубы Гвалура» передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один — любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот: ему почудилось, что девушка на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

— Елайя изрекла свое слово! — восторженно воскликнул он. — Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по повелению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятие. Затем по повелению богов «Зубы Гвалура» были спрятаны, по повелению богов «Зубы Гвалура» засияют вновь! О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

— Можете удалиться! — ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

— Конан! — всхлипнув, позвала она. — Конан!

— Ш-ш-ш! — прошелестел он, приложив губы к отверстиям; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако,

как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент он растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели, и ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным, голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадают лишь в горах Черных королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уходящего из алькова, донесся шорох. Он бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору, — удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная что ему предпринять, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетелем неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец — все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими железными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

— Предательница! — Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры. — Что ты еще задумала? Разве Зархеба

не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть — ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предаёт своих друзей! Грязная тварь! За твоё предательство я откручу твою лживую голову, но прежде...

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремлённый поверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся — и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся спиной на мраморный пол — из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя, но внезапно Мьюрела судорожно обхватила его руками.

— Я сделала все, как ты приказывал! — Она вся зашла от ужаса. — Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

— Еще не время! — отрезал он. — Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

— Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале, — неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы. — Я так перепугалась... Когда жрецы ушли, я убежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами и если бы...

— Ладно, будет тебе, — варвар ободряюще похлопал девушку по спине. — Пойщи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного — похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться, — но увидев, как деловито Конан поволок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и поднял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг — обезглавленный враг. Но он так и не ударил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

— Конан! Конан! Она вернулась!.. — Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с тронem, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл — обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем ни бывало, лежала, вытянувшись, на пьедестале — веки были опущены, как если б она только что задремала.

— Что за переполох ты тут устроила? — в раздражении потребовал он объяснений. — Тоже нашла время для...

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул цвета слоновой кости бедро, скользнул по облегающей шелковой юбке. Он искал глазами разрыв — большой разрыв от пояса до нижней каймы... и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственной рукой разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец покрыл ярды до пьедестала, положил руку на точеное бедро — и тут же резко отдернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

— Великий Кром! — вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки. — Да это не Мьюрела! Это — Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяния облачить танцовщицу. И все же вот они: шелка и драгоцен-

ности — точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко стриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное, холодное покалывание.

— Мьюрела! — крикнул Конан. — Мьюрела! Где ты там?

В ответ — лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход — через золотую дверь, и значит, никто не мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда — и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители проносили девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку, и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою в канатах мускулов руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выкован из акбитанской стали. Он приналег всем телом — и мраморная дверь открылась. С мечом наизготовку Конан заглянул в проем — никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватив-

шись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди — ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз — и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном свете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов: похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в той или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертом на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-то непонятные предметы. Еще несколько мгновений — и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с ошеломляющей ясностью вдруг засияли в его мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг — загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мрачному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того, как он удалялся от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во дворике с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох — то ли шарканье босых ног, то ли шурушание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь — тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом — дверь не шелохнулась; попробовал отыскать острием меча щелочку — ни единой зацепки. Дверь стояла, как влитая. Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота — все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип — словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мысль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легок и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье — и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела... если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если по-прежнему торчать в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом направлении продолжать поиски бессмысленно. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил к лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мрамор-

ная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньке с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам — неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери — если это действительно люди — поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли мурашки, с каждым шагом он сжидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного: утопить свой полустрах, полупредчувствие в яростном, беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту — бесполезно. Оставалась последняя надежда — разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов — похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату; глаза — в узкие щелки, изо рта — звериное рычание: сама свирепость, кровожадность, жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал опустел — Елайя снова исчезла.

— Великий Кром! — пробормотал киммериец. — Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро

прошел за троном и заглянул в альков. На гладком мраморе — там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови — и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

4. «Зубы Гвалура»

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть «Зубами Гвалура». В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман прояснится у тайника с сокровищами, и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями — острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся — несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошли по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился по следу за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца: сквозь густые заросли необычных растений — их крупные цветы в мерцающих блед-

ных лепестках источали экзотический, терпкий аромат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшихся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто «Зубы Гвалура» спрятаны во дворце. Правда, след уводил его все дальше от Мьюрелы, но с каждым шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянулись подземные туннели.

Неслышно пробираясь по темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходящий вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями, — очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал — открытая дверь; там же в скале была высечена голова дракона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь, отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Он не заметил никаких замков, лишь по краю массивного портала с внутренней стороны виднелись несколько засовов — как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого — он в

этом ни на миг не сомневался — знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее, Конан колебался. Дождаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способ, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше него и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасения, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, «Зубы Гвалура», а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смогли удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди себя Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру — не очень большую, но с высоким овальным сводом, инкрустированным фосфоресцирующими кристаллами, как Конан уже догадался — довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в ней не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров, выходящих из пещеры. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры; само изваяние своими жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. «Наверняка от факелов, — подумал он, — ведь свет от кристаллов был ровным». Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру — гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним — невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с «Зубами», необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились, и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан — легко и бесшумно — за ними. Опасности быть обнаруженным — почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отдались своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру — уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные блики. Он увидел вырубленную в камне лестницу — ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение оборвалось, глаза коленопреклоненных разом оторвались от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал злобещий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся пульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею — и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывающимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку — от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

— Елайя!!! — пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок. — За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился злобещий, как из потустороннего мира, голос:

— Горе неверным! Горе продажным детям Кешии! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему боже-ству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга — неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

— Я не понимаю! — запинаясь, наконец выдал он. — Там, в комнате, ты нам сказала...

— Забудь все, что слышал в комнате! — вновь скатился сверху ужасный голос — такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова. — Берегись лож-

ных пророков и ложных богов! Демон в облинии богини говорил с тобой во дворце, его слова — ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я — настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия!

Возьми из тайника «Зубы Гвалура». Все до последнего! Алкменон более не обитель богов: оскверненный дыханием язычников, он утратил былую святость. Отдай «Зубы Гвалура» стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет их в святилище Дагона и Деркетю. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демофами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми «Зубы Гвалура», немедленно возвращайся в Кешию, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живую кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга: Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара, — недаром же при звуках этого голоса тыльную часть ладоней покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если..

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еще можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет в жилах кровь, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий...

Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом — словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

— Елайя! — прорычал он. — Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обогнчилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил внезапный частый топот босых ног. Он повернулся и — гибкий, точно кошка, — увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И только мерцающая в черной руке сталь просвистела мимо его уха, как Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад — и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

— Так-то! — Конан выдернул меч, жертва — разинув рот, захлебываясь кровью, — повалилась на пол. Человек дернулся пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом в узел, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов — и в сумеречном свете тонкие пути терялись из виду.

— Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в туннель, — пробормотал Конан. — Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь. — Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев внешне похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место — себе за пояс. — Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурачить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им «волю богов». В пещере с таким

эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные штучки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и переходов. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружающим путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на галерею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки стусились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния: входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов — Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую галерею в другой пещере или комнате, куда — кто знает? — быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера — в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в моно-

литной скале руками человека. С куполообразного свода падал ровный белый свет, стены — почти невидимы под густой вязью арабесков все из того же утомлявшего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов, отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

— Ну и дела, будь я проклят! — пробормотал Конан, пораженный. Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки. Киммериец положил руку на обнаженное плечо — Мьюрела, вздрогнув, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

— Конан! — Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

— Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительна для гордой богини. Ну выкладывай, что с тобой стряслось.

— Когда я снова вошла в комнату прорицательницы, — заговорила девушка, едва сдерживая слезы, — я увидела, что богиня, совсем как в тот, первый, раз лежит на пьедестале. Я крикнула тебя и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот

зажала волосатая рука, в стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше — по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не протащили мимо металлической двери и я не очутилась в коридоре с потолком, усеянном светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине — ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу — на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня опять понесли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату, и здесь приковали к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

— Слуги Бит-Якина, — буркнул киммериец. — Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда наткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елайи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницу и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром

ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине — один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя — простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от заселения другими народами, а в конечном счете — уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умиловить свою богиню и не скупилась на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пантийских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река протекает как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде — с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере в скалах. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь; и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде, и жреца просто разорвали на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место... Да, совсем забыл: они

отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

— Больше он не будет бить меня плетью!

— На этом свете — пожалуй, что да, — согласился Конан. — Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

— А как же слуги Бит-Якина? — прошептала она со страхом.

— Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал другой звук — низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на разыгравшуюся глубоко под ними зловещую и фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали фосфоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий, ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющийся со сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда, к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий аточный мостик — ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следуя изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь — и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь — на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами в тусклую

медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня, — дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотилось, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они — «Зубы Гвалура»! Сокровище, владеец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыхание с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней — их свет бледнел, еще немного — и они погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и только там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние «Зубов Гвалура». Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи, фигуры.

На первый взгляд, серые каменные статуи — неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сплохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упирившегося, не перестававшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову железным молотом обрушился огромный кулак — и крики оборвались. Тело — обмякшее, безвольное — распро-

стерлось на каменной плите, из разможенного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Светом прорвало плотину — то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня — кровавая и беспощадная.

С галереи казалось, что черные тела набиты соломой, — с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан видел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извиваясь, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно дышла, разорвали надвое и как швырнули обе части тела через всю пещеру. Избиение — стремительное и ужасное — прокатилось по рядам жрецов, подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск — и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним — забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками — устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли — и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств — сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз — туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка, — и он наметил план, как можно с честью и с пожизненной выгодой окончить это рискованное предприятие.

— Я спущусь за шкатулкой, — отрывисто сказал он. — Жди меня здесь!

— Во имя Митры — не уходи! — В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалию. — Не уходи! Не оставляй меня одну!

— Лежи тихо и не вздумай разевать рот! — отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры — вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов, а волны реки — все в разноцветных блестках — словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сияние — предвестник появления слуг Бит-Якина — с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое, — необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице — у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них посмотрел, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанесли по незванным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль: что он — здесь ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они равны людям и по уму и по сноровке. К тому же там, на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил — дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

— Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурился поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку на ноги, он быстро пошел коротким туннелем, в который открывался проем в стене. Еще немного — и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз — и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справится со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку — всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца — и уже пригнулся расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный шорохом — зловещим и таким знакомым, — донесшимся из глубины скалы.

— Будь здесь! — отрывисто бросил он испуганной коринфийке. — Не двигайся! — И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгоднее, но дело надо кончить быстро, до того, как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним — ни обезьяна, ни человек. Согнувшись,

волоча ноги, к нему приближался сам Ужас — порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация, и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от остального мира — то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несли бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой, точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненый тигр — внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не выдержали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще немного — и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же глянул вверх — истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющей

обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, поворотив голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело была крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой сгрело девушку под мышку, другой подхватило обретенную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно по мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того, как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод. Кровь ручьями текла из широкой раны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться набок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка, шкатулка с драгоценностями выпали из онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки фугах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны — девушка, с другой — сокровище. Оба — на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье: шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза — расширены в предчувствии близкой смерти, рот — приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда,

он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого края, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатулка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись «Зубы Гвалура».

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше — вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание заставило его посмотреть вниз. Из коридорного проема недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина — с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя оборваться. Но когда в брешу показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшему к скалам.

— Ну вот, — сказал Конан, опуская девушку на ноги под надежным зеленым покровом, — теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае меня здесь возле озера дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы... Да чтоб тебе прогневить Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

— Ты потерял свои сокровища, — сквозь всхлипывания донеслось из-под ладоней. — И все из-за меня. Если

бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

— Что ж, может быть, так было бы и лучше, — согласился он. — Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И, будь добра, прекрати ты свой рев!.. Вот так-то лучше. А теперь идем!

— Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? — с надеждой в голосе проговорила девушка.

— А что, по-твоему, мне еще остается? — Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости. — Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешию нам не имеет смысла: там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки моет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешанцев напасть на них и сделать всех своими рабами — что, кстати, чистая правда — и что боги послали меня с целью из защитити... скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!

1. Копан теряет топор

В лесу стояла такая первозданная тишина, что осторожная поступь обутых в мягкую кожу ног звучала необычно громко. По крайней мере так казалось одинокому путнику, хотя он шел по едва видимой тропе с уверенностью, свойственной лишь искателям приключений, кто исходил немало троп за Грозовой рекой. Это был юноша среднего роста, с открытым лицом и копной взъерошенных темно-желтых волос, не упрятанных ни под шапку, ни под боевой шлем. На нем была одежда, обычная для жителей этих мест: туника из грубой ткани, схваченная в талии ремнем, короткие кожаные штаны и сапоги из выделанной шкуры, едва не доходившие до колен. Из-за голенища торчала рукоять ножа. К широкому кожаному ремню были пристегнуты ножны с коротким тяжелым мечом и сумка из той же мягкой шкуры, что и сапоги. Глаза, скользющие по зеленой бахrome леса, плотной стеной вставшего по обе стороны тропы, смотрели спокойно и холодно. Не отличавшийся высоким ростом, он был, однако, хорошо сложен, а короткие рукава открывали сильные, в узлах мускулов руки.

Человек с уверенностью шагал вперед, хотя между ним и последним жильем, где он останавливался, пролегло уже немало миль, и по мере того, как увеличивалось это расстояние, росла смертельная опасность, точно непроницаемая тень, затаившаяся в древнем лесу.

Он шел почти бесшумно, так что страхи во многом были плодом воображения, хотя с другой стороны даже легкий шорох прозвучал бы набатным колоколом, коснись он ушей затаившегося в засаде врага. Внешняя беспечность была обманчива: глаза и уши были начеку — особенно уши, ибо самый пытливый взгляд не пробился бы сквозь сплетение ветвей и густых листьев глубже, чем на несколько футов.

Но именно инстинкт прежде природных чувств подсказал ему — опасность! Он замер, рука метнулась к рукоятке меча. Человек неподвижно стоял посреди тропы, затаив дыхание, усиленно пытаясь понять, действительно он что-то слышал или это ему только показалось. В воздухе повисла гнетущая тишина. Ни шороха белки, ни щебета птиц. Затем его взгляд остановился на густом кустарнике, росшим у тропы за несколько ярдов впереди. В лесу было тихо, но он только что видел, как там дрогнула ветка. Коротко стриженные волосы на затылке зашевелились, мгновение он медлил в нерешительности, понимая, что малейшее движение — и из кустов к нему рванется смерть.

Вдруг в гуще листвы раздался глухой звук — как будто рубанули секачом по мясной туше. По кустам прошла неистовая дрожь, и тут же из них со свистом вылетела стрела — отскочив за ствол, путник успел заметить, как та скрылась высоко среди деревьев.

Пригнувшись за стволом, сжимая в руке меч, так что подрагивал клинок, он не отрываясь смотрел на гущу зарослей. Но вот кусты раздвинулись, и на тропу неспешно выступил широкоплечий гигант. От удивления у путника округлились глаза. В обличии обоих было много общего: те же сапоги, те же штаны, правда из шелка, а не кожаные. Но вместо туники — темная кольчуга, а на гриву черных волос был насажен шлем. Этот шлем буквально заворожил юношу: без гребешка по центру, зато по сторонам приделаны два бычьих рога. Ни один мастер из стран, облагороженных цивили-

зацией, не смог бы сработать такую вещь. Лицо под шлемом также не слишком походило на лицо цивилизованного человека: смуглое, в шрамах, с холодным блеском в голубых глазах, оно прекрасно вписывалось в фон, создаваемый диким, доисторическим лесом. В правой руке человек держал меч, на острие которого алела свежая кровь.

— Эй там, чего прячешься? — крикнул он с выговором, доселе неизвестным путнику. — Все в порядке. Пес был один, без дружков. Так что бояться больше некого.

Все еще нерешительно юноша показался из-за ствола и с опаской уставился на неожиданного спасителя. Рядом с незнакомцем он чувствовал себя на редкость беспомощным и слабым — настолько внушительной была у того внешность: взгляд завораживала эта широкая, точно отлитая из железа грудь и опаленная солнцем, в буграх и узлах мускулов рука, сжимающая окровавленный меч. В легких со скрытой угрозой движениях незнакомец напоминал пантеру; удивительно гибкий, он ничем не походил на изнеженных цивилизацией жителей городов и селений — даже тех ее форпостов, что вплотную подступали к землям дикарей.

Повернувшись, он сделал шаг назад и раздвинул ветви. По-прежнему мало что понимая, путник, однако, приблизился и заглянул в кусты. Там лежал человек — низкого роста, темнокожий, мускулистый, из одежды лишь набедренная повязка из львиной шкуры, на шее — ожерелье из человеческих зубов, вокруг запястья — медный браслет. За поясом из львиной шкуры торчала рукоять широкого меча, окоченевшие пальцы сжимали тяжелый черный лук. У человека были длинные черные волосы — и это все, что можно было сказать о его голове, поскольку разрубленный до зубов череп являл собой сплошное месиво из крови и вытекшего мозга.

— Клянусь богами — пикт! — пораженный, воскликнул путник.

Холодно мерцающие глаза испытующе посмотрели на него.

— Ты удивлен?

— Меня предупреждали в Велитриуме и еще поселенцы, живущие при дороге, что эти дьяволы время от времени просачиваются на чужую территорию, но я никак не думал встретить их так далеко от границы.

— Мы всего лишь в четырех милях к востоку от Черной реки, — пояснил положение незнакомец. — А их убивали и в миле от Велитриума. Ни один поселенец от Громовой реки до самого форта Тасцелан не может чувствовать себя в безопасности. Я взял след пса в трех милях к югу от форта этим утром и с тех пор преследовал его. Я подоспел вовремя: он уже натягивал тетиву. Еще миг — и пес пополнил бы тобою Царство мертвых. Но я расстроил его планы.

Широко раскрытыми глазами путник взирал на этого загадочного гиганта: казалось невероятным, чтобы смертный смог выследить и убить лесного дикаря, сам оставаясь незамеченным. Для этого требовалось самому слиться с лесной жизнью, раствориться в ней без остатка, что было невысказано даже для Конаджохары.

— Ты из гарнизона форта? — наконец спросил он.

— Я не солдат. Я получаю плату и довольствие как полевой командир, но исполняю службу в лесах. Валанн понимает, что для меня больше подходит патрулировать лес вдоль пограничной реки, чем сидеть взаперти в курятнике, именуемом фортом.

Воин небрежно отшвырнул ногой труп поглубже в заросли, выпрямил помятые кусты и, повернувшись, пошел по тропе. Юноша — следом.

— Меня зовут Балтус, — назвал он себя. — Я был в Велитриуме вчера вечером и пока не решил, что лучше: взять надел или поступить в форт на службу.

— Лучшую землю у Громовой реки уже разобрали, — усмехнувшись, сказал гигант. — Есть много хорошей земли между скалой Скальпа — ты прошел

мимо нее за несколько миль отсюда — и фортом, но там опасно: река слишком близко. Пикты пробираются через границу, жгут поселения, режут людей. Бывает, нападают группами. Когда-нибудь они соберутся и выметут из Конаджохары всех поселенцев. Может быть, им это удастся... пожалуй, что так. Вся эта затея с колонизацией — чистое безумие. Ведь есть немало отличной земли к востоку от Боссонийского пограничья. Если бы аквилонцы слегка поурезали владения своих баронов, чтобы посеять пшеницу там, где сейчас охотятся на оленей, то ни к чему было бы переходить границу и отбирать у пиктов их землю.

— Странно слышать такое от человека, состоящего на службе у правителя Конаджохары.

— Дело не во мне, — резко ответил его спутник. — Я наемник. Я со своим мечом там, где больше платят. Я никогда не сеял и никогда не посею пшеницу — во всяком случае, пока найдется жатва моему мечу. Но вы, хайборийцы, вы зашли слишком далеко. Вы захватили пограничные земли, сожгли деревни, перебили людей и отодвинули границу к Черной реке; только я сильно сомневаюсь, чтобы вам удалось удержать то, что вы завоевали, и уж конечно, вам ни за что не продвинуться дальше на запад. Ваш выживший из ума король не представляет, какие здесь условия. Он жмет с отправкой сюда крупных подкреплений, а поселенцам с нашествием объединенных кланов одним не справиться.

— Но ведь среди пиктов междоусобица, — возразил Балтус. — Они никогда не выступают вместе, а с одним кланом мы всегда справимся.

— Пожалуй, даже с тремя, — согласился воин. — Но однажды появится вождь, который объединит тридцать, сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гундермены попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых

кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно, — вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа. — Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчины, женщины, дети — всех перерезали. Венариум превратился в груды дымящихся развалин — там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же. — Воин усмехнулся. — Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов. Мне не было тогда и пятнадцати зим, но мое имя уже звучало на советах старейшин.

Балтус невольно отпрянул в сторону. Неужели человек, спокойно вышагивающий рядом с ним, — один из тех вопящих кровожадный дьяволов, которые в тот давний день ворвались в город и пролили потоки крови?

— Ты что же — тоже варвар? — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Страхи прощли. Балтус с живым интересом посмотрел на спутника.

— Я слышал о тебе. — Не удивительно, что пикт так ничего и не заметил — ведь он пал от руки такого же дикаря! По ярости и свирепости киммерийцы не уступали пиктам, но были гораздо смышленнее и накопили кой-какие знания. Похоже, Конан немало повращался среди цивилизованных народов, хотя, судя по виду и повадкам, не стал мягче и сохранил в непри-

косновенности все примитивные инстинкты. Удивление сменилось восхищением, когда Балтус заметил, как по-кошачьи легко и бесшумно киммериец ступает по земле. Смазанное вооружение ни разу не звякнуло — в самой густой роще или в сплошных зарослях кустарника Конан мог бы скользить так же неслышно, как любой голый пикт.

— Ты не из гандеров? — скорее подтверждая собственную догадку, чем спрашивая, обратился к нему киммериец.

Балтус покачал головой.

— Я из Турана.

— В Туране есть немало добрых лесных жителей. Но боссонийцы несколько веков стояли между аквилонцами и дикарями с запада, поэтому вам не хватает выучки и жесткости.

Варвар был прав: Боссонийское пограничье с укрепленными деревнями, в которых мужское население состояло из решительных и храбрых лучников, долгое время надежно защищало Аквилонию от племен варваров. Сейчас среди поселенцев, обосновавшихся за Черной рекой, подрастало поколение, способное сражаться с варварами их же оружием, но настоящих воинов набралось бы пока немного. Большинство колонистов, как и Балтус, были скорее крестьянами, чем жителями лесов.

Солнце еще не село, но уже скрылось из виду за густой стеной леса. На тропу напозлали длинные тени.

— Мы не успеем дойти до форта, как стемнеет, — обронил Конан. И вдруг: — Тише!

Он круто остановился, замер, слегка согнувшись, меч обнажен — снова дикарь, жестокий, подозрительный, готовый в любой миг крушить врага, отпрыгнуть, впиться в глотку. Балтус и сам все слышал: дикий вопль, оборвавшийся на высшей ноте, — так кричит человек в смертельном ужасе или агонии.

В следующий миг Конан уже мчался по тропе, с каждым прыжком увеличивая расстояние между собой

и напрягающим все силы спутником. Балтус хрипло выругался. У себя в Туране он считался неплохим бегуном, однако Конан уходил вперед прямо-таки с оскорбительной легкостью. Но когда в уши ворвался дикий вопль — самый ужасный, какой он мог себе представить, — тут стало не до мелочных обид. Леденящий кровь, как завывание потусторонних тварей, он словно был исполнен скрытого торжества над побежденным человечеством, жутким эхом отдаваясь в темных уголках сознания.

Балтус запнулся, тело покрыл холодный пот. Но Конан не колебался: стрелой метнувшись за поворот тропы, варвар исчез, и Балтус, вдруг с ужасом осознав, что он остался один на один с этим кошмарным воем, заполнившим весь лес зловещими отголосками, собрал волю в кулак и, взяв немыслимую скорость, помчался вслед за киммерийцем.

Аквилонец едва не налетел на варвара: тот стоял посредине тропы над изувеченным телом. Но Конан смотрел не на труп, распростертый в кроваво-красной пыли у его ног. Плавающие глаза воина прощупывали гущу зарослей по обе стороны тропы.

При виде трупа с губ Балтуса слетело страшное проклятие. Быстрым взглядом он окинул тело — маленький, толстый человечек с вызолоченными сапогами на ногах, одетый, несмотря на жару, в богатую, отороченную горностаем тунику, — как видно, зажиточный купец. На полном бледном лице застыла гримаса ужаса, толстая шея была рассечена от уха до уха, словно по ней прошлись лезвием бритвы. Короткий меч, оставшийся в ножнах, указывал на то, что нападение произошло внезапно, и путник не успел схватиться за оружие.

— Пикт постарался? — прошептал Балтус, отворачиваясь от жуткого зрелища и с опаской вглядываясь в сгущающиеся тени.

Конан покачал головой. Он выпрямился и, сдвинув брови, посмотрел на мертвеца.

— Его настигла лесная тварь. Великий Кром, вот и пятый!

— Что за тварь такая?

— Ты что-нибудь слышал о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Балтус в недоумении пожал плечами.

— Он живет в Ггавеле, деревушке, ближе других подступившей к Черной реке. Три месяца назад недалеко отсюда он подстерег караван, идущий в форт, и украл несколько выючных мулов с поклажей — кажется, чем-то опоил погонщиков. Так вот: те мулы принадлежали этому человеку, — Конан небрежно указал на труп у его ног. — Это Тиберий, купец из Велитриума. А груз состоял из бочонков с элем, и прежде чем переправиться через реку, старина Зогар изрядно приложился к одному из них. Один из лесных жителей по имени Соракт выследил его и привел Валанна и с ним трех воинов к тому месту, где в густых зарослях валялся мертвецки пьяный колдун. По настоянию Тиберия Валанн заключил Зогар Сага в тюрьму, то есть нанес пикту смертельное оскорбление. Но тот каким-то образом перебил стражу и удрал, а после передал весточку, в которой обещал убить Тиберия и тех пятерых, что захватили его в плен, таким ужасным способом, что аквилонцы будут содрогаться не одно столетие при воспоминании о его мести.

Соракт и воины уже мертвы. Соракта убили на реке, а воинов — у самого форта. А сейчас умер и Тиберий. Ни один пикт к этим делам не причастен. У каждой жертвы, кроме Тиберия, недоставало головы — наверняка их черепа украшают сейчас алтарь бога, которому поклоняется Зогар Саг.

— Почему ты уверен, что их убили не пикты?

Конан указал на труп купца.

— Ты, верно, думаешь, что его полоснули мечом или ножом, не так ли? Но посмотри поближе и увидишь, что такую рану мог оставить только коготь. Кожа распорота, а не рассечена.

— Что если пантера... — неуверенно начал Балтус, но Конан нетерпеливо отмахнулся.

— Уж выходец-то из Турана мог бы распознать когти пантеры. Нет, здесь не обошлось без лесной твари, призванной Зогар Сагом, чтобы свершить свою месть. Для Тиберия было непростительной глупостью отправляться в Велитриум одному, да еще на исходе дня. И все жертвы, прежде чем пасть, похоже, прямо-таки цепенели от ужаса. Посмотри сам — признаки налицо! Тиберий ехал по тропе верхом на муле, не иначе как приторочив к седлу добрую связку шкурок выдры на продажу, а тварь напала сзади из кустов — вон оттуда, где сломаны ветки и примята трава.

Тиберий только и успел что вскрикнуть: ему тут же порвали горло, и он отправился торговать шкурами прямоком в царство Теней. А мул умчался в лес. Слышишь треск? Наверняка это он продирается сквозь чащу. Демону не хватило времени, чтобы забрать голову: мы его спугнули.

— Точнее сказать — ты его спугнул, — поправил Балтус варвара. — Должно быть, чудовище не так ужасно, раз бросилось наутек от одного вооруженного человека. И все-таки, что если это пикт с каким-нибудь крюком вместо ножа, который, точно коготь, разрывает, а не режет ткани? Ты его видел?

— Тиберий тоже был вооружен, — глухо сказал Конан. — Если Зогар Саг может призвать себе на помощь демонов, то почему бы ему не научить их, кого следует убить, а кого не трогать. Нет, я его не видел. Я только видел, как раскачиваются ветки зарослей. Но если тебе мало моих слов, смотри!

Прежде чем скрыться, убийца ступил в лужу крови, в которой плавал мертвец, и сейчас на суглинке у края тропы четко виднелся кровавый отпечаток.

— Что скажешь? Похож он на след человека?

В затылке Балтуса противно закололо. Ни один человек, равно как ни одно животное из тех, что он знал, не могли оставить этот уродливый трехпалый

след, чем-то напоминающий отпечаток лапы птицы или ящерицы, но, что совершенно очевидно, не принадлежащий ни тем, ни другим. Стараясь не задеть земли, он растопырил над следом пальцы и удивленно хмыкнул: след далеко выступал за кончики ногтей.

— Что это? — прошептал он. — Никогда не видел зверя, который оставлял бы такие следы.

— И никто не видел, — мрачно ответил Конан. — Это следы болотного демона — они похожи на следы гигантских летучих мышей, что обитают в топях за Черной рекой. В жаркие ночи сильный южный ветер, случается, доносит их вой — должно быть, так вопят только неприкаянные души.

— Что же делать? — спросил аквилонец, с тревогой вглядываясь в быстро сгущающиеся голубоватые тени. Его неотступно преследовала маска животного ужаса на застывшем лице мертвеца. Он терялся в догадках: что это за чудовище, если от одного вида оскаленной пасти, вдруг показавшейся среди кустов, у человека кровь стынет в жилах!

— Нет смысла преследовать эту тварь, — проворчал Конан, доставая из-за пояса трупа короткий топор — обычный спутник лесного жителя. — Я уже пробовал — после того, как он разделался с Сорактом, — но потерял след, не сделав и дюжины шагов. То ли у него выросли крылья и он улетел, то ли провалился сквозь землю прямоком в царство Тьмы — не знаю. За мулом тоже нечего стараться: тот или вернется в форт или прибьется к чьей-нибудь хижине.

За разговором Конан не забывал орудовать топором. У самого края тропы он срубил пару молоденьких деревцев, каждое длиной футов десять, и несколькими ударами очистил их от веток. Затем отсек кусок дикой лозы, точно змея вытянувшейся среди кустарника, и, обвязав ею одну жердь в пару футов от края, обмотал вокруг другой и так, перекидывая с жерди на жердь, в несколько минут соорудил грубые, но прочные носилки.

— Уж я позабочусь, чтобы тварь не добралась до головы Тиберия, — прорычал он. — Отнесем тело в форт. Это не больше трех миль. Мы с толстяком всегда недолюбливали друг друга, но я не допущу, чтобы проклятые пикты проделывали всякие гадости с головами белых людей.

К слову сказать, сами пикты, хотя и были смуглокожи, но принадлежали к той же белой расе, однако жители пограничья никогда не считали их за белых.

Конан бесцеремонно бросил на носилки труп бедняги купца, Балтус взялся за один конец, варвар — за другой, и оба быстрым шагом заторопились к форту. С увесистой ношей Конан шагал так же бесшумно, как если бы крался налегке. Завязав ремень купца петлей, он затянул ею обе жерди и сейчас в одной руке нес носилки, в то время как другая сжимала обнаженный меч. Его пытливый взгляд без устали обшаривал мрачные зеленые стены по обе стороны тропы. Тени сгущались. Голубоватый туман скрадывал очертания кустов и деревьев. Лес наполняли сумерки, и с ними словно пробуждались от спячки обитавшие под его покровом таинственные, неведомые создания.

Они отшагали уже больше мили, и крепкие мышцы на руках Балтуса начинали побаливать, как вдруг из чащи леса донесся отчаянный крик.

Конан вздрогнул всем телом, а Балтус от неожиданности едва не выронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул он. — Великий Митра, это был голос женщины!

— Просто жена какого-нибудь поселенца заблудилась в лесу, — проворчал Конан, опуская носилки. — Может быть, искала корову, ну и... подожди меня здесь. — И словно волк на охоте, он скользнул в стену зарослей.

У Балтуса волосы встали дыбом.

— Ждать одному в компании с трупом, когда в лесу рыщет эта тварь?! — воскликнул он. — Нет уж, я с тобой!

И недолго думая, он нырнул вслед за киммерийцем. Конан бросил на него взгляд через плечо, однако возражать не стал, но и не сбавил шага, чтобы подстроиться под своего товарища. Балтус только напрасно сбивал дыхание, кляня на чем свет стоит легкую поступь варвара, — тот будто призрак уходил все дальше, неясной тенью мелькая среди деревьев. И вдруг Конан очутился на сумрачной прогалине; он остановился, сразу весь подобрavшись — зубы оскалены, меч наизготовку.

— Чего стоим? — тяжело дыша, подкатился Балтус; он помотал головой, вытряхивая из глаз капли пота, в правой руке он сжимал рукоять короткого меча.

— Крик шел с прогалины или откуда-то неподалеку, — ответил Конан. — Я всегда точно определяю источник звука, даже в лесу. Но где же тогда...

Внезапно крик повторился, уже у них за спиной, со стороны тропы. Жалобный и пронзительный, он забирался все выше — крик женщины, зажатой в тисках смертельного ужаса, — и вдруг оборвался, сменившись оглушительным издевательским хохотом, который мог вырваться не иначе как из пасти мерзкого чудовища — порождения Тьмы.

— О милосердный Митра... — Мертвенно-бледное лицо Балтуса матовым пятном маячило в сумерках.

Страшно выругавшись, Конан метнулся обратно сквозь заросли; аквилонец, спотыкаясь, ничего не соображая, следом. На полпути, полуослепший, он налетел на вдруг остановившегося киммерийца и отскочил от него, как от железной статуи. Хватая воздух, Балтус услышал свистящее дыхание, прорывавшееся сквозь стиснутые зубы варвара. Тот словно застыл, впившись взглядом в темноту.

Аквилонец выглянул из-за плеча киммерийца — и волосы зашевелились у него на голове. В кустах, плотной стеной подступивших к тропе, что-то двигалось — оно не летело, не ступало ногами, скорее ползло, как змея. Но эта была не змея. Сумерки скрадывали очертания, но бы-

ло видно, что существо выше человеческого роста и не слишком крупное. От него исходило призрачное свечение, похожее на слабое голубое пламя. Собственно, только это свечение и можно было различить — словно пламя, приняв некую расплывчатую форму, двигалось по мрачному лесу к какой-то заданной цели.

Конан с проклятием метнул топор. Но существо, словно не замечая, скользило дальше. Они наблюдали его всего несколько мгновений — высокое, неопределенных очертаний, точно сгусток призрачного пламени, плывущего среди кустарника. Затем оно скрылось с глаз, и в лесу вновь установилась мертвая тишина.

Издав приглушенное рычание, Конан ринулся сквозь сплетения зарослей к тропе. Пробираясь за ним, Балтус отметил про себя, что на этот раз проклятия варвара гораздо изощреннее и идут от души. Наконец он увидел киммерийца, стоявшего над носилками с телом Тиберия. Головы у тела больше не было.

— Тварь одурачила нас! — бушевал Конан, в ярости размахивая над головой мечом. — И я-то хорош! Попался как последний дурак! Теперь Зогар украсит свой алтарь всеми пятью головами!

— Но что это за существо, которое кричит как женщина, хохочет точно демон и светится во мраке колдовским огнем? — неуверенным голосом проговорил Балтус, отирая бледное лицо.

— Болотный дьявол, — угрюмо ответил Конан. — Ладно, берись за палки. Доставим в форт то, что осталось. По крайней мере, нести будет легче.

И с этой мрачноватой философской выкладкой он взялся за кожаную петлю и зашагал по тропе.

2. Колдун из Гавелы

Форт Тасцелан стоял на восточном берегу Черной реки, воды которой плескались у самого основания бревенчатой стены. Как и стены, все здания внутри форта, включая главную башню (которую называли так

в особо торжественных случаях), были выстроены из бревен. В башне располагался штаб гарнизона, высотой она превосходила стены, и с нее открывался прекрасный вид на окрестности. За рекой лежал огромный и непроходимый как джунгли лес, подступавший к болотистым берегам. На стенах по деревянному парапету день и ночь вышагивали часовые, наблюдая за густой прибрежной зеленью. Изредка среди кустов мелькала фигура человека, но часовые не поднимали тревоги: они знали, что из-за реки за ними тоже непрерывно наблюдают чужие глаза — горящие ненавистью, безжалостные, полные первобытной злобы. Непосвященному лес показался бы безжизненной пустыней, на самом же деле в нем кипела жизнь: под зеленым покровом обитали птицы, змеи, звери и самый свирепый из плотоядных — человек.

Там, в форте, обрывалась цивилизация. Являясь форпостом могущественных гиборейских народов, форт Тасцелан был в то же время крайним оплотом цивилизованного мира на западе. За черной рекой в лесном полумраке царил первозданная тишина: там, в плетеных хижинах, скалились насаженные на шесты человеческие черепа; в деревнях, обнесенных обмазанным глиной частоколом, полыхал ночной костер и грохотали барабаны, а угрюмые люди со спутанными черными волосами и глазами голодных змей молча точили острия копий. Эти глаза нередко с холодным блеском разглядывали из кустов часовых форта. Когда-то на месте форта стояли их хижины — хижины темнокожих; их деревни были разбросаны и там, где сейчас раскинулись поля с бревенчатыми домами светловолосых поселенцев, и дальше до самого Велитриума, пограничного городка с вечно сумбурной жизнью, поднявшегося на берегу Громовой реки, и вдоль берегов реки, очертившей с запада Боссонийское пограничье. К ним наведывались и купцы, время от времени туда забредали босоногие нищие служители Митры, и большинство их умерло там страшной смертью, но вслед

за этими пришли солдаты, потом люди с топорами, и наконец в запряженных быками повозках прибыли женщины и дети. Огнем и мечом аборигенов оттеснили сначала за Громовую, а со временем — и за Черную реку. Но темнокожие никогда не забывали, что когда-то Конаджохара принадлежала им...

У восточных ворот Конана и аквилонца окликнула стража. Сквозь частые прутья решетки было видно, как дрожащее пламя факела отражается от гладкой поверхности стального шлема и в темных глазах воина, настороженно оглядывавшего поздних гостей.

— Открывай ворота! — рыкнул Конан. — Своих не узнаешь? — Тупое исполнение приказа неизменно раздражало варвара.

Ворота медленно открылись вовнутрь, и Конан со своим спутником вошли в крепость. Балтус огляделся. Он увидел, что с каждой стороны ворота снабжены башней, выступающей над стенами. Он также обратил внимание на узкие амбразуры, сквозь которые лучники во время штурма могли пускать стрелы, сами оставаясь в безопасности.

При виде зловещей ноши стражники что-то пробурчали и поспешили закрыть ворота. Они так торопились, что древки копий в их руках глухо брякнули друг о друга, и Конан раздраженно спросил:

— Вы что, никогда не видели безголовых мертвецов?

В свете факелов лица воинов казались мертвенно-бледными.

— Это Тиберий! — выпалил один. — Только у него была такая богатая туника. Валерий, ты мне должен пять лунов. — Тут же, довольный, пояснил: — Я говорил ему, когда Тиберий выезжал из ворот на муле, что тот наверняка слышал вой сумасшедшего, потому как глаза у купца были точно стеклянные. Тогда и поспорил, что если он и вернется, то не иначе как без головы.

Загадочно усмехнувшись, Конан сделал знак Балтусу опустить носилки и направился к казармам, аквилонец не отставал ни на шаг. Юноша возбужденно озирался по сторонам, примечая черты незнакомой военной жизни: ряды барачных вольеров, конюшни, и лавчонки купцов, и массивный блокгауз, и прочие дома, обступившие площадку, где днем муштровали солдат и где сейчас весело полыхал огонь, вокруг которого развалились свободные от службы воины. Но и они, оставив отдых, присоединились к толпе, быстро собиравшейся вокруг носилок. Стройные тела аквилонских копейщиков и лесных лазутчиков смешались с приземистыми, коренастыми фигурами боснийских лучников.

Балтус почти не удивился тому, что комендант форта лично принял их обоих. Общество, в котором нерушимо соблюдались законы иерархии, осталось далеко к востоку. Валанн был еще довольно молод и крепко сбит, его лицо с правильными, точно чеканными чертами смотрело холодно и рассудительно — свидетельство упорного труда и немалой ответственности.

— Мне передали, что ты вышел из форта еще до рассвета, — сказал он Конану. — Я уже начал опасаться, что пикты добрались и до тебя.

Варвар недобро усмехнулся.

— Когда настанет время коптить над костром мою голову, об этом будут знать по обоим берегам реки. Вой пиктских женщин, оплакивающих мертвецов, долетит и до Велитриума... Я ходил на разведку и держал уши открытыми. Сегодня целый день за рекой били в барабаны.

— Они каждую ночь бьют, — отозвался комендант, но, посмотрев в глаза киммерийца, нахмурился. Он давно понял, что пренебрегать чутьем этого дикаря — непростительная глупость.

— Прошлой ночью они били по-другому, — проворчал Конан. — И так с тех пор, как Зогар Саг убрался за реку.

— Нам надо было отправить его с подарками домой, а еще лучше — повесить. — Валанн глубоко вздохнул. — Ты ведь советовал, да только...

— Да только, вы гиборийцы, никак не усвоите порядки дикарей, — перебил его Конан. — Ладно, чего сейчас об этом, но знай, что до тех пор, пока жив Зогар, пока он помнит, как потел в вашей тюрьме, мира на границе не будет. Я выследил воина, который пробрался на эту сторону за свежими зарубками на своем луке. А после наткнулся вот на этого парня по имени Балтус, он пришел из Турана вам на подмогу.

Валанн одобрительно окинул сильное тело юноши, отметив про себя выражение его честного, открытого лица.

— Рад приветствовать тебя. Хотелось бы побольше таких. Нам нужны люди, привычные к лесной жизни. Многие солдаты и даже кое-кто из поселян — выходцы из восточных провинций и мало знакомы с лесными обычаями или с сельским трудом.

— «Многие» — не то слово, — проворчал Конан. — Эта крепость битком набита одними неженками. Но сейчас не об этом. Валанн, мы с аквилонцем нашли на тропе мертвого Тиберия. — И в нескольких словах он рассказал об ужасном происшествии.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он вышел из форта. Должно быть, он сошел с ума!

— Так оно и было, — ответил Конан, — как, впрочем, и с остальными. Каждый, когда наступал его черед, сходил с ума и мчался в лес навстречу смерти — совсем как кролик, который сам лезет питону в пасть. Что-то позвало их из глубины леса, все они слышали то, что за неимением других слов прозвали здесь «зов безумного», причем слышат его только обреченные на гибель. Зогар Саг прибегнул к чарам, которые не в силах преодолеть цивилизованные аквилонцы.

Валанн не нашелся, чем ответить на выпад. Он нервно вытер со лба пот.

— Солдаты знают об убитом?

— Мы оставили труп у восточных ворот.

— Лучше бы вы зарыли его где-нибудь в лесу — люди и так как на иголках.

— Они бы все равно узнали. Если бы я спрятал тело, его доставили бы в форт, как это было с трупом Соракта: привязали бы снаружи к воротам, а утром его обнаружила бы стража.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к узкому окну и стал молча смотреть на черные воды реки, слабо мерцающие под ночным звездным небом. За рекой непроницаемой стеной встали джунгли. Тишину нарушил отдаленный вой пантеры. Ночь непомерной тяжестью давила на плечи, грудь, виски, приглушая говор солдат на плацу и яркое пламя костра. В ветвях шептался ветер, теребя гладь воды. Он приносил с собой глухие, мерные удары — зловещие, как мягкая поступь леопардовых лап.

— А собственно, — заговорил Валанн, как бы размышляя вслух, — что мы вообще знаем — да и не только мы — о том, что скрывают в себе джунгли? До нас доходят лишь неясные слухи о гиблых болотах и мутных реках, о бесконечном лесе, который, через горы и равнины, простирается до самого побережья Западного океана. Даже представить себе невозможно, какие твари могут обитать на этих пространствах между Черной рекой и побережьем. Из белых, что дерзнули углубиться в джунгли, ни один не вернулся, так что узнать не от кого. Мы со своими знаниями достигли многого, но на западном берегу все наши премудрости не стоят ломаной монеты. И кто знает, какие силы — земные или сверхъестественные — затаились во мраке за чертой тусклого круга наших знаний?

Мы можем лишь догадываться, каким богам поклоняются в этом доисторическом лесу, какие дьявольские твари выползают из жижи топей. Да и земные ли они создания — обитатели этой черной страны? Над Зогар Сагом в восточных городах немало потешались, при-

нимая его заклинания за бормотания заезжего факира, однако он необъяснимым образом довел до безумия и убил вот уже пятерых. Порой я начинаю сомневаться, человек ли он.

— Если я выйду на него на расстояние броска топора, то, думаю, сумею разрешить твои сомнения, — прорычал Конан, изрядно угостившись вином и протягивая кубок с остатками Балтусу; тот, украдкой посмотрев на коменданта, нерешительно принял кубок.

Отвернувшись от окна, Валанн бросил на варвара задумчивый взгляд.

— Странно. Солдаты, которые не верят ни в привидения, ни в дьявола, на грани паники от страха. А ты, верящий в духов, упырей, гоблинов и прочую бесовщину, похоже, не боишься никого из них.

— Да потому что я уверен, что перед холодной сталью все равны, — ответил Конан. — Я метнул в демона топор, а тому хоть бы что. Но в сумерках я мог и промахнуться, или какая-нибудь ветка помешала. Я не собираюсь бросить все и заняться охотой на дьяволов, но уж если кто из них и попадется, то будь уверен — своего не упущу.

Валанн поднял голову и встретил открытый взгляд варвара.

— Конан, ты даже не представляешь, как много от тебя зависит. Тебе известны местные условия и связанные с ними сложности — все от того, что наша провинция узким клином врезается в первобытную дикость. Ты знаешь, что жизни людей, поселившихся к западу от пограничья, зависят от этого форта. Если он падет, красные топоры вопьются в ворота Велитриума раньше, чем всадник покроет пограничье. Его величество, или же советники Его величества, оставили без внимания мою просьбу о подкреплении. Они понятия не имеют, насколько трудна здешняя жизнь, и потому предпочитают тратить деньги на что угодно, но только не на укрепление границы. Так что судьба пограничья сейчас целиком зависит от нас.

Ты знаешь, что большую часть войска, завоевавшего Конаджохару, отозвали обратно. Ты знаешь также, что имеющихся под моим началом сил совершенно недостаточно для надежной охраны границы, особенно с тех пор как Зогар Саг ухитрился отравить колодец и у нас за один день умерли сорок человек. Из оставшихся в живых одни больны, других укусила змея, а третьим досталось от дикого зверья, которым так и кишат окрестности форта. Дошло до того, что солдаты начали верить похвальбе Зогара, будто по одному его слову лесные твари могут убить всех его врагов.

У меня сейчас три сотни копейщиков, четыреста боссонийских лучников и человек пятьдесят таких, как ты, лесных лазутчиков. Каждый из вас стоит десятка обычных воинов — беда в том, что вас слишком мало. Нет, правда, Конан, положение ухудшается с каждым днем. Солдаты подбивают друг друга на дезертирство, они совсем пали духом, уверенные, что это Зогар Саг натравил на них своих демонов. К тому же колдун пригрозил напустить на форт черную чуму — ужасную черную смерть, обитающую в непроходимых болотах. Всякий раз, когда я вижу больного солдата, я холодею от ужаса: что если вот сейчас, прямо на моих глазах, он почернеет, иссохнет и умрет?

Конан, если на нас напустят чуму, здесь не останется ни одного солдата! Граница останется незащищенной, и тогда ничто не сможет удержать темнокожие племена от набегов на Велитриум, а может быть, и дальше в глубь страны! И если мы, солдаты пограничья, не сумеем отстоять форт, то как они смогут удержать город?

Конан, Зогар Саг должен умереть, иначе нам не удержать Конаджохару. Больше медлить нельзя. Ты дальше других забирался в дикий лес, ты знаешь, где находится Ггавела и кое-какие тропы по ту сторону реки. Я дам тебе людей. выступишь этой же ночью. Попробуй захватить колдуна в плен, а не получится — убей. Понимаю, что мое предложение — чистое безу-

мие. Существует не больше одного шанса из тысячи, что вам удастся вернуться живыми. Но если мы не покончим с ним, нам всем конец. Можешь взять столько воинов, сколько пожелаешь.

— В подобном предприятии от дюжины больше проку, чем от полка, — ответил Конан. — Пяти сотням в Гвавелу не пробиться, а дюжина сможет незаметно подкрасться к деревне и позже ускользнуть от погони. Я хочу сам выбрать воинов. Мне не нужны случайные люди.

— Возьми меня! — горячо воскликнул Балтус. — У себя на родине я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо. Валанн, мы будем есть за столом, где собираются лазутчики, там и отберу людей. Из форта выйдем в течение часа. Спустимся по реке ниже деревни и подкроемся к ней лесом. Если останемся живы, вернемся до рассвета.

3. Скользящие во тьме

Река неясной лентой вилась между черных стен. Лопасты весел уходили в воду бесшумно, как клювы цапель, и длинная лодка, скрытая густой тенью деревьев, быстро продвигалась вдоль восточного берега. В плотных сумерках широкие плечи сидящего перед ним человека казались Балтусу окрашенными в лиловый цвет. Он знал, что в окружавшей их тьме даже зоркие глаза застывшего на носу лодки варвара видят вперед не дальше, чем на несколько футов. Конан прокладывал путь, целиком положившись на инстинкты и на свое знание жизни на реке.

Все молчали. Балтус успел хорошо присмотреться к будущим спутникам еще до того, как все незаметно выскользнуло за стену и спустилось к реке, где для них было приготовлено каноэ. Они были из тех, кто вырос в суровом мире пограничья, кого жестокая необходимость заставила накрепко усвоить законы леса.

Все до последнего аквилонцы, они имели в своем облике много общего. Одеты были одинаково: кожаные штаны, рубашка из оленьей шкуры, схваченная в поясе широким ремнем с заткнутым топором и ножнами для короткого меча, на ногах — мягкой кожи мокасины; тела — поджарые, исполосованные шрамами и мускулистые; все молчаливые, с тяжелым взглядом.

В известном смысле тоже дикари, их, однако, отделяла от Конана огромная пропасть. Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру.

Балтус не переставал восхищаться и аквилонцами и их предводителем, он был в восторге от того, что его приняли как равного. Юноша с гордостью отметил, что ступает так же бесшумно, как и его товарищи. По крайней мере, в этом он оказался на высоте, хотя мастерство охотников Турана не шло ни в какое сравнение с мастерством лазутчиков из пограничья.

Чуть ниже по течению река образовывала широкую излучину. Огни форпоста скоро скрылись из виду, но каноэ продолжало плыть еще с милю, с непостижимой легкостью обходя коряги и плавающие бревна.

Затем в тишине послышалась глухая команда, нос лодки повернулся, и она быстро заскользила к противоположному берегу. После непроницаемой тени от кустов, густой бахромой росших у уреза воды, появление на открытой со всех сторон стремнине на первый взгляд выглядело безумием: казалось, еще миг — и они будут обнаружены! Но скоро Балтус успокоился: если кто в ту минуту и наблюдал за рекой, то в тусклом свете звезд даже самый пытливый глаз не смог бы рассмотреть пересекающую реку каноэ.

Волна качнула каноэ под разросшиеся у самого берега кусты. Ощупью найдя торчащий из воды корень, Балтус вцепился в него руками. Никто не проронил ни слова. Каждый получил необходимые указания еще до того, как отряд лазутчиков покинул форт.словно огромная пантера, Конан бесшумно скользнул за борт и исчез в кустах. Вслед за ним, также ничем не нарушая тишины, последовали еще девять человек. Юный аквилонец, не выпускавший из рук коряги, не верил своим ушам: казалось невероятным, чтобы в таком сплетении зарослей без единого звука смогли бесследно раствориться десять воинов.

Он приготовился ждать. С ним — еще один воин, оба сидели не шелохнувшись, не раскрывая рта. Отсюда, примерно в миле к северо-западу, окруженная непроходимыми лесами, стояла деревня Зогар Сага. Балтус четко усвоил отданное ему распоряжение: вместе с еще одним воином дожидаться возвращения команды лазутчиков. Если Конан с остальными не вернется к началу рассвета, эти двое должны изо всех сил грести обратно в форт и там сообщить, что лес в очередной раз взял свою жатву. Вокруг стояла гнетущая тишина. Лес, невидимый за черной громадой нависших кустов, не издавал ни звука. Барабаны смолкли. Балтус вдруг понял, что они молчат вот уже несколько часов. Не сознавая того, он все время щурился, пытаясь проникнуть за плотную завесу мрака. Ночная сырость от реки и влажные лесные испарения будили в его душе тревожные предчувствия. Где-то, совсем рядом, плеснула вода, словно большая рыба, ударив хвостом, ушла на глубину. Похоже, рыба даже задела борт: ему почудилось, что по лодке пробежала легкая дрожь. Корма, чуть покачиваясь, начала отходить от берега. Должно быть, его напарник умудрился выпустить из рук корягу. Повернув голову, Балтус шепотом выразил свое недовольство; в двух футах от него виднелся размытый сгусток черной тени — его товарищ.

Тот ничего не ответил. Подумав, что тот просто-напросто уснул, Балтус вытянул руку и коснулся плеча воина. К его удивлению, от легкого прикосновения тело воина качнулось и безвольно осело на дно каноэ. Сердце юноши бешено заколотилось. Он осторожно повернул воина на бок и быстро пробежал по нему кончиками пальцев. Вот его пальцы коснулись шеи — и лишь мгновенно стиснутые зубы удержали рвущийся из горла крик! Пальцы наткнулись на страшную кровавую рану: шея напарника была перерезана от уха до уха.

Объятый ужасом, Балтус хотел было вскочить, но вдруг из мрака возникла мускулистая рука и, оплеля пальцами его шею, со страшной силой сжала горло. Крик замер, не родившись. Лодка неистово раскачивалась. В руке Балтуса очутился нож, каким-то чудом выхваченный из-за голенища; и он ударил — вслепую, яростно! Он ощутил, как сталь пронзила ткани тела, и в тот же миг его оглушил звериный вопль, подхваченный десятком глоток. Тьма вокруг словно ожила. Оглушительно заплескала вода, и тут же в него вцепились сразу несколько рук. Под массой карабкающихся тел каноэ резко качнулось, но прежде чем аквилонец слетел в воду, что-то с силой ударило его по голове. На краткий миг его ослепили вспышки разноцветных молний, и сразу навалилась тьма, в которой не осталось места даже звездам.

4. Звери Зогар Сага

По мере того, как прояснялось сознание, перед глазами снова заплесал огонь. Он зажмурился, помотал головой. От ярких вспышек разболелись глаза. В ушах нарастал неясный шум, который постепенно разбился на отдельные голоса. Он приподнял голову и, с трудом разлепив веки, тупо посмотрел по сторонам. Вокруг него, очерченные языками пламени, застыли темные фигуры.

Память и понимание происходящего острой иглой вонзились в мозг. Он стоял, привязанный к столбу, в окружении каких-то ужасных, свирепого вида существ. За кольцом неподвижных фигур горели костры, поддерживаемые обнаженными темнокожими женщинами. Дальше утоптанной площадки виднелись крытые тростником хижины со стенами из прутьев, обмазанных глиной. За хижинами встал частокол с широкими воротами. Но он лишь мельком отметил про себя эти подробности. Даже темнокожие силуэты женщин с причудливо сбитыми волосами не привлекли его внимания. Он не сводил глаз с жутких фигур с горящими как угли глазами, обступивших его плотным кольцом.

Небольшого роста, широкоплечие, со впалой грудью и узкими бедрами, они были совершенно голые, если не считать набедренной повязки из львиной шкуры. В свете костров аквилонец видел, как играли узлы мускулов, выступающие под смуглой кожей. Темные лица сохраняли неподвижность, но в щелках глаз пылал огонь, какой пылает в глазах следящего за жертвой тигра. Черные гривы волос были схвачены на затылках лентами цвета меди. Пальцы сжимали мечи и топоры. Руки и ноги некоторых из них были обмотаны тряпьем. Как видно, совсем недавно они побывали в схватке — жестокой и кровавой.

Не в силах вынести огонь горящих, точно угли, зрачков, он опустил глаза — и едва не закричал от ужаса! В нескольких футах от столба возвышалась невысокая зловещая пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые, остекленевшие глаза смотрели в черное небо. Среди обращенных в его сторону голов он с ужасом увидел лица воинов, сопровождавших Конана. Он не мог сказать наверняка, была ли в той пирамиде голова самого киммерийца. Ему были видны лишь несколько лиц. Похоже, что там было по меньшей мере голов десять-одиннадцать. Юношу охватила слабость. К горлу подступила тошнота. Рядом с пира-

мидой лежали тела полдюжины пиктов. Все стало ясно: лес собрал новую жатву.

Отвернувшись от страшного зрелища, он вдруг увидел неподалеку другой столб — тоже черный, как и тот, к которому он был привязан. Там на веревках висело тело человека в одних кожаных штанах, в котором Балтус узнал одного из лазутчиков Конана. Из его рта стекала струйка крови, бок был обезображен рваной раной. Приподняв голову, он облизал синевато-багровые губы и, с трудом перекрывая зловещий ропот толпы пиктов, хрипло произнес:

— Значит, ты тоже попался!

— Они подкрались по воде и перерезали горло напарнику. Мы так ничего и не услышали, пока на нас не накинлись. Великий Митра! Они ходят неслышно, будто призраки!

— Они — сущие дьяволы! — прохрипел воин. — Похоже, они нас заметили, когда мы выплыли на середину реки, и потом уже не выпускали из виду. Мы угодили в западню. Не успели опомниться, как нас утыкали стрелами. Большинство умерло на месте. Трое или четверо влюмились в кусты и схватились врукопашную. Но врагов было слишком много. Жаль, что меня не прикончили сразу — так было бы гораздо лучше. Конану, кажется, удалось скрыться. Во всяком случае, его головы здесь нет. Я на него не в обиде. В другое время нам удалось бы подкрасться незаметно. Обычно так далеко от форта они за берегом не наблюдают. Скорее всего, мы напоролись на большой отряд, который возвращался вдоль берега с юга. Милые пущечки судьбы. Но откуда здесь столько пиктов? Я вижу, здесь дикари не только из Гвавелы, но еще из племен на западе, с верховьев и с низовьев реки.

Балтус медленно огляделся. Он мало что знал о жизни пиктов, но тоже вдруг с удивлением обнаружил, что вокруг сгрудилось гораздо больше воинов, чем обычно приходится на одну деревню. Хижин на всех явно не хватало. Приглядевшись, он обнаружил неко-

торые различия в боевой раскраске — в зависимости от того, к какому племени принадлежал тот или иной дикарь.

— Вот увидишь, не иначе как затевают какое-нибудь грязное действо, — проговорил воин у соседнего столба. — Должно быть, это они собрались полюбоваться на колдовство своего Зога. А тот уж, будь уверен, не упустит случая показать на нас свое могущество. Я всегда знал, что на границе не приходится рассчитывать на смерть в постели, но право жаль, что мы не последовали за остальными вовремя.

Внезапно волчье урчание сменилось единодушным воем, и по волнению в рядах дикарей, по их неистовому восторгу и телодвижениям Балтус понял, что появилась важная персона. Чуть не свернув себе шею, он обнаружил, что столбы стояли перед длинной хижинкой, гораздо больше прочих, крышу которой украшали человеческие черепа. В широких дверях хижины кружилась в танце нелепо разодетая фигура.

— Зога! — выдохнул лазутчик, его окровавленные черты заострились, в напрягшееся тело впились веревки. Балтус увидел худого человечка среднего роста, почти невидимого за множеством страусовых перьев, привязанных к доспехам из кожи и меди. Из гущи перьев выглядывало злобное, уродливое лицо. Балтус был озадачен. Он знал, что такие перья привозят с юга, чуть ли не с другого конца света. Колдун подпрыгивал и приседал, а вместе с ним зловеще колыхались и шурали перья.

Неистово отплясывая свой дикий танец, колдун вошел в кольцо темнокожих фигур и закружился перед замершими, безмолвными пленниками. Будь это кто другой, его прыжки показались бы нелепыми — обычное кривлянье выжившего из ума шамана. Но злобное лицо, горящие ненавистью глаза придавали разыгравшейся сцене мрачный оттенок. Такое лицо могло принадлежать лишь порождению Зла — и никому другому!

Внезапно колдун остановился, замер как статуя; перья, взлетев в последний раз, разом опали. Вой оборвался, в воздухе повисла тишина. Зога Саг — прямой и неподвижный — стоял перед пленниками; казалось, он растет и ширится прямо на глазах. Балтусу вдруг почудилось, что пикт, возвышаясь над ним, презрительно усмехается с высоты своего огромного роста, хотя — он это знал наверняка — шаман едва ли достигал его плеча. Усилием воли он сбросил с себя наваждение.

Шаман забормотал; его голос — хриплый, гортанный — вместе с тем походил на шипение кобры. Вот его голова на тонкой, длинной шее задергалась у самого лица раненого воина, глаза заполыхали красным, точно лужицы крови в свете факелов. Не сдержав отвращения, аквилонец плюнул прямо в маячившее перед ним мерзкое лицо.

С пронзительным воплем колдун подпрыгнул на месте — над толпой дикарей взметнулся к небесам яростный рев! Все ринулись к столбу, но шаман взмахом руки остановил соплеменников. Он прорычал несколько слов, и четверо дикарей помчались к воротам. Распахнув створы, они так же быстро вернулись и растворились в толпе. Людское кольцо разомкнулось; давя друг друга, дикари в спешке отступали в стороны. Балтус увидел женщин и голых детей, в панике бегущих к хижинам. Укрывшись за стенами, они украдкой выглядывали из дверей и окон. От столбов к открытым воротам пролегла широкая полоса, за которой черной стеной встал лес; таившийся в его глубинах мрак ворвался в брешь ворот и темными сгустками разползся по углам.

В воздухе повисла напряженная тишина. Повернувшись к лесу, Зога Саг привстал на цыпочки и исторг из груди нечеловеческий, зловещий вопль, многоголосьем эхом прокатившийся во мраке ночи. Откуда-то из самой глубины чащи раздался низкий ответный рев. Балтус вздрогнул. Такой рев мог принадлежать кому

угодно, только не человеку. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар похвалялся, будто может подчинить своей воле любого, даже самого свирепого зверя. Окровавленное лицо воина стало мертвенно-бледным. Он судорожно облизал пересохшие губы.

Поляна затаила дыхание. Зогар Саг стоял, не шелохнувшись, в ореоле чуть вздрагивающих перьев. И вдруг в воротах возникла чья-то тень.

Вздых ужаса пронесся по деревне, люди в страхе подались назад; давя друг друга, они пытались укрыться за стенами хижин. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. В открытых настежь воротах стоял зверь — живое воплощение ночного кошмара. Он был необычного белесого цвета, из-за чего казался полупрозрачным призраком. Но низко посаженная голова чудовища с длинными, кривыми клыками, поблескивающими в языках огня, меньше всего походила на голову призрачного существа. Бесшумно ступая на мягких лапах, он приближался к пленникам — фантом, явившийся из сумрачного прошлого. Это был выходец из далеких времен, ужас многих легенд — огромных размеров саблезубый тигр-людоед. Вот уже несколько веков, как ни один охотник Гибореи не встречал на тропе это доисторическое создание. Древние мифы наградили этих животных сверхъестественной силой, по-видимому, за жуткий цвет их шкуры и не сравнимую ни с чем свирепость.

Зверь, скользящей походкой подступавший к аквилонцам, был несравненно крупнее обычного полосатого тигра — почти как медведь. Невероятно развитые плечи и массивные передние лапы придавали ему неустойчивый вид, хотя задняя часть туловища была гораздо мускулистее туши льва. Огромная пасть и грубой формы голова говорили о неразвитом мозге. В нем не нашлось места другим инстинктам, кроме инстинкта разрушения. Это был зловещий каприз природы, уродливое отклонение в эволюционной цепи плотояд-

ных, выродившееся в кровожадный кошмар из клыков, зубов и когтей.

Зогар Саг вызвал из леса одно из своих чудовищ! Балтус больше не сомневался: так, значит, шаман и в самом деле обладает магической силой! Ибо только темные силы могли подчинить себе волю этого зверя с крошечным мозгом и несокрушимой мощью. В глубине сознания смутной тенью всплыло имя давно забытого древнего бога Тьмы и Ужаса, которому в первобытные времена были подвластны и люди и животные, и чьи последыши — как о том ходили упорные слухи — до сих пор обитают в недоступных уголках мира. И ярость в глазах юноши, устремленных на Зогар Сага, сменилась страхом.

Вот зверь миновал распростертые на земле трупы и пирамиду из окровавленных голов — казалось, он их даже не заметил. Как видно, он не питался мертвечиной. Его притягивала только жизнь, в агонии которой был весь смысл его существования. В немигающих зеленых глазах горел вечный голод — голод не столько пустого желудка, сколько ненасытной потребности убивать! Из раскрытой пасти стекала слюна. Сделав шаг назад, шаман указал рукой в сторону раненого воина.

Огромная кошка присела на задние лапы, и тут Балтус вдруг вспомнил услышанный еще в детстве рассказ о наводящей суеверный ужас свирепости зверя: как во время охоты на слона тот, запрыгнув на исполина, так глубоко вонзает свои клыки-сабли в череп животного, что уже не может их вытащить и в конце концов, прикованный к своей жертве, умирает голодной смертью... В этот миг колдун что-то резко выкрикнул, и с оглушительным рычанием чудовище прыгнуло к жертве.

Балтус никогда прежде не видел такого прыжка: ему показалось, будто в воздух взметнулся чудовищный стук железных мускулов с острыми как бритва когтями — само воплощение всеразрушающей силы. Всей своей мощью зверь обрушился на грудь воина; от

удара столб треснул, сломался у основания и с грохотом рухнул на утоптаный плац. Слабо рыкнув, саблезубое чудовище направилось к воротам, волоча по земле кровавые ошметки — все, что осталось от человека. Парализованный ужасом, юноша смотрел вслед уходящему зверю, мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Прыжок был настолько мощным, что зверь не только переломил толстый столб, но и оторвал привязанную к нему жертву. Острые когти, лишь коснувшись, вспороли тело раненого — едва не рассекли его надвое, — а огромные клыки срезали полголовы с такой же легкостью, как если бы они вошли не в кость, а в мясо. Широкие сыромятные ремни порвались, как бумажные ленты, а там, где уцелели, не выдержали кости и плоть. Балтуса вырвало. За свою недолгую жизнь он поохотился и на пантер и на медведей, но у него и в мыслях не было, что еще обитают звери, способные в мгновение ока превратить живого человека в кровавое месиво.

Саблезубый гигант исчез за воротами, и минуту спустя лес огласило низкое, постепенно удаляющееся рычание. Перепуганные насмерть пикты подались глубже в тени за хижинами, один шаман стоял неподвижно, обратившись лицом прямо к черной пасти открытых ворот.

Внезапно кожу юноши покрыл холодный пот. Какой зверь войдет сейчас в эти ворота? Какая тварь превратит в падаль его молодое сильное тело? Разум захлестнула волна паники, он весь напрягся, тщетно пытаясь разорвать ремни. За чертой света затаилась ночь — таинственная, угрожающая. Пламя костров, отбрасывая зловещие блики, казалось пламенем ада. Он чувствовал устремленные на него глаза пиктов — сотни голодных, жестоких глаз, в которых — он знал это — не отражалось ни одной мысли — одна лишь жажда убийства. Они меньше всего походили на людей; скорее порождения Тьмы, заселившие эти мрачные джунгли, — та-

кие же бесчеловечные, как и те твари, к которым обращал свои вопли изверг, разряженный в страусовые перья.

И вновь в ночи прозвучал зов колдуна — ни в чем не похожий на первый, он был полон зловещего шипения и свиста. Балтус похолодел: он понял, какую смерть уготовил ему Зогар Саг. Если бы змея могла шипеть так же громко, она издавала бы точно такое шипение.

Черный лес безмолвствовал; поляна затаила дыхание, лишь в ушах юноши тяжелым молотом билось сердце. Но вот в гробовой тишине послышался шорох — нарастающее шуршание сухих листьев, от которого пленника бросило в холодный пот, — и в воротах показалась новая тварь.

И снова Балтус узнал чудовище древних легенд. Там, на границе света и мрака, оторвав от земли треть туловища, раскачивалась огромная змея. Он как-то видел на рисунке и эту сплюснутую голову, не уступающую в размерах лошадиной, и слабо светящееся, свернувшееся кольцами тело, и этот злобный взгляд змеиных глаз. Раздвоенный язык появлялся и исчезал с быстротой молнии, на ослепительно-белых ядовитых зубах играли блики костров.

Балтус застыл, парализованный мыслью об ожидавшей его страшной смерти. Это была рептилия, которую далекие предки называли «змей-призрак». В незапамятные времена этот мерзкий ужас Тьмы вползал по ночам в хижины людей и пожирал целые семьи. Подобно питону, он душил свои жертвы, но кроме того обладал ядом, вызывающим сумасшествие и смерть. Его тоже давно считали вымершим, но Валани говорил правду: ни один белый не мог с точностью сказать, какое зверье скрывалось в бескрайнем лесу за Черной рекой.

Чудовище двинулось вперед. Оно приближалось медленно, стлалось по земле, не поднимая головы, лишь чуть отогнув ее назад, готовясь для броска. Бал-

тус, как замороженный, не сводил глаз с белесого опавшего брюха, которое через минуту, когда змея заглотнет его, сразу раздуется, станет гладким и толстым. Но страха не было — все вытеснило чувство омерзения и тошноты.

И вдруг, брошенный из-за хижин, в воздухе промелькнул длинный предмет; и в тот же миг огромная рептилия судорожно ударила длинным телом и в ярости кольцами завертелась по земле. Словно во сне, аквилонец увидел дротик, засевший в шее змеи под широко раскрытой пастью, — спереди торчало древко, стальное острие выпило напротив.

Дротик не задел позвоночника, он лишь пронзил мускулы мощной шеи. Свиваясь в кольца и узлы, обезумевшее от злобы чудовище оказалось рядом с толпой дикарей, те в ужасе отпрянули, но — поздно! Яростно извивающийся хвост выкашивал за раз десяток, челюсти рвали плоть, брызги яда, попадая на кожу, жгли точно жидкий огонь. Вопя и завывая, люди отчаянно пытались ускользнуть от смерти: прятались в хижинах, бежали прочь, сбивая друг друга с ног, топча тела упавших. Но вот огромная змея накрыла своей тушей костер, в воздух взлетел сноп искр — и в приступе незнакомой жгучей боли чудовище с новой силой обрушилось на ненавистных двуногих!

Ослепленные страхом, дикари мчались прямо в огонь, разбрасывая направо и налево горящие бревна. На краткий миг пламя взметнулось вверх, но тут же опало; и только пылающие уголья давали багровый свет, в котором и разыгралось продолжение ужасной драмы.

Балтус стоял отрешенный, готовый к смерти, как вдруг ему почудилось, будто кто-то дергает его за запястья. В следующий миг он каким-то чудом оказался на свободе, его схватили за руку и быстро толкнули за столб. Пораженный, он узнал Конана и только тогда почувствовал на своей руке железную хватку киммерийца.

Кольчуга варвара была в крови, на обнаженном мече — капли засохшей крови; в багровых сполохах неясно вырисовывалась его гигантская фигура.

— За мной, пока они не очухались!

В руке Балтуса очутилась рукоятка топора. Зогар Саг исчез. Конан до тех пор тащил за собой юношу, пока с того не спало оцепенение и его ноги не заработали сами собой. Выпустив руку аквилонца, варвар вбежал в дом с черепами. Балтус — за ним. Внутри в глаза ему бросился каменный алтарь — в неверном свете, падавшем снаружи, на нем зловеще ухмылялись пять человеческих голов. Взгляд приковала одна из них — на вид недавно срезанная. Он вгляделся — и едва не закричал! То была голова купца Тиберия! Сразу за алтарем помещался идол — в полумраке его уродливые размытые формы отдаленно напоминали человеческие. И снова у Балтуса перехватило дыхание от ужаса: внезапно то, что казалось высеченной статуей, медленно приподнялось с корточек и, лязгая цепями, воздело длинные, в мерзких наростах руки к высокому потолку!

Меч Конана, описав дугу, разрубил кости и мясо. Киммериец потащил Балтуса вокруг алтаря мимо костматой, вздрагивающей на полу кучи к двери в задней стене хижины. Через нее они вывалились наружу — и снова внутри ограды! Но в нескольких ярдах перед ними смутно маячил частокол.

Позади хижины с алтарем было темно. Спасаясь от чудовища, пикты обегали хижину с идолом по сторонам. У стены Конан остановился, подхватил юношу и легко, как перышко, приподнял на вытянутых руках. Балтус ухватился за острия бревен, торчащие из высохшей на солнце глины, и, не обращая внимания на впивавшиеся в кожу щепки, вскарабкался на гребень. Он уже протянул руку киммерийцу, как вдруг из-за угла хижины выбежал пикт. Он круто остановился, во все глаза глядя на человека на стене, — в сполохах догорающих костров четко выделялась белая кожа ак-

вилонца. Конан метнул топор — без промаха, но пикт уже раскрыл рот, чтобы предупредить своих; над общим гамом взвился его крик — и сразу оборвался: с раскроенным черепом дикарь повалился на землю.

Слепой ужас не мог подавить всех природных инстинктов дикарей. Едва раздался этот дикий крик, как на мгновение повисла тишина, но тут же разорвалась яростным воплем сотни глоток, и воины понеслись на зов, чтобы сообща отразить опасность.

Высоко подпрыгнув, Конан схватил руку Балтуса — не за запястье, а едва не у плеча — и, раскачавшись, забросил свое тело на гребень частокола. Юноша стиснул зубы, но еще миг — и киммериец оказался рядом. Перевалившись через гребень, беглецы спрыгнули на землю и пропали в темноте.

5. Дети Джеббаль Сага

— В какой же стороне река? — нерешительно спросил Балтус.

— Я думаю, к реке нам лучше не соваться, — ответил Конан. — Через минуту лес между деревней и рекой будет кишеть врагами. Скорей! Мы пойдем туда, где им в голову не придет нас искать, — на запад!

Нырять в густые заросли, Балтус оглянулся: весь гребень стены был густо усеян черными точками — головами дикарей. Пикты явно пребывали в замешательстве. Они подоспели слишком поздно и не видели, как беглецы перелезали через стену. Воины примчались по тревоге, готовые дать отпор, но вместо врага обнаружили только труп соплеменника. Враг исчез.

Балтус решил, что, скорее всего, дикари пока не знают о бегстве пленника. Из деревни слышались беспорядочные возгласы и резкий, отрывистый голос Зогар Сага: под руководством шамана воины добивали змею из луков — на чудовище уже не действовали

колдовские чары. И вдруг характер криков изменился: в ночь выплеснулся мощный рев звериной ярости.

Конан мрачно рассмеялся. Он вел товарища на запад по узкой тропке, то и дело теряющейся в плотном подлеске, однако варвар ступал так уверенно, словно находился на прекрасно освещенной центральной улице города. Балтус, спотыкаясь, шел следом; его не оставляло чувство, что он продирается между глухими стенами.

— Должно быть, нас уже ищут. Наверняка Зогар обнаружил пропажу, к тому же он прекрасно знает, что моей головы в этой пирамиде не было. Грязный пес! Будь у меня второй дротик, я бы сначала продырявил его, а уж потом угостил бы змею. Старайся ступать по тропе. С факелами им нас не выследить, а от деревни отходит не меньше дюжины троп. Для начала они пойдут теми, что ведут к реке, обшарят берег на целые мили, понаставят дополнительные кордоны — думают, что мы будем пробиваться к форту прямо сквозь их чащобы. Но мы не полезем в бурелом без крайней необходимости. Нас пока что вполне устраивает эта тропинка. Ну, а сейчас, приятель, забудь обо всем и беги так, как не бегал никогда в жизни!

— Однако быстро же они справились с паникой, чтоб им... — пропыхтел Балтус, припуская вслед за киммерийцем.

— Они дикари и не способны бояться подолгу, — донеслось в ответ.

Какое-то время оба молчали. Все силы, все внимание были отданы бегу. С каждой минутой росла пропасть между беглецами и цивилизацией, и с каждой минутой они все глубже проникали в мир первозданной дикости. В душе Балтуса росла тревога, но он ни о чем не спрашивал. Наконец Конан, урвав время, внес некоторую ясность:

— Когда отойдем достаточно далеко, то повернем обратно и в обход деревни выйдем к реке. Вокруг Ггавелы на несколько миль нет ни одного поселения.

В ней собрались пикты со всей округи. Мы сделаем большой круг. До рассвета они нас не выследят. Утром, понятно, возьмут верный след, но до тех пор мы оставим тропу и углубимся в лес.

Они быстро продолжали путь. Вопли сзади постепенно стихли. Меж зубов Балтуса со свистом прорывался воздух. В боку нарастала боль, бег становился пыткой. Он то и дело натывался на кусты, вставшие по обеим сторонам тропы. Внезапно Конан остановился; круто повернувшись, он впился взглядом в уходящую в сумерки тропу.

Где-то вставала луна; ее тусклый беловатый свет заползал в самые темные уголки.

— Пора сворачивать в лес? — тяжело дыша, спросил Балтус.

— Дай топор, — едва слышно прошептал Конан. — За нами кто-то крадется!

— Может, лучше свернуть?

Покачивая головой, Конан увлек товарища в сплетение зарослей. Луна поднялась еще выше, и на тропе чуть прояснило.

— Но нам не одолеть целого племени! — прошептал Балтус.

— Ни один двуногий не смог бы отыскать нашу тропу так быстро и в любом случае — не догнал бы, — тихо сказал Конан. — Молчи и не шевелись.

Воздух наполнила напряженная тишина, но Балтусу казалось, что биение его сердца слышно за милю. И вдруг, совершенно неожиданно, без малейшего шороха, из мрака на тропу высунулась звериная голова. Сердце подкатило к горлу юноши, на миг он отвел глаза, боясь узнать в ней жуткую голову саблезубого тигра. Но эта оказалась значительно меньше и уже — на тропе, скаля пасть и кровожадно урча, стоял леопард. К счастью, ветер дул в сторону людей и относил их запах. Зверь опустил морду, пригнувшись, затем нерешительно двинулся вперед по тропе. По спине Балтуса пробежал

холодок: последние сомнения исчезли — зверь их выслеживал.

Хищник был осторожен. Пройдя футов пять, он остановился и поднял голову; в полумраке сверкнули две огненные точки — глаза твари. Послышалось низкое рычание — и в этот миг Конан метнул топор!

Вся сила руки и мощь плеча ушли в этот бросок. Точно серебряная лента промелькнула в сумерках — и прежде чем Балтус успел понять, что это было, он увидел леопарда, бьющего лапами в предсмертной агонии: из раскроенного надвое узкого черепа торчком стояла рукоять топора.

Оставив укрытие, Конан подошел к зверю и выдернул из его головы топор. Затем оттащил безвольное тело с тропы в лес и спрятал среди деревьев подальше от случайного взгляда.

— А сейчас — за мной, и быстро! — отрывисто бросил он, сворачивая с тропы к югу. — За кошкой наверняка появятся и пикты. Я думаю, как только до Зогара дошло, что к чему, он послал зверя выследить нас. Воины должны идти следом за леопардом, но, думаю, он оставил их далеко за собой. Прежде чем напасть на след, леопард покружил около деревни, а как вышел на нашу тропу, то уж, поверь мне, не стал мешкать. Дикари не могли держаться за его хвостом, но уже сообразили, в какой стороне нас искать. Должно быть, напрягают сейчас слух — ждут воя своей кошки. Пусть себе тужатся, но скоро они обнаружат на тропе кровь, обыщут заросли и найдут труп зверя. Вот тогда, скорее всего, погони не избежать. Осторожнее ступай.

Сам Конан без труда уклонялся от низко нависших веток, в каком-то дюйме он огибал жесткий кустарник с цепкими колючками; с удивительной легкостью, не задевая стволов, скользил среди деревьев, каждый раз опуская ногу в точно рассчитанное место, где оставалось меньше всего следов. Однако для аквилонца все обстояло значительно сложнее.

Сзади не было слышно ни звука. Они прошли уже больше мили, когда Балтус спросил:

— А что, Зогар ловит щенков и натаскивает их, как собак?

Конан помотал головой:

— Он вызвал этого леопарда из леса.

— Но послушай, — продолжал упорствовать юноша, — если он может приказать одному зверю, то почему он не натравит на нас всех зверей сразу? В лесу полно леопардов, что он мелочится?

Какое-то время Конан молчал, а когда заговорил, голос его звучал несколько отчужденно:

— Он не имеет власти над всеми животными — только над теми из них, кто помнит Джеббаль Сага.

— Джеббаль Сага? — Балтус с сомнением повторил древнее имя. За всю свою жизнь он слышал его не более трех-четырех раз.

— Когда-то ему поклонялись все живые твари. То было очень давно, когда звери и люди говорили на одном языке. С тех пор люди о нем забыли, забыли и почти все звери, а тех, что помнят, остались единицы. Так вот: люди и звери, что сохранили память о Джеббаль Саге, остались братьями и, как и прежде, говорят на одном языке.

Балтус ничего не ответил. Он побывал у столба смертников и своими глазами видел, каких чудовищ извергал ночной лес из своих глубин по призыву шамана.

— Цивилизованные люди надо всем этим посмеиваются, — продолжал Конан, — но пока что ни один из них толком не объяснил мне, как удастся Зогар Сагу вызывать из чащи леса питонов, тигров, леопардов и заставлять их быть послушными его воле. Они обвинили бы меня во лжи... если бы посмели. Обычная манера всех цивилизованных. Когда вы не можете что-либо объяснить своими ущербными мозгами, вы просто заявляете, что этого не может быть.

Жители Турана по своему развитию стояли ближе к природе, чем остальное население Аквилонии; они все еще были подвержены различным суевериям, корни которых терялись в глубокой древности. К тому же Балтус видел то, от чего по его телу все еще временами пробегала дрожь. И потому он предпочел поверить на слово во все, о чем ему поведал Конан.

— Говорят, где-то здесь должна быть роща, которую Джеббаль Саг считал священной, — сказал варвар. — Не знаю, сам я ее не видел. Но тех зверей, что помнят Джеббаль Сага, в этом лесу обитает больше, чем во всем остальном мире.

— Тогда нас могут выслеживать и другие?

— Они нас и выслеживают, — спокойным тоном ответил киммериец, отчего у Балтуса отнюдь не улучшилось настроение. — Зогар всегда действует наверняка.

— И что же нам делать? — нервно спросил юноша, хватаясь за топор и со страхом вглядываясь в сумрачные зеленые арки над головой. По коже поползли мурашки, ему вдруг почудилось, что в каждой тени затаились клыки и когти, готовые в любую секунду вонзиться в его тело.

— Постой-ка!

Варвар остановился и, присев на корточки, острием ножа принялся рисовать на рыхлой земле какой-то знак. Нагнувшись, Балтус заглянул ему через плечо, и — непонятно почему — по его спине пробежал холодок. Воздух был недвижим, но листья над ними зашуршали, и оттуда донесся вой — злобный и протяжный. Конан бросил вверх через плечо загадочный взгляд и, встав на ноги, мрачно воззрился на символ.

— Что это? — прошептал Балтус. Знак выглядел древним и потому был совершенно незнаком. Он подумал, что, может быть, ему просто не хватает знаний, а символ принадлежит к какой-нибудь древней культуре? Но даже будь он самым знающим художником на свете, он ни на дюйм не приблизился бы к разгадке.

— Я однажды видел такой, — пробормотал Конан, — высеченный на стене в пещере, в которую за последние миллион лет не заглядывал ни один человек. Я наткнулся на нее в необитаемых горах за морем Вилайет за тысячи миль отсюда. Позже я видел, как этот знак рисовал на песке у безымянной реки чернокожий колдун. Он-то и приоткрыл мне его тайну — это священный символ Джеббаль Сага и всех существ, которые его почитают. Вот, смотри!

Оба отступили на несколько ярдов в глубь плотных зарослей и замерли в напряженном ожидании. Где-то на западе послышался приглушенный бой барабанов; спустя минуту им ответили барабаны с востока и с севера. Балтус вздрогнул, хотя и знал, что от угрюмых барабанщиков, отбивающих на своих древних инструментах вступление к кровавой драме, его отделяют несколько миль мрачного леса.

Сам того не замечая, юноша затаил дыхание. Внезапно чуть дрогнули листья, расступились кусты, и на тропу выскользнула грациозная пантера. В пятнах лунного света лоснилась черная шерстка, под которой поигрывали великолепные мускулы.

Влажная почва хорошо держала запах. Опустив голову, пантера двинулась в сторону людей. Но вдруг остановилась, словно застыла, почти касаясь мордой таинственного символа. Долгое время она стояла без движения. Затем сильное тело расслабилось, и животное растянулось на земле, положив голову перед рисунком. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: поза грозного хищника выражала благоговейный трепет и слепое обожание.

Наконец пантера поднялась и медленно, на полусогнутых лапах начала пятиться в кусты у обочины тропы. И только она скрылась в них наполовину, как, круто повернувшись, словно объятая смертельным ужасом, метнулась прочь, не разбирая дороги!

Балтус вытер дрожащей рукой пот со лба и искоса посмотрел на киммерийца.

В глазах варвара мерцали огоньки, какие аквилонец никогда не видел у людей, впитавших в себя идеи цивилизованного общества. Бок о бок с ним стоял настоящий дикарь, похоже, начисто забывший о своем товарище. Его горящий взор пробудил в голове юноши смутные образы — неведомые и пугающие; в мозгу зашевелились полустершиеся воспоминания о простой, бесхитростной жизни, какую вели люди на заре истории человечества и от которой они отказались, выродившись в изнеженную расу господ и рабов.

Но вот лицо варвара обрело прежнее выражение, и, встрахнувшись, Конан молча направился в глубь леса.

— Зверей можно больше не бояться, — сказал он через некоторое время, — но мы оставили приметку, на которую могут наткнуться люди. Сейчас нас выследить гораздо труднее, а если пикты не найдут мой знак, то так и не будут до конца уверены, где нас искать — на юге или где еще. А если и найдут, то без зверей, одним, им придется изрядно повозить по земле носами. Но в любом случае в лесу к югу от тропы будет полно воинов и на день лучше затаиться, чтобы не напороться на какой-нибудь отряд. Найдем укромное местечко и там переждем день, а ночью выйдем к реке. Надо предупредить Валанна, а вряд ли ему будет легче, если мы сгинем в этом лесу.

— Предупредить Валанна? О чем?

— Кром всемогущий! Ты что, так ничего и не понял? Прибрежный лес прямо-таки кишит пиктами! Поэтому нас и обнаружили. На этот раз Зогар готовит большую войну, а не набег, как раньше. Он сделал то, чего на моей памяти не делал ни один пикт: объединил в один кулак по меньшей мере пятнадцать кланов. Думаю, здесь не обошлось без его славы колдуна: пикты куда охотнее пойдут в бой под началом колдуна, чем опытного военачальника. Ты видел — их в деревне целое сборище, но то была малая часть, еще несколько сот наверняка прячутся в зарослях вдоль берега. И на подходе другие из дальних деревень. У него будет по

меньшей мере три тысячи воинов. Я затаился в кустах и слышал разговоры, когда мимо проходил отряд. Они намерены напасть на форт; когда, точно не знаю, но, думаю, Зогар не станет медлить. Он распалил их ярость, и если не поведет в битву немедленно, то дикари скоро перессорятся друг с другом. Они точно взбесились — так жаждут напиться крови!

Я не уверен, смогут ли они овладеть фортом, но все равно: мы должны переправиться через реку и предупредить своих. Поселенцам, которые обосновались при дороге на Велитриум, надо как можно скорее или укрыться в форте или вернуться в Велитриум. Пока главные силы пиктов будут осаждать форт, их летучие отряды будут рыскать вдоль дороги и могут проникнуть далеко на восток — может быть, даже за Громоую реку в густо населенные земли за Велитриумом.

Конан говорил на ходу, с каждым шагом все глубже забираясь в дикие дебри. Наконец он довольно хмыкнул. Они вышли к местности, где кустарник был довольно редкий, зато повсюду виднелись протянувшиеся к югу скальные обнажения. Ступив на скалу, Балтус приободрился: на голых камнях ни один пикт не сможет разглядеть их следы.

— Как ты остался жив? — наконец спросил он.

Конан постучал кончиками пальцев по кольчуге и по шлему.

— Если бы воины пограничья носили такие штуки, то на хижине с идолом было бы гораздо меньше их черепов. Но беда в том, что наши люди не способны ходить с оружием бесшумно. Дикари затаились по обе стороны тропки. А когда пикт стоит не шелхнувшись, его не заметит даже проходящий рядом лесной зверь. Они видели, как мы переплываем реку, и приготовились к встрече. Если бы они становились по местам после того, как мы вошли в прибрежные заросли, я бы еще, пожалуй, что-нибудь да заметил бы. Но нас уже поджидали, и ни один лист не дрогнул. Сам демон ничего бы не заподозрил. И лишь когда я услышал,

что вроде бы где-то о лук трется стрела, тогда только закралось подозрение. Я бросился на землю и крикнул остальным, но те растерялись и действовали вяло.

Большинство пали после первого же залпа, накрывшего нас с обеих сторон. Несколько стрел, перелетев через тропу, поразили пиктов, стоявших напротив. Я слышал, как они выли. — Он усмехнулся с мрачным удовлетворением. — Те, кто остался цел, вломились в заросли и схватились с дикарями врукопашную. Когда я увидел, что все, кроме меня, уже не двигаются, то расшвырял на меня размалеванных дьяволов и скрылся в темноте. Они были повсюду. Я и бежал, и полз, и крался, и, бывало, лежал на брюхе под кустами, пока они обтекали меня по бокам.

Потом сунулся к берегу, но их там оказалось, что муравьев в муравейнике — ждали, что я именно так и поступлю. Я все равно рискнул бы — пробился к берегу и попытался бы переплыть реку, — но тут услышал со стороны деревни бой барабанов и понял, что кого-то взяли живым.

Все были так поглощены шаманством Зога Сага, что я без труда перелез через стену за длинной хижинной. Там должен был находиться часовой, но тот, сидя на корточках и выглядывая из-за угла, во все глаза следил за церемонией. Я подкрался сзади, и не успел тот сообразить что к чему, как я свернул ему шею. Его-то дротик и засел в змее, а топор — у тебя за поясом.

— А что это... что это была за тварь, которую ты убил в хижине с алтарем? — спросил Балтус, содрогнувшись при воспоминании об уродливом чудище.

— Один из богов Зога. Он из детей Джеббаль Сага, но потерял память, и потому его приковали к алтарю. Это самец огромной обезьяны. Пикты поклоняются этим обезьянам, поскольку думают, что их отметил сам Великий-Волосатый-который-живет-на-

Луне — Бог-горилла, раб большого бога по имени Гулла.

Уже светает. Вот подходящее местечко, где можно спрятаться, пока не выясним, удалось ли дикарям напасть на след. Здесь переждем день.

За разговором прошли еще миль пять. Неподдалеку высился невысокий холм, густо поросший деревьями и кустарником. Чуть ниже гребня из склона в беспорядке торчали обломки скал, прикрытых плотной зеленью. Укрывшись за ними, можно было, не обнаруживая себя, наблюдать за джунглями. Место годилось не только для наблюдения, но и для обороны. Балтус не слишком верил, что пикты смогут отыскать следы на каменистой почве, но он по-прежнему боялся зверей Зогар Сага. Несмотря на уверенность варвара, его вера в непонятный знак за время пути успела пошатнуться.

Прошло еще с полчаса. Под сенью сплетенных ветвей с каждой минутой становилось все светлее. Розовые лоскутки неба наливались голубым. Юноша почувствовал муки голода — хорошо еще, что они некоторое время шли по ручью и ему удалось утолить жажду. Вокруг царил полный покой, изредка нарушаемый щебетом птицы. Барабанов больше не было слышно. Расслабившись, Балтус обратился в мыслях к драме, разыгравшейся перед ритуальной хижиной этой ночью.

— Я видел на Зогаре перья страуса, — сказал он. — Такими же были украшены шлемы баронов, которые приезжали с востока к нам в пограничье. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Их привезли сюда из Куша, — ответил Конан. — За много переходов к западу лежит океанский берег. Зингарские купцы время от времени привозят на кораблях оружие, вино и украшения, чтобы обменять их у прибрежных племен на шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда они торгуют и страусовыми перьями, которые получают из Стигии, куда, в свою очередь, они попадают из чернокожих племен Куша, располо-

женного к югу от Стигии. Шаманы пиктов за них хорошо платят. Но в такой торговле есть много риска. Пикты никогда не прочь завладеть кораблем силой. Да и само побережье опасно для мореплавания. Я как-то плыл вдоль того берега, когда ходил под одним парусом с пиратами с Барахских островов.

Балтус бросил на товарища восхищенный взгляд.

— Я и раньше слышал, что ты на границе недавно. Ты назвал сейчас несколько стран. Наверное, много путешествовал?

— Да, поскитался по свету. Я побывал там, где до меня не был никто из моего народа. Я видел все большие города гиборийцев, шемитов, стигийцев и гирканийцев. Я забирался в неизведанные джунгли к югу от черных королевств Куша и в пустыни восточнее моря Вилайег. Я был капитаном наемников, пиратом, хозаром, бродягой без медяка за душой и генералом — Кром всемогущий! — кем я только не перебивал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем. — Варвар едва заметно усмехнулся — как видно, мысль пришлась ему по душе. Затем, пожав плечами, он растянулся на камнях. — По-моему, в такой жизни нет ничего зазорного. Я вот не знаю, останусь ли на вашей границе еще на неделю, месяц или год. Мне не сидится на месте. Просто для меня здешняя жизнь, как и везде, — ничем не лучше и не хуже.

Усевшись поудобнее, Балтус принялся наблюдать за лесом. Каждую минуту он ожидал, что вот сейчас из листьев высунется свирепое, в боевой раскраске лицо. Так проходил час за часом, но ни шорох веток, ни хруст камешков под осторожно ступающими ногами не нарушали разлитую в воздухе тишину. Может быть, пикты потеряли след и отказались от поисков? Тогда почему беспокоится Конан?

— Странно, что до сих пор не появились рыскающие по лесу отряды, — проворчал киммериец. — Если

они махнули на нас рукой, значит, затевается по-настоящему крупная игра. Похоже на то, что дикари собирают силы, чтобы форсировать реку и штурмовать форт.

— Стали бы они так забираться к югу, если бы вдруг потеряли след?

— Понятно, что они его потеряли, иначе давно свалились бы нам на головы. В другое время пикты прочесали бы лес вокруг деревни на десяток миль, и с холма мы их обязательно заметили бы. Видимо, они все-таки готовятся к переправе. Что ж, придется рискнуть... Мы идем к реке!

Все время, пока они крадучись спускались с холма, у Балтуса по спине ползали противные мурашки: каждый миг он ожидал услышать свист тучи стрел, выпущенных из крон деревьев. Юноша боялся, что пикты давно их обнаружили и устроили засаду. Однако Конан был уверен, что врагов поблизости нет, и как выяснилось, киммериец был прав.

— Мы зашли слишком далеко к югу, — хмуро сказал Конан. — Поэтому пойдем напрямик. Не знаю, насколько они продвинулись вниз по реке, но будем надеяться, что выйдем к берегу ниже их отрядов.

С быстротой, казавшейся Балтусу безрассудством, они зашагали на восток. Жизнь в лесу словно вымерла. Варвар полагал, что все пикты собрались в Ггавеле, если не предположить самого худшего — что переправа уже началась. Хотя вряд ли дикари посмели бы плыть через реку днем.

— Они не дураки и понимают, что кто-нибудь из береговых лазутчиков наверняка их заметит и сразу поднимет тревогу, — терпеливо объяснял он юноше. — Нет, они переправятся ниже и выше форта — так, чтобы их не увидела стража со стен, — а оставшаяся часть с рассветом рассядется по каное и начнет штурм стены, выходящей к реке. И как только они начнут атаку, те, что укрылись на восточном берегу, ринутся на штурм с суши. Они раз сделали такую попытку, но

тогда им повыпускали кишки. Но сейчас у них достаточно сил, чтобы овладеть фортом.

Оба быстро скользили среди зарослей; Балтус время от времени бросал по сторонам жадные взгляды: в ветвях мелькали белки, и он мог бы сбить любую одним броском топора. Юноша со вздохом затянул ремень. Эта вечная тишина и постоянные лесные сумерки действовали на него угнетающе. Он поймал себя на мысли о том, что с тоской думает о светлых, в солнечных пятнах рощах Турана, о его просторных лугах; об искрящемся веселье, царившем в дни праздников в отцовском доме со стенами из тесаного камня и крытого соломой; о тучных коровах, щиплющих густую, сочную траву, и об искренней дружбе между загорелыми, сильными пахарями и пастухами.

Юноша чувствовал себя одиноко, хотя был не один. Но Конан был так же слит с этим первозданным миром, как Балтус — чужд ему. Киммериец мог провести годы в крупнейших городах мира, мог есть за одним столом с верховными правителями цивилизованных стран, мог даже осуществить свою бредовую идею — самому стать королем в одной из этих стран. Почему бы нет? В мире случались вещи и более невероятные. Но при этом он всегда оставался и останется варваром. Его интерес не заходил дальше жизненных основ. Тепло привычной домашней обстановки, простые человеческие чувства и милые сердцу пустяки, так много значащие в жизни цивилизованного человека, для него — пустой звук. Волк — это волк, даже если волею случая ему приходится одно время бежать в одной стае с гончими. Кровопролитие, насилие и свирепость были неотъемлемой частью жизни, которую он знал; он никогда не понимал и не поймет тех тихих радостей, которые так дороги людям цивилизованного общества.

Тени уже удлинялись, когда они вышли к реке и, затаившись в прибрежных зарослях, внимательно

оглядели местность. Река просматривалась примерно на милю вверх и вниз по течению. Угрюмый поток нес свои воды — открытый и пустынный. Конан бросил хмурый взгляд на противоположный берег.

— Придется рискнуть еще раз. Сейчас мы милях в шести к югу от Гвавелы. Лучше всего переплыть реку здесь. Пока не ясно, успели пикты переправиться или нет. Лес на том берегу может кишеть ими, как запаршивевшая голова вшами. Но другого пути у нас нет.

Вдруг варвар резко пригнулся — и тут же Балтус услышал звон спущенной тетивы. Полоса яркого света прочертила воздух — стрела! В следующий миг Конан, сделав мощный прыжок, пропал в зарослях. Над кустами сверкнула сталь — и в тишину ворвался вопль смертельной муки! Аквилонец не стал медлить: забыв обо всем, он вломился в заросли вслед за киммерийцем.

На земле, с раскрытым черепом, судорожно сжав в скрюченных пальцах пучок травы, лежал лицом вниз пиктский воин. Еще с полдюжины — с топорами и мечами наизготовку — роем вились вокруг Конана. Их луки, бесполезные в ближнем бою, валялись поодаль. Нижние челюсти дикарей были окрашены белым, резко выделяясь на общем фоне смуглых лиц; рисунок, украшавший мускулистые грудные клетки, был совершенно незнаком аквилонцу.

Один из них, метнув в Балтуса топор, бросился к юноше с ножом. Пригнувшись, Балтус успел перехватить руку, сжимавшую нацеленный на горло клинок, и, потеряв равновесие, оба тесным клубком покатались по земле. Пикт нападал с яростью дикого зверя, его мышцы стальными тросами ходили под кожей.

Вцепившись в руку дикаря, Балтус старался пустить в ход свой топор, но схватка была настолько яростной и стремительной, что ни один удар не достиг цели. В попытках высвободить руку пикт извивался дикой кошкой, рычал, брызгал слюной; хватаясь за топор, он

в то же время коленями уперся в пах аквилонца. Наконец он попытался перехватить нож в свободную руку, и в этот момент Балтус, привстав на колено, размахнулся и со всей силы опустил топор на размаляванную голову дикаря.

Вскочив на ноги, Балтус повел вокруг пылающим взглядом, ожидая увидеть своего товарища поверженного численностью врага, и тут только он осознал всю силу, ярость и искусство киммерийца. Варвар уже успел покончить с двумя пиктами — раскинув руки, те валялись рядом, едва не разрубленные надвое. В следующий миг Конан отбил клинок короткого меча и, с кошачьей ловкостью легким прыжком в сторону уйдя от топора, вдруг очутился рядом с дикарем, нагнувшись за луком. Пикт не успел выпрямиться, как окровавленный широкий меч метнулся вниз и разрубил смуглое тело от плеча до грудной кости, где и застрял. Оставшиеся два воина с двух сторон бросились на варвара. Балтус, примерившись, бросил топор — и от двоих остался лишь один, а Конан, бросив попытки вызволить свой меч, повернулся и встретил врага голыми руками. Коренастый воин, на голову ниже киммерийца, подпрыгнув, обрушил на того топор, другой рукой яростно ткнув его ножом в живот. Нож сломался о кольчугу, а топор, подрагивая, остановился в воздухе: выбросив руку вверх, Конан сомкнул железные пальцы на смуглом запястье. Громко хрустнула кость, и Балтус увидел, как дикарь, сморщившись от боли, пошатнулся. Пинком в лодыжку пикта сбили с ног, две сильные руки подняли его высоко в воздух, секунду подержали там — и швырнули отчаянно извивающегося воина головой оземь с такой силой, что его тело, отскочив от земли, рухнуло вновь и осталось лежать — неподвижное, скрюченное, с неестественно вывернутыми конечностями, что было верным признаком раздробленных костей и сломанного позвоночника.

— Вперед! — Конан рывком освободил свой меч и подхватил топор. — Хватай лук, охапку стрел — и за мной! Придется снова положиться на ноги. Наверняка тот вопль услышали. Через минуту здесь будет целый клан. Если переплыть сейчас, то не успеем добраться до стремнины, как нас утыкают стрелами!

6. Красные топоры границы

Конан не стал углубляться в лес. За несколько сот ярдов от реки он изменил направление и побежал вдоль берега. Балтус понял причину: охота в лесу может затянуться, а варвар решительно был настроен переправиться через реку и предупредить форт об опасности. За их спинами нарастал вопль бешенства — отряды дикарей выбежали к прогалине с трупами. Судя по новой волне воплей, дикари всем скопом устремились за ними в лес: удирая, они оставили за собой такую тропу, что ни один пикт не сбился бы со следа.

Конан прибавил скорость; стиснув зубы, Балтус тоже наделал ходу, хотя чувствовал, что его сердце готово разорваться на кусочки. Казалось, прошли века с тех пор, как он что-то клал себе в рот. Кровь так стучала в ушах, что он даже не сообразил, когда же стихли вопли их преследователей.

Внезапно Конан остановился. Балтус, тяжело дыша, прислонился к дереву.

— Все, отвязались! — хмуро бросил киммериец.

— А вдруг... крад... крадутся! — порывисто выпалил юноша.

Конан покачал головой:

— Когда они наступают на пятки, как сейчас, то орут не переставая. Нет, они вернулись. К тому же за несколько секунд до того, как стали стихать вопли, я вроде бы слышал чей-то окрик. Их отозвали к реке. Для нас это — удача, но для людей в форте — хуже не придумаешь. Это значит, что воинов собирают для

решительного штурма. Те пикты, на которых мы напоролись, были из племени с низовьев реки. Они, конечно, шли в Гвавелу, чтобы вместе со всеми участвовать в штурме. Кром всемогущий! Прошло столько времени, а мы только и делаем, что удираем все дальше и дальше! Все, хватит! Пора переправляться.

Свернув на восток, варвар, не таясь, быстро зашагал к реке. Балтус поспешил следом; глубокие отметины, оставленные зубами пикта на плечах и на груди, давали о себе знать острой, пульсирующей болью. Он продирался сквозь густые кусты, росшие по берегу, когда Конан, вдруг круто обернувшись, толкнул его обратно в заросли. Послышались ритмичные всплески, и, заглянув сквозь листву, юноша увидел идущую снизу каное-долбленку, ее одинокий гребец изо всех сил работал веслом, борясь с течением. Это был крепкого сложения пикт; за ленту цвета меди, схватывающую грубо остриженную у плеч черную гриву, было воткнуто белое перо цапли.

— Он из Гвавелы, — шепнул Конан. — Посол Зога-ра. Это видно по белому перу. Он вел переговоры о мире с нижними племенами, а сейчас торопится обратно, чтобы тоже принять участие в резне.

Одинокий посол почти поравнялся с затаившимися воинами, как вдруг произошло нечто такое, отчего Балтус чуть было не выпрыгнул из собственной кожи! Прямо под ухом у него раздалась характерная хрипловато-гортанная речь пиктов! Не сразу до него дошло, что это Конан окликнул посла на родном языке дикаря. Вздвогнув от неожиданности, человек в лодке усталился на кусты, потом отрывисто проговорил несколько слов и бросил испуганный взгляд на противоположный берег. Нагнувшись как можно ниже, пикт направил лодку к западному берегу. Ничего не понимая, Балтус увидел, что киммериец берет лук, подобранный на прогалине, и вкладывает стрелу.

Подогнав каное ближе к берегу, пикт поднял весло; затем поднял глаза к кустам и снова что-то сказал.

Ответ последовал незамедлительно: зазвенела тетива, и стрела, прочертив в воздухе короткую прямую, по самым перьям вошла в широкую грудь дикаря. Коротко вскрикнув, тот осел набок и свалился в прибрежное мелководье. В мгновение ока Конан скатился по невысокому откосу и, войдя в воду, подхватил относимую течением лодку. Балтус — несколько неуверенно — спустился следом и забрался в каню. Усевшись на низкую скамью, Конан схватил весло и мощными гребками направил утлое суденышко к восточному берегу. Балтус с восхищением и завистью следил, как играют мускулы под загорелой кожей киммерийца. Варвар был точно железным: казалось, ему было неведомо чувство усталости.

— Что ты сказал пикту? — спросил Балтус.

— Чтобы греб к берегу. Сказал еще, что заметил на том берегу белого охотника, который уже взялся за лук.

— Мне кажется, ты поступил не совсем честно! — осмелился возразить юноша. — Ведь он принял тебя за друга. Оно и понятно: ты говорил, как настоящий пикт.

— Нам нужна была его лодка, — спокойно ответил Конан, не переставая грести. — Другим способом нельзя было подманить его к берегу. Что хуже: обманом убить пикта, который с удовольствием содрал бы с нас живьем кожу, или обмануть надежды белых с восточного берега, чьи жизни сейчас зависят от нашей расторопности?

Балтус не долго размышлял над моральной стороной вопроса. Пожав плечами, он спросил:

— Как далеко мы от форта?

Конан указал на устье речки за несколько сот ярдов ниже по течению, впадающей в Черную реку с востока.

— Это Южная речка; от ее устья до форта десять миль. Она служит южной границей Конаджохары. За ней пограничье совершенно дикое. Оттуда нападать некому. Десятью милями выше форта Северная речка образует другую границу. Местность там такая же ди-

кая. Так что нападения можно ждать только из-за Черной реки. Конаджохара вонзилась в пиктские земли, как копье с острием шириной в девятнадцать миль.

— Почему бы нам не остаться в лодке и не доплыть по реке?

— Потому что пришлось бы лавировать против течения да еще огибать излучины. Пешком мы доберемся быстрее. К тому же вспомни — Гавела находится к югу от форта, и если пикты уже начали переправу, мы угодим прямо к ним в лапы.

Сгущались сумерки, когда они ступили на восточный берег. Не отдохнув ни секунды, Конан зашагал на север с такой легкостью, что уже через сотню ярдов крепкие ноги Балтуса дали о себе знать.

— Валанн предлагал построить два форта: в устьях Северной и Южной речек, — проворчал киммериец. — Тогда можно было бы весь участок реки держать под постоянным наблюдением. Но правительство решило иначе.

Толстопузые дурни, развалившиеся на мягких подушках, с голыми девками под боком, которые, стоя на коленях, протягивают им кубки с ледяным вином, — я хорошо знаю эту породу. Они не способны видеть дальше дворцовой стены. Дипломатия — идиотизм! Они считают, что вместо оружия они могут победить пиктов своей теорией территориальной экспансии! И вот таким олухам должен подчиняться Валанн со своими воинами! Им больше не удастся отхватить ни ярда пиктской земли — здесь повторится та же история, что и с Венарием. Даже хуже — если дела и дальше так пойдут, то в один прекрасный день варвары полезут на стены восточных городов!

Еще неделю назад Балтус поднял бы на смех автора подобного предположения. Сейчас же он не нашелся, что ответить, ибо своими глазами видел неукротимую ярость тех, кто обитал в лесу западнее границы.

Аквилонец поехал. Он то и дело с опаской поглядывал на гладь реки, видную сквозь кустарник, на

зеленые арки деревьев, вплотную подступивших к воде. Ему не давала покоя мысль, что пикты, должно быть, уже переправились через реку и расставили вокруг форта засады. Тем временем быстро спускалась ночь.

Легкий шорох — и тут же сердце у Балтуса подкаатило к горлу, а меч Конана сверкнул в воздухе. Он опустил его, когда из кустов выскользнул пес — огромный, поджарый, иссеченный шрамами зверь — и, остановившись, вывалив язык, уставился на людей.

— Это пес одного поселенца, — сказал Конан. — Парень построил дом на берегу реки несколькими милями южнее форта. Однажды ночью к нему наведальсь пикты — самого, понятно, убили, а дом сожгли. Мы нашли его мертвого среди остывающих угольев; чуть в стороне лежал вот этот пес — оглушенный, едва не порезанный на куски, — а рядом — трупы трех пиктов с порванными горлами. Мы взяли его в форт, перевязали раны, выходили, но только он поправился, как сбегал в лес и одичал... Ну что, Секач, опять охотишься за теми, кто убил твоего хозяина?

Крупная голова зверя покачивалась из стороны в сторону, в глазах горел зеленоватый огонь. Он не рычал и не лаял. Бесшумно, как привидение, пес приблизился к людям.

— Пусть идет с нами, — пробормотал Конан. — Он учует двуногих тварей раньше, чем мы их заметим.

Балтус улыбнулся и, думая приласкать пса, положил руку ему на голову. В тот же миг пасть зверя оскалилась, обнажив два ряда белых острых клыков; затем, опасливо опустив голову, пес нерешительно дернул хвостом, словно с трудом вспоминая давно забытое тепло человеческой руки. Балтус мысленно сравнил это большое, поджарое, сильное тело с гладкими, упитанными собаками, с визгом и лаем резвящимися на скотном дворе возле отцовского дома. Юноша вздохнул. Для животных граница явилась не менее суровым испытанием, чем для людей. За время одиночества бед-

няга-пес почти забыл, что значили для него раньше преданность и дружба с человеком.

Секач поднял голову, и Конан пропустил его вперед. Последние следы сумерек растаяли в ночной тьме. Под размеренным, неутомимым шагом быстро бежали миля за милей. Казалось, у Секача навсегда пропал голос. Внезапно он остановился и, весь подобравшись, навострил уши. Мгновение спустя то, что слышал пес, слышали и люди: слабый как шепот, жуткий, демонический вопль сотен глоток где-то впереди вверх по реке.

Конан страшно выругался.

— Они напали на форт! Мы опоздали! Вперед!

Он ускорил шаг, полностью положившись на чутье собаки. В приливе возбужденного ожидания Балтус забыл и о голоде и об усталости. По мере продвижения к форту вопли становились все громче, к визгу пиктов примешивались низкие выкрики солдат. И только Балтус подумал, что вот сейчас они выбегут прямо на вопящую толпу дикарей, как Конан, свернув в сторону от реки, пошел широким полукругом, пока перед ними не оказалась низкая вершина, с которой, однако, можно было окинуть взглядом лес. Взбежав наверх, они увидели форт в кольце факелов, выставленных за паранет на длинных кольях. Факелы отбрасывали на поляну вокруг форта дрожащий, слабый свет, а там, внизу, вдоль бахромы леса, бесновались толпы голых, размазанных человечков. Гладь реки бороздили десятки каноев. Пикты взяли форт в кольцо!

Из леса и с реки на стены форта нескончаемым потоком полетели стрелы. Над воплями поднялся многократно усиленный низкий звон спущенной тетивы. Наконец, завывая волками, несколько сот голых воинов выбежали из-под деревьев и с топорами в руках устремились к Восточным воротам. До цели оставалось не меньше ста пятидесяти ярдов, как вдруг со стен на них обрушился губительный дождь стрел; в минуту землю усеяли трупы, а уцелевшие

волной откатились под защиту деревьев. Тут же ударили веслами гребцы каноэ, но были встречены залпом из катапулт и небольших баллист, установленных на башнях по краям обращенной к реке стены. Камни и бревна, со свистом пронесаясь по воздуху, разбили в щепки полдюжины каноэ, поубивав находящихся в них воинов; прочие лодки поспешили выйти из зоны обстрела. И тогда мощный рев торжества скатился со стен, в ответ на который со всех сторон взвился злобный звериный вой!

— Будем прорываться? — дрожа от нетерпения, спросил юноша.

Конан покачал головой. Скрестив на груди руки, он стоял, чуть наклонив голову, погруженный в мрачные раздумья.

— Форт обречен, — глухо сказал киммериец. — Пикты помешались от крови и теперь не отступят, пока их не перебьют всех до единого. А в форте для такой задачи слишком мало солдат. Нам не прорваться, а если бы и прорвались, то смогли бы разве что умереть вместе с Валанном.

— Так что же, будем спасать свои шкуры?

— Да. Надо предупредить поселенцев. Знаешь, почему пикты не подожгли форт горящими стрелами? Им ни к чему большой огонь, который мог бы предупредить остальных об опасности. Они хотят поскорее покончить с фортом, чтобы потом, пока никто не узнал о его падении, устремиться дальше на восток. Так, переправившись через Громовую реку, дикари смогут взять Велитриум прежде чем его жители поймут, что же случилось. И в любом случае, они уничтожат все живое между фортом и Громовой рекой.

Нам не удалось предупредить Валанна, но, как я понимаю, ему это все равно не помогло бы. В форте слишком мало людей. Еще несколько атак — и пикты заберутся на стены и разобьют ворота. Но еще можно предупредить поселенцев при дороге на Велитриум.

Мы снаружи кольца, которым пикты обложили форт, и сейчас главное — не обнаружить себя. За мной!

Широким полукругом они стали огибать форт; вопли то взлетали волной, то опадали, отмечая новые атаки и отступления пиктов. Воины форта держались, но ярость дикарей от этого только усиливалась. Пронзительные крики постепенно перерастали в резкий визг, в котором угадывалась уверенность в скорой победе.

И вдруг, совершенно неожиданно для Балтуса, они вышли к дороге, ведущей на восток.

— Теперь — бегом! — отрывисто бросил Конан. Балтус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, до речки Скальпа, за которой начинались поселения, — добрых пять. Аквилонцу начинало казаться, что их бегству и стычкам с дикарями не будет конца. Но нервное возбуждение, разгонявшее в жилах молодую кровь, пробуждало к жизни исполинские силы.

Секач с опущенной к земле головой бежал впереди. Вдруг пес тихонько рыкнул — впервые за все это время он издал какой-то звук.

— Впереди — пикты! — прошептал Конан. Встав на колено, он дюйм за дюймом осмотрел небольшой участок дороги. Наконец, озадаченный, помотал головой: — Не пойму, сколько их. Может быть, летучий отряд из тех нетерпеливых, что не стали дожидаться падения форта, а отправились вперед, чтобы перерезать белых прямо в постелях. За мной!

Скоро впереди между деревьями сверкнуло пламя, и они услышали свирепые голоса, распевające какую-то дикую, полную ненависти песню. Дорога здесь делала поворот. Свернув в сторону, они заскользили напрямик через заросли, и спустя несколько секунд уже смотрели на открывшуюся их глазам зловещую сцену. На дороге стояла телега, нагруженная убогим домашним скарбом. Все было в огне; запряженные в телегу быки лежали с перерезанными горлами. Чуть поодаль посреди дороги скорчились два тела — мужчины и женщины. обна-

женные и жестоко израненные. А вокруг, размахивая окровавленными топорами, отплясывали в неудержимом веселье свой жуткий танец пятеро пиктов; один из них крутил над головой женское платье, густо испачканное алым.

При виде расправы глаза Балтуса застлал красный туман. Подняв лук, он прицелился в пляшущую фигурку, черным пятном выделяющуюся на фоне огня. Зазвенела тетива — и дикарь, вдруг подпрыгнув, рухнул на землю со стрелой в сердце. В следующий миг перед пораженными пиктами, точно разгневанные духи леса, предстали двое белых и огромный пес. Конаном двигала его душа воина, его извечная готовность к бою и старинная, корнями уходящая в далекое прошлое расовая ненависть; но Балтус весь так и кипел от ярости.

Первого пикта, вставшего у него на пути, он сразил мощным ударом топора; раскрашенный череп развалился надвое, и, перепрыгнув через труп, юноша бросился к остальным. Но Конан уже успел покончить с одним из двух, что он наметил для себя, а ко второму аквилонец не успел: только он занес топор, как грудь воина пронзил широкий меч, и враг повалился на землю. Балтус с надеждой повернулся к пятому — над тем стоял Секач, из пасти пса каплями стекала кровь.

Балтус в глубоком молчании посмотрел на две жалкие фигурки, лежащие на дороге ярдах в пяти от горящей повозки. Оба были молоды, особенно женщина — на вид не больше двадцати. По непонятной причине пикты не изуродовали ее лица, и даже жестокие предсмертные муки не смогли исказить его красивые черты. Но прекрасное юное тело было все исполосовано ножами. На глаза юноши навернулись слезы, к горлу подступил комок. На мгновение он потерял контроль над собой. Ему захотелось пасть ничком и плакать, плакать, спрятав лицо и вливаясь в землю зубами.

— Какая-то молодая парочка. — Конан говорил бесстрастно, вытирая меч о траву. — Ехали в форт, тут

пикты их и встретили. Парень, наверное, хотел поступить на службу в гарнизон, а может быть, взять землю. И то же ожидает всех мужчин, женщин и детей по эту сторону от Громовой реки, если мы не поможем им как можно скорее добраться до Велитриума.

Колени Балтуса дрожали, когда он шел вслед за Конаном. Но в легкой, уверенной походке киммерийца не было и намека на слабость. Между ним и огромным поджарым зверем, скользящим рядом, установилось некое подобие родства. Секач больше не ворчал, хотя по-прежнему принохивался к земле. Дорога перед ними была свободна. Вопли с реки постепенно стихали, но Балтусу хотелось верить, что форт еще держится. Внезапно Конан с проклятием остановился.

Он указал на узкую дорогу, которая сворачивала с дороги на север. Дорога была старая, местами заросшая свежей молодой травой, и по этой траве недавно проехало колесо! Балтус скорее понял это шестым чувством, чем разглядел, хотя варвар, похоже, видел во тьме, как кошка. Киммериец показал, где широкие колеса телеги, сворачивая с большой дороги, оставили в мягкой лесной почве глубокий след.

— Поселенцы отправились на солончаки за солью, — с тревогой в голосе сказал он. — Они у самого края пограничья, примерно за десять миль отсюда. Проклятье! Их отрежут и перебьют всех до последнего! Сделаем так: предупредить людей при дороге можно и одному. Это за тобой: буди всех подряд и гони в Велитриум. Я найду тех, кто пошел за солью. Они должны разбить лагерь возле солончаков. На дорогу не вернемся, будем пробираться лесом.

Не вдаваясь в подробности, Конан свернул с дороги и быстро зашагал по едва различимым следам; а Балтус, проводив варвара взглядом, направился дальше по дороге. Пес остался с юношей и сейчас бесшумно скользил у его ног. Они прошли ярдов сорок, как вдруг Секач глухо зарычал. Круто повернувшись, Балтус впился взглядом во тьму и застыл, пораженный: в

направлении, которым ушел Конан, удалялся бесформенный сгусток призрачного зеленоватого света. В рычании пса слышался хрип, шерсть на его шее встала прямо; в темных зрачках заискрились зеленые огоньки. Юноша вспомнил мрачное видение, унесшее голову купца Тиберия, — это случилось где-то здесь, неподалеку, — и заколебался. Было ясно, что тварь преследовала Конана. Но с другой стороны, гигантский киммериец уже не раз доказывал свою способность позаботиться о себе, и Балтус решил, что долг обязывает его предупредить мирно спящих поселенцев, волею судьбы оказавшихся на пути кровавого урагана. Перед глазами встала жуткая картина — два мертвых, изуродованных пыткой тела около обьятой пламенем повозки — и опасения за Конана вытеснил ужас за судьбу ничего не подозревающих людей.

Он побежал дальше по дороге, перешел вброд речку Скальпа и увидел первый дом поселенцев — длинное приземистое сооружение из отесанных бревен. В следующий миг аквилонец уже барабанил в дверь. Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Проснитесь! Пикты на этом берегу!

Ответ последовал незамедлительно. В доме послышался слабый вскрик, дверь распахнулась, и перед юношей предстала женщина в короткой ночной сорочке. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам, в одной руке она держала горящую свечу, в другой сжимала рукоять топора. В перекошенном лице не было ни кровинки, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Входите! — крикнула она. — Запремся в доме!

— Нет! Надо бежать в Велитриум! Их тысячи! Форт долго не продержится. Может быть, он уже пал. Одеваться некогда, берите детей и — бежим!

— Но как же муж... он ушел с другими за солью! — запричитала женщина, заламывая руки; из-за ее спины, щури глаза, с опаской выглядывали три взъерошенных мальчугана.

— Их предупредит Конан. Он выведет их в безопасное место. У нас нет времени — надо успеть предупредить остальных.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

— Хвала Митре! — воскликнула она. — Раз за ними пошел киммериец, значит, они спасены... если только это под силу смертному!

Страхи пропали — в ней проснулась энергия. Подхватив на руки младшего, она вытолкала старших перед собой в дверь. Балтус затоптал свечу, прислушался. Темный лес молчал.

— У вас есть лошадь?

— В конюшне, — простонала она. — Это там — скорее!

У сарая женщина дрожащей рукой отомкнула заков. Нетерпеливо отстранив ее, Балтус вошел в конюшню и вывел лошадь; затем, усадив детей на спину животного, велел им держаться за гриву и друг за друга. Несмотря на малый возраст, они серьезными глазами, без единого звука смотрели на неожиданного гостя. Взяв лошадь под уздцы, женщина быстрым шагом пошла по дороге. В руке она по-прежнему сжимала топор, и Балтус знал, что в случае опасности она будет биться с яростью загнанной в угол пантеры.

Он задержался, напрягая слух. Наверняка форт уже пал, и значит, темнокожие орды, обезумевшие после резни и опьяневшие от запаха крови, мчатся сейчас с прытью голодных волков по дороге на Велитриум.

Наконец впереди показались неясные очертания еще одного дома. Женщина пронзительно закричала, предупреждая об опасности, но Балтус остановил ее. Подбежав к двери, он негромко постучал. Ответил слабый голос. В двух словах юноша рассказал о нападении, и тут же из дома лавиной выбежали его обитатели: старуха, четверо детей и две молодые женщины. Оказалось, что их мужья, не подозревая

о близкой опасности, днем раньше тоже отправились за солью. Сраженная страшным известием, одна из них впала в транс, другая от отчаяния забилась в истерику. Но старуха — суровый старожил пограничья — грубым окриком привела обеих в чувство; затем помогла Балтусу вывести из загона за домом двух оседланных лошадей и усадить на них ребятишек. Балтус настаивал, чтобы она ехала вместе с детьми, но та только помотала головой, усадив вместо себя молодую женщину.

— Она ждет ребенка, — проворчала старуха. — А я еще могу ходить... и драться, если до того дойдет.

Они уже вышли на дорогу, когда шагавшая рядом женщина спросила Балтуса:

— Незадолго до сумерек мимо проехала молодая пара. Мы им советовали заночевать у нас, но они торопились попасть в форт до наступления темноты. Они... они...

— Они встретили пиктов, — коротко бросил аквилонец, и женщина всхлипнула в ужасе.

Едва дом скрылся из виду, как с той стороны, приглушенный расстоянием, донесся протяжный резкий вопль.

— Волк! — воскликнул кто-то из взрослых.

— Волк, — согласился Балтус, — только размалеванный и с топором в руке. Езжайте вперед! Будите всех и забирайте с собой. Я — следом.

Не сказав ни слова, старуха, как опытный пастух, погнала перед собой ватагу подопечных. Караван уже скрылся во тьме, и там маячили лишь бледные овалы — обращенные к нему личики детей. Балтус вспомнил родных, оставшихся в Туране, и на него нахлынула непривычная слабость. Поддавшись чувствам, он опустился на корточки, положил руку на мускулистую шею пса, и тут же почувствовал, как его лица коснулся влажный и теплый собачий язык.

Юноша через силу улыбнулся.

— Ну что, дружище, — пробормотал он, вставая. — Вот и для нас нашлась работа.

Среди деревьев мелькнул и начал быстро разгораться красный свет: пикты подожгли брошенный дом. Он усмехнулся. Уж и побесится Зогар Саг, когда узнает, что его воины не смогли совладать со своими дикарскими наклонностями. Этот пожар поднимет на ноги многих, а значит, люди проснутся и успеют собраться еще до того, как к их домам подъедут беглецы. Однако лицо аквилонца оставалось серьезным. Женщины идут медленно, лошади перегружены. Быстроногие пикты нагонят их через какую-нибудь милю, если только...

Место для засады он выбрал за грудой поваленных деревьев у обочины дороги. Участок к западу был освещен горящим домом, и когда показались пикты, он их увидел первым — крадущиеся черные фигурки на фоне полыхающего за деревьями пожара.

Прицелившись в одну из голов, Балтус пустил стрелу, и дикарь мешком повалился на землю. Остальные немедленно растворились в лесу по обе стороны дороги. Секач тихонько заскулил — ему не терпелось убивать. Но вот у кромки леса возникла неясная тень и бесшумно скользнула через дорогу к упавшим деревьям. Вновь зазвенела тетива, пикт завопил и, ковыляя, отступил в тень: стрела пронзила его бедро. Секач обогнул груды деревьев и, подкравшись сбоку, прыгнул в заросли. По кустам словно пронесся ураган; затем все стихло, и скоро пес ткнулся носом в руку юноши — на морде зверя алела кровь.

Больше никто не появлялся, и Балтус уже начал опасаться, что враг, сделав большой крюк, просто обошел его засаду, как вдруг слева от него раздался слабый шорох. Он тут же пустил наугад стрелу и выругался, услышав глухой звук: наконечник вонзился в дерево. И снова Секач скользнул в темноту; послышался треск, горловое бульканье, и бесшумно,

как привидение, пес показался из зарослей. Своей крупной, в алых пятнах головой он потерялся о бедро Балтуса. Из раны на плече пса сочилась кровь, но с той стороны больше не донеслось ни звука.

Остальные воины, скрывавшиеся в придорожных зарослях, как видно, кожей почувствовали, какая смерть настигла их товарища, и потому решили, что лучше уж атаковать в открытую, чем угодить в лапы ужасного зверя-невидимки. К тому же они, возможно, поняли, что за стволами — всего один человек. Внезапно выбежав на дорогу, они с двух сторон помчались к поваленным деревьям. Трое упали, пронзенные стрелами, еще двое замялись. Один развернулся и помчался прочь; зато другой, оскалив зубы и замахнувшись топором, ринулся на укрепление. Балтус вскочил, но поскользнулся — это спасло ему жизнь. Топор, чиркнув по голове, сбрил добрую прядь волос; и дикарь, потеряв равновесие, скатился вниз. Прежде чем он успел подняться, Секач разорвал его горло.

Затем наступило напряженное ожидание. Балтус терялся в догадках: был ли струсивший воин единственным, кто уцелел в отряде дикарей, или в зарослях затаились другие? Может быть, это была всего лишь банда грабителей, которые не стали задерживаться у форта? А что, если это отряд, посланный на разведку впереди главных сил? Но в любом случае с каждой минутой растут шансы на спасение женщин и детей, которые спешат сейчас по дороге на Велитриум.

Внезапно над укрытием аквилонца со свистом пронесся настоящий вихрь стрел. Из придорожного леса вырвался дикий боевой клич. Это означало одно из двух: или уцелевший воин вернулся с подмогой, или подоспела другая банда грабителей. К тому времени дом уже догорел и рассыпался грудой углей, но света было достаточно. И вот враг показался: призрачные черные тени, мелькающие между деревь-

ями по ту сторону дороги. Выпустив последние три стрелы, Балтус отбросил бесполезный лук. Словно чувствуя его отчаянное положение, дикари приближались медленно, уже не вопя, но сохраняя гробовое молчание; и только частый топот босых ног нарушал тишину.

Юноша обхватил руками голову огромного, глухо рычащего пса, прошептал: «Ничего, дружище, — мы им покажем!» и, вскочив на ноги, сжал рукоять топора. А потом... потом через край хлынул поток коренастых, смуглых тел — и завертелся вихрь из топоров, ножей и яростных клыков, рвущих живую плоть!

7. Болотный дьявол

Сворачивая с дороги на Велитриум, Конан полагал, что до солончаков не меньше девяти миль, а потому сразу припустил что было духу. Но не успел он пробежать и четырех, как услышал впереди шум бегущих ног. Судя по оглушительному топоту, это были белые. Он их окликнул.

— Кто там? — раздался в ответ грубый голос. — Стой где стоишь, пока тебя не разглядим, не то получишь стрелу.

— Ты в таком мраке и в слона не попадешь, — нетерпеливо отмахнулся Конан. — Хватит дурить, это я — Конан. Пикты переправились через реку.

— Я так и думал. — Вперед выступил старший группы, за ним другие — все рослые, мускулистые мужчины с суровыми обветренными лицами; у каждого в руках был лук. — Один из наших ранил антилопу и шел по ее следу до самой Черной реки. Он слышал их вопли ниже по реке и сразу примчался в лагерь. Мы бросили и соль и повозки, выпрягли быков и побежали обратно так быстро, как могли. Ведь если пикты осадили форт, значит, их

банды рыщут по дороге и очень скоро они доберутся до наших домов.

— Ваши семьи в безопасности, — сказал Конан. — Мой товарищ позаботится, чтобы они добрались до Велитриума. Но если мы сейчас выйдем на большую дорогу, то, скорее всего, напоремся на орды дикарей. Поэтому возьмем к югу напрямик через чащу. Идите впереди, я буду прикрывать.

Убеждать не пришлось. Через пару секунд вся ватага уже мчалась на юг. Конан следовал за беглецами — медленнее, однако в пределах слышимости. Он выругался про себя: эти поселенцы лезут напролом, как стадо слонов; ровно столько же пиктов или киммерийцев, двигаясь через чащу, подняли бы не больше шума, чем легкий ветерок, запутавшийся в ветвях.

Варвар только что пересек небольшую прогалину, как вдруг природный инстинкт, которому он чутко следовал и который никогда его не обманывал, приказал ему — оглянись! Круто повернувшись, он замер, вслушиваясь в ночные шорохи. Шум от бегущих постепенно стих. Внезапно с той стороны, откуда он шел, донеслось слабое:

— Конан! Конан! Подожди меня, Конан!

— Балтус? — Сбитый с толку, киммериец выругался, но, быстро придя в себя, осторожно позвал: — Я здесь!

— Подожди, Конан! — Голос звучал уже более отчетливо.

Выступив из-за кустов, Конан гневно зарычал:

— Какого дьявола ты сюда пришелся?! Разве я не сказал тебе... Кром всемогущий!

Он чуть пригнулся, по спине пробежала холодная волна. На той стороне прогалины Балтуса не было. Там, за деревьями, разгорался зловещий свет. Вот жуткое видение показалось из зарослей и двинулось вперед, к человеку — сгусток зеленоватого колдовско-

го огня, в действиях которого, однако, угадывались определенная цель и намерение.

На расстоянии нескольких футов от варвара оно остановилось; расширенными от ужаса глазами Конан, не отрываясь, смотрел на видение, пытаясь угадать в зеленоватых переливах хоть какие-то формы. Было ясно, что ядро у сгустка плотное — пламя являлось не более чем покровом, под которым скрывалось живое, источающее зло существо; но как киммериец ни пытался, он не мог разглядеть его очертания. И вдруг из центра огненного столба раздался голос:

— Варвар, почему ты стоишь, как овца под ножом мясника?

Слова были знакомые, но голос — резкий и вибрирующий — не мог принадлежать ни одному из людей.

— Как овца? — Волна ярости подавила минутный страх. — Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то болотного дьявола пиктов? Я здесь, потому что меня позвал друг.

— Это я звал тебя его голосом, — прозвучало в ответ. — Те, кого ты сопровождаешь, принадлежат моему брату; я не стану лишать его удовольствия выпустить им кровь. Но ты, варвар, ты — мой. Жалкий гордец! Ты пришел сюда с далеких серых гор Киммерии — и все для того, чтобы найти в лесах Конаджохары свою смерть.

— Ты мог бы явиться ко мне и раньше, — презрительно бросил Конан. — Почему же до сих пор не убил?

— Тогда мой брат еще не выкрасил череп черным и не бросил его в незатухающее пламя черного алтаря бога Гуллы. Он не шепнул твоего имени мрачным духам, летающим над холмами царства Тьмы. Но вот из-за гор Мертвецов прилетела летучая мышь и нарисовала кровью твое лицо на белой тигровой шкуре, что висит перед длинной хижинкой,

в которой спят Четверо Братьев Ночи. Их ноги обвивают огромные змеи, а в волосах, как светлячки, мерцают россыпи звезд.

— За что боги Тьмы приговорили меня к смерти? — прорывал киммериец.

Что-то — рука ли, лапа или коготь — Конан не понял — протянулось от огня к земле и быстрыми штрихами начертило знак. Конан опустил глаза — и невольно вздрогнул: у его ног, на рыхлой лесной почве, пламенел таинственный символ; еще миг — и он погас, но варвар разглядел все до последней линии.

— Ты осмелился начертить знак, который доступен лишь жрецам Джеббаль Сага. Гром прокатился по черным горам Мертвецов, и ветер с залива Призраков разметал хижину с алтарем бога Гуллы. Полярная гагара, что служит вестником у Четырех Братьев Ночи, прилетела как молния и прошептала мне твоё имя. Твой народ побежден. А ты... ты уже мертв! И скоро твой череп украсит ритуальную хижину моего брата, а тело скинут острожковцы, чернокрылые дети Джаббала.

— Может быть, скажешь наконец, кто твой брат? — вызывающе бросил Конан. В его правой руке поблескивал обнаженный меч, левой он потихоньку вытаскивал из-за пояса топор.

— Ты знаешь его. Это — Зогар Саг, потомок Джеббаль Сага, который до сих пор время от времени бывает в своих священных рощах. Однажды в одной из них он застал спящую женщину из Гваллы. Ее ребенок — Зогар Саг. Я тоже сын Джеббаль Сага, моя мать — женщина огненного народа из далекого мира. Зогар Саг призвал меня к себе. С помощью чар, заклинаний и собственной крови он облек меня в плоть людей вашей планеты. Связанные невидимыми нитями, мы сейчас — единое целое. Его мысли — мои мысли; если ударят его, я тоже чувствую боль. Если я ранен, у него будет

такая же рана, которая будет так же кровоточить... Но хватит, я сказал достаточно. Скоро твой дух встретит духов царства Тьмы, и те поведают тебе о древних богах, которые не умерли, но спят во внешних пространствах, лишь изредка просыпаясь, чтобы напомнить о себе.

— Хотел бы я посмотреть на твоё подлинное обличье, — пробормотал Конан, вытаскивая весь топор. — Что ты за тварь такая, если не оставляешь на земле следов, горишь, как огонь, и вдобавок еще говоришь человеческим голосом.

— Увидишь, — донеслось из огненного сгустка, — увидишь и унесешь воспоминание обо мне с собою в царство Тьмы.

Языки пламени взметнулись вверх — и сразу опали, огонь съехался, померк. В ярком свете начали проступать неясные черты. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар Саг стоит перед ним в одеянии из зеленого огня. Однако лицо находилось футов на два выше его собственного, и в нем было что-то демоническое. Конан давно обратил внимание на уродство Зогар Сага: на его заостренные уши, косые глаза, по-волчьи тонкие губы, но в этом зеленом чудовище отталкивающие черты колдуна были многократно усилены. В глазах, красных как угли, полыхал живой огонь.

Постепенно фигура обрела четкость: гибкое сухопарое тело в змеиной чешуе чем-то напоминало человека, худые руки росли от пояса вверх; длинные журавлиные ноги оканчивались трехпалой стопой, как у огромной птицы. По всем конечностям чудовища перебежали голубые огоньки. Легкий мерцающий туман окутывал его формы.

И вдруг, совершенно неожиданно, видение очутилось рядом с ним. Длинная рука — он только сейчас заметил на ней кривые острые когти — потянулась к его шее. Конан яростно зарывал, наваждение пало — и, пригнувшись, он метнул топор. Но

демон, с невероятным проворством откинув назад узкую голову, уклонился от топора и снова навис над человеком; варвар услышал, как чешуйчатую кожу с шипением обвивают языки зловещего пламени.

Но если прежние жертвы чудовища были скованы животным ужасом, то Конан не испытывал ни малейшего страха. Он четко усвоил, что холодной стали податливо любое, облаченное в осязаемую плоть существо — будь оно даже самой мерзкой, самой жуткой наружности.

Длинный, как серп, коготь сбил с головы варвара шлем. Чуть ниже — и Конан остался бы без головы. Но тут же его захлестнул дикий восторг: меч, пробив кожу, вонзился меж ребер врага. Отскакивая от удара лапой, он одновременно выдернул клинок. Когти прошлись по груди, разрывая стальную кольчугу, словно шелк. И сразу — ответный выпад, стремительный и точный, как прыжок голодного волка. Доля секунды — и Конан уже промеж шарящих в воздухе рук, еще миг — и он погружает свой меч глубоко в брюхо чудовища! Но тут же его обхватили страшные руки, и он услышал скрежет раздираемой поперек спины кольчуги; на него обрушился град ударов, глаза ослепил голубой, холодный как лед огонь. Наконец, яростно рванувшись, он оторвался от быстро слабеющих рук, и его меч описал в воздухе широкую дугу.

Демон качнулся и неуклюже повалился набок — его голова висела на лоскуте кожи. Языки пламени, скрывающие чудовище, взметнулись вверх и налились красным, как свежeproлитая кровь. В ноздри варвара ударил запах паленого мяса. Помотав головой, чтобы вытряхнуть из глаз капли крови и пота, Конан повернулся и, запинаясь, побежал в чащу леса. По ногам его стекала кровь. Где-то далеко, за несколько миль к югу, он увидел слабый свет — еще одна горящая хижина. За его спиной, со сто-

роны дороги, поднимался и рос дикий вой, отчего силы Конана множились с каждой минутой.

8. Конаджохаре — конец

И была битва на Громовой реке — жестокая и беспощадная, у самых стен Велитриума. Топоры и факелы прошлись вдоль ее берегов, и не один дом мирных поселенцев обратился в пепел, прежде чем размазанные орды откатились обратно в свои мрачные леса. *

За ураганом наступил непривычный покой. Собравшись вместе, люди обсуждали последние события, привычно приглушая голоса. По всем тавернам сидели воины с кровавыми повязками и молча, кружку за кружкой, пили эль.

В одном из таких заведений к Конану-киммерийцу, мрачно потягивающему вино из огромного стеклянного кубка, подсел сухопарый воин-лазутчик; голова его была затянута белой, с кровавым пятном тряпкой, правая рука — на перевязи. Он единственный уцелел из всего гарнизона форта Тасцелан.

— Ты ходил с воинами к руинам форта? — спросил он.

Конан кивнул.

— А я так и не смог, — тихо сказал воин. — Был бой?

— Нет. Пикты убрались за Черную реку. У них вдруг отчего-то сдали нервы; хотя только один дьявол — их прародитель — знает, в чем тут дело.

Воин взглянул на перевязанную руку и вздохнул.

— Говорят, там даже некого было хоронить.

Конан покачал головой:

— Был пепел. Перед переправой пикты стащили трупы в форт и подожгли его. Сгорели все — и дикири и воины Валанна.

— Валанн погиб в числе последних в рукопашной схватке, когда пали ворота, — тихо сказал воин. — Дикари хотели взять его живым, но Валанн дрался отчаянно и вынудил пиктов убить себя. Нас, десяток оставшихся в живых, взяли в плен, когда уже совсем не осталось сил. Они прикончили уже девять воинов. И если бы не внезапная смерть Зогар Сага, мне ни за что не удалось бы вырваться на свободу.

— Так Зогар Саг мертв? — воскликнул Конан.

— Да. Я видел его конец. Потому-то на Велитриум пикты наседали не так яростно, как на форт. Да-а. Странная это была смерть: ведь во время штурма колдун не получил ни одной царапины. Он плясал среди убитых, размахивая топором, которым только что раскроил череп последнему из моих товарищей; наконец, завывая волком, стал подступать ко мне, как вдруг точно споткнулся, выронил топор и завертелся на месте, вопя так страшно, как не кричит, наверное, ни один зверь и уж точно — ни один человек. Он упал как раз между мной и костром, на котором меня собирались поджаривать, — глаза из орбит, у рта пена — дернулся и будто разом окоченел. И тут же все пикты завопили, что их шаман помер. Поднялась жуткая суматоха, про меня забыли, и тогда я потихоньку развязал веревки — и со всех ног припустил к лесу.

Я хорошо разглядел его в свете факелов. Его не коснулись ни стрела, ни клинок, однако на теле были кровавые следы, как будто раны от ударов мечом — меж ребер, на животе и на шее — там такая обширная, что голова буквально висела на ниточке. Что это было, как ты думаешь?

Конан ничего не ответил, и воин, знакомый со сдержанным отношением варваров к некоторым вещам, продолжал:

— Он жил своей магией и умер от магии. Именно тайна его смерти лишила пиктов их безрассудной храбрости. Ни один из тех, кто видел его конец, не

бился под Велитриумом. Те сразу убрались обратно за Черную реку. Сражавшиеся на Громовой реке ушли из-под форта раньше, чем умер Зогар, и их оказалось слишком мало, чтобы взять город.

Я шел по дороге за их главными силами и точно знаю, что за моей спиной никого не было. Потом прокрался сквозь их расположения в город. Тебе удалось провести по Пограничью поселенцев-мужчин, но их женщинам и детям, когда перед ними открывали ворота, размалеванные дьяволы так и дышали в затылки. Если бы юный Балтус и старина Секач не задержали дикарей, те перерезали бы всех женщин и детей Конаджохары. Я проходил мимо того места, где Балтус и пес держали свой последний рубеж. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых с раскрытыми черепами и с разорванными горлами, а на дороге лежали еще несколько, убитые стрелами. О боги! Вот это был бой!

— Он был настоящим мужчиной, — сказал Конан. — Я пью в честь его духа и духа пса, не знавшего, что такое страх. — Одним глотком варвар осушил кубок на четверть и, странным, языческим жестом вылив остаток вина на пол, вдребезги разбил бокал о каменную плиту. — Десять пиктов заплатят своими головами за смерть юноши, еще семь — за смерть пса, который стоит больше любого воина-человека.

И заглянув в голубые, теплящиеся жестоким огоньком глаза варвара, воин понял, что обещание свое тот сдержит.

— Форт восстановят?

— Нет. Конаджохара для Аквилонии потеряна. Граница отодвинута. Новой границей станет Громовая река.

Воин вздохнул и, опустив глаза, посмотрел на свою огрубевшую руку, годами сжимавшую рукоять меча или топора. Конан потянулся через весь стол

к кувшину с вином. Глядя на огромного варвара, воин сравнивал его с теми, кто окружал их в ту минуту, с теми, кто напрасно погиб на берегах потерянной Черной реки, сравнивал и с дикарями, обитавшими за этой рекой. Конан, похоже, не замечал его испытующего взгляда.

— Похоже, варварство — естественное состояние для человечества, — наконец сказал воин, по-прежнему мрачно глядя на киммерийца. — Цивилизация для нас — излишество, гримаса природы. И варварство всегда и всюду возьмет свое.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Говард, Стив Перри ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР. Роман (Пер. А. Чеха)	7
Роберт Говард, Л. Спрэг де Камп АЛЫЕ КОГТИ. Новеллы	183
Железный демон. (Пер. Е. Кравцовой)	185
Алые когти.	229
Сокровища Гвалура.	341
За Черной рекой. (Пер. А. Циммермана)	403

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владислав Асадулин*

Форзац *Сергея Троицкого*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры: *Людмила Быстрова, Виктория Листова*

Верстка *Антонины Помазовой*

Подписано к печати с оригинала-макета 19.01.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Тираж 100 000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 129. Заказ 9130.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18

ГПП имени Ивана Федорова Министерства печати и информации Р. Ф.
191126, С.-Петербург, Звенигородская, 11.